

СМЕНА

Октябрь

Дитони Беркли. Убийство на верхнем этаже



■ Геннадий Падерин. Бразилии и не снилось...

СОВРЕМЕННОМУ МОТОРУ



МАСЛО

ЛУКОЙЛ

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

Главный редактор

Михаил Кизилов

Редколлегия:

зам. главного редактора

Борис Данишевский

Николай Левинев

зам. главного редактора

Сергей Попов

главный художник

Виталий Федоров

Тамара Чинна

198
октябрь (1608)

Сдано в набор 10.08.98

Подписано к печати 31.08.98

Бумага офсетная.

Печать офсетная.

Тираж 50 000 экз.

Цена свободная

101457, ГСП, Москва,

Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок.

250-29-39 — отдел реализации.

Факс (095) 250-59-28.

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Рег. № 014832

Учредитель —

**ООО "Издательский дом
журнала "Смена",**

Рукописи, фото и рисунки

не возвращаются.

Набор, верстка и цветоделение

Valid Design Alliance

Издательство "Открытые системы"

Отпечатано в типографии

"Koro Print" (Италия)

Журнал выходит

12 раз в год.

© "Смена", 1998.

56 Светлана Семкина
ЖИРАФ НА ВЕТРУ

Рассказ

118 Дитони Беркли
**УБИЙСТВО НА
ВЕРХНЕМ ЭТАЖЕ**

Детектив

4 Андрей Филиппов
ПРЕД ЗАНАВЕСОМ БОГА

16 Геннадий Падерни
**БРАЗИЛИИ И НЕ
СНИЛОСЬ...**

30 Ирина Иващенко
**«ПОДАРИ МНЕ СЫНА
ИЛИ ДОЧКУ»**

78 Алексей Ерохин
ТРЮКАЧИ

88 Леонид Аернер
РОМАН БЕЗ ВРАНЬЯ

214 Светлана Белаяева
**"ПОЦЕЛУИТЕ МЕНЯ В
РЕЗЮМЕ"**

222 Борис Сопельняк
РОЗЫ И ПУЛИ

240 Николай Александров
**НЕИСТРЕБИМАЯ
ПРОФЕССИЯ**

262 Павел Давыдов
ЛЕТИТЕ!



стр. 38

На 1-ой обложке
фото: East News



стр. 258

- 38 *Любовь Русева*
АДМИРАЛ
- 98 *Лидия Байрамова*
ЛЕОНИД СОЛОМАТКИН
- 114 *Георгий Александров*
"Я — САМА!.."
- 249 *Навел Басинский*
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЖАНРА
- 258 *Андрей Губин:*
"МИР НЕЛЕП БЕЗ ЛЮБИМОЙ"
- 287 *Людмила Кадалова*
ИЛЬЯ ДАНЫШИН



стр. 78

- 14 *Навел Лагу*
- 50 *Елена Баршенева*
- 86 *Лидия Байдова*

Андрей Молчанов
СХОЖДЕНИЕ ВО АД

1945 год, крах фашистской Германии. Кажется, что нового можно сказать о том периоде всемирной истории? Писатель попытался показать события военных лет под неожиданным углом, где тесно переплетаются день вчерашний и день нынешний, реальность, основанная на подлинных документах, и мистика. Ведь на Адольфа Гитлера работал целый институт оккультных наук, сотрудником которого был и один из главных героев романа...

Олег Дзюба
ПИТИЕ НА РУСИ — ЕСТЬ...

Что в России сегодня пьют и чем закусывают — об этом рассказывает выступающий в роли пристрастного дегустатора журналист, проехав от Калининграда до Владивостока.



ред за





Навесом Бога

Андрей Филиппов

Свидание в космосе

Есть в подмосковном Центре управления полетом студия местного телевидения. Зовется она на языке специалистов НКУ (эта аббревиатура расшифровывается как "наземный комплекс управления") — "комната 23". Действительно, на ее тяжелой полированной двери именно эти, надраенные, как корабельная рында, две бронзовые цифры. Здесь специалисты ГОГУ (главная оперативная группа управления, по телену мы видим ее сотрудников, сидящих за пультами в зале с гигантскими экранами) назначают телевизионные свидания экипажа, летающего на станции "Мир", с родными и близкими. А также с актерами, писателями, журналистами, спортсменами — раньше это называлось встречей с интересным собеседником...

Давайте и мы, уважаемый читатель, войдем в эту дверь...

В левом углу за штативом передающей теленамеры волнуется денурный оператор. Он отвечает за картинку — живую семейную "телефотографию". Панорамы, наезды, отъезды, крупные планы детей, жен, мужей, улыбки, а порой слезы — радости или грусти. Картинки эти передаются на борт. И от их качества, от того, как профессионально их выполнит видеохудожник, зависит настроение и работоспособность космонавтов.

Визитеры усаживаются на уютный диван. Перед ними два телевизионных монитора. На одном они видят себя. А на втором — экипаж, занявший места перед такой же теленамерой в базовом блоне "Мира", который в холодной бездне космоса маленькой искоркой кружит над нашей планетой со скоростью 7,9 километра в секунду. Землю они облетают за полтора часа. Связь во время витка может включаться то минут на десять, то на пятнадцать, а то и на все сорок пять.

В общем, свидание получается порой с перерывами.

Перед сеансом связи у родственников космонавтов и приглашенных гостей обязательно состоится разговор со сменным руководителем группы психологической поддержки (на сленге: группа пси-пэ). Это может быть, скажем, Ольга Павловна Козеренко или Александр Дмитриевич Следь. Они организуют такие сеансы, планируют их сроки. Советуют, как "держаться психину" в ситуациях архисложных. К примеру, если у космонавта на Земле родился сын — это одно. Как подать эту новость, объяснять не надо. А если скончался кто-нибудь из близких родственников? Что делать в такой ситуации?

А в истории космонавтики такие случаи были. У одного из членов экипажа орбитальной станции "Мир" умер отец. Судили, рядили, как сообщить об этом? Совсе не говорить, подождать до конца полета? Как-то не по-людски. Тогда передали новость на борт, сделал комментарий. Мол, космонавт сам вправе принять решение, идти ли экипажу на срочную посадку, сократить свой полет. Или довести экспедицию до финиша. Экипаж мужественно довел программу полета до конца.

Насколько раскованны участники таких семейных переговоров?

— Понимаешь, мы ведь прекрасно сознаем, что внизу, на планете, нас во-

лей-неволей слушают сотни тысяч человек, — рассказывает летчик-космонавт Валерий Корзун. — Прежде всего, конечно же, все дежурные смены НКУ на пунктах слежения за "Миром", разбросанных по всем континентам вдоль трассы его полета. А, во-вторых, масса радиолюбителей-коротковолновиков. Технически их оборудование спокойное позволяет вмешиваться в ход любого сеанса переговоров с космонавтами. Мы даже рассматриваем его как естественный аварийный канал связи. нас слушают школьные и университетские радиокружки и одиночки-асы коротковолновой связи из России, Америки, Австралии, Индии, Германии, Скандинавии. Понимая это, устанавливаешь самоцензуру, некие пределы для уж очень-то полной откровенности.

— Спрашиваем о здоровье, самочувствии, — добавляет его жена Елена Корзун. — Дети пошли в школу — рассказываю отцам об отметках. Показываю дневники с пятерками.

— А с двойками?

— В истории пилотируемой космонавтики таких случаев не зафиксировано, — смеются в ответ супруги.

— Чтобы демонстрировался дневник с "неудом", схваченным во время папиной командировки на орбиту? Психологи не велят?

— Двоек у детей, стремящихся не подвести отца, не может быть в принципе, — опять уклоняются от ответа подкованные психологической летчик-космонавт и его жена.

Впрочем, что ни говорите, но порой в космосе, на борту орбитальной станции "Мир", происходят, да и должны происходить, нештатные ситуации не только с техникой, но и с людьми. Даже во время сеансов психологической поддержки. Каких бы неслабонервных ни отбирали для работы на орбите.

Об одной из них теперь узнают и читатели "Смены", хотя ваш корреспон-

дент услышал о ней из конфиденциальных источников.

Одна такая "нештатная ситуация" имела место в марте, накануне очередного выхода в космос Николая Бударина и Толгата Мусабаева. Так заведено, что перед сложной работой на внешней поверхности ОН "Мир" космонавты морально поддерживают их семьи. Они специально подъезжают в Центр управления полетами, где расположена та самая минителевизионная студия, о которой мы уже говорили. По правилам общения, никто не имеет возможности вмешиваться в ход таких интимных сеансов. О чем говорят космонавты со своими родственниками — это их личное дело. Хотя, конечно, Валерий Корзун просветил нас, что не бывает правил без исключений...

Так вот, в разгар того мартовского сеанса, когда общение орбиты с семьями, приехавшими в ЦУП, подошло к одному из эмоциональных всплесков, в разговор, не для него предназначенный, влезает руководитель полета Владимир Соловьев. Более того, позволяет себе глупо пошутить, симитировав голос одного общего знакомого.

Создалась неловкая пауза. Помолчав, супруги Бударины продолжили общение между собой. Затем жена уехала, а бортинженер станции заявил:

— Мы думали, что разговариваем вдвоем. Выходит, нет. А раз так, я отказываюсь от таких сеансов, с позволения сказать, психологической поддержки. Объявляю бойкот. Мораторий. Информационно-психологическую голодовку. Да называйте как угодно — главное, дайте меня понять.

И вернулся к подготовке скафандра на предстоящую "прогулку среди звезд". (Дело это ответственное, ибо каждый выход за пределы жилого объема орбитальной станции по технической сложности приравнивается к высадке на другую планету или астероид,

малое небесное тело.) Извинений ему довольно долго не было, да и были ли они вообще, мне так и не известно. К бортинженеру тогда же присоединился командир Т. Мусабаев. Так и крутились они на орбите, общаясь с управленцами исключительно "по делам". Без всякой эмоциональной окраски.

...Потом, открывая люк в космос, взявшись с неисправным замком, Николай Бударин сломал три (!) гаечных ключа "на 14". На этом ключи кончились. Экипаж вернулся в станцию. Планы экспедиции пришлось срочно пересматривать, а попутным грузовым кораблем "Прогресс" везти на борт новые инструменты и запас гаечных ключей.

В мире считается, что максимум, на что способен даже очень сильный человек — это разгибать подковы, забывая нулаком гвозди. Ну, еще кирпич может о свою голову разбить, а уж если разозлится, то кочергу или лом завяжет в узел. Но чтобы сломать подряд три гаечных ключа?

Конечно, не все кончается на станции непредусмотренным выходом из строя материальной части. Порой космонавты не прочь поговорить с детьми и о науке.

— Пап, вот тут "Московский комсомолец" написал, что вы на станции будете выводить перепелок? Это правда? — спрашивала девочка-пятиклассница своего отца.

— Правда, — отвечал отец-космонавт, — Эксперимент называется "Инкубатор".

— А верно, что у них будет по две головы и по четыре ноги? Так в газете, честное слово!

— Эх, эти её... Кто ж такие газеты читает? Нет, не совсем. Про головы наврали.

— А про ноги?

— Про ноги тоже. Перед нами стоит задача вывести нур и перепелок не с четырьмя, а с шестью ногами.

— А зачем?

— Понимаешь, дочна... Мы обязательно, по линии внегравитационной орнитологии — есть такая наука — должны научиться направлять мутацию птиц в направлении шести ног. С продовольственной точки зрения шестиногая курица гораздо предпочтительнее, чем ныне общепринятый стандарт. Конверсия этой биотехнологии снимет проблему голода в развивающихся странах. Энипан готовит доклад на соискание Нобелевской премии мира. И как только эти папарацци все разнюхали?

— А как же они смогут яйца нести, с шестью-то ногами? Сложновато несутке будет устроиться в корзине! — смеется дочь.

— А ты вот как раз позвони в эту газетку, что тиснает "утку" за "уткой", узнай. Там журналисты тебе расскажут. Они ведь всё на свете знают...

Впрочем, общение бывает и серьезным. У отцов в невесомости накапливается потребность реализовывать свои педагогические, воспитательные качества. Поэтому в снятые секунды "семейных телемостов" они стараются что-то подсказать по-отцовски, поделиться опытом.

— Пап, а мы по английскому сейчас проходим устный рассказ "Как я провел день", — говорит сынишна-третьеклассник отцу, третий месяц летающему над планетой. — Вот я рассказу, как к тебе на связь приезжал. Вот будет здорово!

— Очень. Только вот что. Попроси маму, чтобы она у дяди Сережи Криалева взяла аудионурсы английского. На кассетах магнитофонных. Тот, по которому учатся российские космонавты перед тем, как лететь на американских "шаттлах".

— Он трудный же...

— Нормальный. И ближе к теме: там много технических терминов. Типа "спейс флайт контрол центр" — "центр

управления полетом". Давай осваивать их вместе.

— Ты тоже будешь учить?

— Конечно. Как говорится, надо по работе. Производственная необходимость. Ведь на будущей международной космической станции официальным языком общения будет английский. Полагаю, и на лунной базе тоже...

А еще на сеансах хорошо проходят смешные случаи из жизни семьи и трудовых коллективов.

В одном из рабочих сеансов освободилось с десяток минут. Возникла пауза. Пси-пэ рекомендует такие паузы заполнять. Хотя бы иметь под рукой дежурный анекдот. И рассказать его на борт.

И вот как их советы воплощаются в жизнь.

— Что нового у славного коллектива Центра управления полетом? — спрашивают с орбиты как-то раз в доперестроечное время.

— Два новых проекционных телевизора установили в зале для прессы, — отвечает.

— А в общественной жизни?

— Состоялось открытое партийно-номсомольское собрание отдела ОВОб... — грустят специалисты.

— Повестка дня?

— Недостойное поведение одного из ветеранов службы (называется фамилия, имя и отчество — А.Ф.)

— Быть не может, — присвистывает орбитальный комплекс. — Мы все его хорошо знаем. Или, выходит, знали, а он возьми да откройся с недостойной стороны. А в чем, собственно, дело-то? Как так пал человек?

А человек был захвачен ВОВРом, военизированной охраной, куда шли, в основном, молоденькие девчонки-лимитчицы за подмосковную прописку, на проходной. Потому что имел при себе произведение М.Булганова "Собаچه

сердце" в нсерокопии. И доставлен, куда следует.

— Та-ак, — сказали с какими надо интонациями там, где следует. — Разберем.

И разобрались.

На общем партийно-комсомольском собрании отдела выступил первый заместитель Центра управления полетом по режиму.

— Дело в том, — говорил этот с юмором в повседневном общении человек, — что автор М.Булганов признан всеми нашими литературными наногами писателем вредным. Некоторые его произведения запрещены. Антисоветчина. И ходят они вот в таких вот самиздатовских нсеронсах. Мы, конечно, учитывая заслуги нашего ветерана, раздувать это дело не будем. Усилим, конечно, досмотр наждого на проходной. Но мы хотели бы выслушать нашего товарища, чтобы он рассказал коллективу о том, что его заставило дойти до чтения запрещенной литературы? Переродились, похоже, во врага коллектива?

— А я не успел прочитать, — хмуро объяснил потерпевший. — Собан люблю очень. С детства вожусь с ними, коллекционирую литературу по кинологии. Книжку эту на лавочке нашел по пути домой с рабочего места на проходной. На переплете-то, вижу, "Собачье сердце". Я и подумал, что это что-нибудь неизвестное мне про собан. Вот и прихватил. А дома хотел уже повнимательней ознакомиться. Ежели б я знал, то, ясное дело, понес бы не домой, а к вам, куда следует.

В итоге человек отдела из трехмесячным понижением в должности и лишением квартальной премии.

— Хм, — раздалось с орбитально-го комплекса, когда им рассказали все это. — Дела-а... Давайте лучше вернемся к астрономическим наблюдениям за Солнцем. Комплекс как

раз уже развернулся в нужное положение. А живете вы, мы глядим, не соскучишься.

— Не дрейфь, ребята, — не выдержали и прыснули в ЦУПе. — Вас вроде после посадки пока на предмет политического досмотра не рассматривали. Выходить в степь из корабля будете спокойно. Сохраняя чувство собственного достоинства.

— Пусть только сунутся... — врывалось у кого-то из экипажа. — У командира есть пистолет. Расстреляем, на хрен.

На дворе стоял 1986 год. Нога мне пересказывали этот случай, я схватился за голову. Ибо ваш автор тогда заканчивал факультет журналистики. И как раз готовился к экзаменам по курсу советской литературы. И творчество Михаила Афанасьевича Булганова занимало значительное место в программе, по которой готовили журналистов в МГУ имени М.В. Ломоносова. Стало быть, автором он был официально разрешенным, а не вредителем. Но это тут, в центре Москвы, на Манежной. А там, в ЦУПе, в одном из оплотов обороны в 20 километрах от столицы, на этот счет царила иная точка зрения.

Впрочем, в нашу, мягко говоря, неспокойную современность такие вещи нажуются уже как бы несущественными мелочами. Сегодняшние дни, обстановка в мире ставят перед психологами, ответственными за психику людей, оторванных на долгие месяцы от Земли, совсем другие задачи.

Конфликты на Земле

Как нам, землянам, со стороны, хотя бы упрощенно, в первом приближении, лучше всего представить длительный полет, орбитальную смену на станции "Мир"?

А вот как. Трое мужчин в состыкованных "зонтином" шести железных бочках, каждая размером с железнодорожную цистерну, кружатся на высоте 400-450 километров над планетой, за сутки оборачиваясь вокруг нее 15-16 раз.

Долгие четыре-шесть месяцев космонавты внутри этого сложнейшего инженерного сооружения выполняют, находясь в экстремальных условиях невесомости, функции операторов в системе "человек — орбитальная машина". Их деятельность считается достаточно монотонной, а условия работы требуют неординарных психоэмоциональных затрат от каждого члена экипажа. Поэтому так важны положительные психические импульсы с Земли.

Летающие экипажи очень чутки к общественному мнению на Земле, оценивающему их работу. Особенно к тому, что рассказывают об их полете и показывают средства массовой информации.

А у последних свои трудности в поддержке ребят на орбитальной станции. Несколько лет назад, работая в теле-"Вестях", я столкнулся с такими. Предвидеть их бывает нелегко. Обычно они исходят от личностей, которых наследники С.П. Королева в ЦУПе прозвали "ченемопосами", что расшифровывается как "человек немотивируемых поступков".

Вот эпизод.

...В 91-м, спустя несколько дней после пуща, мне сообщают дату очередного выхода в космос Василия Циблиева и Александра Серебровва. Для бортинженера это рекордный, 10-й по счету выход, тогда его рекорд еще никто не побил (теперь, в 1998 году, рекорд у Анатолия Соловьева, этот космонавт 16 раз одевал снафандр и выходил за жилой объем станции).

Приношу новость в дирекцию "Вестей", прошу выделить для съемки сю-

жета группу и намеру. Вижу, сидит на месте продюсера политический обозреватель М., женщина, по-девичьи подперев ладошкой щеку. Выслушав меня, говорит строго:

— Нет. Это для нас сейчас не новость.

Для нее новость должна была быть только политической.

— И вообще, — продолжает она, — Гагарин в космос уже летал, никого этим не удивишь. Какая тут информация?

— А такая, — пытаюсь достучаться я до ее разума, — это же новый выход в космос! Предстоит монтаж на внешней поверхности станции уникальной конструкции. Она — прообраз скелета будущих больших космических аппаратов...

— Тебе не говорили, что ты ужасный зануда? — перебивает она меня. — Разговор закончен. Иди.

Я понимаю: это профессиональная деформация, "тематическая" зашоренность, мешающая увидеть в новом факте движение истории. А ведь именно из таких мелочей складывается прогресс.

Уходя, вспомнил Михаила Булгакова. В финале романа "Белая гвардия" звездное небо названо занавесом Бога. Глядя на него, кажется, что в неизмеримой высоте за этим синим пологом у царских врат служат всенощную. В алтаре зажигают огоньки, и они проступают на занавесе целыми крестами, кустами и квадратами.

Звезды на небе останутся, когда и тени наших тел и дел не останется на земле. Нет ни одного человека, который бы этого не знал... Так почему же мы не хотим обратить свой взгляд на них?... Почему?..

Впрочем, это дело прошлое... Нынче картина во взаимоотношениях "космос-пресса" новая. Принципиально иная. Хотя тоже небезоблачная.

Специалисты ЦУПа частенько косятся на зону работы прессы. При этом российским журналистам приходится краснеть за западных коллег. В основном это молоденькие, мало что понимающие в работе экипажа и наземного комплекса управления, мальчишки и девочки. Зато они очень развязны. До профессионализма в ракетно-космической тематике им далеко, но они умеют стряпать, как блины, броские заголовки. А гостевая зона ЦУПа с их приездами напоминает зал ожидания Казанского вокзала. Кто-то, истомленный, спит на рюкзаках. Повсюду пустые бутылки и банки из-под "Колы", пластиковые тарелочки, пакетики и бумажки, в которые заворачивают гамбургеры и картошку в забегах "Макдональдс". Все это нудится и выпивается в то время, когда мужики на орбите обливаются потом, на глазах режимной службы, не устающей твердить, что в тридцати метрах по коридору для особо голодных есть буфет со столиками, где можно курить и цены приемлемые.

...Хочется верить, что западные наши коллеги во время очередного телемоста с бортом орбитального комплекса будут задавать вопросы космонавтам не с забитым ртом, прожевывая кусок "Биг-Мана". Ведь шелестеть фантиками от шоколадок в ЦУПе, так же как в Большом театре на "Щелкунчике", — признан бескультурья. Тем, кто этого не понимает, как и того, свидетелем чего он является, развалась в кресле на колесиках, так и хочется напомнить: он очевидец освоения Вселенной! Ни много, ни мало.

Гонорарное дело

А в этой истории с двумя певцами вначале была встреча Нового года.

Накануне из ЦУПа поступила традиционная просьба: мол, неплохо бы по телевизору показать сюжет, как космонавты на борту готовятся к празднику. Его бы записали и протранслировали на борт, экипажу был бы положительный психозмоциональный импульс. Так совпало, что и намера для этого дела нашлась, и ведущий новостей Сергей Возианов брал сюжет в свой выпуск. И телесъемочная машина закрутилась.

...Раннее утро 30 декабря 1994 года. В автобусе, рычащем у гостиницы "Космос", спят оператор, мастер по свету и видеоинженер. Ведущая Аида Невская внимательно прочитала и спрятала в сумочку листок с именами космонавтов — не дай Бог ошибиться во время сеанса связи. И беспомощно улыбнулась. Я укрыл ее своим кожаным реганом и, нервничая, выскочил на обочину. До сеанса оставался час, а диктор Российского телевидения Владимир Березин опаздывал. А нам еще минут сорок ехать в ЦУП по зимнему шоссе...

Наконец позади автобуса тормозит "БМВ". Володя разводит руками:

— Представляешь, как всегда, влип в историю. Выхожу из подъезда, открываю машину. И чувствую, кто-то меня отпихнул и нырнул в салон. Гляжу: е-мое, необычайной красоты собака. Догиня, девочка! Разве не чудо? Видно, потерялась, за ночь замерзла, вот и рванула в тепло. Найти собаку на пороге года Собаки! Счастливейшая примета!

Догиня имела мраморный окрас, необычайной выразительности взгляд и сидела на заднем диване со скромным достоинством принцессы на горшине.

Я уже представил себе уникальный кадр: с пульта главного оператора зала управления мы ведем связь, рядом с нами спасенная и, по всему видеть,

очень культурная, воспитанная собака, а на больших экранах экипанж, только что прослушавший эту рождественскую историю. И ведь это жизнь, реальность, а не роуль в кустах и не Ганс Христиан Андерсен! О чем еще мечтать автору сюжета?

...Если бы я мог взглядом испускать лазерные лучи, лежать бы сотрудину службы режима маленькой нучкой пепла на пороге ЦУПа. Но собаку он так и не пустил — вы что, тут вам не цирк, понимаешь! Да еще без справки от ветеринара! Пришлось оставить ее в машине.

Но она принесла нам творческий успех. Сеанс мы отработали блестяще. Первым делом Володя рассказал про догину. Космонавты адресовали свое "фу" тому, кто не пустил ее в зал управления попозировать перед намерой, чтобы экипанж мог на нее посмотреть. Потом Александр Викторенко оделся Дедом Морозом, Елена Кондакова, поната, Снегурочкой, а донтор Валерий Поляков держал в кадре маленькую искусственную ёлочку и рассказывал, почему в невесомости запрещено пить шампанское...

Через неделю звоню Березину: как назвал догину? И говорю, возьми у меня книжку "Воспитание собак", моято эрделиха уже в той стадии развития, что и меня, и еще кого хочешь воспитает. Спасибо, отвечает, не надо. Догину в тот же день выпросил сосед, певец Игорь Наджиев. Но, как честный человек, он дал объявление о находке собаки. И, как на зло, на другой день позвонила, вся в слезах, ее хозяйка!

Тут же беру телефон Наджиева и договариваюсь уже с ним, чтобы в одну из суббот он приехал на встречу с экипанжем, что-нибудь спел, рассказал, как работал в фильме "Три мушкетера". Увы, гонорары мы, конечно, платить не можем...

— Какие гонорары, я тебя умоляю. — сказал Игорь. — Меня другое волнует. Дело новое. Костюмы брать? Есть ли в ЦУПе, где загримироваться?

— Не надо, — со вздохом отвечаю, — костюмов. И грима тоже. Не стоит напрягать хороших людей из режима твоим имиджем загадочного Пьеро...

Пона он пел в штатный микрофон по заказу экипанжа русскую народную "Ой, мороз, мороз, не морозь меня...", смена управления спорила, кто на него больше похож: Леонтьев на Кирикова, Филипп на Наджиева, или на них всех вместе взятых — Майкл Дженсон? Они как-то из одной, понимаешь, обоймы. Вспомнили еще, что на первом в истории космонавтики сеансе, лет двадцать с гаком назад, пела молоденькая-молоденькая певица. Как, бишь, её звали? Ах, да, Ирина Понаровская!

Тут группе психподдержки пришла новая мысль. Почему бы, честное слово, раз уж знаменитые певцы так похожи, наш и заокеанский, не спеть им совместную песню? Посвященную российско-американскому сотрудничеству в космосе?

Ведь и прецеденты есть. Французский композитор Дидье Маруани как-то погостил в Звездном городке — пожалуйста, вернулся во Францию, собрал группу, назвал ее "Спейс", что в переводе значит "космос", а сейчас еще рок-оперу выпустил под названием "Полет на Марс". Или вот Александр Малинин с кем-то из американцев выступил в видеоклипе, призывающем жить в мире.

— Со мной проблем не возникнет, — усмехнулся россиянин Наджиев. — Но что-то вам ответит Дженсон?

За словом — дело. Сочинили мы фанс, где достаточно подробно изложили идею. Мол, российско-американская дружба и сотрудничество в космо-

се крепнет, скоро пойдет "Альфа", а там, глядишь, при нашей жизни стартует пилотируемая марсианская экспедиция. Почему бы вам, господин Дженсон, не включиться в процесс своим творчеством? Совместно с певцом из России? Затем в качестве мероприятия психологической поддержки послать аудио-, а лучше видеопрограмму на борт орбитального поселения. Правда, прощения просим, гонорары у нас, увы, никаких.

И послали тот фанс в Лос-Анджелес, в дирекцию звезды.

Как мне передали ребята, которые занимались этим на общественных началах (даже фанс в Америку они посылали пиратским образом, без высокого начальственного разрешения), ответ был уклончивый: спасибо, мол, господа хорошие, за столь лестное предложение. Однако дело в том, что я всего лишь скромный певец. А не поэт. И тем более не композитор. Были бы ноты и слова, я бы бесплатно для космонавтов спел хоть оперу. Но поскольку партитуры нет, что делать...

— Я его понимаю, — сказал позже вернувшийся из турне по ночным клубам США Игорь Наджиев. — Найдете поэта-песенника, композитора — сплю один.

Увы, поиски этих авторов группа пси-пэ пока не сумела произвести. Не хватало сил.

Впрочем, надо отдать должное Игорю. Тогда, в начале года Собани, в течение недели он перелицевал, сменил последовательность песен в двухчасовой аудиопрограмме, составил из них новую композицию специально для Валерия Полянова, Елены Нондаковой и Александра Викторенко. И сопроводил ее искренними, пронзительными белыми стихами, пожеланиями любви от тех, кто на Земле следит за их полетом.

Это надо было слышать, как певец обращался к врачу-космонавту

Полякову: "Валерий Владимирович! Я потрясен, узнав, что вы выполняете самый длительный космический полет в истории. Как же надо любить родную Землю, чтобы работать для нее и в отрыве от нее один год и четыре месяца!.."

Специально для командира, Александра Степаньча, ценителя есенинской строки, Игорь исполнил песню на стихи поэта. А для бортинженера Елены — "Эх, пронатиться бы зимой в саянах на тройке, да с колонольчином!"

Аудионассета с ближайшим грузовиком "Прогресс М" пришла на борт станции. А вот от суперзвезды Майкла Дженсона, несмотря на то, что американские астронавты давно освоили российскую станцию, мы такого подарка не дождались. Знать, такой уж он душевный парень... Занят все на турне всемирного масштаба. А что, дело-то гонорарное.

Между тем близится срок выведения на орбиту Земли станции международного базирования "Альфа". Первый ее блок уже построен в Москве. Это основа нового космического поселения, его электростанция. Затем к нему с перерывами в два-четыре месяца пристыкнут жилые модули — российский, американский, европейский, японский...

Когда международная станция предстанет в готовом виде, она автоматически получит название "Омега". Над нашей планетой в XXI веке постоянно заработает смена из 8-12 космонавтов и астронавтов. Основной, рабочий язык на "Альфе"- "Омеге" — английский, как мы уже выяснили это на сеансе связи с семьями. Группа пси-пэ засела за язык Шекспира и Агаты Кристи.

А в американской космонавтине профессиональной деятельности по психологической поддержке, такой, как у нас, не предусмотрено. ■

Павел ЛАГУН

*Что движет звезды и светило
В сиянье вечного огня,
То нас с тобой соединило
В земном круговороте дня.*

*Шли оба разными путями
Среди осенней желтизны,
Не зная, что же движет нами
и как пути двоих важны.*

*И точкою соединенья
Осенний золотой листок,
Постигнув тайный смысл явленья,
Упал тихонько возле ног.*

*Судьбы неведомая сила
И вечная, как мир, Любовь,
Что движет звезды и светило,
Соединила нас с тобой.*






**БРАЗИЛИИ
И НЕ СНИЛОСЬ...**



Геннадий ПАДЕРИН

 ел четвертый месяц Великой Отечественной, когда от урмана к урману, от одного леспромхоза ко второму, третьему, вплоть до последнего, сорок восьмого, прошелестел по тысячеверстью северной тайги, что раскинулась за спиной у Томска, недоуменный шепоток:

— Слыхали? Крылов-то наш мужичью мочу зачал собирать, купанье, сказывают, собрался себе устроить. Видать, под лесину на лесоповале угодил, теперь лечиться станет...

От уха к уху, одними губами передавалась новость, поскольку пакеты, разосланные в конце сентября в леспромхозы, были опечатаны сургучом, а поверх

адреса значилось: "Секретно. Вскрыть лично директору".

Текст гласил:

Под личную ответственность руководства: до наступления холодов построить отопляемые помещения, а также высвободить все имеющиеся емкости для ежедневного сбора утренней мужской мочи всего контингента. К женскому персоналу указание не относится. Какие-либо проволочки с выполнением данной директивы будут рассматриваться в соответствии с требованиями военного времени...

И подпись: Г.В. Крылов, главный инженер треста Томлес, заместитель

председателя Сибирского комитета содействия обороне.

2

Директива, взбулгачившая тайгу, родилась не с бухты-барухты, ей предшествовал пожарный вызов в Москву.

"Правительственная. Томск, трест Томьлес, Крылову. Срочно прибыть Наркомат легкой промышленности. Член ГКО СССР* Миноян".

...Миноян шагнул навстречу из глубины просторного кабинета, протянул маленькую, почти детскую руку — она оказалась сухой, прохладной и на удивление мускулистой. Усадил рядом с собой на старомодный кожаный диван.

— Не забыли, Георгий Васильевич, наше предыдущее randevu? На заседании в Совнаркоме?

Нет, конечно, еще ничего не успело уйти в песок минутности из того, трехгодичной давности эпизода, когда он, Крылов Г.В., главный инженер треста Томьлес, что за тридцать земель от столицы, вдруг предстал перед членами Советского правительства.

Председателем Совнаркома СССР значился И.В. Сталин, но в большинстве случаев вел заседания в роли его первого заместителя В.М. Молотов, больше известный миру по своей второй ипостаси — наркома иностранных дел. Так и в тот раз он сразу занял, посверкивая стеклами своего знаменитого пенсне, председательское место у дальнего торца длиннющего, покрытого зеленым сукном, стола. По обе его стороны, дружно опершись локтями на столешницу, разместились руководители наркоматов, и в их числе непосредственный начальник Крылова — заместитель наркома лесной промышленности Евгений Осипович Лопухов.

Обменявшись с ним взглядами, Крылов поспешил переместить внимание на руководящий торец. Там, по левую руку от Молотова, без труда узнавалось с детства знакомое по портретам лицо известной большевистской подпольщицы Землячки, возглавлявшей теперь Комитет государственного контроля. Напротив нее, справа от Молотова, теребил смоляной ус Анастас Иванович Миноян. Остальных разглядеть не успел: низринуться вопросы.

Он бы не сказал, что ему тогда сделалось зябно под устремленными на него взорами вершителей судеб страны. Да и разговор без какого-либо разгона пошел по делу, а тут у него все было схвачено.

Речь велась о докладной записке, представленной Крыловым в Совнарком через Комитет госконтроля. В ней предлагался к рассмотрению комплекс мер по сохранению и воспроизводству бесценного сокровища страны — сибирских недровых массивов. Обсуждение, впрочем, не заняло много времени: что называется, с ходу было решено принять специальное постановление правительства.

После этого Молотов сообщил, адресуясь, судя по всему, в большей мере к гостю, нежели к присутствующим: "Ваш приезд оказался более чем кстати, не придется прибегать к услугам фельдъегерской службы".

При этих словах Крылов невольно скосил глаза на Лопухова, но тот лишь неопределенно пожал плечами — не то просил извинить, что не предупредил о готовящемся очередном секретном задании, не то пытался изобразить полное неведение. В последнее, впрочем, трудно верилось.

Тем временем председательствующий взял из папки листок бумаги с машинописным текстом на нем, но вместо того, чтобы прочесть вслух, лишь

* ГКО — Государственный Комитет Оборона.

помахал у себя под носом. А суть стоящей перед трестом Томьлес задачи "особой важности" изложил своими словами. Она сводилась к тому, что сибирякам поручалось в мобилизационном порядке организовать заготовки специального кедрового шпона, который мог бы заменить свинцовые пластины в аккумуляторах на дизельных подводных лодках.

При этом предписывалось развернуть заготовки таким образом, чтобы ни в коем случае не привлечь чужого внимания. Все должно делаться под видом усиления темпов заготовок кедровой дощечки для карандашных фабрик.

Подведя черту, Молотов бережно снял пенсне и, протирая стекла лоскутом замши, близоруко оглядел поочередно левую и правую боковины стола.

— Ни у кого больше нет вопросов к Георгию Васильевичу?

— Есть один частный вопросик, — вскинула посеребренную голову Землячка. — Хочу полюбопытствовать под занавес у гостя: сколько вам годочков, юноша?

— У меня, Розалия Самойловна, внешность обманчивая, — смешался Крылов. — Молодая, так сказать, внешность. А на самом-то деле двадцать восьмой разменял.

Все почему-то рассмеялись, и под этот смех в разговор вклинился Микоян:

— Внешность — фактор второй, главное, в голове задел обещающий, — и огоршил предложением: — А что, Георгий Васильевич, не пошел бы ко мне в наркомат в ранге моего заместителя?

— Ну, Анастас Иванович, нашли तोпор под лавной! — даже привскочил со стула Лопухов. — Этак мы и к себе могли его залучить, да только человек-то он с лесом повенчанный, в своей тайге со своей головой и при деле. И при месте!

Молотов вернул пенсне на переносицу, начальственно прихлопнул ладонью по столу:

— Считаю, Евгений Осипович прав: сибирячон нужен стране там на своем теперешнем посту.

Такой вот запелась в памяти трехгодовой давности сценка "на правительственном уровне". И сейчас, стоило хозяину кабинета упомянуть о том randevу, Крылова обонгло: неужели Микоян не оставил намерения перетянуть его в Москву?

— Прошу меня извинить, конечно, — поерзал на пружинящей коже дивана, — но я хотел бы, Анастас Иванович, вот какую сторону дела сразу прояснить: не прельщает меня аппаратная работа, у меня нацеленность в науку. В науку о песе, о травах, о...

— А кто против, дорогой! — с нарочитым кавказским акцентом перебил собеседник и, рассмеявшись, добавил: — Догадываюсь, припомнилось мое тогдашнее приглашение?

Легко поднялся, прошел к столу, где лежал увесистый том энциклопедии с картонным язычком закладки. Крылов произвольно двинулся следом.

— Это в виде предисловия, — распахнул Микоян книгу и, придвигая гостю стул, поставил карандашную метку возле нужного столбца.

Крылов ухватил глазами текст — мелко, как бы с высоты птичьего полета, и тут же вернулся к началу, пробормотал, забывшись, непонятную, надо думать, для чужих ушей нелепицу:

*Едет крыша не спеша,
Тихо шифером шурша...*

Содержание столбца стало внятным и после первого захода, повтор же впечатал все это в мозг, будто перед глазами бугрились строчки, отличные из чужуна:

"Гваяновое или банаутовое дерево (суаисит), род вечнозеленых деревьев семейства парнолистниковых. В ви-

дов в тропической Америке. Высокие деревья с парноперистыми листьями, имеющие твердую и тяжелую древесину (плотность 1,17 — 1,3 г/см³), используемую в машиностроении...

— И где эта экзотика у нас в ходу?

Вместо ответа нарком выдвинул ящик письменного стола, извлек картонку из-под обуви. Крылов увидел в ней с раннего детства знакомые очертания изделия с обликом курузного початка — обыкновенного челнока. Только там, в деревенском детстве, эта наиважнейшая деталь ткацкого станка была намного меньше. И грубее, и неназистее. И весь-то станок, понятная вещь, был самодельным — сработан руками деда.

— Вот он каной, банаут, — одновременно с восхищением и с горечью произнес Микоян, постукая ногтем указательного пальца по светло-коричневой древесине. — Через союзничков-англичан получали, они на этом рынке монополисты, и нате вам, обрезали поставки! А без таких челноков станочный парк на ткацких фабриках — кладбище металлолома.

Протянул коробку с челноком Крылову. Крылов тоже машинально постучал ногтем по плотной, словно литой поверхности челнока.

— Интересно, из алюминия не пытались отливки делать?

Микоян махнул с безнадёжным видом рукой. Принялся рассказывать о конструктивных особенностях ткацкого станка. Челноку в этом механизме предопределена роль своего рода маятника, совершающего возвратно-поступательные движения со скоростью от 10 до 18 метров в секунду — в зависимости от ширины станка.

— Металлический челнок при таком бешеном ритме быстро раскаляется, нить начинает гореть.

Крылов, слушая, все продолжал с отрешенностью постукивать ногтем по

челноку. Наконец поднял на Микояна обреченный взгляд:

— Если я правильно вас понял, Анастас Иванович...

— Вы правильно поняли, Георгий Васильевич, надо отыскать замену. Миллионы, которые сейчас встают под рунье, должны быть одеты.

Шел четвертый месяц Великой Отечественной...

3

Профессор Георгий Васильевич Хольнин, заведующий лабораторией сопротивления материалов Томского технологического института, встретил Крылова в холле главного корпуса, спросил вместо приветствия:

— Принесли?

Крылов помахал в ответ вздущимся портфелем, поинтересовался в свою очередь:

— Так вы действительно все образцы подвергли проверке? И по всем параметрам?

Профессор рассмеялся, подхватил Крылова под локоть, готовясь увести к себе.

— Что с вами, дорогой тезка? Вы меня спрашивали об этом по телефону не меньше десятка раз. Да и ваш ученик Миша Богдашин после того, как доставил к нам все это, еще пару раз наведывался — надо думать, проверят, не вздумалось ли нам использовать ваши сокровища вместо дров.

Крылов смолчал, не найдя в себе сил ответить на шутку хотя бы вежливой ухмылкой.

Довольно просторная комната, куда они пришли, была заставлена непонятными приборами. Станнами, шкафами, стеллажами, но Крылов лишь скользнул по всему этому боковым зрением, сразу сосредоточившись на обитом жестью столе. Там были выложены в ряд небольшие бруски. Небольшие,

одинакового размера березовые бруски, ставшие, можно сказать, родными.

Березовые, но с древесиной непривычного светло-коричневого оттенка. И на торце каждого белели выведенные мелом цифры: на крайнем слева 3, на следующем 6, дальше соответственно 9, 12, 15. Крылов с нежиданной для себя нежностью огладил их поочередно ладонью — поздоровался. И не удержался, постучал по каждому ногтем указательного пальца.

— Волнуюсь, — признался просевшим голосом.

— Значит, не иссяк еще резерв душевных сил, — констатировал с улыбкой профессор, потянувшись к принесенному гостем портфелю: — Ну, покажите ваш хваленый эталон!

Крылов, не отдавая отчета, прижал вдруг портфель обеими руками к груди, пробормотал, виноватясь:

— Только это, Георгий Васильевич...

— Опоздали, дорогой тезка, уже многократно предупрежден вашим Богдашиным и буду нем, как рыба. Хотя и не понимаю мотивов подобной засекреченности.

— Не годится этак-то, без понятия-то, — мешковато отшутился Крылов, доставая из портфеля привезенный от Микояна челнок. — Это и есть собственной персоной мировая знаменитость — тот самый бакаут.

Хозяин лаборатории отнесся, однако, к знаменитости без видимого интереса, повертел явно не знакомую ему деталь в руках, предупредил:

— Сожалею, но придется распилить.

— Ноги для испытаний требуется, так чего уж...

Крылов подавил непрошенный вздох, отошел к окну. Там, не решаясь оглянуться, и ждал результатов тестирования — на прочность, на плот-

ность, на влагоотторжение, на сжатие, на растяжение, на ударность...

Ждал у окна с мутными, давно не мытыми стенлами, через которые ничего не было видно — да он все равно сейчас ничего не увидел бы, неожиданно для себя окунувшись в деревенское июньское утро, когда свекор старшей сестры дед Федор разбудил его на сеновале, приговаривая:

— Вся надежда на тебя, Готька, от меня одного толку оназалось мало.

— А чего робить-то?

— Пойдем, увидишь.

Десятилетний Готька надернул штаны, протер глаза.

— Погодь чуток, деда, сперва в нужник наведаюсь.

— Ни, ни, ни, — замахал тот руками, — ни одной дажесть капли на сторуно не позволю!

Повел Готьку в сарай, к стоявшему в углу ведру.

— Вот наш с тобой сейчас нужник. Может, еще и ного из соседей покликать придется.

На дне ведра в лужице дедовой мочи Готька увидел новенькую березовую ступицу для тележного колеса с отверстием под ось и гнездами под спицы.

— Давай, давай, окропи ее ладом! И не зырь на меня, как на чумового, испокон века этак деется, дерево крепость набирает.

— А чего бабулю не позовешь?

— У женского сословия не под тем градусом это добро...

Крылов все стоял у окна, незряче уставившись в немые стенла, стоял, блуждая памятью в далеком прошлом, и одновременно ловил, напряженно ловил невнятные звуки за спиной, боясь поверить, что хотя бы один из желтевших на обитом жестью столе брусков, вымоченных в ядерной моче лесорубов, окажется по своим параметрам поблизости от показателей эталона.

И вот — долгожданное:

— Что ж, вас можно поздравить, дорогой тезка: брусок под двенадцатым номером — достойный соперник вашего засекреченного образца... Кстати, позволительно ли будет поинтересоваться, что означают эти пометки мелом на торцах брусков?

Крылов метнулся от окна, выхватил из рук профессора "достойного соперника", поцеловал, не стесняясь выступивших на глазах слез, и только после этого удовлетворил законное любопытство хозяина лаборатории:

— Цифры на торцах означают количество дней вымачивания каждого бруска в моче. В мужской утренней моче.

— И все? Вся недолга? Пописал пару недель на обыкновенное березовое полено, и не надо нам больше заморского чуда?

Крылову ничего не оставалось, как только натянуть на лицо вымученную улыбку. Не мог он, не имел права поведать профессору, что перед ним не простое полено, а спил уникального дерева, открытого в Нарымской тайге еще в прошлом веке его всемирно известным однофамильцем — Порфирием Никитичем Крыловым, автором 12-томного издания "Флора Западной Сибири".

Не мог, не имел права поведать и о том, как, встретив в дневниках великого ботаника упоминание о редкостной находке, отправился вдвоем с Мишей Богдашиным верхом на лошадях на поиски сокровища по нехоженым дремучим урманам, по сограм, по гривам, как после многодневных блужданий как раз на одной из раздольных грив обнаружилась белоствольная роща и в ней — те, описанные первооткрывателем эндемплеры со стройными, с малой суковатостью стволами, с древесной, отличающейся прямослойностью волокон, редкостной твердостью, необычно высоким удельным весом. По всем этим показателям Порфирий Ни-

китич отнес подаренный природой Сибири вид к разряду твердолиственных, тогда как остальные тридцать девять видов березы причислены дендрологами мира к мягколиственным породам.

Не мог, не имел он права поделиться с профессором и засекреченными сведениями о том, как в срочном порядке создавались в леспромхозах специальные бригады для заготовки "Сибирячки"* , нареченной так лесорубами, как мотался он по лесосекам, организуя курсы, проводя инструктажи, как в конце концов изобрел прибор, позволявший безошибочно определять принадлежность того или иного экземпляра к нужному семейству...

Расставались с профессором по-приятельски, довольные и общением, и друг другом. Пожимая Крылову руку, тезка высказал благодушное пожелание:

— Продолжайте писать на ваши деревьяшки и дальше, не стесняйтесь, и дай Бог им оказаться достойными своего предназначения!

Он оказался пророком, этот томский профессор, "деревяшки" вошли в историю Великой Отечественной войны. Известно полное горечи сетование замечательного конструктора отечественного оружия Василия Алексеевича Дегтярева: "Прекрасное с виду ложе нашего автомата при длительной стрельбе сильно перегревалось и корбилося..."

Так было, откуда тульские умельцы не начали получать деревянные детали для автоматов и винтовок из томской тайги. Их хватило, чтобы изготовить вооружение для 250 стрелковых дивизий.

А лыжи — миллионы пар лыж! А банники — тысячи и тысячи банников,

* Вскоре после войны, по инициативе нашего героя, уникальному дереву было официально присвоено в дендрологии имя — береза П. Н. Крылова.

с помощью которых пушнари прочищали закопченные стволы орудий! А нарандаши — сотни и сотни миллионов карандашей, без которых тогда не мог обходиться ни один школьник! А аккумуляторный недровый шпон для дизельных подводных лодок в засекреченном (до сей поры) количестве! А катушки для ниток! А спички, обыкновенные спички, без которых не обходится в быту ни одна семья!

Ну и, наконец, горы и горы гимнастеров, брюк, шинелей, пилотов, вещмешков, нательного белья, простыней, наволочек, матрасовок, портянок, одеял и много, много другой потребности, за мануфактурой для которой мы не пошли на поклон к лишившим нас бакаута англичанам.

Справка: за четыре грозных года Великой Отечественной Г.В. Крылов успел:

Заслужить личную благодарность Главного маршала артиллерии Н.Н. Воронова (отнюдь не за одни лишь банки).

Побывать в составе Сибирской добровольческой дивизии в окопах Сталинграда (откуда вернулся с контузией).

Защитить диссертацию кандидата биологических наук.

Получить премию Совета Народных Комиссаров СССР.

Удостоиться трех (!) Сталинских премий.

В благодарственном письме Н.Н. Воронова, как и в дипломах, сопровождавших каждую из четырех премий, одинаковая, слово в слово, констатация: "За создание для нужд обороны страны особой значимости спецсредств".

Удивителен все же по своей восточности русский язык: всего ничего, три слова — "...особой значимости спецсредств", а за ними таного нанала годы, наких иному хватило бы на целую жизнь.

Крылов прилетел в Москву ночным рейсом, в самолете почти не спал, и сейчас безуспешно боролся с неодолимой дремой: голова то и дело непроизвольно запрокидывалась на высокоую спинку стула, стучаясь о нее затылком. При этом он вздрагивал, пробуждаясь, и в смущении озирался по сторонам.

К счастью, на сонливого сибиряка никто из окружающих не обращал внимания, каждый был погружен в свои заботы. Все они томились в "предбаннике" зала заседаний, где за плотно прикрытой двустворчатой дверью шел пленум ВАКа.*

Время от времени дверь приотворялась, чтобы заглотнуть очередного претендента на ученую степень донора наук или звание профессора, и тогда оставшиеся выдыхали вслед: "Ни пуха!"

Наконец женский голос с казенной деловитостью позвал из-за двери:

— Секция биологии, Крылов!

Он поднялся, но раньше, чем пройти в зал, шагнул к подоконнику, где бликовал на солнце графин с водой. Смочив платок, освежил лицо, протер стекла очков.

— Бедняга не догадывается, что его там и без воды умоют! — хохотнул кто-то сочувственно.

— Считайте это за репетицию, — отозвался он со вздохом.

...Седой генерал с глубоко посаженными усталыми глазами, занимавший за столом президиума председательское место, повернулся к женщине за приставным столиком:

— Что у нас там по Крылову, Нина Васильевна?

— Вопрос не простой, Анатолий Арнадьевич, есть отзыв рецензента — это

* ВАК — Высшая аттестационная комиссия при Министерстве высшего и среднего специального образования.

специалист по европейским еловым лесам Воропанов, — он высказывает определенные сомнения. Зачитать?

— Если можно, своими словами, пожалуйста.

— Дело в том, что автор диссертации замахнулся на необъятную, буквально, тему: "Леса Западной Сибири". И еще приложил раскрашенную соответственно породам лесов карту с охватом гигантской территории — от Урала до Енисея...

— И что же?

— Анатолий Арнадьевич, в данном случае не могу не согласиться с рецензентом: он убежден, что одному человеку такая работа просто не по силам. Особенно эта карта: многое здесь, конечно, можно было сделать с помощью аэровизуальных обследований, но никак не обойтись без пеших маршрутов...

Усталость в глазах генерала сменилась лунавинкой:

— Полагаете, на Крылова работала бригада рабов из числа ученых? Впрочем, давайте проверим, говоря военным языком, оборонительные возможности автора.

Крылов встал — кряжистый, крепко сбитый — шутейно занял оборонительную позу, подняв на уровень груди полусогнутые в локтях руки с выставленными вперед кулаками. Однако этим шутейность и ограничилась.

— Ожидаящие за дверью своей очереди будущие доктора наук предревели, — произнес, сдерживая себя, — что меня здесь умоют, но я никак не думал, что это будет сделано столь примитивно. Заключение рецензента напомнило мне анекдот про оратора, который, поднявшись на трибуну, признался: "Из-за недостатка времени буду говорить, не думая..."

По залу пронатился смехок. Генерал вскинул руку:

— Ну, это вы слишком, уважаемый... — споткнулся, заглянул в лена-

щие перед ним бумаги, — уважаемый Георгий Васильевич. На то он и рецензент, чтобы делиться с нами своими сомнениями, а дальше — наша задача: оценить, насколько они правомерны.

— Ваша Нина Васильевна уже оценила! — пробурчал Крылов, опускаясь на место. Генерал усмехнулся, все не гася лунавинку:

— Сразу видно сибиряна: ему даешь слово для обороны, а он с ходу — в контратанку... Кстати, мне, как артиллеристу, хорошо знакома работа одного из ваших однофамильцев, тоже, как мне рассказывали, сибиряна: он в самом начале Великой Отечественной составил специальные математические таблицы для ведения артогня, ими были снабжены все артдивизионы на фронте. Главный маршал артиллерии Воронов называл того Крылова баллистиком от Бога! До сих пор жалею, что не довелось с ним познакомиться.

— Не все потеряно, Анатолий Арнадьевич, — вскинулся в смущении Крылов, — автор тех таблиц — ваш покорный слуга.

— Вот это поворот!

Генерал быстро вышел из-за стола, пружинисто прыгнул с невысокого подиума. Крылов шагнул навстречу, они приближались. Генерал повернулся к президиуму:

— Думаю, можно ставить на голосование, человек с таким диапазоном творческих возможностей очень нужен науке. И Родине.

СПРАВКА:

1. 300 миллионов гектаров(!) — такова территория лесных массивов, которые паспортизировал, если можно так выразиться, в докторской диссертации Крылов. Подобный охват был к тому времени зафиксирован впервые за всю историю отечественного лесоведения.

2. Описанный пленум ВАКа состоялся в 1958 году, участники пленума — 72 значимых величины в науке и технике страны — единогласно проголосовали за присуждение сибиряну ученой степени доктора биологических наук и одновременно утвердили в звании профессора песоведения и песоводства.

В принятом здесь же (и тоже единогласно) постановлении было записано: "Ходатайствовать перед Советом Министров СССР о включении Г.В. Крылова в состав ВАКа на постоянной основе". Этот груз он станет нести "на постоянной основе" на протяжении последующих сорока лет (в секциях биологии и химии, а также в трех секциях закрытого характера).

3. Анатолий Аркадьевич Благонравов — в ту пору заместитель председателя ВАКа, генерал-лейтенант артиллерии, ученый в области баллистики, академик, Герой Социалистического Труда.

5

Двери были двойные, к тому же плотно затворены, и тем не менее из приемной упорно протискивался явно перегретый мужской голос — незваный гость, надо думать, бился к ней в кабинет. Нина Сергеевна отодвинула годовой отчет — из-за него и попросила секретаря попридержаться незапланированных визитеров, — нащарила под столешницей кнопку звонка.

— Я на посту, Нина Сергеевна, — просунулась в дверь девичья голова.

— Но надо и меру знать, Надежда! Зови!

Посетитель, нестарый еще мужчина с землистым лицом, оказался из числа искателей поправной справедливости — от порога пошел на штурм:

— Вы директор Западно-Сибирского книжного издательства?

— А что вы хотели?

— Вот, сразу уходите от ответа. Назовите хотя бы свою фамилию!

— Присаживайтесь, пожалуйста, сейчас познакомимся: Семаева Нина Сергеевна.

— Так это вам, значит, мы и адресовали свое письмо. Больше ста подписей, и вот уже год ни ответа, ни привета.

Выяснилось: авторы коллективного послания из Барнаула просили сообщить, какую сумму и когда перевести в издательство за 112 экземпляров нового издания книги профессора Г.В. Крылова "Травы жизни и их искатели".

— Или вы одни такие умные? — вклинулась Надя-секретарь. — Ничких денег не хватит на почтовые расходы, если на все запросы по Крылову отвечать.

— Надежда! — приструнила Нина Сергеевна.

Прошла в угол кабинета, отодвинула ширму, кивнула посетителю на груды объемистых бумажных мешков. Туго набитые, что называется, под завязку, они лежали прямо на полу, один на другом.

— Один, два, три, четыре, пять, — машинально пересчитала вслух Нина Сергеевна. — Это все заявки на Крылова. Храним на случай, если из Госкомиздата приедут проверять обоснованность запланированного нами тиража переиздания. Мы запросили пять миллионов экземпляров, ждем, когда утвердят на Политбюро.

— На Политбюро? Неужели там рассматриваются подобные вопросы?

— В стране дефицит бумаги, так что всякий раз, когда тираж издания превышает миллион, Госкомиздат представляет заявку в ЦК.

В этот день Конотопу предстояло отчитываться на Политбюро о ходе выполнения Продовольственной программы в Подмоскowie, за которую он отве-

чал как первый секретарь Московского областного комитета партии. Обстановка тут складывалась не лучшим образом (Подмосковье было избаловано индигенчеством за счет столицы), и Конотоп решил заручиться перед разборкой поддержкой Брежнева — они были на дружеской ноге.

Приехал в ЦН за полчаса до заседания, а так как у Брежнева, на удивление, никто в эти минуты не ошивался, с ходу переступил доступный избранным порог.

— Ты как всегда встаети, Василий Иванович! — искренне обрадовался ему Брежнев. — Имеешь шанс лишний раз заслужить мою признательность.

— Смотря в чем? — насторожился Конотоп, прикрывая настороженностью радушную улыбку.

— Да вот, язви ее, изжога замучила! Химию этой всякой остерегаться стал, а ты у нас слывешь за эрудита в траволечении.

Конотоп скривился так, будто у самого внезапно начался приступ изжоги.

— Был эрудитом, Леонид Ильич, был, пока под рукой имелась книга о травах. Редкостная, должен сказать, книга. А тут жену угораздило похвалиться ею перед приятельницей, та выпросила на денек — и с концом.

— Так пошли помощника, пусть новую купит. И на мою долю экземпляр.

— Ее не купишь даже из-под полы. К тому же, у меня был дарственный экземпляр. С автографом.

— Но ты хотя бы имеешь представление, в каких краях твой спец по зельям обретається?

— Он сибиряк. Раньше в Томске жил, потом перебрался в Новосибирск.

— В Новосибирск? У Феди Горячева? — Брежнев нажал на кнопку, кинул появившемуся на пороге помощнику: — Потревонь, будь добр, Новосибирский обком.

Повернулся к Конотопу:

— Как фамилия автора-то?

— Крылов. Профессор Крылов. Георгий Васильевич.

— Постой, так мы же как раз сегодня должны рассмотреть на Политбюро заявку Госкомиздата на переиздание его книги — сейчас гляну, как называется: "Травы жизни и их искатели".

— Она самая и есть.

Дзенькнул аппарат междугородней связи. Брежнев поднял трубку, подключил канал к усилителю звука, чтобы Конотоп имел возможность слушать разговор.

Прорезался Новосибирск. Голос у первого секретаря обкома был напористый, даже с неким вызовом — видать, сготовился отразить возможное брюзжание генсека по поводу очередных упущений:

— Слушаю, Леонид Ильич.

— Поздоровался бы для приличия, что ли!

— Слушаю вас внимательно, Леонид Ильич! — заикнулся Горячев.

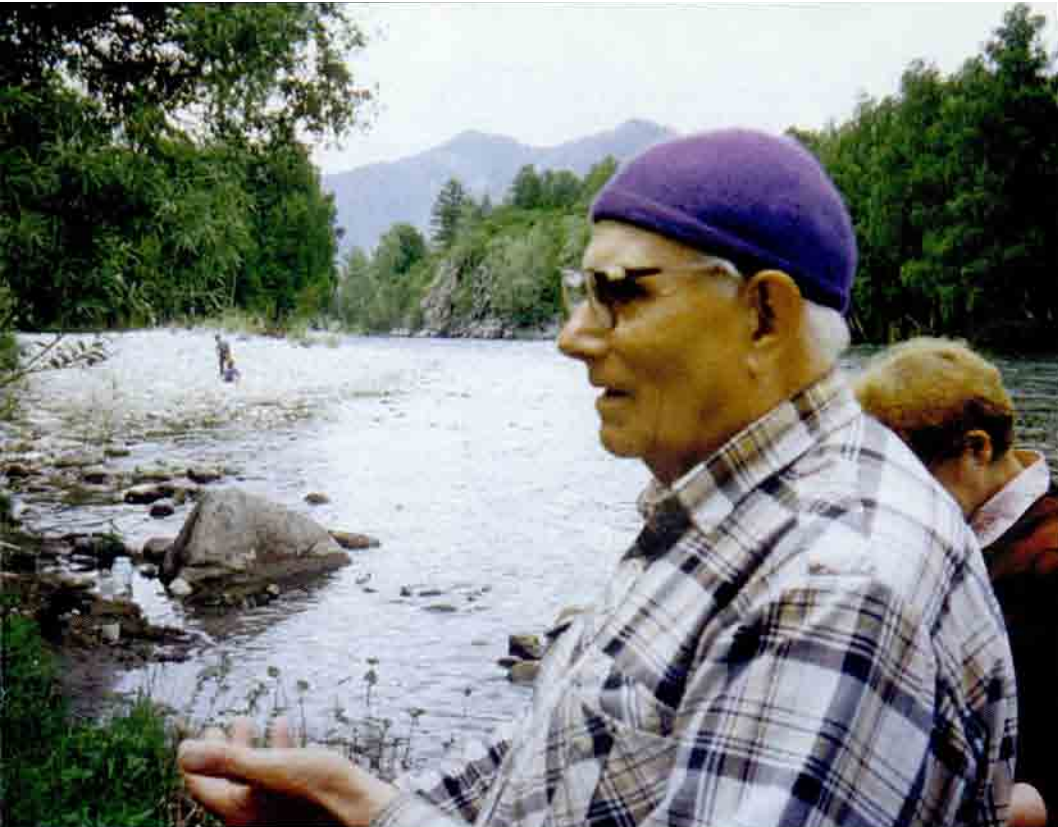
— Ладно, Бог с тобой, невежа, — рассмеялся Брежнев. — Ты вот что скажи, Федор, только по-честному: известен тебе такой травник — Крылов?

— Он травник, Леонид Ильич, по совместительству, а вообще-то крупный специалист по лесу. У нас в биологическом институте заведовал отделом лесоведения и мелиорации.

— Смотри ты, знаешь свои надры! А почему говоришь о нем в прошедшем времени?

— К сожалению, Леонид Ильич, Лесная академия перенинула его в Воронеж, он там теперь директорствует в научно-исследовательском Институте лесной генетики и селекции. Нстати сказать, в уникальном институте, единственном в стране.

— Вижу, гордишься своим Крыловым?



— Надеюсь заполучить обратно. Есть договоренность: как только подготовит там соответствующую замену, сразу домой. Но чего вы вдруг им заинтересовались?

— Видишь ли, Госкомиздат подсовывает нам его книжку о травах, так замахнулись на целых пять миллионов экземпляров.

— Можете не сомневаться, весь тираж разойдется в три дня.

— Ха, могу не сомневаться! Да знаешь ли ты, что я для своей "Целины" и то по-скромненькому из госрезерва бумагу выклянчил: всего восемьсот тысяч тиснули.

И тут Конотопа буквально проняла дрожь — себе, во всяком случае, он не позволил бы такой дерзости. Не смог бы позволить:

— Ваша "Целина", Леонид Ильич, — выдал Горячев, — конечно же, бестселлер, а только когда речь заходит о здоровье, всем бестселлерам приходится потесниться...

Брежнев, к удивлению, не обиделся, сказал просительно:

— Словам, Федя, не верю, хочу своими глазами поглядеть, чем там твой Крылов исцеляться советует.

Горячев, как видно, не был готов к такому финишу, разговор провис в паузе. Брежнев кашлянул недоуменно:

— Ты где потерялся там?

— Я не потерялся, я думаю, Леонид Ильич. Постараюсь, конечно, раздобыть, но уверенности нет. Крылов мне дарил эту книгу, но она давно в сетях.

Брежнев, не прощаясь, положил трубку. Поднял глаза на Конотопа:

— Слышал, Василий Иванович? Уверенности у него нету, чтобы генсека порадовать. Выходит, вся надежда на тебя.

В следующий раз Конотоп наведется к генсеку по поводу участвовавших случаев перетягивания из области в столицу специалистов различного профиля. Однако разговор от начала устроился совсем в другое русло.

Брежнев сидел почему-то не за рабочим столом, а у приставного столика со знакомой Конотопу книгой в руках. То был крыловский травник, переданный незадолго перед тем автором генсеку через него, Конотопа. Естественно, с соответствующей дарственной надписью.

— Читаю вот и ругаю себя, — признался генсек Конотопу, откладывая книгу. — Чего это мы тогда поназначили с бумагой? На четыреста тысяч выделили. Дескать, главное, чтобы на библиотеки хватило. А того не учли, что люди моего, к примеру, возраста испытывают повседневную потребность в такой подпитке знаниями о растениях. Я во всяком случае в последнее время не расстанусь с Крыловым.

Конотоп присел к столу с противоположной стороны, счел возможным напомнить:

— Вы грозилась написать автору, высказать свое мнение о книге.

— Винюсь, руки не дошли. Даже позвонить не удосужился.

— А может, прямо сейчас взять да и? — Конотоп достал записную книжку. — Вот его телефон... Пойти, сказать помощнику?

...Конотоп услышал в усилителе звука сперва щелчок, потом ржавый скрип и, наконец, баритон помощника:

— Воронеж на связи, Леонид Ильич.

Брежнев отнащился и, мучительно пережевывая по своему обыкновению слова, с высокой торжественностью проговорил в трубку:

— Дорогой Георгий Васильевич...

— Извините, но Георгия Васильевича сейчас нет на месте, — перебил женский голос с небрежением, свойственным профессии привратницы. — Что ему передать?

Брежнев сунул трубку Конотопу:

— Я настроился говорить с учебным, а с этой объясняйся сам.

Конотоп вскинул голову к высокому потолку и, словно считывая с него текст, размеренно произнес:

— Передайте, пожалуйста, Георгию Васильевичу, что с ним намерен был пообщаться товарищ Брежнев — поблагодарить за дельные советы по траволечению...

— Как вы сказали — Брежнев? Леонид Ильич? Неужто лично и персонально? Но сегодня-то не первое же апреля! И, во-вторых, Георгий Васильевич занимается наукой — лесной генетикой, ему не до знахарства, он...

— Прошу притормозить! — неожиданно для себя рыкнул Конотоп. — И будьте добры застенографировать телефонogramму. Динтую: дорогой Георгий Васильевич, примите нашу самую сердечную признательность за то, что весомую часть своей, насыщенной деланиями, жизни посвятили травам, подняв эту область знания от истоков знахарства до уровня подлинной науки. Здоровья вам и новых высот в научном творчестве! Леонид Брежнев, Василий Конотоп.

СПРАВКА:

1. Вслед за двумя изданиями "Трав" были выпущены еще четыре книги подобного плана (по два издания каждая), в накоплении исходных данных для которых приняли так же участие известные травознатоцы — Нина Федоровна Козанова, Александр Александрович Лагерь, Эдуард Викторович Степанов.

Создана своего рода энциклопедия, в которой не только обозначены

ареалы распространения более пяти-сот лекарственных растений Сибири, но и приведены сведения о химическом составе и лечебных свойствах каждого из них с обязательным поименованием тех заболеваний, от каких защищает с их помощью народная медицина.

2. Помимо названных изданий из-под пера Георгия Васильевича вышло более пяти десятков книг (некоторые из них до сих пор засекречены, большая же часть посвящена изучению лесов Западной Сибири, в том числе определению ареалов распространения пихты, кедра, сосны, ели, березы с целью выявления оптимальных условий их заготовки).

3. Систематизируя накопившиеся за все годы исканий материалы, Крылов сдал недавно на хранение в архив Сибирского отделения Академии наук России 180 папок общим весом под две тонны; здесь отражены, в частности: его непосредственное участие в закладке Центрального Сибирского ботанического сада, организация ряда комплексных экспедиций в Кулунду и Прииртышье (обеспечивших научное обоснование для создания Государственных лесных полос), определение условий возобновления хвойных пород в районах интенсивной вырубки, поиски методов эффективной борьбы с сибирским шелкопрядом, систематизация исходных данных при прогнозировании

вспышек массового размножения вредных насекомых и многое, многое другое.

6

В начале 20-х годов по заданию правительства в урочища Горного Алтая были направлены, одна за другой, две специальные экспедиции ботаников, перед которыми ставилась государственной важности задача: отыскать растения, целебный корень которого взимали в качестве дани с местного населения на протяжении 400 лет маньчжурские владыки, за которым охотились, наравне с золотом и собольими шкурками, лихие контрабандисты.

Многомесячные блуждания по таинственным тропам тех давних экспедиций не увенчались успехом. Золотой корень (научное название — Родиола розовая) был открыт лишь в 1956 году. Сделал это во время одного из своих походов Георгий Васильевич Крылов. С 1966 года, после соответствующей проверки, препараты из целебного растения включены в фармакопею СССР.

Образно говоря, этот неустанный труженик и сам подобен могучему стволу с золотым корнем, от которого пошли добрые отростки — плеяда талантливых учеников, из которых более пятидесяти защитили кандидатские диссертации, а пятнадцать исследователей — докторские. ■

«Подари мне **СЫНА** или **ДОЧКУ**»

Ирина ИВАЩЕНКО

Непорочное зачатие

Сегодня около 53 процентов населения России — а это более 75 миллионов человек — составляют женщины. Половина — 37,5 миллионов — находится в детородном возрасте. Из них 15 миллионов не могут иметь детей по медицинским показаниям...

Резко прогрессирует в последние годы рост мужского бесплодия, на долю которого приходится 40 процентов бездетных браков...

Мария лежала, разметав по подушке русые волосы. В синих глазах — смесь страха и ожидания чуда. К ней подошел белый ангел, погладил по голове. Ангел сообщил, что она уже десять минут, как беременна: "Больно больше не будет. Два часа лежать и по возможности не шевелиться. Детки отличные, крепкие. Не волнуйся, все будет хорошо. Перед Новым годом, Бог даст, родишь..."

Ангела в белом медицинском халате звали Елена. Кроме Елены, ангелами здесь работают Борис, Леонид, Ксения, Вероника. Есть еще и целый штат ангельских помощников — Марина, Маша, Саша, три Светы. Делать детей "в пробирке" и подсаживать в материнское чрево — их наждодневная работа. Выходных и праздничных нерабочих дней тут не бывает. А вот



*"Здравствуй! Мы так тебя ждали..." —
этими словами встречает ЭКОлогических новорожденных профессор Владимир Муланов.*

праздники — как сегодня с Марией — случаются часто.

Два часа лежать и не шевелиться — не самое интересное занятие. И как в поезде люди часто откровенничают со случайными попутчиками, так и здесь, иногда даже не видя лица лежащей на соседней кровати собеседницы, женщины делятся самыми сокровенными подробностями своей беды, заставившей их обратиться за помощью к ангелам.

...Пожалуй, все женские рассказы, звучавшие в этой палате Российского Центра, где помогают избавиться от бесплодия, меркнули перед рассказом Марии. Дело в том, что никаких проблем с бесплодием у нее нет. Более того, она не только не замужем, но даже ни разу еще не была по-настоящему влюблена. Не сказать, что Мария ослепительная красавица, но девушка она очень симпатичная и милая, совсем молоденькая. Ничего против собственного своевременного удачного замужества

не имеет: собирается выйти когда-нибудь замуж и родить мужу ребенка "обычным способом".

Мария — девственница. И ребенка она теперь пытается родить не своего и не для себя. И вовсе не из корысти. Недавно ее родная сестра попала в большую беду и перенесла тяжелейшую операцию, в результате которой осталась без матки. Поэтому они трое — сестра с мужем и Мария — приехали в Москву для непорочного зачатия Марией ребенка, родителями которого будут сестра и ее супруг. Свое решение Мария объясняет просто:

— Я очень люблю свою сестру. Знаете, она ведь чудом не умерла! И муж ее очень любит. А она так болезненно переживает последствия той своей операции, что если у нее не будет ребенка — просто не сможет жить. Я не могу и не хочу терять ее еще раз. И это не она меня, а я ее уговорила поехать в Москву и подсадить мне их ребенка.

И будущий малыш этот будет не мой, а ее и ее мужа. Но я все равно стану его очень любить, это же мой племянник... Или племянница... Не важно! Да я и сейчас его уже очень люблю. А своего собственного ребенка я и после этого рожу, когда замуж выйду, я же еще молодая, здоровая. Девственность?.. Что страшнее — потерять девственность или сестру?

Не аист и не капуста

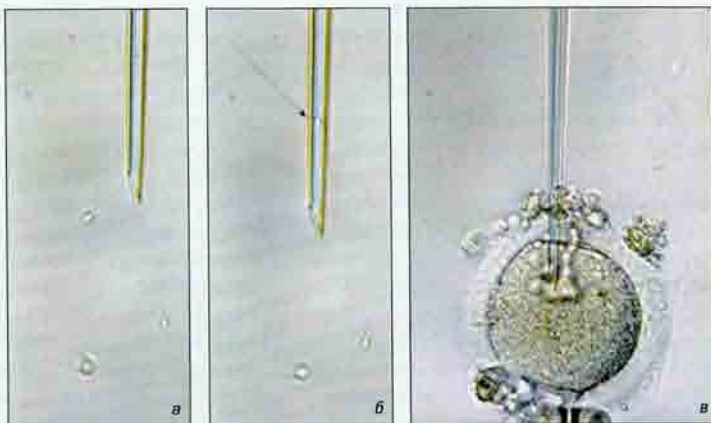
В феврале 1986 года директор Научного Центра акушерства, гинекологии и перинатологии Российской Академии медицинских наук, академик РАМН, профессор Владимир Иванович Кулаков извлечен на свет с помощью кесарева сечения первого ребенка, зачатого в России методом экстракорпорального оплодотворения и переноса эмбрионов в полость матки (ЭКОиПЭ), — проще говоря, зачатого "в пробирке". Или, как еще можно назвать родившихся таким образом ребятисшек, — ЭКОлогического младенца. Зачатие было осуществлено в лаборатории клинической эмбриологии Центра, которой руководит профессор Борис Васильевич Леонов.

Сам же метод был разработан английскими учеными в нембриднской клинике "Борн-Холл". В мировой клинической практике впервые был применен в 1978 году для преодоления трубного бесплодия. Это — когда маточные трубы или отсутствуют после операций в связи с внематочными беременностями, или непроходимы после болезни или вследствие аборта. (Ведь не секрет, что 25 процентов абортотомов являются для женщин диагнозом "бесплодие".)

Рожденную в 1978 году девочку, зачатую "в пробирке", зовут Луиза Браун. Сегодня ей уже 20 лет. Отечественному "пробирочному" первенцу Лене Донцовой, названной в честь Ангелы Елены из клиники донора Леонова, — уже почти тринадцать. Девочка абсолютно здорова.

Так как же рождается это чудо? Как зачинаются ЭКОлогические дети?

После необходимых обследований бесплодной пары врач определяет одну из схем, по которой будет проходить лечение. На второй день после начала очередного женского цикла будущая мама проходит ультразвуковое исследование состояния ее детородной системы. "Ультразвук" она станет проходить каждый день до самого на-



Вечное чудо зарождения жизни:
 а) идет "отлов" сперматозоидов;
 б) ...уже в игле;
 в) микроинъекция в яйцеклетку;

чала ее ЭКОлогической беременности. И каждый день сдавать кровь для анализа состояния ее гормонального статуса. По результатам этих обследований врач назначает ей индивидуально подобранное лечение. Ежедневно женщине вводятся натуральные человеческие гормоны, стимулирующие рост фолликулов и созревание яйцеклеток. Когда фолликулы, содержащие зрелые яйцеклетки, достаточно подрастут, вводится доза гормона, способствующего естественной овуляции. А дальше происходит чудо — непорочное зачатие.

Операция проходит под очень кратковременным наркозом "последнего поколения", действие которого прекращается буквально через несколько минут после вывода иглы из вены. Контролируя свои манипуляции по "картинке" ультразвуковой установки, специальной полой иглой врач входит в яичник, прокалывает созревший фолликул и отсасывает фолликулярную жидкость вместе с плавающей в ней яйцеклеткой. То же повторяется и с другими созревшими фолликулами. По специальному катетеру каждый раз жидкость с яйцеклетками стекает в отдельную пробирку, которая сразу же передается специалисту-эмбриологу.

Пока набираются следующие пробы, эмбриолог уже работает с поступившей. Каждая обрабатывается всего несколько секунд — яйцеклетка не успевает и почувствовать изменение среды обитания: перелив жидкость в чашку Петри, эмбриолог под микроскопом "вылавливает" яйцеклетки и помещает их в прозрачные стеклянные чашечки со специальной питательной средой, подобной среде женского организма. Чуть позже яйцеклетки "полюют" спермой мужа или донора. А затем произойдет дробление оплодотворенных яйцеклеток.

Пока все это происходит, будущая мама уже проснулась после наркоза и в тот же день может идти домой.

Обработанные эмбриологом яйцеклетки 1-3 дня живут в инкубаторе (на этом этапе будущие детки выглядят, как цветочки с прозрачными лепестками). Когда они достаточно подрастут, их введут непосредственно в полость матки матери. "Ваши детки побежали" — говорит доктор, и с этого-то момента начинается Жизнь. Дальнейший процесс — имплантация и беременность — идет естественным путем.

Если качественных, здоровых эмбрионов получилось несколько, то женщине подсаживают сразу 3-4, а то и 5-6 эмбрионов. Это, конечно, не означает,



г) работа по оплодотворению началась;
д) дробление оплодотворенной яйцеклетки — жизнь зародилась...
(фотосъемка произведена с помощью микроскопа).



"Ангел Борис" (руководитель лаборатории клинической эмбриологии, профессор Борис Васильевич Леонов).

что все они имплантируются (вживятся) в организм матери, и ее беременность окажется многоплодной. Хотя здесь такому рады. Но не каждая подсадна заканчивается беременностью. Ведь и при естественном процессе далеко не каждое зачатие сопровождается имплантацией эмбриона. Умная природа таким образом оградила женщину от роли "рожального автомата". При применении метода ЭКО эта вероятность — 20-30 процентов, а при некоторых схемах лечения и все 50.

Когда после подсадки остаются полноценные, хорошо развивающиеся "в пробирке" эмбрионы, их "консервируют" и, если женщине в этот раз не удалось забеременеть, подсаживают их ей в следующем месяце или даже через год. А при удавшейся подсадке такой "братишка-сестренка" может подождать своей очереди и появиться у своих родителей через годик тем же путем, что и старший ребенок.

Пусть всегда будет папа!

До 40 процентов бесплодных семей в России не имеют ребенка по вине мужей. Лечение бесплодия у мужчин включает в себя консервативные и хирургические методы, но и они не всесильны. Иногда именно из-за неспособности мужа подарить ей ребенка здоровая женщина вынуждена прибегнуть к помощи ЭКОиПЭ.

Дело в том, что при естественном ходе событий для того, чтобы произошло зачатие, женскую яйцеклетку должен атаковать не один, а много сперматозоидов. Проовулировавшую яйцеклетку окружает специальный защитный слой. И "добежавшие" до него сперматозоиды как бы выгрызают в нем "дырку", в которую и проникает "сперматозоид-папа". В акросоме сперматозоида, а говоря проще, в его головке есть небольшое количество фермента гиалуронидаза, разрушающего защитный слой. Множество "сперматозоидов-каминадзе" должно погибнуть, предварительно отдав этот драгоценный фермент, чтобы произошло оплодотворение яйцеклетки, после которого свойства ее защитного слоя изменяются, и он становится совершенно непроницаем для всех "запоздавших".

Но если у мужчины подвижность и концентрация сперматозоидов меньше нормы, защитный слой для них оказывается непреступен, и зачатия, естественно, не происходит.

В таких случаях можно попытаться немного помочь сперматозоидам пробраться свой путь и миновать некоторые барьеры, создаваемые как природной спецификой самого процесса, так и индивидуальными особенностями организма конкретной женщины. Специальным инструментом врач вводит в полость матки сперму мужа (а при необходимости — донора). Яйцеклетку в ее защитной оболочке не то чтобы непосред-

венно "поливают" семенной жидкостью, но подводят сперматозоиды к местам более близким к яйцеклетке. В обычных условиях туда сумела бы "пробраться" существенно меньшая их часть. Этот метод называется искусственным осеменением.

Но иногда активность и количество сперматозоидов бывают настолько невелики, что их недостаточно для "прогрызания дырки", даже если "поливать" ими непосредственно яйцеклетку. Раньше мунчин с таким качеством семенной жидкости считали абсолютно и безнадежно бесплодными и предлагали их семьям единственный выход — использование донорской спермы.

Но несколько лет назад профессор А. Ван Стейртнехем из Брюсселя разработал на основе метода ЭКОИПЭ совершенно уникальную технологию (метод ИНСИ), позволяющую осуществить зачатие всего одним сперматозоидом.

Даже если сперматозоид не только не в состоянии "бегать", а способен лишь на маятникообразные движения, — его можно сделать "папой". При технологии ИНСИ защитный слой разрушается естественным ферментом гиалуронидаза, но искусственным путем, и яйцеклетка оплодотворяется одним-единственным сперматозоидом. Для дальнейшего развития эмбриона эта процедура не представляет ни малейшей опасности: ребенок получится у супругов абсолютно полноценным и при этом абсолютно родным.

Мы других не лучше и не хуже

Передо мной сидит "наша" девочка трех с половиной лет и громко читает книжку. Читает по-настоящему — бегло и с выражением. Временами чтение пре-



Две Елены (в центре — акушер-гинеколог, кандидат медицинских наук, Елена Финогенова и названная в ее честь Леночка Донцова — отечественный ЭКОлогический первенец).

рывается ее смехом или комментариями к тексту. Мама родила ее в 50 лет. До этого детей не было...

За двенадцать лет после появления на свет Лены Донцовой родилось более трех тысяч детей, зачатых в лаборатории профессора Леонова. За ребятами все это время специалисты ведут всестороннее наблюдение, которое показало: по своему развитию ЭКОлогические дети не только не уступают обычным сверстникам, но даже во многом их опережают. Объяснений этому факту много, причем, вполне объективных и научно обоснованных.

Во-первых, метод ЭКОИПЗ позволяет медикам, в полном смысле этого выражения, увидеть, насколько полноценен эмбрион к моменту подсадки в материнский организм, и провести "отбраковку" явно дефектных или плохо развивающихся. А, значит, уменьшается и вероятность рождения нездорового ребенка. Во-вторых, мамы наблюдаются у высококлассных специалистов, располагающих прекрасной медицинской аппаратурой, как до беременности, так и непрерывно во время ее — следовательно, риск упустить начавшую развиваться патологию беременности тоже снижается. В-третьих, просто сказать, что эти дети желанны, — значит, ничего не сказать. Как вы понимаете, родители и к еще только развивающемуся плоду, и к родившемуся своему ЭКОлогическому ребенку относятся особенно бережно и внимательно. Среди таких детей не бывает "отказников" или беспризорников. Этими детьми занимаются, их любят еще до зачатия.

И последнее. Сегодня ученые Центра активно развивают новое направление: предимплантационную диагностику эмбрионов, которое позволит достоверно определять их генетическую полноценность до момента подсадки в материнский организм. Этот метод приведет к получению почти стопроцентно качественного генофонда.

Трудно ангелам в России

Вот уже несколько лет в России отмечается демографический кризис. В 1992 году впервые в истории страны в мирное время смертность превысила рождаемость, причем сразу на 220 тысяч человек. За 1993 год эта страшная цифра увеличилась и достигла 750 тысяч. А в 1994-м — составила уже 993 тысячи... Сегодня, по данным Госкомстата РФ, несмотря на прибывающие потоки беженцев, естественная убыль российского населения превышает 1 миллион в год. Рождаемость же упала до цифр, которые вообще трудно назвать приличными: сегодня она (1,2 миллиона родившихся в 1997 году) в два раза меньше по сравнению с концом "застоя" и в четыре раза — по сравнению с довоенным 1940-м. Демографы уже подсчитали, что если так пойдет и дальше, то через 50 лет численность коренного населения России сократится вдвое. И сколько из "оставшейся половины" смогут составить ее качественный генофонд, если и сегодня-то из десяти родившихся детей девять имеют те или иные патологии? Тут в пору говорить уже не о демографическом кризисе, а о демографическом коллапсе.

И вот на таком мрачноватом фоне — нуда следует добавить и нежелание миллионов супружеских пар заводить ребенка в наше трудное время — находятся страдающие бесплодием семьи, готовые все отдать, через все испытания пройти ради счастья иметь сына или дочь. Их бы государству на руках носить. Как и тех ангелов, которые дарят людям это счастье и в честь которых называют сыновей и дочек...

Надо сказать, проблема роста бесплодия отнюдь не "чисто российская". По данным Всемирной организации здравоохранения число бесплодных пар

во всем мире увеличивается с каждым годом. В странах, которые у нас принято называть развитыми, частота бесплодия в группе детородного возраста — 10-15 процентов. И правительства этих стран сильно этими процентами обеспокоены. Поэтому в развитых европейских государствах использование метода ЭКОИПЭ числится среди приоритетных направлений здравоохранения. А лечение от бесплодия, включая полный набор необходимых лекарств, проводится по государственной страховке. То есть первые 3-5 попыток забеременеть с помощью ЭКОИПЭ для граждан этих стран бесплатны. Причем, если беременность наступила (пусть даже неудачная, внематочная), женщине возвращается право на следующие 3-5 новых бесплатных попыток: рожайте еще — себе на здоровье и государству на радость.

А вот в Америке "удовольствие в пробирне" — платное. Цена одной подсадни методом ЭКОИПЭ десять тысяч долларов. Но для работающих американцев, с учетом их среднегодовых доходов, эта сумма вовсе не разорительна.

Ну, а у нас? В России абсолютно вся оплата и лечения, и лекарства ложится на плечи пациентов. За одну попытку воспользоваться методом ЭКОИПЭ необходимо выложить от 10 до 15 тысяч рублей. И это без учета затрат на предварительное обследование по месту жительства. Для немосквичей все выходит еще дороже: на общий курс проведения одной подсадни уходит около трех недель; их супружеской паре надо где-то прожить, сняв квартиру или поселившись в гостинице; а еще транспортные расходы — ведь бездетные живут и в Калининграде, и во Владивостоке...

Вот и считайте, сколько денег должны потратить наша Мария и ее сестра с мужем, чтобы зачать долгожданного малыша, если живут они вдали от Москвы. Дай-то Бог, чтобы все у них получилось с первой попытки!..

И еще несколько цифр, позволяющих сделать сравнение, которое снова не в пользу Российского государства.

Если в США сегодня работает около трехсот лабораторий ЭКОИПЭ, то у нас их — всего 15. Из них только лаборатория Центра, которой руководит профессор Леонов, является государственной. Остальные — коммерческие структуры. Такая лаборатория (средняя по западным масштабам) может провести не более 1000-1500 попыток ЭКОИПЭ в год. Для нас это ничтожно мало. Судите сами, читатель: если лишь 2 процента бесплодных супружеских пар захотят в один и тот же год произвести лишь по одной попытке обзавестись с помощью этого метода ребенком, общая численность подсадов будет равна 500 тысячам. То есть только для двух этих процентов России нужно было бы иметь 500 лабораторий. А если не 2 процента и не по одной попытке?..

Так как же поддерживает государство это единственное свое детище? И хотя испытываю жгучее чувство гражданского стыда, процитирую вице-преьера Олега Сысуева, отработовавшего на сей счет Госдуме: "В 1997 году Центру... выделено бюджетных средств: по разделу "Клиника" — 34% от планировавшихся, по разделу "Фундаментальные исследования" — 5,7% от плана...". После чего вице-премьер бодро посоветовал Центру оказывать "прямые хозрасчетные услуги гражданам в объеме недофинансирования". То есть, делайте, уважаемые ангелы, для государства детей — будущих защитников Отечества и матерей-тружениц — а ваши научные достижения и работу пусть их папы-мамы оплачивают!

Трудно быть ангелом в России.

А демографическая ситуация в стране все страшнее... И число бездетных супругов не уменьшается. Наоборот, растет год от года... ■

АДМИРАЛ

Любовь РУСЕВА

С тарик, останься у меня обедать, — сказал Николай I своему любимому адмиралу Лазареву.

— Не могу, государь. Я дал слово обедать у адмирала Гейдена. — Взглянув на часы, Михаил Петрович продолжил: — опоздал, государь...

С этими словами Лазарев поцеловал озадаченного императора и быстрыми шагами вышел из кабинета. В дверях он столкнулся и раскланялся с князем Орловым, который чрезвычайно уважал адмирала.

— Алексей Федорович! — обратился Николай I к Орлову. — Представь себе, что есть в России человек, который не захотел со мной отобедать.





Император благосклонно относился к своему любимцу и прощал ему его странности. Лазарев был предельно честным и прямым человеком. Солгать или покривить душой не могли заставить его ни гнев императора, ни опала, ни другие неприятности. Он смело говорил царю правду даже в то время, когда последний еще мало его знал. После блистательной победы Лазарева при Наварине Николай I поручил расследовать причину пожара на корабле «Фершампенуаз». Этот корабль вез с собой отчет по истраченной целой эскадрой сумме за пять лет. Входя в Кронштадт, «Фершампенуаз» неожиданно загорелся и сгорел дотла. Был заподозрен поджог с целью уничтожения документации. Лазарев провел тщательное расследование и пришел к выводу, что причина возгорания не злонамеренность, а неосторожность.

— Корабль сожгли? — обратился к Михаилу Петровичу прибывший в Кронштадт император.

— Сгорел, государь, — хладнокровно и, как всегда, лаконично ответил тот.

— Я тебе говорю, что корабль сожгли, — рассерженно возразил Николай.

— Государь, я доложил вашему величеству, что корабль сгорел, но не сказал, что его сожгли, — оскорбленный недоверием, ответил Лазарев.

Михаил Петрович Лазарев родился 3 ноября 1788 года в семье владимирского дворянина Петра Гавриловича Лазарева. Благодаря долгим хлопотам друга П.Г. Лазарева — Гавриила Романовича Державина — он был переведен из Владимира в Петербург. Зимой 1799 года больной Петр Гаврилович по указу императора Павла I отправился в Белоруссию для ревизии ее губерний. По пути он окончательно слег и в январе 1800 года скончался, оставив своих детей без средств к существованию.

Преданный Державин вновь стал хлопотать и добился определения трех сыновей друга в Морской кадетский корпус, как того хотел покойный. В конце января директор корпуса И.Л. Голенищев-Кутузов получил из канцелярии Павла I пакет с указом: «Государь император указать соизволил умершего сенатора, тайного советника Лазарева трех сыновей 1-го, 2-го и 3-го определить в Морской кадетский корпус».

Все три брата — Андрей, Михаил и Алексей стали адмиралами российского флота и все три совершили кругосветное путешествие. Морская стихия стала страстью всей жизни Лазаревых, в ней сосредоточились их честолюбие, надежды, помыслы, смысл жизни.

В 1803 году Михаил Петрович Лазарев был произведен в гардемарины и в числе 31 воспитанника корпуса отправлен в Англию для службы волонтером на судах английского флота с целью усовершенствования в морском деле. Здесь он пробыл пять лет и в звании мичмана возвратился на родину. Пребывание за границей окончательно сформировало личность этого замечательного человека. Он не только стал прекрасным морским офицером, но и сумел выработать в себе строгое сознание обязанностей и редкую любовь к порядку. Михаил Петрович проникся убеждением, что личная и служебная честь человека тесно связаны с добросовестным исполнением тех обязанностей, которые возложены на него занимаемым положением. Считаая службу обычным делом, Лазарев добросовестно ис-

полнял свой долг, а человека, исполняющего только свой долг, по его мнению, не за что награждать, поэтому Михаил Петрович никак не мог понять, за что получал ордена. Незадолго до смерти император наградил его Андреем Первозванным.

— Я понимаю, что графу Закревскому могли дать Андреевскую ленту, но мне-то за что ее дали? — наивно удивлялся Лазарев.

Вернувшись в Россию, Михаил Петрович поступил на эскадру адмирала Ханыкова, в составе которой участвовал в сражениях против недавних своих друзей англичан.

19 июня 1807 года эскадра адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина, в которой служили братья Михаила Петровича, разгромила под Афоном турецкий флот. Но через неделю состоялся Тильзитский мир, и Балтийскому флоту пришлось сражаться против объединенного англо-шведского флота. В сражении при Рогервике «Всеволод» атаковали английские корабли. На помощь ему послали охотников, среди которых был и Михаил Петрович. Несмотря на мужество российских моряков, «Всеволод», задавленный превосходящей численностью неприятеля, вынужден был спустить флаг. Лазарев вместе с другими попал в плен, но не надолго — в том же году он вновь служит в Балтийском флоте, где и застала его Отечественная война 1812 года.

Войска Наполеона неудачно пытались с ходу взять Ригу. Для облегчения положения осажденного города русское командование решило высадить десант в занятом французами Данциге. Среди кораблей посланной эскадры находился сорокапушечный «Феникс», на котором служил Михаил Петрович. Он первым вызвался охотником в десант. Дерзко проведенная демонстрация штурма Данцига вынудила неприятеля спешно перебросить сюда часть войск из-под Риги и резервные войска, шедшие на Москву. Блестяще выполнив свою задачу, русский десант вернулся на корабли. За эту кампанию Лазарев был награжден серебряной медалью и назначен старшим офицером.

— Поздравляю тебя с наградой, Мишель, — обнимая брата, сказал Андрей. — Лихая година кончается. Где нынче ревность приложить мыслишь на пользу российскому флоту?

— Думку таю последовать примеру российского Колумба Юрия Федоровича Лисянского, — ответил Михаил Петрович. — Жажду совершить путешествие вокруг света.

Вскоре Михаил Петрович получил возможность осуществить свою мечту — в 1813 году российско-американская компания предложила Лазареву принять командование над кораблем «Суворов», который должен был совершить кругосветное плавание и доставить груз из Кронштадта на остров Сихту. Лазарев согласился, но попросил неделю для того, чтобы привести судно в порядок и усилить команду надежными офицерами. Это предложение красноречиво говорит о репутации молодого офицера, так как самостоятельное командование судном до достижения двадцатипятилетнего возраста было необычным явлением. Кроме того, несовершенство кораблей для кругосветного плавания и неточность географических сведений требовали от капитана не только отличного знания своего дела, но и осторожности, решительности, способности не теряться в неожиданных обстоятельствах.

Плавание «Суворова» продолжалось три года — за это время в полной мере проявились способности Михаила Петровича, его железная воля и энергия, не раз спасавшие корабль в сильнейших штормах. В Тихом океане Лазарев открыл, описал и нанес на карты целую группу необитаемых островов, которые были названы им островами Суворова.

Во время этого плавания россияне впервые столкнулись с рабством. В бухте Рио-де-Жанейро рядом с «Суворовым» стояло португальское судно, трюмы которого были забиты «живым товаром». Услышав истошные вопли, русские моряки поднялись на палубу и увидели, как при помощи кнутов выгоняли рабов.

— Глянь-ка, в Россее-то нашего брата не глядят по холке, однако, такого не взвидишь! — поражались матросы.

В австралийский Порт-Джексон «Суворов» первым принес известие о поражении Наполеона, поэтому губернатор разрешил русскому кораблю пользоваться привилегиями английских кораблей. Решив развлечь своих гостей, англичане пригласили русских офицеров на захватывающее с их точки зрения зрелище: сражение австралийских племен.

Подстрекаемые зрителями-англичанами аборигены бились копьями и дубинками насмерть в течение двух часов. В отличие от англичан, русские офицеры смотрели это зрелище молча, с побледневшими лицами. По окончании сражения они отказались от приглашения английских офицеров отобедать с ними и вернулись на корабль.

— Нельзя даже вообразить, с какой свирепостью и отчаянием они нападали друг на друга, — грустно поделился впечатлением с Лазаревым его друг Унковский, — если же кто, лишившись сил, упадет, то мгновенно, с зверской радостью, добивали его до смерти, ударяя по виску дубинкой. Признаюсь, Михаил Петрович, сим зрелищем токмо англичане могут любоваться. Кровь лилась ручьями... Всякий бы чувствительный человек содрогнулся при сей зверской битве; но англичане вместо того, чтобы отвращать диких, стараются еще более раздражать их друг против друга ...

— Не невидаль это для меня, Семен Яковлевич, я сие и предполагал. Помнишь, как они на Ямайке глумились над индейцами?

— Страшно подумать, до какой степени не щадят человечества! Смотреть на мучения себе подобных сделалось уже увесительным зрелищем.

В 1816 году «Суворов» вернулся в Кронштадт. Прошло еще два года службы, и Лазарев назначается командиром шлюпа «Мирный», на котором отправляется во второе кругосветное путешествие к Южному полюсу, прославившее не только его имя, но и Россию и российский флот.

Александр I благословил экспедицию на Южный Полюс, и 4 июля 1819 года Кронштадт торжественно провожал шлюпы «Восток» и «Мирный», отправившиеся на поиск нового материка. Первым кораблем командовал капитан 2 ранга Ф.Ф. Беллинсгаузен.

Эта научная экспедиция приковала к себе внимание ученых и мировой общественности к русскому военному флоту. Лазареву и Беллинсгаузену удалось опровергнуть бытовавшее научное мнение, что за Южным Полярным кругом земли нет. Не раз европейскими мореплавателями предпринимались попытки найти материк, но даже прославленному Куку это не удалось.

Плавание проходило в невероятно трудных условиях, сквозь многочисленные айсберги русские корабли упрямо пробивались на юг.

Однажды «Мирный» чуть не был раздавлен гигантскими айсбергами. В одну из тревожных ночей, когда вся команда поднялась на палубу, так как из-за безветрия корабль прекратил движение и мог столкнуться с ледяной глыбой, раздался крик матроса на салинге:

— Лед сто сажений!

— Боцман! Лево на борт! — скомандовал Лазарев. — Всем стоять с правого борта с крюками и рострами!

Внезапно прекратились снежные заряды, и русские моряки с ужасом увидели, что они находятся в западне. Два огромных айсберга уже столкнулись дальними краями и медленно сходились. Между ними, как в гигантских клещах, находился «Мирный».

По приказу Лазарева матросы живо вооружились стеньгами, крюками и запасными реями и стали выталкивать корабль на чистую воду из западни. К счастью, снова задул спасительный ветер.

— Стаксяля готовить на левой гал! — скомандовал капитан корабля.

Буквально через мгновение после того, как шлюп оказался на чистой воде, раздался страшный грохот — гигантские айсберги полностью сошлись.

Несмотря на смертельную опасность прохождения сквозь узкие коридоры льдин, сказочная красота в солнечные дни заставляла моряков забывать обо всем. «Случись в этих проходах обычные туманы, — писал участник экспедиции П. М. Новосильский, — едва ли бы мы уцелели. Между тем, когда сияло солнце, никто и не помышлял об опасности. Напротив, перед глазами нашими самое величественное, самое восхитительное зрелище! С левой стороны большие ледяные острова из чистого кристалла светились изумрудами; солнечные лучи превращали эти кристаллы в чудные, волшебные, освещенные бесчисленными огнями дворцы, возле которых киты пускали высокие фонтаны; другие острова с глубокими пещерами, в которые с яростью устремлялись волны, а сверху падали каскады, представляли самые разнообразные, причудливые формы. По правую от нас сторону весьма близко тянулось ледяное поле, на котором были точно целые города с мраморными дворцами, колоннадами, куполами, арками, башнями, колокольнями, полуразрушенными мостами, посеребренными деревьями, — словом, мы видели самую интересную, чудную, фантастическую картину из тысячи и одной ночи!»

16 января 1820 года Лазарев поднялся на салинг. Внезапно впереди «Мирного» взметнулись, переливаясь и сверкая на солнце, каскады битого льда.

— Михаил Петрович, — обратился к капитану Новосильский, — что это?

— А вот подымитесь, Павел Михайлович, и сами посмотрите.

— Так сие берег, Михаил Петрович! — воскликнул пораженный Новосильский, возвращая подзорную трубу.

— Вы правы... Это — материк!

— Братцы! Земля!

В ответ раздалось дружное счастливое «Ура!» Это была Антарктида. Открытый материк русские назвали берегом Александра I.

Экспедиция Беллинсгаузена-Лазарева до сих пор не имеет себе равных по продолжительности и протяженности обследованных районов. Она длилась 751 день, было пройдено около 50 тысяч миль. «Мирный» и «Восток» не только открыли Антарктиду и обошли вокруг антарктического материка, но открыли еще около 30 островов, которым дали русские названия.

За время путешествия Михаил Петрович создал замечательную коллекцию рисунков — образцов всех виденных им судов, используемых дикими племенами.

24 июля 1821 года «Мирный» и «Восток» бросили якоря в Кронштадте. Корабли посетили Александр I и морской министр маркиз де Траверсе. Экипажи обоих кораблей были осыпаны наградами. За блестящие научные результаты Лазареваа произвели сразу в капитаны 2 ранга, Беллинсгаузена — в капитан-командоры, все офицеры были награждены орденами, а матросы — двойным окладом жалованья до конца службы, срок которой сократили им на 3 года.

Недолго пробыл на родине Михаил Петрович. В следующем же году он был назначен капитаном фрегата «Крейсер» и 24 августа 1822 года отправился в третье кругосветное плавание. Правительство поставило перед Лазаревым задачу: доставить на остров Сихту груз и обеспечить берегам русских владений в Северной Америке безопасность. Михаил Петрович должен был вести там борьбу против американцев и англичан, занимавшихся в русских территориальных водах хищническим истреблением пушного зверя и ведших контрабандную торговлю с туземным населением, которое они снабжали оружием и боеприпасами и подстрекали к нападению на русских. Вместе с «Крейсером» на остров был направлен 20-пушечный шлюп «Ладога» под командованием старшего брата Лазарева — Андрея Петровича.

Плавание продолжалось три года. Михаил Петрович блестяще справился со своей задачей. По возвращении к родным берегам даже моряки были поражены щегольским состоянием фрегата после столь длительного и трудного похода, царившим на нем образцовым порядком, высоким моральным духом личного состава. Лазарев стал капитаном 1 ранга.

Уже во время этих трех кругосветных плаваний сложилась особая школа воспитания офицеров и моряков, которая впоследствии заслужила название «лазаревской».

— За пять кругосветных путешествий братьев Лазаревых! — поднял тост Михаил Петрович, когда все братья собрались у него в Петербурге.

В начале 1826 года М.П. Лазарев назначается командиром линейного корабля «Азов», который строился под его руководством в Архангельске. «Азов» стал лучшим кораблем русского флота и долгое время служил образцом, по которому строились другие корабли.

На следующий год «Азов» в составе эскадры контр-адмирала Гейдена отправился в Средиземное море для участия в боевых действиях против турецко-египетских войск. Лазарев — начальник штаба эскадры и командир адмиральского корабля «Азов». Против турецкого владычества восстала Греция, на стороне которой были русская, английская и французская эскадры.

8 октября 1827 года произошло знаменитое Наваринское сражение, во время которого турецко-египетский флот был полностью уничтожен. Особенно отличился «Азов», которого атаковали 5 неприятельских судов. Лазаревцы потопили два корабля, но сами были в очень опасном положении. На помощь русским поспешил французский корабль «Бреславль». Вырученный союзниками «Азов» не только вывел из строя остальные три нападавших на него судна, но помог английскому адмиральскому кораблю «Азия», который сцепился с 84-пушечным египетским кораблем. Русская артиллерия взорвала его.

Все мачты «Азова» были перебиты, на корпусе корабля насчитывалось 153 пробоины, в том числе 7 подводных. В донесении императору Николаю I контр-адмирал Гейден сообщал: «... Неустрашимый капитан 1 ранга Лазарев управляет движениями «Азова» с хладнокровием, искусством и мужеством примерным... К чести капитана Лазарева должно присовокупить, что строгая дисциплина, ежедневное учение по пушкам и порядок, в коем служители всегда содержались, были причиною, что корабль «Азов» действовал с таким успехом в поражении и истреблении неприятеля. Он сильным своим огнем потопил два огромных фрегата и корвет, сбил 80-пушечный корабль, который брошен на мель и напоследок взорван, истребил двухдечный фрегат, на коем главнокомандующий турецким флотом Тагир-паша имел свой флаг; фрегат сгорел, по признанию самого паши; в сражении из 600 человек было до 500 убитых и раненых».

За подвиг «Азова» в Наваринском сражении впервые в истории русского флота кораблю был присвоен георгиевский кормовой флаг, а Михаил Петрович Лазарев произведен в контр-адмиралы. Орденами награждены все отличившиеся офицеры, среди них воспитанники Лазарева и будущие герои Севастопольской обороны: лейтенант П. Нахимов, мичман В. Корнилов, гардемарин В. Истомин.

Эта победа обострила отношения между Турцией и Россией. 14 апреля 1828 года Николай I издал манифест о войне с Турцией. Гейдену и Лазареву было приказано оказывать содействие грекам в их борьбе и установить блокаду Дарданелл со стороны Эгейского моря. В результате победы русских Греция стала независимым государством; Молдавия, Валахия и Сербия получили широкое внутреннее самоуправление; к России переходили устье Дуная и восточная часть черноморского побережья от устья реки Кубань до бухты св. Николая.

В 1832 году Михаил Петрович назначается начальником штаба Черноморского флота, состояние которого было довольно плачевным. С приходом Лазарева все почувствовали железную руку и непреклонную волю. В кратчайший срок он значительно повысил боеспособность вверенного ему флота, поэтому, когда вспыхнула война между Египтом и ослабленной Турцией, он, получив приказ императора, смог моментально двинуть эскадру к Константинополю. В Босфор Лазарев вошел вопреки данным ему указаниям, но этот дерзкий поступок оправдал себя.

Англичане и французы уверяли султана, что помогут Турции, если русская эскадра покинет Босфор, но в то же время подстрекали египетского пашу Мухаммеда-Али к наступательным действиям. Михаил Петрович, подружившись с русским посланником А.Ф. Орловым, прекрасно

знал о закулисной игре Англии и Франции, поэтому на требование султана покинуть Константинополь, он, ссылаясь на ветер, которого то не было, то он дул не в ту сторону, не двигался с места.

Убедившись, что англичане и французы не собираются помогать, а египетские войска уже подходят к столице, султан не только перестал настаивать на выходе русской эскадры в море, но стал просить у русского императора прислать войска. Только после заключения мирного договора между Египтом и Турцией Лазарев ушел из Босфора. По Ункяр-Искелесийскому договору Россия и Турция обязывались в случае войны с третьей державой или в случае внутренних волнений помогать друг другу флотом и армией. Турция обязывалась закрыть Дарданеллы для врагов России, русским же кораблям было предоставлено право свободного входа в Босфор.

За эту кампанию Михаил Петрович был произведен в вице-адмиралы.

В 1834 году Лазарев утвердили главным командиром Черноморского флота и портов, а также военным губернатором Николаева и Севастополя. Здесь он буквально заново создает черноморский флот. В Николаеве, Севастополе и Херсоне построили 138 кораблей и 25 канонерских лодок. Построенные по чертежам русских инженеров, они были устойчивы, поворотливы, быстроходны и красивы, да к тому же и вооружены мощной артиллерией новейшего образца. Некоторые корабли имели на вооружении по 120 пушек, а некоторые (впервые в истории кораблестроения) — были оснащены бомбическими пушками — грозным оружием для деревянных парусных кораблей. Впоследствии в Синопском сражении именно эти пушки быстро уничтожили всю турецкую эскадру.

Лазарев первым оценил значение железных кораблей и стал инициатором их строительства для русского флота. Михаил Петрович многое сделал для создания отечественной судостроительной базы. Он реконструировал Николаевское адмиралтейство и приступил к строительству Севастопольского. Под руководством Лазарева в Севастополе построили 5 сухих доков, возвели двух- и трехэтажные батареи, соорудили эллинг, семь двухэтажных складов, две трехэтажные казармы на 6.000 человек, офицерское собрание, библиотеку, много служебных помещений и т.п. В Николаеве Лазарев перестроил порт, выстроил кузницы, заводы, мастерские, казармы.

Михаил Петрович не только улучшал флот, но непрестанно занимался воспитанием личного состава. Самым важным условием боеспособности флота Лазарев считал четкую и строгую организацию службы на кораблях, которую он поднял на невероятную высоту. Каждый офицер и матрос должен был твердо знать круг своих обязанностей, свое определенное место на корабле. Образцовой организацией корабельной службы и повседневной тренировкой были достигнуты четкость и меткость артиллерийской стрельбы, необычайная быстрота и точность в установке и снятии парусов, подъеме и креплении гребных судов.

Под командованием Лазарева (на протяжении 17 лет) русские корабли почти непрерывно принимали участие в боевых действиях против англичан и турок.

Заметив одаренного перспективного офицера, который выделялся среди других, Михаил Петрович создавал для него особые условия для раз-

вития таланта и опекал до конца. Лучшие из лучших его ученики — Нахимов, Корнилов и Истомин сами стали впоследствии адмиралами. Любопытны воспоминания адмирала Ивана Семеновича Унковского — сына его друга С.Я. Унковского. Начав свою службу в Петербурге, Иван Семенович по желанию отца был переведен на Черноморский флот. Не хотелось молодому офицеру отправляться на юг, так как считалось, что под началом Лазарева служить слишком трудно. Но вскоре Унковский настолько полюбил Михаила Петровича, что «... потому только не дерзал я его в помышлениях ставить выше моего отца и сильнее любить его, что опасался навлечь на себя гнев Божий...».

Михаил Петрович сразу понял, что Унковским следует заняться серьезно — выйдет из него толк. Адмирал назначил Ивана Семеновича командиром яхты «Орианда», которая была ранее построена по его чертежам. Михаил Петрович гордился этой яхтой и считал ее лучшей в Европе. Обучив молодого офицера всем приемам управления «Ориандой», Лазарев направил его в Кронштадт для участия в гонках на императорский приз со шхунами и тендерами. Унковский обогнул всю Европу и за сутки до начала состязаний прибыл в Кронштадт. По пути, в Лондоне, Иван Семенович встретил Корнилова, который подтвердил, что когда-то «Орианда» действительно была лучшей в мире, но сейчас англичане построили новые типы яхт, которые превосходят любимое детище Лазарева. В Кронштадте яхту посетили другие ученики Михаила Петровича — контр-адмирал Путятин и флигель-адъютант Истомин, которых очень волновали предстоящие состязания.

13 августа 1848 года гонка состоялась. На старте по жеребьевке яхте досталось самое невыгодное место, погода была почти безветренной. Вскоре все яхты оставили «Орианду» позади, впереди победоносно неся новой конструкции «Варяг». Черноморцы пользовались любой случайностью, чтобы исправить положение: матросы лежали на палубах, чтобы меньше парусило, у рулевого даже были подвязаны уши платком, чтобы ничто не отвлекало. Но вдруг с юга, к радости командира и команды, стали надвигаться тучи и налетел шквал. Только на эту случайность и рассчитывал Унковский. На всех яхтах стали убираться паруса. Иван Семенович, рискуя перевернуться, вопреки всем правилам не только не убрал паруса, но почти мгновенно, благодаря превосходной команде, прибавил столько парусов, сколько было возможно. Птицей понеслась «Орианда», оставляя всех позади. Приз был выигран. Иван Семенович говорил, что это была лучшая минута в его жизни.

Яхту посетил Николай I и остался очень доволен как судном, так и ее командой. Он лично вручил приз — серебряный позолоченный ковш, украшенный драгоценными камнями, и приказал его передать Лазареву. Покидая «Орианду», император поздравил Ивана Семеновича с чином капитана-лейтенанта. Сопровождавший Николая I князь Меншиков заметил ему:

— Государь, Унковский всего три года в чине лейтенанта, тогда как обыкновенно в нем остаются от десяти до двенадцати лет. Не лучше ли было бы наградить его орденом Станислава на шею.

— Я, князь, своих решений не отменяю, — ответил император.

Вечером фельдъегерь привез Ивану Семеновичу личный подарок государя — серебряные штаб-офицерские эполеты. Кроме того, был издан приказ: капитану, офицерам и команде выдать по годовому окладу жалования.

Без преувеличения Лазарев воспитал новое особое сословие, особую касту — черноморских моряков. На его учениках был какой-то особенный лоск, особая печать. Высокие нравственные качества сочетались с широкой образованностью, высокой культурой, преданностью Отечеству и морскому делу. Честь и долг морского офицера для них были превыше всего. Усилия Лазарева увенчались триумфом: он создал и воспитал славу и гордость России — новый Черноморский флот, который стал лучшим в мире и вызывал не только восхищение, но и зависть других государств.

Почти до старости единственным любовью и страстью Михаила Петровича был флот. Но в один из приездов в Петербург прославленный адмирал увидел девушку, которая покорила сердце морского волка. Строгого, немногословного адмирала поразила любовью с первого взгляда дочь фон дер Флита. Лазарев поступил по-лазаревски: не сказав ни слова полюбившейся ему девушке, на следующий же день явился к ее отцу, изъявив желание жениться на Екатерине Тимофеевне.

— Ответ на мое предложение должен быть дан завтра, — прибавил адмирал.

В несколько дней все было улажено, свадьба сыграна, и Михаил Петрович с молодой женой уехали в Николаев. Екатерина Тимофеевна имела редкое влияние на своего мужа, она во многом изменила его привычки. Ведь это был довольно суровый человек. Находясь почти непрерывно на море, где жизнь часто зависела от дисциплины экипажа, Лазарев всегда требовал от команды строгого исполнения обязанностей. Нигде человек не беседует так много с самим собою, как на палубе военного корабля; нигде не привыкает властвовать до деспотизма, как на корабле. Именно такой человек стал мужем Екатерины Тимофеевны и должен был составить ее семейное счастье.

Вскоре после женитьбы окружающие заметили, что в определенное время вечером в кабинет адмирала входил человек, который приглашал его на половину супруги. Оказалось, что в это время Лазарев должен был читать в присутствии жены книги священного содержания. Так перед Михаилом Петровичем открылся новый мир, чтение осветило особым светом душу старого моряка.

В 1845 году у Михаила Петровича проявились первые признаки той страшной болезни (рак желудка), которая унесла его в могилу. Но и все последние годы жизни, превозмогая невыносимые боли, адмирал продолжал трудиться во славу Отечества, постоянно проводил морские учения или участвовал в военных действиях.

Резкое ухудшение самочувствия Лазарева встревожило не только черноморцев, но и императора. Николай I еще раз продемонстрировал свою любовь и уважение к адмиралу.

«С искренним соболезнованием узнав о расстроенном состоянии вашего здоровья, — писал в рескрипте император, — я поручил начальнику Главного морского штаба моего выразить вам как участие мое, так и желание, чтобы вы поспешили прибегнуть к врачебным пособиям для восстановления ваших сил. Усматривая из вашего к нему отзыва, что, несмотря на утомление вас болезнью, вы продолжаете неослабно заниматься делами, я опасаюсь, чтобы труды, для которых по свойственной вам ревности к любимому вами делу вы не щадите себя, не усугубили

еще более ваших страданий. А потому, если только с желанием вашим согласно временно отдохнуть от занятий и путешествие на воды за границу или куда-либо, по совету врачей, может быть для вашего здоровья целебно, то я, озабочиваясь сохранением ценимой мною деятельной и полезной службы вашей, не только позволяю вам, но даже прошу последовать указаниям медиков, не стесняясь несколько лежащими на вас обязанностями как по званию главного командира Черноморского флота и портов, так и николаевского и севастопольского военного губернатора, которые вы передадите впредь до особого распоряжения старшему по вас генерал-лейтенанту Берху.

На путевые же издержки, при сохранении вам всего получаемого вами на службе содержания, разрешаю вам взять, безотчетно, две тысячи червонцев или равную им стоимость другою монетою из сумм, в вашем распоряжении находящихся.

Дай Бог вам скорого и совершенного выздоровления, чтобы потом с тем же усердием и с тою же пользою, какими всегда отличалось достохвальное ваше служение, продолжать его престолу и Отечеству. Этим искренним желанием, сопутствуя вам всюду, пребываю к вам навсегда благосклонный, Николай»

Михаил Петрович тоже очень любил императора, который поддерживал его во всех начинаниях. Все знали о преданности Лазарева Николаю I, о том, что он действительно готов отдать последнюю каплю крови за государя, но знали также, что Отечество для адмирала превыше всего.

В начале 1851 года Лазарев отправляется на лечение в Вену, но было уже поздно. В ночь с 10 на 11 апреля Михаила Петровича не стало. Весть о кончине прославленного адмирала произвела удручающее впечатление на его сослуживцев. Для любимых учеников Лазарева со смертью этого человека как бы обрывался самый смысл жизни. Им казалось, что со смертью Михаила Петровича умирает и сам Черноморский флот. Всем было ясно, что заменить Лазарева невозможно. Одно только несколько утешало его сослуживцев — останки адмирала вернулись в Россию и были захоронены в Севастополе, согласно воле усопшего.

В обществе это печальное событие не особенно заметили. В газетах появились некрологи и уведомление об исключении из флотских списков адмирала Лазарева.

Но уже через два года после смерти Лазарева о нем заговорили во весь голос. Вице-адмирал Павел Степанович Нахимов, командовавший русским флотом во время Синопского сражения, во всеулышание заявил, что славной победой он обязан невидимо носившейся тени бессмертного учителя. Имя Лазарева становится всеобщим достоянием. Во время Севастопольской обороны слава его еще больше окрепла.

Одними из последних слов перед смертью героя Севастополя адмирала В.А. Корнилова были:

— Туда, туда, к Михаилу Петровичу...

Не успели еще отгреметь пушки на бастионах, построенных Лазаревым, как благодарное Отечество воздвигло среди развалин Севастополя — славы русских моряков — прекрасный памятник народному любимцу Михаилу Петровичу Лазареву. ■

Елена БАРТЕНЕВА

*Где же он, тот, который невстреченный?
Мой далекий, чужой и желанный.
И в толпе до сих пор не замеченный —
тот единственный и долгожданный.*

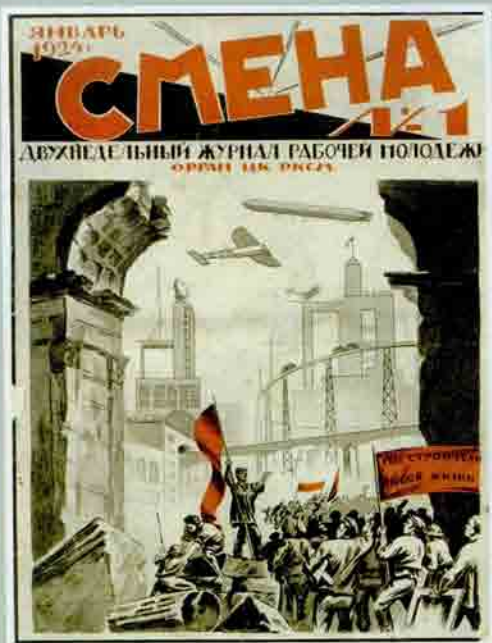
*Иль его я уже проглядела,
оттолкнув строгим взглядом, усмешкой.
И в глаза заглянуть не успела,
расплескав на других свою нежность.*

*И сколько я по небу бездонному
глаз красивых, пустых, равнодушных,
и влюбляюсь в того, незнакомого,
кому чувства мои и не нужны.*

*Жизнь проходит...
Где тонко — там рвется.
Я сомненья в клубок смотаю.
Если встретиться нам доведется —
я тебя среди тысяч узнаю!*



ВОТ И ТРЯХНУЛИ СТАРИНОЙ



Дорогие читатели! Пришел срок познакомить вас с итогами самого, пожалуй, необычного конкурса, какой проводила когда-нибудь "Смена".

Хотя условия конкурса, объявленного в январе и посвященного 75-летию нашего журнала, были очень просты — победят те, кто пришлет самые "старые" номера "Смены", мы, честно говоря, не надеялись на массовое участие в нем наших читателей. Просто хотелось узнать, а есть ли среди наших подписчиков такие, кому и в сегодняшней суматошной жизни удалось сохранить "Смену" очень-очень давних лет. Знаете, друзья, что оказалось? Н нашей радости

и гордости мы ошиблись: и участников оказалось много, и журнал они берегли многие десятилетия. А буквально накануне подведения итогов произошло и вовсе поразительное: Наталья Алексеевна Уварова из Нижнего Новгорода прислала № 1 за 1924 год — самый первый номер "Смены"!

Вот что пишет она в своем письме: "Мой дед Степан Семенович Артемьев работал в библиотеке деревни Обжериха Ивановской области и был заядлым читателем, особенно газет и журналов. Он вообще был удивительный человек. В молодости работал кассиром на Нижегородской ярмарке, в ярмарочном театре, лич-

но знал Горького, Скитальца, общался с Шалапиным, когда тот бывал на ярмарке. Жил-то он в деревне, но общение с такими людьми, конечно же, повлияло на его личность. Потом он работал на строительстве Мурманской железной дороги, и в краеведческом музее Мурманска есть его воспоминания и документальные материалы, потому что работники музея не раз к нему обращались за помощью. В годы коллективизации он спас от высылки свою будущую жену Елизавету Константиновну, не побоявшись публично заявить прокурору во время суда над "кулаками", что он женится на Лизе Строевой. (Настя, она жива, и сегодня живет в той же деревне и даже ведет хозяйство, хотя ей девяносто один год.) Все детство я провела с дедом, счастлива, что он у меня был. Представьте, он будил меня летом в четыре утра, вел на берег Волги и читал: "Вот уж солнце встает, Из-за пашен блестит..." Это незабываемо! Он хорошо знал русскую поэзию, особенно любил Некрасова, Надсона, Кольцова. После его смерти мы сохранили много газет и журналов. Я работаю учителем в Нижнем Новгороде, и периодика мне очень помогает. "Смена" у нас есть и за 24-й, и за 30-е годы — все беренно храним. Мои дочери — Даша и Настя — читают старую "Смену" с огромным интересом".

Вот это-то и замечательно: в нескольких строках письма Наталья Алексеевна рассказала о жизни одного простого человека — а получилась история целой эпохи, судьба нескольких поколений. И самое главное в этом рассказе — не только тяга Степана Артемьева, деревенского парня, к литературе, к любви и к которой он прожил всю жизнь, но и умение передать эту любовь детям и внукам, а через хранимые в семье газеты и журналы — и правнукам. Редкий, счастливый дар!

Елена Осипова из подмосковных Мытищ с № 9 за 1936 год прислала не менее интересное письмо: "Этот журнал принадлежал моим дедушке и бабушке. Дед — Клейтман Александр Иванович до самой пенсии работал в заводском КБ, бабушка — Евгения Захаровна, закончив в 1934 году педагогические курсы, всю жизнь проработала учительницей начальных классов. Видимо, поэтому и сохранился журнал, полностью посвященный А.С.Пушину, — в свет он вышел в канун 100-летия со дня гибели поэта. А "повидал" этот номер "Смены" немало: два пожара заводских баранов в Люберцах, эвакуацию, жизнь в коммуналах. Нашлось ему место и в "хрущобе" — тогда на каждого приходилось строго по пять квадратных метров. — где

смена

9



СМЕНА

22
1936

уж там, казалось, место журналам. Но "выжил" — семья жила очень скромно, и ценности у моих родных были настоящие. Тепло, с которым к дедушке и бабушке относились окружающие, я долго ощущала на себе. Теперь этот "пушкинский" номер "Смены" достиг почтенного возраста — ему 61, а мне — 36. Храню его как память о родных..."

Удивительные все же совпадения преподносит жизнь. Точно такой же экземпляр № 9 за 1936 год сберег инженер-нефтяник из Москвы А.Фейгин. "Этот номер журнала, — пишет Александр Борисович, — остался в семье от отца, работавшего в издательстве "Правда" в 30-е годы, откуда в июне 41-го он ушел добровольцем в народное ополчение и уже в сентябре погиб. Передаю экземпляр на хранение редакции".

Спасибо, Александр Борисович, за дорогой подарок! Мы будем беречь этот номер журнала, посвященный великому русскому поэту, как бесценную частичку культурного наследия страны, и передадим его следующим поколениям журналистов.

В № 1-м за 1937 год, присланном из Ужгорода Людмилой Вячеславовной и Андреем Буришиными, — отрывок из романа Василия Гроссмана, стихи Павла Антокольского, посвященные А.С. Пушкину, очерк Бориса Горбатова о молодых

летчиках — авиация в то время была любовью всей страны, очерк Ю.Неймана о Василии Сурикове. И снова "пушкинские страницы": статья Корнея Чуковского о творчестве поэта, стихи, рисунки к его сказкам.

"Этот номер, — пишет Людмила Вячеславовна, — бережно хранился в нашей семье вместе с другими журналами и редкими книгами. Достался он нам в наследство от дядюшки Ювенского Александра Владимировича, учителя русского языка и литературы, талантливого педагога, хорошего человека. Уже тридцать лет работаю учителем в Закарпатье. В наше трудное время по-прежнему читаем "Смену", и учеников своих, и двенадцатилетнего сына пристрастила к чтению. У нас всегда очередь на свежий номер журнала".

А Лев Петрович Ушаков сберег № 14 (декабрьский) за 1941-й год. Подумать только: самая страшная военная зима, а "Смена", уменьшенная в формате из-за экономии бумаги, все же выходит в свет!

"Мне было тогда десять лет, — пишет Лев Петрович, — но война затронула и детей. Все жили надеждой, и хотелось знать, что происходит на фронте и в тылу. "Смена" рассказывала об этом в каждом номере. Возможно, для кого-то



старые журналы — просто макулатура мол, время прошло, можно выбросить, забыть и жить настоящим, но я уверен, что прошлое является неотъемлемой частью жизни и его нельзя забывать. "Смена" для меня — историческая память. Поэтому и храню старые журналы, люблю и сегодняшнюю "Смену".

От москвича Ивана Александровича Кириллова получили "сдвоенные" №№ 21-22 за 1944 и №№ 7-8 за 1945 годы. Номера тоненькие, но прежнего, довоенного формата. Конечно, со страниц уже веет победой и мирной жизнью.

№ 22 за 1948-й год прислал Юрий Иванович Трофимов из Твери, научный работник, который и сейчас, даже не получая вовремя зарплату, выписывает "Смену". А вдали от 40-е он жил и учился в сельской местности и очень любил читать. В память о школьных годах, о том тяжком времени и сберег, в числе самых дорогих книг и журналов, "Смену".

Благодарим Василия Федоровича Иванова из г.Васильнова Киевской области за № 12-49-го года; коренного москвича Евгения Ивановича Лиховида за № 20-59-го года; Бориса Петровича Ожегова, родившегося в Харбине, но вернувшегося на родину в 54-м и участвовавшего в освоении целинных земель. Он и сейчас живет в Оренбург-

ской области, ему удалось сохранить № 24 за 58-й год.

Анатолий Алексеевич Сноринов из Павловского Посада Московской области прислал целую подшивку своих любимых научно-фантастических и детективных произведений, когда-то опубликованных в "Смене". Журнал много лет назад начал выписывать его отец и хранил годовые комплекты, несмотря на многочисленные переезды. Став военным моряком Тихоокеанского флота, Анатолий Алексеевич выписывал "Смену" уже для своей семьи, а лет пятнадцать назад, гостя у родителей, собрал все журналы и самые интересные публикации переплел. Десять таких сборников увез на Камчатку, а потом, уволившись в запас, переправил в Удомлю Тверской области, где работал на Калининской атомной станции. Сейчас семья Снориновых, а стало быть, и "старая" "Смена" живут в Подмоскovie.

И таких примеров, когда подшивки журнала хранятся в семьях десятилетиями, участники конкурса приводят множество. А ведь берегут только то, что дорого...

Жаль, что нет возможности процитировать все ваши письма, дорогие участники конкурса, перечислить всех, кто любит "Смену" и передает ее из поколения в поколение. Огромное вам спасибо.

Все присланные журналы возвращаем.

А теперь представляем победителей.

Первый приз — цветной телевизор — получит, естественно, **семья Уваровых** (Нижний Новгород) — за № 1-24 г.

Два вторых приза — музыкальные центры — мы присуждаем **Елене Осиповой** (г. Мытищи Московской области) и **А.Б.Фейгину** (Москва) — за № 9-36 г.

Третий приз — фотоаппарат — высылаем на Украину, в Ужгород, **семье Буришиных** — за № 1-37 г.

Весь 1999-й год "Смену" бесплатно будут получать:

П.П. Ушаков (Москва) — за № 14-41 г.

И.А.Кириллов (Москва) — за № 21-22-44 г. и №№ 7-8-45 г.

Ю.И.Трофимов (Тверь) — за № 22-48 г.

Поздравляем призеров и всех участников конкурса и надеемся, что и этот номер "Смены" вы сохраните для своих потомков.

Жираф на ветру

Светлана СЕМИНА

1

Девушки спустились вниз по ступеням и оказались на площадке около самой воды. На площадке располагалось летнее кафе: довольно большие деревянные столы и скамьи под широкими голубыми зонтами с надписью "HOLSTEN".

— По-моему, там неплохо, — кивнула одна в сторону самого крайнего стола, от которого до воды оставалось не более полуметра.

— Замечательно! — произнесли они хором, с комфортом расположившись на выбранном месте. И улыбнулись друг другу.

— Что будете заказывать? — внезапно раздался над ними вежливый голос метрдотеля.

От неожиданности девушки вздрогнули.

— Кофе, — среагировала первая, — черный с сахаром.

— А мне — минералки. Есть у вас минералка?

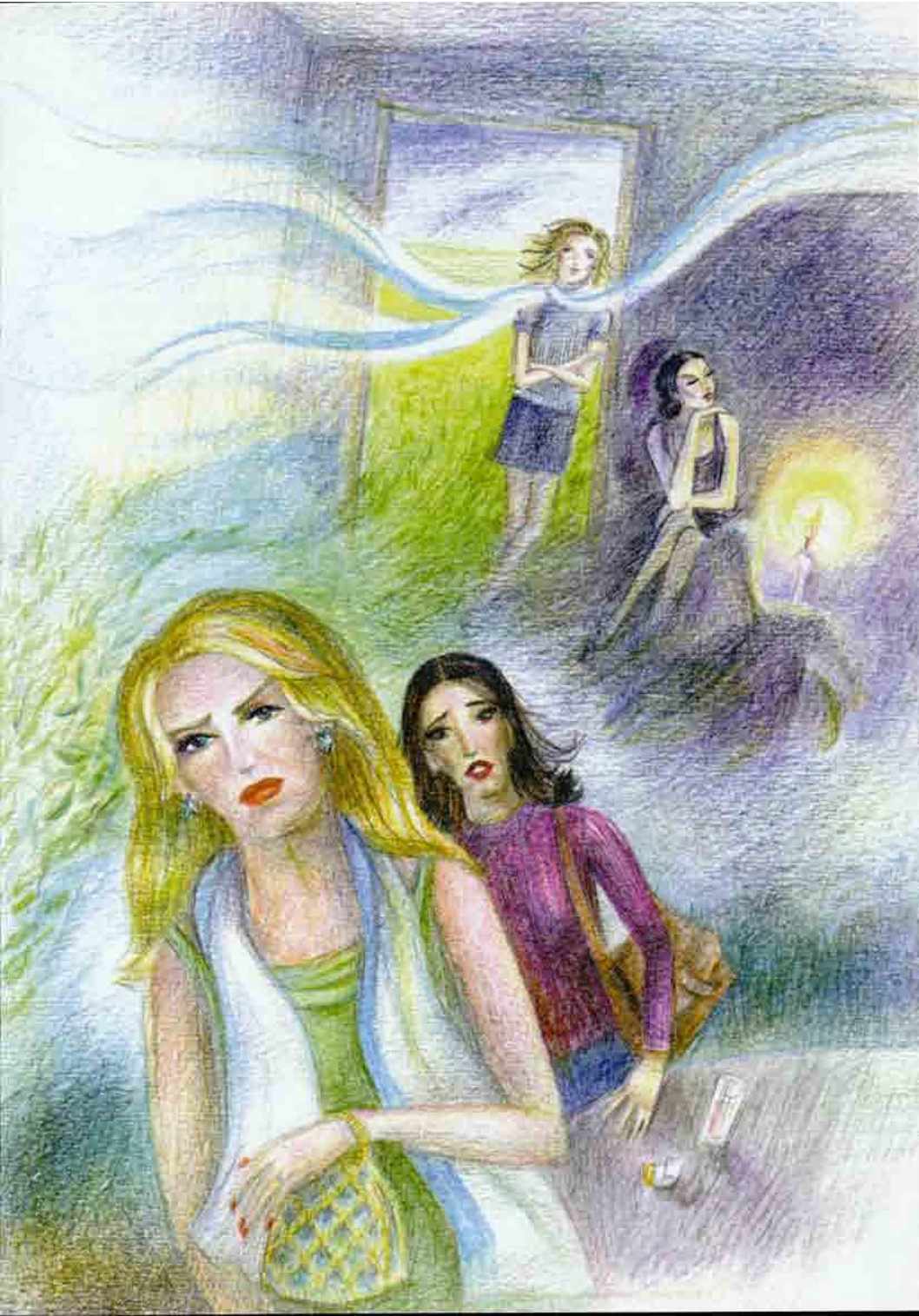
Метрдотель, записав, кивнул и остался стоять с карандашом и блокнотом наготове. Девушки переглянулись, и первая добавила:

— А есть у вас несоленые орешки?

— Я сейчас справлюсь, — ответил метрдотель и, захлопнув блокнот, удалился.

Через некоторое время появилась официантка с подносом в руках. Она поколебалась несколько мгновений, пытаясь угадать, кто что заказал. В итоге, разумеется, перепутала, смущенно сообщила, что несоленых орешков пока нет, и, поставив огромную пепельницу с надписью "HOLSTEN", исчезла.

рисунок **Анны Пруцковой**



— Видишь, Оленька, у тебя такой вид, как будто ты ничего кроме минеральной воды не употребляешь, — заметила вторая, поменяв местами чашку со стаканом.

Небо нахмурилось, и в воду упали первые капли дождя. Ольга забеспокоилась:

— Саш, как ты думаешь, это надолго?

Александра взглянула на небо и ответила:

— Конечно, я не Гидрометцентр, но думаю, что нет.

Стояли последние августовские дни, такие теплые и солнечные, что дождик казался просто досадным недоразумением, неведь откуда и зачем объявившимся. На огромных липах, окаймляющих пруд, еще не было желтых листьев. Люди, торопливо искавшие укрытие, были одеты в легкую светлую одежду. Да, осень еще ничем не напоминала о себе.

К девушкам подошел метрдотель.

— С вас восемь тысяч, — сообщил он.

Ольга протянула ему десятку и четко произнесла:

— Спасибо.

Метрдотель, не обратив внимания на интонацию, принялся искать в огромном засаленном бумажнике деньги для сдачи.

— Спасибо, сдачи не нужно, — вновь обратилась к нему Ольга.

— Совсем не нужно? — опешил метрдотель.

— Совсем не нужно, — заверила Ольга.

— Да спрячьте вы, наконец, свой кошель, — поморщилась Александра.

Водрузив на поднос пустую чашку из-под кофе, юноша помедлил в нерешительности, а затем поинтересовался у Александры, не допившей свою минералку:

— Может быть, это оставить?

— Нет, унесите, пожалуйста, — сухо вымолвила та.

— Ну, тогда, может, вы еще посидите? — неожиданно предложил молодой человек. Он ловко вычистил пепельницу и удалился.

— Две тысячи — это неслыханная щедрость по здешним понятиям, — высказала предположение Саша. — Но, как бы то ни было, теперь я с чистой совестью могу тебя сфотографировать у воды. — Она достала фотоаппарат и начала пялиться, глядя на подругу в объектив. И, разумеется, наткнулась на мой столик.

— Ах! Извините!..

— Ничего. Ничего...

— Господи, какая же я неловкая...

— Да не убивайтесь вы так, высохнет, и следа не останется...

— Но, право, как я могла вас не заметить?

Да, не заметить меня сложно, при моих-то ста восьмидесяти сантиметрах. Но, во-первых, сидя, я почти вдвое короче, а, во-вторых, я вела себя последние двадцать минут тихо, как мышка.

— Пойдите-ка. — Александра сосредоточенно наморщила лоб. — Мне кажется, я вас знаю.

Она была совершенно права. Я-то ее сразу узнала, едва они с Ольгой спустились на площадку кафе. Мы были знакомы. Вернее, представлены друг

другу на какой-то постстуденческой вечеринке. Хотя нет, ни на какой-то, а на совершенно конкретной вечеринке. Я туда и пришла, собственно, из-за Саньки. Итак, это было у Анжелы...

2

С Анжелой мы познакомились в ректорской приемной в день традиционного совещания по итогам вступительных экзаменов. Среди прочих вопросов на нем рассматривался один, который интересовал и ее, и меня. Вопрос об окончательном утверждении списков зачисленных. Предварительно они утверждались сразу после окончания экзаменов и объявления проходного балла. Потом наступала пауза для рассмотрения последних апелляций и составления списков по группам. А тут уже могли появиться вакансии. Точного механизма их появления я не знаю, но только они появлялись, и все тут. Как раз вакансии нас с Анжелой и интересовали.

— Что именно я должна написать в заявлении? — спрашивала невысокая темноволосая девушка у секретаря приемной комиссии.

— Изложите суть своей просьбы, — с явным неудовольствием отвечала секретарь. — Почему вы просите комиссию рассмотреть ваше дело. Чем вы считаете себя лучше других? Или у вас особые заслуги?

— А-а-а... — задумчиво протянула Анжела.

Тут в разговор вступила я:

— А на чье имя писать?

— Ректора, разумеется... — Очки секретаря недоброжелательно сверкнули в мою сторону.

— А как его зовут?

— Вы что, не знаете, как Василия Сергеевича зовут?!

— Ну, конечно же, знаем! — радостно воскликнула Анжела и стала теснить меня от стола побагровевшей секретарши. — Спасибо большое за информацию! До свидания!

Секретарь мрачно смотрела нам вслед.

— И чего она взбеленилась?..

— Вопросов дурацких задавать не надо, — пояснила мне Анжела, плотно закрыв двери в приемную. — У тебя сигареты есть?

Я отрицательно покачала головой.

— Не куришь? — спросила Анжела таким пресным голосом, что мне стало противно от собственной никчемности.

— Кончились, — старательно пряча глаза, отозвалась я.

— Пошли, стрельнем. — Анжела устремилась вперед по коридору, и я, не раздумывая, за ней.

Пока я героически давилась табачным дымом сигареты, которую для меня раздобыла Анжела, та, Жизнерадостно пощебетав со старшекурсниками, заполучила не только фамилию и ученое звание ректора, но и два пригласительных билета на представление студенческого театра.

Заявления мы писали тут же на подоконнике, и я старательно прикрепила скрепкой свою университетскую ведомость.

— Это еще что такое? — живо заинтересовалась Анжела.

— Ведомость... Я в Универ сдавала на прикладную математику... Полбалла недобрала...

— Ну, тогда тебя точно зачислят... — задумчиво проговорила Анжела.

— А тебя?

— И меня точно... Если папа одного моего мальчика позвонит... — Протянув руку, она добавила: — Давай свое заявление и жди меня здесь. А то этой мырме может не понравиться запах табака.

Тут я отчетливо вспомнила, что сама она даже к губам свою сигарету не поднесла.

— Анжела! — крикнула я ей вдогонку. — А ты куришь?

Она снисходительно улыбнулась:

— Терпеть не могу эту гадость! Но признаю, что сигарета — лучшее средство коммуникации.

При всем своем росте я пасовала перед этими миленькими девушками, всегда твердо знающими, что для чего лучшее средство.

В итоге нас обеих зачислили на первый курс и послали на картошку. Там, под стальными осенними облаками где-то на картофельных полях Истринского района, Анжела повела нас, второй картофелеводческой бригаде, историю первой Санькиной любви. Вы и сами, наверное, знаете, как это бывает, когда, исчерпав события собственной жизни, люди начинают делиться чужими.

История была возвышенная и прекрасная. В ней было все: цветы, признания, поцелуи и недоброжелатели, очаровательное путешествие в Ленинград и громкий скандал по возвращении, роскошные подарки в день рождения и безответственное поведение возлюбленного, узнавшего о беременности Саньки... Короче, в этой истории было все, действительно все, кроме детей и... хеппи энда!

Слушая Анжелу, мы вздыхали и плакали, негодовали и восхищались. Так Санька, школьная подруга Анжелы, стала любимым персонажем нашей картофельной бригады.

Вернувшись в Москву, мы дружно принялись просить Анжелу познакомиться нас с Александрой: всем хотелось один раз увидеть, а не только сто раз услышать. Она жеманно повела плечами и пообещала. Но, к глубокому разочарованию, у Саньки в это время случился второй несчастный роман: любимого отправили на два года учиться за границу, — и она переживала свое горе в гордом одиночестве, изливая драму стихами и не посещая всякого рода увеселительных студенческих мероприятий.

Затем у Саньки случился счастливый роман. Но и радостью своей делиться с народом ей не захотелось. Влюбленные искали уединения...

Короче говоря, историй о Санькиной жизни все прибавлялось, а персонажа никто, кроме Анжелы, не видел! Самые прозорливые начали обвинять Анжелу в несусветной литературщине, передерживании фактов и даже во лжи. Та, в свою очередь, обиделась и поклялась больше не упоминать об Александре ни единым словом. На том дело и кончилось.

Прошло семь лет. Девчонки с нашего курса повыходили замуж, понаражали детей, некоторые даже успели проделать все это по несколько раз.

Как-то вечером мне позвонила Анжела и пригласила на новоселье.

— Только ребенка не приводи, — предупредила она. — Народа и так много будет.

Хотелось мне напомнить, что мой сынуля терпеть не может ее стряпни, но я, как всегда, воздержалась.

— Мужа тоже не брать?

— Ну, что ты, что ты! Чтобы Андрей был обязательно! Без него праздник — не праздник! Дай-ка ему трубочку, я его лично приглашу!

Жестом я пригласила Андрея к телефону. Он с явной неохотой покинул мягкое кресло и с нескрываемой досадой принял трубку из моих рук. Я задержала на нем взгляд, прекрасно зная, что уже через несколько секунд муженек начнет радостно светиться. Трубка громко тараторила, и мой муж разгорался все ярче и ярче. "Чем грубее лезть, тем желаннее и сладоутнее она для мужчины." Мне ли не знать этого анжелкиного "золотого" правила. Я вздохнула и поплелась на кухню, к посуде. Работают анжелкины правила, еще как работают, и муж мой — тому подтверждение.

Я ожесточенно расправлялась со сковородкой, когда в кухне появился Андрей. Он подошел ко мне, положил ладони на плечи и нежно поцеловал в макушку.

— Тебе напомнили, что ты — самый-самый? — прошипела я.

— Угу, — отозвался Андрей, — так и думал, что ты надуешься.

— Видел бы себя в зеркале!

— У нас нет зеркала рядом с телефоном, — справедливо констатировал он и еще раз прикоснулся губами к моей макушке.

Я энергично терла сковороду. Андрей отошел к окну, взял сигареты и закурил.

— Она просила передать тебе, что приглашена какая-то Александра.

Я резко обернулась в его сторону:

— Александра? Санька?!

Андрей кивнул.

— Надо же...

Андрей заинтересовался:

— А кто это?

— Да так, — с максимально возможным равнодушием отозвалась я. — Тень...

Слово это сорвалось совершенно неожиданно... Хорошо, что из-за шума воды Андрей его не услышал.

— Ты не помнишь, куда я засунул чехол от гитары? — поинтересовался муж.

В другое время я не преминула бы сделать ему справедливое замечание, что хозяин должен сам знать местонахождение своего барахла. Но в тот момент я была так потрясена, что, вытерев руки о полотенце, отправилась в прихожую, нашла чехол за вешалкой, вернулась на кухню и протянула его Андрею.

— Анжела умоляла... — пояснил он.

— Да, да, конечно... Какой праздник без твоего пения...

Знакомых в компании я не обнаружила. В основном были приглашены сослуживцы Анжелы и ее мужа Коли. Вечеринка проходила вяло и неинте-

ресно. Гости много пили, мало говорили и практически совсем не веселились. Я с грустью вспоминала о прошлых студенческих застольях. Андрей, облокотившись на спинку стула, доброжелательно взирал на жалкие анжелкины потуги хоть как-то расшевелить гостей, но сам в этом участия не принимал, даже не расчехлил гитару.

— Может, пойдём? — обратилась я к мужу.

— Давай, — кивнул он в ответ. — Минут через десять.

В прихожей раздался звонок. Анжела пошла открывать и через некоторое время вернулась, ведя за собой не знакомую мне девушку.

— А это — Александра! — торжественно объявила она. — Прошу любить и жаловать!

Я жадно впилась в Александру взглядом и чуть позже обнаружила, что моему примеру последовали все, находящиеся в комнате. И, действительно, посмотреть было на что.

Саша рядом с невысокой, приземистой Анжелой, подстриженной под каре, накрашенной под клоуна, обвешанной бусами как рождественская елка, выглядела чуть утомленной статной красавицей. Глядя на нее, я впервые поняла, зачем придуманы драгоценности.

На Александре было узкое вечернее платье, открывающее взору все агрессивное совершенство ее фигуры: длинные стройные ноги, плоский живот, округлые груди. Массивные золотые украшения подчеркивали хрупкую нежность шеи, плеч и запястий. Волосы были гладко зачесаны назад и собраны в тяжелый замысловатый узел.

Она с вежливым интересом окинула притихшую компанию взглядом, задержавшись на мгновение на Андрее и едва скользнув по мне, кивнула всем сразу и вышла из комнаты профессиональной походкой модели. Анжела засемила следом.

Тут все разом осознали, что несколько мгновений провели в полной тишине, и с неожиданным рвением стали наливать, закусывать, чокаться, болтать и хихикать.

— Я выйду на несколько минут, — предупредила я мужа.

— Угу, — кивнул он и поинтересовался: — Ты ее знаешь?

— Кого?

— Александру... — В голосе его слышались взволнованные нотки.

— Лично — нет, мы не знакомы... Анжела как-то рассказывала о ней...

Я отправилась на кухню. Мне хотелось как следует рассмотреть Саньку, может быть, даже поговорить. И я не видела смысла противиться этому желанию.

Александра сидела на табурете и курила. Больше на кухне никого не было.

— Где Анжела? — поинтересовалась я.

— Не знаю, — пожала плечами Александра. — А разве она не с гостями?

— По крайней мере, в гостиной ее нет.

— А! Вспомнила, она пошла к соседям — проведать детей.

— Понятно. — Уходить мне не хотелось, и я спросила: — Я вам не помешаю?

— Все нет. — Александра дружелюбно улыбнулась. — Я вас впервые встречаю у Анжелы. Вы что, недавнее приобретение?

— Меня царапнуло слово "приобретение".

— Я знаю Анжелу с институтской скамьи! — высокопарно произнесла я и сама ужаснулась собственному пафосу.

— Простите, не хотела вас оскорбить... Просто у Анжелы такое хобби: собрать разношерстную публику за одним столом, а потом наблюдать, что из этого выйдет.

— И что же выходит?

— Ничего не выходит, как видите. Одни скуки-бяки.

— Что? — не поняла я. — Скуки-бяки?

Александра кивнула в ответ и решила пояснить:

— Это анжелкин термин, обозначающий... сборище скучных людей, которые, к тому же...

Я нетерпеливо перебила:

— Тогда почему вы ходите на эти сборища?

— А вы почему? Анжела умеет разжалобить. Мне, например, она говорит приблизительно следующее: "Сашенька, у меня сегодня пати. Опять все скучотишные, то есть скучные и тихие, сидеть будут. Ты приходи, пожалуйста, часикам к восьми".

Саша так похоже изобразила Анжелу, что я невольно улыбнулась.

— А почему к восьми? — заинтересовалась я. — Нас, например, к пяти приглашали.

— Чтобы народ к девяти разошелся, — просто объяснила Санька.

— Как это? — удивилась я. — Вы что, вышибала?

Она с сочувствием на меня посмотрела и серьезно добавила:

— Посидите еще немного — сами увидите.

Затем она затушила сигарету, разгладила недлинную узкую юбку, плавно проведя руками по бедрам сверху вниз, выпрямилась, расправила плечи и неспешно удалилась, оставив меня в некотором недоумении.

— А теперь — дискотека! — раздался из гостиной натужно бодрый анжелкин голос.

Шумно задвигались стулья, громче заиграла музыка, бодро затопали каблук.

Как и было обещано мне Александрой, к девяти гости разошлись. Причем мужчины уходили неохотно, упираясь и явно выражая свое нежелание, но женщины, жены то есть, были полны решимости увести своих лагерьных куда-нибудь подальше и как можно скорее с санькиных глаз.

Куря на кухне, я имела возможность пронаблюдать не за одним выяснением отношений, произошедшим в прихожей, и все они были похожи как две капли воды.

На кухне появилась взъерошенная Анжела и, ничего не сказав мне, раздраженно сунула чайник под сильнейшую струю холодной воды. Я невозмутимо подошла и уменьшила напор.

— Что случилось?

Анжела плотно сжала губы и ничего не ответила.

— Тебе помочь накрыть стол к чаю?

— Там уже все готово, — вежливо выдавила из себя Анжела и поставила чайник на плиту.

Она молчала, и я уже собралась оставить ее в гордом одиночестве, как вдруг Анжела выпалила:

— Целый вечер прошу Андрея спеть что-нибудь, а он как будто не слышит!.. А тут приходит... Иди, иди, посмотри на своего мужа...

Конфликт ясен. Иду посмотреть... и послушать. Люблю, когда Андрей поет. С тех самых картофельных времен.

Он учился на четвертом курсе, а я — на первом. Он был бригадиром грузчиков, а я — рядовым сборщиком картофеля. За ним бегали все девочки факультета, а за мной не рискнул пока ни один парень. У него был чудный голос, а у меня никогда не было слуха. И, тем не менее, он влюбился в меня с первого взгляда... Только не спрашивайте, куда он в тот момент смотрел. Вспомните свою картошку: грядки, ведра, мешки и типичную позу сборщика напоследок.

— Что он в ней нашел? — частенько приходилось слышать мне за спиной.

— Дылда какая-то...

— Не дылда, а дылдочка! — успокаивал меня Андрей, нежно целуя в лобик. — Ма-а-лю-ю-сенькая такая дылдочка, — показывал он размер большим и указательным пальцами, и мне становилось сразу легко и весело, и обида таяла, как мороженое на языке.

— Только со свадьбой не тяни, — поучала меня Анжела. — Где ты второго такого найдешь?

— Я не собираюсь искать никакого второго, — возражала я. — Дай мне с первым разобраться...

— Уж ты разберешься, как же... Такой красавец! Да за него любая...

— Вообще-то он мне предложения не делал, — доверительно сообщила я подруге.

Анжела на некоторое время потеряла дар речи, а когда обрела его вновь, то почти заорала:

— Ты, что, идиотка, предложения ждешь?! Ну, жди, жди!.. — она засеменяла прочь. Потом, круто развернувшись, вернулась и добавила: — Не дождешься!

3

Однажды подняв тему моего замужества, Анжела уже не могла или не хотела говорить со мной ни о чем другом.

— Твоя жирафья задумчивость ни к чему не приведет! — поучала она меня каждую свободную от личных проблем минуту. — О чем тут думать? Действовать нужно! А ты как жираф на ветру!

Анжела, в ранней юности успевшая побывать юннатом при Дворце пионеров, считала жирафов самыми раздумчивыми в мире животных из-за их неторопливой грациозности. Там, где все остальные зверушки бездумно бодро перебирали конечностями и челюстями, жирафы медлительно перемещали их в пространстве, уступая в членораздельности движений, может

быть, только ленивцам. Правда, ленивцев Анжела держала вообще за инопланетян. Жирафы были свои, земные, и потому близки и понятны, хотя... уж слишком задумчивы. Особенно, как следовало из последнего заявления Анжелы, в ветреную погоду.

Я не обижалась на подругу за это сравнение, во-первых, потому что еще в детстве приучила себя ни на кого не обижаться и по сей день считаю это величайшим своим достижением, а, во-вторых, потому что тут Анжела попадала в точку. Мне всегда была свойственна этакая идиотическая задумчивость в самые критические моменты. И Анжела, справедливости ради надо заметить, всегда терпеливо переносила мое состояние, если дело не касалось Андрея или экзаменационных бдений.

Несмотря на анжелкины предостережения, я пребывала в состоянии "жирафьей задумчивости", обусловленном эйфорией пылкой влюбленности. Вплоть до второй половины июля, до того самого дня, когда маман из-за плохой погоды на два дня раньше срока вернулась из санатория и заметила следы мужского присутствия в доме.

— Что это такое? — грозно вопрошала она. — Ты отдаешь себе отчет?! Кто он?

— Так, — пожалала я плечами, — пятикурсник один...

Мать упала в кресло и зарыдала. Я тихонечко вышла в коридор и, плотно прикрыв за собой дверь, облегченно вздохнула.

"Может, оно и лучше, что все так случилось?" — подумала я, доставая сигареты из сумки, и отправилась на кухню покурить.

Минут через семь, злобно сверкая сухими глазами, маман появилась на кухне.

— Ты знаешь, что я не выношу табачного дыма? — спросила она, наливая воду в стакан, чтобы запить валерианку.

— Знаю, — ответила я, — потому и ушла на кухню.

Маман выпила лекарство и присела на табурет.

— Он тебя бросит... Как и Виктор...

— Мам, не надо о папе...

— Не надо? — взвизгнула та. — Не надо? Это почему же?

Я затушила сигарету и устало произнесла:

— Ну, хотя бы потому, что ты его сама бросила.

— Это неправда! Неправда! — на ее глазах снова появились слезы.

— Правда, мама. — Невыносимая тяжесть навалилась на плечи, и слова стали застревать в горле. — Мне бабушка... рассказывала...

Она тряхнула головой, и... слезы мгновенно высохли.

— Так... Нина Михайловна. Значит... она не должна была... Зачем во-рошить...

Пока я размышляла, рассказать ли Андрею о мамином открытии, а посоветоваться мне было решительно не с кем из-за отсутствия Анжелки в Москве, маман успокоилась и даже изъявила желание познакомиться с человеком, сломавшим, по ее мнению, мне жизнь. С сомнением пожалав плечами, я пообещала, но к моему великому изумлению, Андрей сразу согласился. Он пришел на званый ужин подтянутый и элегантный, с огромным

букетом роз. Оставив меня с разинутым ртом и протянутыми к цветам руками на пороге, решительно устремился в гостиную и, вручив букет маме, представился.

Как воспитанный человек, она не могла прямо спросить Андрея: собирается ли он на мне жениться, поэтому ей пришлось окольными путями выяснять его планы на будущее. Планы у всех студентов одни: покинуть родной институт, унося на память знак на груди и диплом в кармане. Маман была вынуждена согласиться. Она попыталась расспросить его о родителях и, узнав, что они давно разведены, и у обоих новые семьи, со значением посмотрела на меня. Я размешивала чай фамильной ложечкой, специально извлеченной на свет Божий ради высокого гостя, и помалкивала. И тут Андрей заговорил о рояле, занимающем достаточно большое пространство в нашей малогабаритной квартире.

— Это рояль юлиного дедушки, — удивленно произнесла маман.

— Могу я посмотреть?

"Ого!" — мысленно воскликнула я и положила ложечку мимо блюдечка, отчего на парадной накрахмаленной скатерти тут же появилось и начало расплзаться золотисто-коричневое пятнышко. Я быстро прикрыла его салфеткой и украдкой взглянула на маман. Та с некоторым напряжением следила за Андреем, успешно обнажившим черно-белые зубы инструмента.

Андрей уселся на стул, откинул голову, полуприкрыл глаза, и раздались первые аккорды... До этого момента все шло просто превосходно. Но ведь мы не известили гостя, что инструмент не настраивался уже около четверти века. Мы просто не ожидали, что это может понадобиться! В наше время надо предупреждать хозяев, что вы играть на их рояле собираетесь, и лучше за неделю, чтобы они в себя успели прийти от шока.

— Юля, — обратилась ко мне мама, — ты не говорила, что Андрей — еще и пианист.

— Андрюша, — переадресовала я мамино замечание, — ты, оказывается, пианист?

Я специально опустила мамино сухое "еще". Зачем накалять обстановку? Андрей нам ничего не ответил. Перебирая пальцами клавиши, он скорбно кивал в ответ на жалобы старого рояля, который, пользуясь случаем, спешил наговорить ему тысячу разных вещей.

Маман смотрела на Андрея, и в глазах ее стояли слезы.

— Как отец... — тихо проговорила она и быстро вышла из комнаты.

— Что? — Андрей обернулся ко мне. — Что-нибудь случилось?

— Молоко убежало. — Должна же я была хоть что-нибудь ответить.

— А-а-а... — Андрей вновь занялся роялем.

Я нашла маму на кухне.

— Хороший мальчик, — сухо заметила она.

— Да, ничего себе...

— Но, по-моему, он и не думает жениться на тебе!

— А что? Тебе надо, чтобы думал?

— А тебе, разве, не надо? — она жалостливо так улыбнулась, гаденько так...

То, что Анжелка уже третий день в Москве, я узнала от ее мамы.

— А чего же она мне не позвонила, когда приехала?

— Ох, Юля, не до тебя нам сейчас, — печально констатировала Вера Павловна, и я услышала короткие гудки.

Весь день я не находила места от беспокойства, но вечером Анжела объявилась сама, у меня дома.

— Ну? — нетерпеливо спросила я, когда мы, наконец, устроились на моей софе.

— Что, ну? — хмуро отреагировала Анжела.

— Где ты пропадала? Почему не позвонила?

— Обследовалась я...

— Что-о-о?

— Анализы сдавала...

— Ты что, заболела?

— Хуже, — мрачно отозвалась Анжелка.

“Что может быть хуже?” — пронеслось у меня в голове. То, что Анжелка не умерла, было очевидным фактом. Так что же может быть хуже?

Видя мое, все возрастающее недоумение, Анжелка снизошла до объяснений.

— Мышка сдохла...

— Мышка! Какая мышка? Чья?

— Ну, откуда я знаю, чья? Лабораторная...

Впервые мне приходилось вытягивать из Анжелки слова.

— Что у тебя общего с этой мышью? Чего ты сама как пришибленная?

— Так она от моих гормонов сдохла!

То, что лошадь отбрасывает копыта от капли никотина, мне давно было известно. Что ж, теперь запомню, что может произойти с лабораторной мышью от анжелкиных гормонов. Впрочем, последний факт меня не особенно удивил.

— Теперь замуж надо выходить... — тоскливо проныла Анжелка.

Вот это да! Я широко открыла рот, хотя сказать мне было решительно нечего. Пришлось закрыть.

Анжела с удивлением посмотрела на меня:

— Ты не хочешь узнать, за кого?

Я покачала головой в разные стороны и в заключение вымолвила с неприкрытым сомнением в голосе:

— Конечно, хочу.

— За Колю.

Это имя было мне знакомо! Не только имя, но и его обладатель. Я приободрилась и приступила к дальнейшим расспросам:

— За Колю? Но, позволь спросить: почему за него? Ты же никогда не считала его достойным претендентом на твою руку.

— Я и теперь не считаю, — с грустью сообщила она.

— Так зачем же выходить за него?

— Ох!.. Зачем? Затем, что у ребенка должен быть отец!

— Отец?! У какого еще ребенка?

— У моего ребенка. У мо-е-го! — она специально для меня по слогам проговорила.

— А у тебя будет ребенок? — воскликнула я.

- Не ори. Я же тебе уже все объяснила!
- Да что ты мне объяснила?
- Анализы показали, что я беременна! От Коли!
- От Коли? Это тоже анализы показали? И ты выйдешь за него замуж?

Ведь ты его не любишь!

— Зато он — отец моего будущего ребенка! Ты собираешься меня поздравлять?

— Поздравляю...

— Тогда я приглашаю тебя на свадьбу! Будешь моим свидетелем!

— Гм... Ты считаешь меня достойной подобной чести?

Анжела задумалась на мгновение и, вспомнив что-то, радостно спросила:

— Поедешь со мной в магазин для новобрачных?

При этой мысли и у меня дыхание перехватило. Свадьба! Дворец бракосочетания! Невеста в длинном белом платье! Свадебный марш! Немножечко сверкающей сказки посреди серых дней...

В день бракосочетания Коля был гладко выбрит и необычайно серьезен. Он старался походить на взрослого зрелого мужчину, что при его совершенно мальчишеской подвижной фигурке и светлых соломенных волосах было трудно. Ему даже пришлось сдвинуть брови для внушительности.

Анжелка, вся в кружевах и оборочках, была трогательна и нежна, как рождественский сахарный ангелочек. Короче, зрелище было чисто пасторальное: родительский хлеб-соль, посыпание молодоженов пшеном и их героический проход по черепкам разбитых тарелок.

Нам пришлось первыми покинуть свадебный пир, поскольку Андрей опаздывал на поезд: ноябрьские праздники он обычно проводил у отца во Львове. Это была наша первая четырехдневная разлука.

— Не переживай, дорогая. — Он чмокнул меня в щечку. — Ведь в четверг я уже вернусь.

В ответ я только тихо глотала слезы.

— Как только доеду, сразу позвоню!

Я достала кружевной платок, трагически поднесла его к глазам и, из последних сил сдерживая рыдания, проговорила:

— Я бы могла поехать с тобой...

Андрей замер и, как мне показалось, на мгновение отстранился.

— Ах! — горестно продолжала я. — Как я хочу быть всегда с тобой! Не расставаться ни на минуту! Как Анжелка и Коля!

— Обещаю... Обещаю тебе, что мы всегда будем вместе! — Андрей с жаром поцеловал меня в губы. — Не плачь, родная, не надо.

— Всегда? — с радостной надеждой в голосе спросила я.

— Да, да, — Андрей кивнул. — Мы поженимся, и всегда будем вместе!

— Как это — поженимся? — изумление мое не знало границ.

— Как Анжелка и Коля, глупенькая! — Андрей притянул меня к себе и снова поцеловал.

— Молодой человек, отправляемся! — раздался над нами пронзительный голос проводницы.

— Приеду — сразу подадим заявление! Прощай, любимая!

— Прощай, — машинально ответила я и механически помахала рукой. По-моему, он сделал мне предложение...

4

Возвращаясь домой с анжелкиной вечеринки, мы едва обменялись десятком фраз. Шел сильный дождь, дорога была скользкая, и Андрей полностью сосредоточился на процессе управления автомобилем.

Всю следующую неделю мой муж пребывал в состоянии перманентной тоски. Такое случается с ним, как с творческим человеком, во время осенних дождей, летней жары, зимних холодов и, естественно, весеннего авитаминоза.

В конце недели я позвонила Анжелке и услышала ее вопрос:

— О чем с тобой Санька так хотела поговорить?

— Санька? Поговорить?

— Да! Она у меня ваш телефон выпросила, чтобы с тобой о чем-то поговорить...

— Нет, не звонила. Я спрошу Андрея, может быть, он забыл мне передать?

— Спроси... а, может, она на выходных позвонит?

— Вероятно. Хотя не представляю себе, о чем она хотела со мной побеседовать.

— Я тоже не представляю, — резюмировала Анжелка.

— Милый, — ласково обратилась я к мужу. — Мною на днях никто не интересовался?

— В каком смысле? — Андрей прервал игру на гитаре и напрягся.

— Ну, никто меня по телефону не разыскивал?

— Ты имеешь в виду маму?

— Нет, — пристально глядя ему в глаза, ответила я. — Я имею в виду Александру.

— А-а-александру? — он придал своему лицу как можно более задумчивое выражение. — Это... погоди-ка! Это та девушка, анжелкина подруга?

Я кивнула.

— А почему она должна была тебе звонить?

— Не знаю, — я пожала плечами. — Анжелка сказала, что дала ей наш номер.

— По-моему, не звонила. — Андрей задумался. — Точно, не звонила.

Приподнятое настроение мужа продолжало раздражать меня в течение нескольких недель, до тех самых пор, пока я не перестала его замечать. Все свое внимание я сосредоточила на ведущем специалисте четырнадцатой лаборатории, которого недавно перевели в наш институт из новосибирского филиала. Редкий умница, да к тому же красавец!

Познакомились мы с ним случайно. В вычислительном центре. Время, отведенное нашей лаборатории для отладки программ, уже пять минут как кончилось. По регламенту я должна была освободить монитор для другого пользователя, но мне позарез нужно было стартовать свой пакет еще раз, что я, не задумываясь, осуществила и теперь, нервно поглядывая на часы, ожидала результатов.

Дверь отворилась, и на пороге машинного зала возник высокий широкоплечий мужчина. Он заинтересовался у операторши, где располагается восьмой экран. Сердце мое екнуло: восьмой экран — тот самый, за которым я работала.

Операторша, не оставшаяся равнодушной к внешним данным и приятному голосу посетителя, сделала героическую попытку отвлечь его внимание на себя, но победа осталась за монитором. Мужчина отправился в указанном направлении и нашел меня, уткнувшись в экран с видом человека, всецело отдавшегося творческому процессу программирования. Полюбовавшись некоторое время моей спиной, он справился об имени моей программы. Я вздрогнула всем телом, давая ему понять, как испугала меня его, якобы неожиданная, реплика.

— Ох! — воскликнула я и приложила руку к сердцу.

— Простите, я совершенно не хотел испугать вас... У меня время с двенадцати. — Он попытался оправдаться за свое вторжение.

— Как! Уже двенадцать! — не помня себя от ужаса, воскликнула я.

— Уже 12:08, — достаточно сухо уточнил он. — А сердце у человека слева... Правда, было отмечено несколько аномалий.

Я медленно опустила правую руку и сжала ее в кулак.

— Я вернусь в 12:15. Постарайтесь избежать этой встречи. — Он пошел прочь.

И это, заметьте себе, у программистов считается джентльменским поведением! Негодование мое, тем более что оно было абсолютно несправедливо, не знало границ. Всем своим сослуживцам я пожаловалась на этого "сухаря" из четырнадцатой, и все они, как один, постарались разубедить меня в моем представлении об этом человеке.

— Ну что ты, Юленька. — Валентина Семеновна, мой научный руководитель, мечтательно устремила глаза в потолок. — Он просто душка! Тридцать два года, а уже кандидат. У нас докторскую напишет... Только семейная жизнь у него не сложилась.

— В каком смысле?

— Конкретно сказать не могу. Какое-то несчастье...

— Да что вы говорите!

— Да, да, — сочувственно покачала головой Валентина Семеновна.

Раскручивать собственный роман гораздо интереснее, чем следить за развитием чужого.

Я так увлеклась этим занятием, что у Андрея появился повод сделать мне пару-тройку замечаний о ведении домашнего хозяйства и невнимательного отношения к родственникам: маман пожаловалась ему, что я совсем ее забросила.

Начала я с того, что поменяла машинное время, и теперь мы работали с Геннадием, новосибирским гением, за соседними мониторами. При этом при каждой нашей встрече я продолжала холодно поджимать губы и на его приветствие отвечать едва заметным кивком.

При всеобщем женском внимании к его персоне такое поведение не могло остаться незамеченным. А если такой мужчина вас заметил, считайте, что ключик у вас в кармане.

На Рождество вконец истерзанный моей нелюбезностью Геннадий преподнес мне коробочку шоколадных сердечек.

— Юля, я признаю, что допустил бестактность по отношению к вам, — церемонно произнес он. — Простите ли вы меня когда-нибудь?

Я милостиво приняла подарок и в знак примирения пригласила его выпить на брудершафт чайку в нашей лаборатории. Он помялся и... пришел! И даже мужественно выпил две чашки, мило и непринужденно беседуя с нашими дамами. Не каждый мужчина решится на это! Такое самопожертвование заслуживало поощрения, и я дала обещание при первой возможности сходить с ним на "Дона Карлоса". Обычно нелюбимая мною зима стала казаться прекраснейшим временем года! А сколько прелести и очарования сулила весна!

5

Февраль приготовил сюрприз всей нашей компании. Андрей получил приглашение от Игоря, своего друга детства, два года назад женившегося на американке и переехавшего в Калифорнию.

— Ты поедешь? — казенно поинтересовалась я.

Андрей нахмурил брови:

— Ты же знаешь, что поеду.

— Надолго?

Муж пожал плечами:

— Насколько я знаю, гостевая виза действительна полгода... Пока устроюсь... Вы сможете приехать ко мне через год.

— Приехать к тебе? И что мы там будем делать?

— Ты — работать, а ребенку бэбиситтера найдем.

Работать? А где мы будем жить? — мне не улыбалось оказаться бомжем в Америке.

— Господи! Квартиру снимем, как все.

— Зачем нам там снимать квартиру, если она у нас есть в Москве?

— Ты не хочешь ехать в Америку?! — Муж был удивлен и потому говорил слишком громко.

— Посмотреть — пожалуйста, но чтобы оставаться там жить... Не уверена.

— Ну, как знаешь. Просто прокатиться туда-обратно слишком дорогое удовольствие.

— Удовольствия дешевыми не бывают, — едко проговорила я, и Андрей вздрогнул как от выстрела.

— Прилечу — сразу позвоню, — пообещал он. — Хотя... Сколько же у вас будет времени? Плюс восемь часов или минус?

Я растерянно молчала.

— Юля! Ты меня слышишь? — Он даже щелкнул пальцами у меня перед носом.

Я встрепенулась.

— Слава Богу! Реагирует еще. Ну, что ты такая дохлая? Эй, Светлячок! Очнись! — Он улыбался, за спиной — гитара, в руках — спортивная адидасовская сумка.

Даже проходившие таможенный контроль дамочки находили время, чтобы полюбоваться моим мужем. Мы обнялись и расцеловались на прощание.

— Не грусти! Лучше прилетай скорее.

— Не буду, — пообещала я.

— Bye!

— Bye-bye!

6

— Ты стоишь или сидишь?

— Интересное вступление для телефонного разговора, — одобрила я Анжелу.

— Я тебя серьезно спрашиваю!

— Тогда — сижу.

— Это хорошо, — отметила Анжела и умолкла.

— А-ле-о-о! — попыталась я реанимировать беседу. — Анжела? Где ты?

— Да здесь я, — глухо отозвалась Анжелка.

— Так чего же ты молчишь? — изумилась я и посмотрела на Геночку.

— Я даже не знаю, с чего начать...

— Что начать? — еще сильнее удивилась я.

Гена затушил окурок и вышел из комнаты.

— Мне нужно тебе кое-что сказать.

— Я так и подумала.

— Ох! Ну ладно, — и Анжела опять замолчала.

— Что-то случилось? — я начала волноваться. — Кто-нибудь заболел?

— Нет, не заболел... Или заболел... Нормальные люди так не...

— Анжела, давай-ка покороче, ладно?

— Мне позвонила Санька и...

— И что?!

— Она ночью в Америку улетает... Она просила тебе передать...

— Что передать?! — взревела я.

Немного же Анжелке надо, чтобы привести меня в бешенство!

— Она сказала, — нерешительно промямлила подруга, — что к Андрею улетает!

— Что?!

— Они, оказывается, любят друг друга... У них, как это она выразилась?... притяжение непознанного!

— А Андрей об этом знает?

— Она сказала, что у них все было давно решено... Он сам хотел тебе об этом сказать... Только не смог.

— А она, стало быть, смогла?

— Юленька, ты только не нервничай!

Я швырнула трубку. Не нервничай! К черту!

Прошло несколько лет, водоворот иных событий закружил меня, и я почти совсем забыла о Саньке. Не вспоминала о ней и Анжелка, навсегда вычеркнувшая "эту гадину" из своего реестра друзей и знакомых. Но, ви-

дим, звезды странным образом расположились на небе, и нам суждено было встретиться на Патриарших прудах за два дня до трагической гибели принцессы Дианы.

— Вы? — Санька осеклась и, повернувшись к Ольге, что-то шепнула ей на ухо.

Та с интересом на меня смотрела, внимательно прислушиваясь к словам подруги. К концу объяснений Санька несколько повысила голос, и я смогла расслышать ее заявление:

— Я просто должна это сделать!

— Не понимаю, зачем тебе это нужно? — недоумевала Ольга. — Вы же давным-давно расстались! Какое теперь это имеет значение? Я никогда не подозревала в тебе мазохизма!

Александра опять что-то тихо сказала.

— Ну, ладно, — сдалась Ольга и посмотрела на часы, — тем более что мне действительно пора. Прощай!

Они расцеловались, и Ольга, не оглядываясь, ушла. Санька повернулась ко мне и произнесла:

— Итак, вы — Юля.

Отпираться было глупо, поэтому я с улыбкой призналась:

— Да, я — Юля, жена Андрея. — Слово "бывшая" я намеренно опустила.

От моей улыбки Александре стало не по себе. Она поежилась и нерешительно спросила:

— Могу я с вами поговорить?

— О чем вы собираетесь со мной разговаривать? — холодно ответила я.

— О... — Александра задумалась.

Я поднялась, взяла в руки сумку и сделала несколько шагов, чтобы уйти.

— Пойдите! — в ее голосе прозвучала мольба.

Из кафе показался метрдотель и с интересом посмотрел в нашу сторону.

— Ладно, — сказала я. — Только в другом месте. Я как раз собиралась отобедать...

Александра схватила свою сумку и устремилась за мной.

Удобно расположившись за столиком ресторана, я со скучающим видом спросила:

— Вы будете есть?

Санька отрицательно покачала головой, но потом передумала и сказала:

— Пожалуй, я буду пить.

— Тогда как обычно, — обратилась я к официанту.

Тот кивнул и умчался.

Санька закурила.

— Итак? — обратилась я к ней. — О чем же ты хотела со мной поговорить?

— О... о прошлом...

— О прошлом?! О! А в каком, позвольте спросить, аспекте? Прошлое — это ведь такая тема!

Санька нервно вмяла сигарету в пепельницу.

— Об Андрее... Я так виновата перед ним... И перед тобой... — Санька сделала большой глоток из бокала.

Я поудобнее расположилась в кресле и полуприкрыла веки.

— Мы не должны были так поступать! — проговорила Санька и сжала кулаки.

Я молчала.

— Почему ты с ним не поехала?!

Вопрос остался без ответа.

— Он был вправе подумать, что не нужен тебе!

— Вот как! — холодно произнесла я. — Он бросает меня с ребенком, забирает с собой какую-то ш-ш..., а потом еще имеет на что-то право?!

— Но ты не захотела поехать с ним!

— А куда я должна была ехать? Оставить ребенка с бабушкой и увиснуть на неопределенный срок в Новый Свет в поисках... В поисках чего?

— Если бы вы любили его, вы пошли бы с ним!

— Вот ты и пошла, насколько я понимаю, — довольно констатировала я. — Да почему-то опять в Москве оказалась.

— Меня он не любил... Это было только увлечение... но вас-то он любит!

Она выглядела такой несчастной, что на какое-то мгновение мне захотелось погладить ее по щеке и сказать: "Это была только видимость, одна лишь видимость..." Но вместо этого я поднесла бокал к губам и долго пила, глядя на Саньку. Она долила себе вина и залпом выпила, потом снова закурила.

"Она, видимо, много пьет", — подумала я.

— А почему вы не приехали к нему после? — встрепенулась Санька.

— После чего? — сухо поинтересовалась я.

— После того, как мы растались.

Она почему-то считала, что муж умолял меня приехать... Гм... не припоминаю что-то. Были какие-то невнятные телефонные разговоры, но...

— Милая, это не вашего ума дело!

Она вспыхнула, встрепенулась, но потом как-то сразу обмякла в своем кресле, и на глазах показались слезы.

"Да, — констатировала я, — она действительно много пьет. Если так пойдет дальше... Ей не удастся надолго сохранить лицо и фигуру. Особенно лицо... В нашем возрасте отеки так быстро не проходят... Отеки, потом морщины... Бр-р-р!"

— Зачем тебе понадобился этот разговор? — обратилась я к Саньке.

Она грустно вздохнула и призналась:

— Я хотела, чтобы вы простили меня. Вы и ваш ребенок.

— Это-то тебе зачем? — искренне удивилась я.

— Может, тогда и Бог простит меня... и даст мне своего. Борис так хочет сына! И ничего не выходит! — она разрыдалась.

— Перестань сейчас же, — прошипела я и резко сунула ей салфетку.

Она прижала ее к лицу, но рыдания не прекратились.

— Дай ей воды, — обратилась я к официанту и встала из-за стола.

Нет, уходить я не собиралась, по крайней мере, сейчас. Я просто должна была позвонить мужу.

— Алло! Милый, это я!
— Слушаю тебя, дорогая.
— Ты сейчас где?
— На Крымском.
— Понятно. Я заходила к доктору и записала тебя на следующий вторник.

— Хорошо.
— В четыре часа. Тебе удобно?
— Надеюсь.
— Что значит, надеюсь? Проверь...
— Дорогая, — прервал меня Гена. — Как ты себе это представляешь?

По-твоему, я должен остановить машину посередине дороги и заняться выяснением, не занят ли я во вторник?

— Ах! Извини, любимый! — И у мобильных телефонов, оказывается, есть недостатки.

— Вам привет от Геннадия Владимировича, — обратилась я к директору ресторана, услужливо предоставившему мне свой кабинет для телефонного разговора.

— Спасибо, спасибо, — радостно проворковал он. — Когда же он сам почит нас своим присутствием?

— Ах! Даже не представляю! Дела все, дела...

— Понимаю...

Я пристально посмотрела на него, и, знаете ли, весь его вид говорил о том, что он действительно понимает. Хотела бы я сказать о себе то же самое, но... я решительно ничего не понимала. Чего Санька хочет от меня? Прощения?! Бред какой-то... Хотя, кто знает?

Я закурила.

Директор подвинул ко мне пепельницу и продолжил изучение накладных.

Итак, Санька играла явно не по правилам... Или в не известную мне игру? Она просит у меня прощения. Хорошо. Это даже приятно. Особенно, если учесть, что каждый из нас поступил в свое время, как считал нужным, а дивиденды достались... МНЕ! Я с удовольствием потянулась. Директор, на мгновение оторвавшись от бумаг, мельком взглянул на меня.

— Уютный у вас кабинет, — я поднялась.

— Всегда к вашим услугам. — Мужчина покинул кресло, галантно предложил мне руку и проводил до дверей.

— Хорошего вам дня!

День обещал быть, по крайней мере, забавным...

Вернувшись, я не застала Саньку за столиком. Не было ее и в просторной дамской комнате. Она исчезла.

— Мне просили что-нибудь передать? — поинтересовалась я у официанта, убирающего санькины приборы.

— Нет, — юноша тряхнул головой. — Ваша знакомая расплатилась и ушла.

Чего же она все-таки добивалась? И чего добилась? Я недоумевала, я была раздражена, и это мне абсолютно не нравилось. Она ушла, не дождав-

пись от меня слов прощения. Они стали ей не нужны? Да, по-видимому, так... Но почему?! Я расплескала вино.

— Официант! Счет!

Мне не пришлось долго ловить машину: первая же остановилась. Я плюхнулась на сиденье и захлопнула дверцу.

— Ого! — раздался восторженный голос. — Такая красивая и... такая сердитая!

Я злобно посмотрела на водителя, собираясь...

Правда, я тут же забыла, что, собственно, собиралась делать. За рулем сидел директор ресторана и мило мне улыбался.

— Знаете, — проговорил он, — мне как раз нужно съездить по делам, и, если хотите, я могу вас подбросить. Куда вас доставить?

— Домой, — обреченно сказала я, и машина тронулась.

Вы удивлены? Напрасно. Я обедаю только в ресторанах, принадлежащих моему мужу. ■

Эксклюзив
для ботаников,
продвинутых
и хакеров

ПРОГРАММНОЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЕ
КОМПЬЮТЕРНОГО
КЛАССА,

или
что должен
принести
с работы
папа

Что развивают
развивающие
программы?

Проектирование
интерьеров
с помощью
персонального
компьютера

Чтоб дети Ваши
не угасли, пожалуйста,
организуите курсы
Adobe Photoshop

КОМПЬЮТЕР В ШКОЛЕ

№1 сентябрь, 1999

журнал для преподавателей и учащихся

**НОВЫЙ
журнал**
ДЛЯ ТЕХ, КОГО
интересуют
не только
**АЗБУЧНЫЕ
ИСТИНЫ**

Практические советы,
консультации,
проблемные материалы
для преподавателей
информатики,
учителей использующих
компьютер в процессе
обучения
родителей, которые
хотят, чтобы дети
не только играли
за компьютером
и, конечно, для всех
учащихся.

**Подписывайтесь на журнал
«КОМПЬЮТЕР В ШКОЛЕ»**

До конца года выйдет
4 номера
Стоимость подписки
48 рублей

В стоимость подписки
включены налоги и доставка.

Для стран СНГ стоимость
на 50% выше

Банковские реквизиты:

ИНН 7706128372
ЗАО «Издательство
«Открытие систем»»,
р/с 40702810503400001892
в отделении «Кредит-
Искусство» Мосфинансбанк
к/с 30101810300000000312,
БИК 044541312

**ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК,
ГОРЯЧАЯ ЛИНИЯ
(095) 253-7692**

Пожалуйста, заполните отрезную карточку и вышлите ее вместе с копией документа об оплате (квитанция почтового перевода или платежное поручение с отметкой банка) по факсу (095) 253-9309 или по адресу: Россия, 123557, Москва, Электрический пер., д. 8, корп. 3.

**ОТРЕЗНАЯ
КАРТОЧКА**

Пожалуйста, заполните печатными буквами: _____ Адрес _____

Ф.И.О _____

_____ полностью _____

_____ страна, индекс, нас. пункт, область, улица, дом/корп./кв.

Место работы/учебы _____

Телефон _____

Должность/класс _____

Факс _____

Журнал «Компьютер в школе»



ТРЮЖАНЫ

Друг посоветовал: "Если тебя интересуют каскадеры — обязательно поговори с Баллоном". На слух я, естественно, воспринял — "баллон". И невольно подумал: человек с

таким прозвищем, видимо, этаким дюжий детина, запросто колющий об голову кирпичи.

Ошибочка вышла.

Оказалось: не прозвище, а фамилия, не Баллон, а Балон; и не шкаф-мордovorot, а импозантный и подтянутый седой красавец.

В кино Владимир Яковлевич Балон пришел из фехтования почти четыре десятилетия назад — снимался в "Гусарской балладе". Потом была еще масса экранных схваток — в том числе, например, в фильмах "Три мушкетера", "Двадцать лет спустя", в сериале о гардемаринах...



— Владимир Яковлевич, мне интересны не столько каскадерские байки типа "упал-побежал-прыгнул-загорелся", сколько нынешнее состояние в России вашей, скажем так, нетривиальной профессии.

— Кан и многое, каскадерское дело у нас на первобытном уровне...

— Вы имеете в виду технологию?

— Не только — сам подход к работе каскадеров, к сожалению, построен по принципу "рашен рулетки" — "русской рулетки".

— Слишком большая степень риска?

— Да, и вызвана она изначальным непрофессионализмом людей, которые берутся за наше дело. К тому же нищенское оснащение трюков, бедность самого нашего кинематографа. А еще — низкая культура режиссеров и ограниченная потребность отечественного кино в каскадерах. Сколько я ни работал, режиссер в предварительной беседе непременно оговаривает, что вот такой-то трюк несет в картину смысловую нагрузку, что это должна быть очень яркая сцена. А потом ограничивается одним-двумя дублями: снять детализацию трюка — для придания сцене нужной эмоциональности — не позволяет нехватка пленки...



У нас прантически нет трюначей-профессионалов. Почему я сназал: "рашен рулетна"? Приходит человек, жаждуший стать каскадером, а у него только одно качество — он смелый, рисковный. Но это, можно сназать, для нашей профессии качество отрицательное.

— Когда я разговаривал с президентом Российской ассоциации каскадеров Александром Иншаковым, он выразился так: "Кто не боится — долго не живет".

— Примерно так... Я считаю, пренде всего за плечами каскадера должна быть профессия. Например, фехтование. А ведь зачастую у людей создается ложное впечатление — ну, что сложного помахать шашкой? Если взять отечественные нулачные кинодраки и махание ногами — это безумно примитивно. В западном же кино существует термин: хореография боя. А у нас считают: главное — подбегать, подставить, условно говоря, морду, чтобы в нее ткнули, и

красиво упасть. Но ведь от этого проигрывает герой, который не встречается сопротивления. Необходимо мастерство настоящего каскадера, чтобы дать зрителю возможность почувствовать опасность, которой подвергается киноперсонаж. А для этого мало сыграть в поддавки.

Вот сейчас идет цикл телепередач про каскадеров мира. Вы обратили внимание, как они со всех сторон облизывают каждый трюк? За этим — целая индустрия. Компьютеры на то работают! И, конечно, это вызывает восторг и уважение. Они трюк готовят месяца три или даже больше. А у нас — все с кондачна, У нас ведь никто не позволит такой роскоши, чтобы три месяца репетировать. Режиссер говорит: "Давайте попробуем и — как получится". Понятно, почему наше трюковое кино никак не может выйти на зарубежный уровень.

— А как насчет поддержания спортивной формы?

— Чтобы наши каскадеры "режимили" как спортсмены — этого нет. Может, опять-таки, из-за нашего "авось пронесет"...

— И каратисты-рукопашники?

— По большому счету Брюса Ли у нас нет, не было и вряд ли будет.

— Не тот менталитет?

— Не тот кинематограф. Задач таких не было. Ведь наш кинематограф очень специфичен, очень отличен от западного. Обратите внимание: у нас, если в самом начале произошла драка, то потом актер ходит с синяком всю картину. А на Западе — его только что били мордой об стенку, а уже в следующем кадре он выходит гладенький. На Западе понимают: это сназна. У нас соцреализм — и в драке тоже.

— Каскадеры долгое время являлись как бы нелегалами, своего рода "шабашниками".

— Совершенно верно. Ведь наша профессия не значилась ни в одном перечне

специальностей. Лишь в конце 80-х нам удалось доказать: есть такая профессия — "каскадер", и это можно было уже официально записать в трудовую книжку. Я создал первый в Союзе творческо-производственный кооператив "Потылиха". Каскадеры стали не шабашниками, как вы выразились, а несли полную юридическую ответственность за качество исполнения трюнов. Но к той поре, когда утвердилась наша профессия, кинематограф стал разваливаться; экономический спад здорово подносил каскадерское дело.

— *Тем не менее каскадерам хочется как-то самоутвердиться. И это порой выходит боком.*

— Не хочется такие вещи вспоминать. Как раз когда шла борьба за утверждение профессии, наши ребята поехали на фестиваль во Францию. Решили — каждый выживает в одиночку.

— *Это когда разбилась Саша Карин?*

— Да. И это была не экстремальная ситуация — я это вам как профессиональный спортсмен говорю. Это штангист или прыгун собирается и максимально выналадывается, чтобы взять рекорд, к которому он каждый день готовился на тренировках. Саша Карин полет на высоту 28 метров, ни разу с нее не прыгав. Это была его личная, так скажем, ошибка. Есть пленка с записью его падения: камнем пошел вниз.

— *Авантюра?*

— Конечно, авантюра. Очень похвально, что Саша, как актер, сам выполнял свои трюки. Но ведь — не рекордные! А там, во Франции, ребята завелись: понакаем, какие мы самые-самые... Но, к сожалению, такого не получилось... А организаторы, которые их вытаскивали за границу, сразу убежали в свои норки, хотя перед этим изо всех сил тянули одеяло на себя. Спасибо Ассоциации каскадеров, что она потом помогла Саше. Но он так и остался инвалидом на всю жизнь. Это в 35... Я, закончив институт физкультуры, трени-

руюсь с утра до ночи, отлично владея своим телом, и то в 35 лет такого риска себе не позволил бы.

— *Тем не менее за столь долгую экранную жизнь у вас, наверное, случались накладки, пусть и не столь драматичные. Я хорошо знаю, что люди вашей профессии говорить об этом не любят, но все же...*

— Была серьезная травма на картине "Чертова дюжина". Мы снимали ее в городе Белгород-Днестровский (это бывший Анкерман под Одессой), там есть знаменитая крепость, где делалась тысяча картин, начиная с "Адмирала Нахимова". В "Чертовой дюжине" запорожцы дерутся с турками. Я играл этаного авантюриста без правой руки — барона фон Бюлофф. Хватаюсь за канат, печу к противоположной стенке, выбегает турок, я его ногами толкаю...

— *Ногами — поскольку правая рука занята канатом и клинком?*

— Да. Лечу обратно — тут выбегает еще один турок, а рядом висит бурдюк с вином. Клинком прокалываю бурдюк — струя ударяет в лицо турку. Первый дубль сделал нормально. А оператор, который находился внизу, говорит: "Волось, я не могу задрать камеру — там фальшивый потолок виден. Ты клинок переверни острием вниз". А я четко вижу, что так клинок явно не туда метит. "Слушай, — говорю, — чего-то не очень удобно". — "Ну, давай попробуем". Черт меня дернул, согласился. Подлетел, вытолкнул, пришел обратно — и не понял даже сразу, что произошло, настолько клинок был острый. Он воткнулся мне в бедро и из коленного сустава вышел. А так как это была одна из главных ролей, меня, чтобы съемки не прерывать, на костылях привозили, и я был в состоянии только один шаг сделать на крупном плане. Но ничего, онемелся...

— *Вы очень часто выступали в фильмах не только как каскадер и постановщик трюков, но и как актер. На-*

пример, де Жюссак из постановки по романам Дюма...

— Ну, там на грани юмора. Его, бедного, все колют, колют, а он все выживает да выживает.

— Наверняка вам легче самому в кадре с актером работать, чем сводить двух, скажем так, дилетантов, наблюдая со стороны.

— Да, потому что любую накладную я сразу увижу и, как суфлер, подскажу нужный "текст" — на железе, на клинке, — чтобы он схватил его снова. Ведь очень часто, мандражируя, актер напрочь забывает, что нужно делать. И тогда повисают паузы. Я всегда старался доводить актера до такого состояния, когда он вдруг начинает верить, что фехтует. Если переводить на актерский язык: важно освободить его от заученного "текста"; необходимо, чтобы он познал логику движения, логику драки. А зритель должен ощутить элемент неопределенности, элемент страха в каждом движении. Все должно в последний момент решаться — здесь уже начинают играть глаза, все тело помогает. А если это "разученный текст" определенного размера, то получается два притопа, три прихлопа — элементарный краковян. Ритм должен быть рваным — это стихотворение, но только без размера, верлибр.

— А скажите: в отношении к тому же фехтованию наши актеры отличаются от западных?

— Только с иностранцами, к сожалению, мне и пришлось работать последние десять лет. А отличие — как день от ночи. Их актер — как пиранья, как вампир — высосет из меня в процессе постановки боя все: а почему так, а отчего не так? У нас же, если Любовь Орлова танцует на пушке, то показываю ноги танцовщицы, которая бьет чечетку. Если герой боксирует — значит, нужно показывать его со спины, поскольку и здесь — дублер.

— То есть чечетку била не сама Орлова?

— Я знаю, что не она.

— А что же наши — ленивые и нелюбобпытные?

— Если наш актер тяготеет к исполнению трюка даже среднего уровня, тут же вступает в дело режиссер: "Не надо, Ноля, не надо. Не дай Бог что-то случится, и ты у меня вылетишь из съемочного дня". Опять же расход пленки: один дубль не получился — второго уже не надо, не будем экспериментировать. Поэтому легче, конечно, использовать наскандера.

— Если взять, к примеру, такого "чайника", как я — сколько понадобится времени, чтобы я смог хотя бы имитировать фехтование?

— Для этого просто надо дать вам в руки шпагу и стать с вами в стойку. А через полчаса я могу сказать: либо у вас есть способность к этому делу и я берусь научить, либо вы тот дуб, из которого даже паркет не сделаешь. Пришел ко мне Жигунов первый раз — абсолютно ничего не умел. Но когда я с ним поработал — увидел, что это очень богатый материал. Боярский тоже очень хороший партнер, совершенно не стеснялся показать, что нуждается в помощи или дополнительном наконечнике познания. Он жил этим. Когда кончался съемочный день, и мы сядились ужинать в ресторане, он левой рукой поднимал рюмку, а правой все еще фехтовал. А пришел Мамаев, и я понял: напрасная трата времени. И я сказал: нет, не надо, и стал его отодвигать, отодвигать. А что касается, положим, Димы Харатьяна — это богатый материал.

— В институте фехтование было вашей специализацией. А с чего это увлечение началось?

— Честно говоря, случайно. Дело в том, что я дитя войны и блокады — у меня был туберкулез легких, я был освобожден от физкультуры. Мой товарищ записался в секцию, и я тоже решил

пойти туда. Пришел, и когда мне дали палку, взял ее в левую руку. Тренер подошел: в чем дело? Я судорожно перебросил ее в правую. "Ты левша?" — "Пишу правой, а намни бросаю левой." — "Ну, давай левой"...

Прошло три месяца регулярных тренировок — и на первых же соревнованиях я занял второе место. А где-то к концу года были соревнования ленинградских школ — тут уж мне нужна была медицинская справка. Я сделал фальшивую и... выиграл это первенство. Просочились слухи: как это — освобожден от физкультуры и вдруг спортсмен? Накапали, из города пришла депеша: проверьте. Но когда мне сделали рентген, оказалось, что у меня уже нет туберкулеза, все зарубцевалось.

— С фехтованием вы и пришли в кино. А при-



ходилось вам расширять свой каскадерский диапазон?

— У меня много картин, где я ставил тан называемые бытовые драки, ставил рукопашный бой...

— То есть вы многое можете. За что еще брались в кино, кроме фехтования и драк?

— Вы знаете, одно дело — мочь, а другое — иметь совесть браться за какое-то дело. Например, сесть в седло на антеру и проскакать — это пожалуй ста. Нонного спорта у нас в институте не было, но есть профессионалы, люди, которые "привязаны" к этому виду спорта. Или, скажем, к автомобильному...

— А верхом на лошадке — сами научились ездить?

— Сам.

— Получается — каскадеры "многостаночники"?

— В принципе — да. Саша Иншанов, который вырос у меня на глазах здесь, на "Мосфильме", утверждает, что каскадер растёт именно на площадке. И я в какой-то степени согласен с ним. Но дело все же в том, что мы говорим об определенных высотах, определенном уровне. Короче, для меня мастерство каскадера — это, в первую очередь, логика: поступков, движений, логика всего трюка. Я должен все заранее выстроить, предположить.

— Вы-то все рассчитаете, а партнер может сглупить.

— Был прокол и в моей работе. На картине "Двадцать лет спустя" у меня — де Жюссана — идет диалог с кардиналом Мазарини (его Равинович играл). И прибегает гонец с голубиной почтой. Отдает кардиналу текст, а голубь у него из рук вылетает и кидает Мазарини на лысину. Он ко мне: что это такое?! Я говорю: "Дерьмо". Он: "Убейте этого негодяя!" Я стреляю в гонца — тот падает. К нему подбегают: "Готов!" Мазарини: "Что вы сделали?!" — "Ради вас, монсьеюр, я убью даже родного брата". — "Хорошо,

но я прошил убить этого". Я стреляю в голубя — и рядом с нами падает люстра.

Для того, чтобы это снять, гонца "зарядили" пиротехническими зарядами. И я его попросил: когда буду стрелять, ты синхронно подними голову, чтобы твой заряд шел в сторону, и падай на спину. И когда стали снимать первый дубль, я прицелился в него, выстрелил, а он от испуга принял голову к груди и упал на живот. "Готов!" Отыграли сцену, я подбегаю, смотрю: весь пороховой заряд попал бедняге в лицо...

— Приходилось ли вам применять свои каскадерские качества в быту?

— Бывало... Но сейчас, когда и очередей в магазинах нет, и в троллейбусе я не езжу, сталкиваюсь с этим меньше. Раньше было как? В скандально критической ситуации я сначала пытался умиротворить человека разговором или взглядом. Если требуемого результата это не давало, у меня начинали трястись ноги, окружающие говорили, что я белел, что-то во мне замыкалось, я становился неуправляемым, и после об этом очень жалел. Но подобное редко бывало: руки у меня очень сильные, и я обычно просто брал человека за плечо или локоть, снимал и говорил: "Дорогой, не надо, я тебя прошу, ну зачем..." — со стороны, вроде, ничего не видно, а он медленно оседал, чувствуя силу. И понимаю, что до следующего шага меня доводить не стоит...

— А человек трех на себя бы взяли?

— Было.

— Успешно?

— Трагично. Как-то мы ехали с женой в троллейбусе. Я, навьюченный, с двумя авоськами — лошади оборачивались. И три типа подвыпившие стали к жене, скажем так, слегка прикасаться. Я сперва спокойно сказал: "Ребята, не умеете пить водку — пейте молоко". Они отключились от жены и начали обсуждать, как оборвут мне усы. Троллейбус подходит к моей остановке, и я понимаю, что сейчас получу пендель в задницу и полечу, а они останутся в салоне. Я им предложил: вы хоте-

ли мне усы оборвать — пошли. Передаю жене авоськи, она в подземный переход, а у меня тут же "автомат включился". Двоих я быстро положил, третий пошел навстречу — и тоже улетел, башкой проломив стекло подземного перехода. А сделал я буквально три движения...

— *Бывает ли вам страшно на съемках?*

— За себя — нет. Но когда готовишь актера и чувствуешь, что он как бы перебирает уровень того умения, которому ты его научил, думая, дескать, что уже может все, — вот тут становится страшно.

— *Профессия наверняка накладывает какой-то отпечаток...*

— В прежние века фехтование, верховая езда входили в обязательное воспитание аристократов. Это воспитывало и пластину, и логику поведения, и манеры — мунчинство, если хотите. Вот я вспоминаю свою молодость: на спартакиадах были общие лагеря, и я обращал внимание: боксеры, борцы в свободное время играли в "очко", в "железку", фехтовальщики — только в преферанс.

— *Если бы вам предложили жить в любую эпоху в любом государстве, выбрали бы вы Францию периода "Трех мушкетеров"?*

— Начать с того, что моя фамилия — оттуда, из Франции. Она вообще была с двумя "л" — так и у папы, и у двоюродных братьев. Но я, получая паспорт, решил чем-то отличаться от сосуда и, за-

полная документы, одно "л" убрал, "Обокрал" себя на одну букву.

А насчет нитья в тогдашней Франции — наверное, нет. Может, тот век романтичнее был, но насколько же медлительней в развитии! Когда я еще учился в институте, была очень популярная песенка, Нина Дорда ее пела: "Мой Вася — он первым будет даже на Луне". И я думал тогда, что только где-то в XXI веке, может быть, какой-то Вася этого добьется. Но потом я оказался свидетелем нереального — люди ходят по Луне. Наш век безумно быстр, он преподносит сюрпризы, делают величайшие открытия. А во Франции, конечно, владея шпагой, я мог бы дожить до 70 лет. Но мог бы найтись какой-то нахал, который бы спокойно меня проколол, и я бы больше уже не любил, не имел внуков.

— *А если бы у вас была фантастическая возможность пожить в качестве книжного персонажа? Не сыграть в кино, а именно пожить, побыть им?*

— Хотелось бы побыть независимым человеком, который своими поступками, своим разумом делал бы нечто хорошее для окружающих. В первую очередь — независимым.

— *Получается Павка Корчагин?*

— Нет — тот был безумно зависим. Независимый человек — это, скорее, Робин Гуд...

*Беседавал Алексей Ерохин,
фото Игоря Гневашева.*

Лидия БАЙДОВА

*Не беспуйся ты, лист раскрашенный,
Не раскаливай синюю грусть.
Все, что было младое вчерашнее,
То, вчерашнее — наизусть.*

*Лист кружит и в воде отражается,
Он под ноги ложится, шуриша,
И навеки как будто прощается,
И прощения ждет, не греша.*

*Приглашают тропинки шуришащие
На смиренный прощальный обряд.
Больно, больно смотреть на пожарище
В тихом времени тихих утрат.*

*Засудачат и смолкнут сумерки
На исходе осеннего дня...
После долгой зимы насупленной
Прорастут по весне зелена.*



*Жизнь этой женщины удивительно романтична.
Актриса, кинорежиссер и сценарист.
А в последние годы еще и хозяйка галереи
Галина ДАНЕЛИЯ,
можно сказать, сама сочинила свой жизненный роман...*

Галина и Георгий Данелия.



РОМАН

без вранья

Леонид ЛЕРНЕР

Где мои семнадцать лет?

На столичной площади Восстания сумасшедший "Жигуленок" вылетел навстречу "Волге", таксист рванул тормоз... Но удар состоялся, и Галя, брошенная лицом к стеклу, успела подумать, что еще жива. Как вылезла из разбитой машины и уехала домой — не помнила. Дома, стремясь унять дикое возбуждение, взялась мыть полы. Потом, не раздеваясь, упала на тахту. А утром с удивлением и страхом обнаружила, что все тело и лицо в ранах и кровоподтеках.

Друзья, захватившие к Юрковой, отвезли ее, ничего не помнившую, в Институт нейрохирургии, к известному хирургу Эдуарду Нанделю. Он сделал рентгеновские снимки, нашел гематому затылка, сказал: "В реанимацию". Спустя несколько часов мозговая лихорадка прошла и — словно выключили мотор — Галя надолго лишилась памяти, забыла даже все слова.

Почти год психологи заново учили ее языку, начав с самых простейших — букварных слов: стол, стул, нога, рука... Затем, когда язык вновь стал родным, началось возвращение

памяти: родные, близкие, друзья, сослуживцы по ВГИНу, рассказывая Галине про ее собственную жизнь, воскрешали ее из небытия. С жгучим интересом она всматривалась в себя со стороны, оценивала свой характер, поступки, выходы, привычки...

— Я всегда хотела быть первой. В детстве, когда жила в Минске, дружила с мальчишками и презирала девочек, игравших в куклы. Отбирала у них кукол, бросала под потолок с криком: "Глупости, глупости!"

У Феллини в "Назанове" есть эпизод: женщина-великанша, состязаясь с мужчинами, побеждает их. А по ночам, когда ее никто не видит, играет в куклы. Метаморфозы этой "великанши" вызывают у меня ассоциацию с судьбой Галины. Живя в постоянном окружении мужчин, борясь и дружа с ними, став, наконец, Галиной Данделия — женщиной, которой неизменно сопутствует успех, она вернулась в "нормальное" детство: в доме и в рабочем офисе всюду ее окружают куклы и меховые зверушки. И даже спит она с любимой тройцей — обезьяной, зайцем и собакой.

— В юности я увлеклась гимнастикой, запросто делала "склепки" и "солнышко" на турнике; училась в ба-

...с Марселем Марсо, остающимся неповторимым даже в своих письмах.



лётной школе, но сбежала оттуда. Бренчала на фортепьяно... А в школьном спектакле играла Золушку. Да ведь и в самом деле была вроде Золушки. Не падчерицей. Но девочкой, остро переживавшей судьбу своей семьи. Мама была певицей. Когда ее отца, бывшего офицера царской армии, арестовали, маму отправили в ссылку. Вернувшись, начала с нуля: пошла продавцом в магазин. Я не люблю трагедий. А потому сделала все, чтобы у моей Золушки был хеппи-энд.

— Хотите сказать, что у вас и в самом деле был принц?



- У меня сразу был король.
- И как же его звали?
- Марсель Марсо.

Ее путь к своему "королю" лежал через Москву, куда Галя сбежала из Минска сразу после школы — в театральное училище имени Щукина. Поразительно, но факт: оназавшись совершенно одна в бурлящей столице, она прантически ни дня не была одинока. Как подлинно находчивому, смелому и предприимчивому человеку, ей тут же повезло: встретила Мишу Налина (внука Михаила Ивановича — Всесоюзного Старосты), без всяких колебаний предложившего прекрасной незнакомке пожить в его огромной квартире. Тут-то и начались встречи и знакомства, благодаря которым вчерашняя провинциалка легко вошла в престижную среду.

— Опишите себя в свои семнадцать.

— Я была "синеглазка" — как в детстве. Только в детстве меня, словно куклу, всяк пытался взять на руки. И я, никогда не знавшая отца, всем мужикам кричала: "Папа!" А в семнадцать я уже слишком хорошо понимала жизнь. Помню, как в Минске, перед

отъездом в Москву, мне признался в любви одноклассник — сын школьной директрисы, и у них на семейном совете очень серьезно обсудился вопрос: можно ли ему со мной дружить — такой "взрослой". Так вот, в Москве я поражала своих "опенунов" умением вести себя в очень непростых ситуациях, общаться с мужчинами любых возрастов. Впрочем, не скрою, всегда предпочитала "старших".

Вскоре Галя уже училась в Щукинке, где никто не знал, что ей, полумосковской девчонке, пишет сам великий Марсель Марсо. Да если бы и знали — вряд ли поверили.

И сам Марсель Марсо...

Признаюсь, я тоже не сразу поверил в эту фантастическую дружбу, пока своими глазами не увидел целый ящик писем Марселя к Галине (которые приходят к ней чуть не 30 лет!). Десятистраничные письма с летящим почерком; фотографии, вдоль и поперек испещренные словами дружбы; символические рисунки Марселя — на берегу моря мим роняет слезы любви в свой легендарный цилиндр, из которого растет цветок... Тут же телеграммы: "Жду в Париже", "Прилечу в Москву на два дня".

Интересно, как на эту дружбу реагирует муж. Спрашиваю:

— А с Георгием Николлаевичем давно знакомы?

— Всю жизнь, — смеется Галина. — Когда нас знакомили, я ему нагубила: "Но мне не приставайте — не люблю грузин". Спустя несколько лет встретились во ВГИКе, где Даниелиа набирал режиссерский курс. Меня к себе не взял, и я училась у Таланкина.

Вновь возвращается к своему первому "королю". По официальной нуль-



...с Сергеем Бондарчуком.

турной хронике Марсель Марсо приезжал в Москву трижды. Неофициально же появлялся здесь куда чаще. Но об этом знают, пожалуй, только Ростропович и Вишневецкая (у которых он порой останавливался), да кое-кто в театре Вахтангова и в "Щукинке".

А познакомил Галину с Марселем кинодокументалист Виктор Горохов, давно уже снимавший его. У них однажды была назначена деловая встреча в "Пекине", где Марсо жил во время московских гастролей. Горохов

...с Тонино Гуэрра, знаменитым итальянским киносценаристом.



взял на эту встречу Гэлю — "для украшения общества"... и, как оказалось, на свою беду. Ибо, увидев ее, Марсель Марсо начисто забыл о делах. Пригласил на свой спектакль в театре Сатиры. Сам встретил у входа. Вечер закончился ужином с розами...

— Вам было тогда девятнадцать. А ему?

— Я и теперь не знаю точно, сколько ему лет.

(Из энциклопедии: Марсель Марсо — 1923 года рождения. Всемирно известный мим, национальный герой Франции.)

Он уехал. И пошли телеграммы: "Есть свободный день, могу прилететь". Прилетал...

В одном из последних писем, адресованном Галине Данелия и, как всегда, подписанном — "Твой Бип", нахожу автопортрет: крылатый Марсель, летящий над миром.

— Так он стал рисовать себя после страшной болезни, когда чуть не умер прямо на сцене от внезапного прободения язвы. Это случилось спустя десять лет после нашего знакомства. Марсель приехал в Москву на гастроли с сыном Батистом и своей трупой. В тот же день прямо со спектакля в Театре эстрады его увезли в Боткинскую. Его спасение — чудо русских врачей и, конечно, самого Марселя. Позже, из Парижа, он писал мне: "Сижу в бассейне. Потерял все силы. Но стараюсь плыть". И он плыл, потому что, как никто, любит жизнь.

"Дети" Неизвестного

После окончания театрального училища Галину пригласили в театр Маяковского. Но то ли (со всеми своими фантазиями и авантюрами) она не вмещалась в актерскую профес-

сию, то ли не вынесла режиссерского деспотизма хозяина театра Гончарова, но однажды на репетиции "Мартина Гроу" что-то резко ответила ему — и ушла из театра.

В это же время один знакомый актер поступал на режиссерский во ВГИК. Она откровенно завидовала ему, а он вдруг сказал: "Почему бы тебе не попробовать? Ты же все можешь!"

И она поступила. Вопреки негласному вгиновскому канону, согласно которому женщин (за редчайшим исключением) на режиссерский не брали. Уже на втором курсе решила снять фильм об Эрнсте Неизвестном. В одном из своих писем Марсель Марсо сообщил: "Во Франции говорят, что скульптор Неизвестный покидает СССР..." В институте об этом еще не знали.

С Неизвестным Гэля была слегка знакома, как-то Марсель водил ее к тогда уже опальному скульптору, в его студию-мастерскую на проспекте Мира. Студия была огромна. Поразило количество работ, создававшихся одновременно, их были десятки — камерных и монументальных. Сам Эрнст жил рядом со своими "детьми" (так он называл скульптуры) в крошечном закутке. Из скульптур запомнился страдающий "Кентавр" — кажется, автопортрет Неизвестного.

— Я тогда не очень-то понимала в изобразительном искусстве, Эрнст интересовал меня как личность. Он ведь оказался не только скульптором, но и потрясающим оратором: говорил и рассказывал вдохновенно. Помню его "Крик", созданный перед самым отъездом из России, который я про себя окрестила — "Глас вопиющего в пустыне". Эта вещь была сделана человеком, который ни до кого не мог докричаться. Он хотел, чтобы ему разрешили ездить по миру с "детьми". Запретили. Тогда он часть своих работ

уничтожил, часть раздал друзьям. Но я все успела снять.

Снимать Неизвестного, покидавшего страну, было совсем небезопасно. Но старшекурсники-операторы с азартом откликнулись на предложение Юрновой. Эрнст дал ей ключи от мастерской и разрешил приходить, когда угодно. Уходил по делам, оставляя студентов наедине со скульптурами. Идея была такова: снять "детей" Неизвестного и их связь с внешним миром. Поэтому снимали всех, кто заходил в мастерскую.

— Можете вспомнить, кто приходил?

— Господи, сколько их было! Приходили рабочие, печатавшие литографии графических работ Эрнста, были Вознесенский, Ахмадулина, Евтушенко... Все эти посетители попали в наш фильм. И хотя речь в нем шла о человеке, с болью покидавшего свою страну, фильм получился совсем не такой уж грустный. В компании, собравшейся на этих съемках, много шутили и смеялись.

Эрнст уехал. Спустя время, Галя показала во ВГИКе свою курсовую "Неизвестный". И разразился скандал. Взались за студентов-операторов: угрожали выгнать из института. Галя Юрнова сама пришла "с повинной". Заявила, что это она втянула ребят в свою авантюру. И, если уж на то пошло, пусть выгоняют ее.

Фильм уничтожили. А Юрновой предложили сделать другую курсовую — торжественный фильм к Дню Победы. Но она не успела его снять — угодила в авткатастрофу, в ту самую, после которой потеряла память. Все подробности, о которых повествуется в этой главе, она собирала несколько лет по крупицам. Окончательно же восстановить в памяти "Блок Неизвестного" помог сам Эрнст. В 1989 году Галина Даниелия впервые прилетела в

Нью-Йорк по делам своей "Гала-галереи". Эрнст Неизвестный (все эти годы писавший Галине из своего изгнания) встречал ее в аэропорту. Они проговорили двое суток подряд.

Тарковский: человек-север

Как-то Галина рассказала мне любопытную историю об Андрее Тарковском, которую слышала от него. Однажды Тарковский ехал в такси с рукописью будущего "Андрея Рублева". Вышел на углу у "Националя", решил пройтись пешком до Пушкинской площади. Светило солнце, настроение было прекрасное. И тут... С ужасом обнаружил, что в руках нет портфеля, в котором лежала рукопись "Рублева" — единственный экземпляр! Его прошиб холодный пот. В состоянии, близком к безумию, вернулся к "Националю". Простоял на этом месте пять часов, пока... не подъехало то самое такси, из которого вышел шофер и протянул ему "Андрея Рублева".

— Я встретила с Андреем в самом прозаическом месте — в кабинете у стоматолога, моего приятеля. До этого мы никогда не виделись, и я не обратила на Тарковского внимания. Вдруг звонит Алик (тот самый врач) и просит разрешения дать мой телефон своему клиенту — Андрею Тарковскому. В тот же вечер он мне позвонил...

— Что он в то время снимал?

— Это было после "Сталкера". Выглядел ужасно усталым, твердил, что ему нужны положительные эмоции. Возможно, я ему их давала — мы встречались чуть не каждый день, всякий раз на Бородинском мосту. Андрей задумывал тогда "Ностальгию" и размышлял, что мог бы сыграть главного героя. Он, конечно, хотел снимать своего "единственного" — Толю Солоницына, но тот уже был смер-

тельно болен. Андрей знал об этом и ужасно мучился. А я вдруг сказала: "Твой актер — Олег Янковский". Он возразил, что Янковский "не Бог весть какой актер". А спустя несколько дней сообщил, что встретился с Олегом и, кажется, будет его снимать.

С первой же встречи с Тарковским Галина почувствовала, как он одинок. И что ему время от времени нужен человек, чтобы выговориться. Она стала для Тарковского своего рода исповедником. Они бродили по старой Москве, сидели в уличных забегаловках... Однажды он пришел мрачный и, усмехнувшись, сказал: "Я с тобой превращаюсь в какого-то платоника. Давай договоримся: если завтра не перейдем эту грань, то навсегда останемся братом и сестрой".

Через год она вышла замуж за Георгия Данелию.

— Почему не за Тарковского?

— Я бы за него никогда не вышла. Он ведь, в сущности, был очень холодным: человек-север, ледяной король. Все его страсти кипели только вонруг кино.

Данелия: человек-юг

Галина вышла замуж за Георгия Данелию лет семнадцать назад. А ведь знала его много раньше. Они встретились в первый же год ее жизни в Москве, в баре гостиницы "Россия", в одном из тех злачных мест, где кипела богемная жизнь. Данелия — в зените своей "киношной" славы: за плечами были уже "Я шагаю по Москве", "Путь к причалу", "33". И подлинный киношедевр "Не горюй!"

Однако и у знаменитостей бывают драмы. Режиссер умных, обаятельных, грустных и смешных лирических комедий, Георгий Данелия вдруг ре-

шил снять трагического толстовского "Хаджи-Мурата". Желание это оказалось столь сильным, что когда ему зарубили сценарий, запретив "садиться не в свои сани", он травился, затем какое-то время глушил свое горе в барах. И юная Галя Юрнова (которая, конечно, ничего об этом не знала) была сильно удивлена, увидев создателя жизнелюбивых комедий в весьма "трудном" состоянии. Однако подсев за столики "синеглазке", Данелия вдруг успокоился.

В тот момент Галя и представить не могла, что пройдут годы, и в один прекрасный день она станет женой этого человека. Более того, в тот вечер они даже не стали друзьями. И все же "роковая" встреча произошла.

После "Осеннего марафона", отнявшего у режиссера много сил и эмоций, Данелия серьезно заболел. Положили в больницу с подозрением на рак. Диагноз сняли, но начался сильнейший перитонит. И однажды Георгий Данелия... умер. То была клиническая смерть. Его чудом реанимировали: по телу торчали трубочки, через которые он дышал и питался. Когда Данелия вышел из больницы, то весил чуть более сорока килограммов.

— Как-то идя по "Мосфильму", услышала рядом с собой почти шепотом: "Здравствуй, Юрнова..." Я оглянулась и, увидев его, совершенно измощенного, в первое мгновение не узнала. — "Что, не узнаешь?" — спросил Гия. И тут я с ужасом поняла, что это он.

Люди, хорошо знающие их обоих, уверяют, что Георгия Данелию спасла энергия Галины, ибо своей у него уже просто не было. Через месяц они поженились.

Как все-таки, не имея практически никакого фундамента и, уж тем более никакого опыта, никому не известная Галина сумела занять в

московской элите свое, особое место?

Вероятно, нужно обладать неким талантом, который освобождает женщину от ненужных комплексов, позволяет идти на авантюры, располагает к ней именитых, более того, дает надежду на их дружбу и уважение.

Что же так притягивает к этой женщине не просто таланты — героев времени? И Марселию Марсо, и Эрнсту Неизвестному, и Андрею Тарковскому (да и многим другим) нужна была ее необыкновенная энергия. Джюна, к которой Галину привели из больницы после авткатастрофы, мгновенно подружилась с ней. И не скрывала, что пользуется ее энергией на своих сеансах.

Все эти люди — главные в ее жизни, встречались Галине в моменты душевных и жизненных переломов: стареющему Марселию понадобился "эликсир молодости", Неизвестному, который с трудом покидал Россию, очень нужна была моральная поддержка; Тарковский, опустошенный бесконечными конфликтами, рвущийся на свободу, черпал у нее силы, чтобы осуществить невозможное, Джюна нашла в Юрковой сильную родственную душу; и, наконец, Георгий Даниеля...

"Кормящая мать"

Художник Юрий Нононенко, написавший сотню женских портретов (из которых Галина незадолго до его смерти создала изумительную выставку), говорил: "Галина из тех женщин, которые не столько берут, сколько отдают — свою энергию, свою нежность, свою любовь. И все это возвращается к ней сторицей".

Она уже давно имеет практически все, что нужно женщине: дом, поставленный на широкую ногу, мужа — зна-

менитого кинорежиссера (да и сама сняла уже не один фильм), поездки за рубеж с выставками и на фестивали, в гости к друзьям. И все же трудно сказать, как сложилась бы ее дальнейшая жизнь, не начнись "перестройка". Новые времена открыли для Галины новые пути — именно в эти годы она нашла то, что, наверное, и составляет ее истинное призвание. Из первой же своей поездки в Америку она вернулась с предложениями от трех десятков американских фирм, среди которых были и ныне весьма известные у нас "Ле Монти", "Анкл Бенс", "Джонсон и Джонсон"...

Другой причиной, заставившей ее пуститься в поиск, стал стремительно выраставший сын. Однажды она обнаружила, что Кирилл становится хорошим художником.

В 17 лет он поступил на постановочный факультет студии МХАТ. На вопрос — почему не во ВГИК, отвечал: "Мне блат не нужен". В 18 стал гвоздем первой выставки русских художников в Беверли Хилз, организованной Галиной Даниелия. Ему было девятнадцать, когда его картину приобрела для своей коллекции королева Англии. В двадцать лет Кирилл уже имел выгоднейший контракт в Англии. С двадцати одного года живет и работает в Нью-Йорке, уйдя на "вольные хлеба". Галина организовала в московском ЦДХ пять персональных выставок сына — все с неизменным успехом. На последней посетители купили 50(!) из 80 картин Кирилла.

Она опекает не только сына. Три-четыре десятка московских и петербургских живописцев называют Галину "кормящей матерью". Я наблюдал ее на вернисажах, где, окруженная художниками, Галина ведет себя так, будто не столько она нужна им, сколько они, любимые дети, нужны ей.

Удивительна ее менеджерская гибкость. Когда бум на русское искусство в США и Европе стал утихать, Галина начала обратный процесс: возвращение современных российских художников в Отечество, где уже созрели условия для их приема. В процессе приняла участие не только опекаемые ею, но и самые знаменитые, имеющие репутацию на Западе: Эрнст Неизвестный, Владимир Немухин, Михаил Шемякин, Оскар Рабин, Илья Кабаков... Она привезла в Россию грандиозную выставку "Нью-Йорк — Лондон — Москва", поразившую знатоков глубиной содержания и блестящим распределением ролей: молодые художники, "играя" рядом с ветеранами, набирали вес; уставшие гореть "звезды" как бы обретали второе дыхание.

"Пан-Дан"

А вскоре Галина Даниелия организовала галерею "Пан-Дан", нынче одну из самых перспективных. Партнером Галины стал глава фирмы "Русский купец" Василий Панченко, один из первых наших коммерсантов, начавший вкладывать свои средства в искусство.

— Картины галереи "Пан-Дан" дороги. Однако на ваших выставках их покупают. Скажите, какова психология вашего покупателя?

— Это разные люди. Но в одном они схожи: прежде чем войти в "класс потребителя искусства", должны приобрести решительно все, что составляет имидж богатого человека. Попутно они замечают, что в западных фильмах и мыльных операх, которые они смотрят, в домах и офисах знаменитых миллионеров, где они бывают, — всюду висят картины. Является мысль: вот он, престижный образ жизни. А затем к нам является и сам покупатель, поначалу нерешительный

и встревоженный — как бы не обманули. И тут в дело вступаем мы: обучаем, объясняем, создаем интригу. У меня уже есть десяток-другой "новых русских", которые пришли купить всего одну картину. А в результате превратились в ярых коллекционеров. Все просто: блестящие финансисты, в области искусства они пока еще дети. Я вкладываю в них мысль, к которой якобы они пришли сами: что им это нравится, что они это понимают. И тогда это становится страстью. Тут важно укрепить в человеке прекрасное увлечение, которое рождает в нем и новый стиль, и новую эстетику жизни, и уж, наверное, положительно влияет на его детей. Каждого такого клиента мы вносим в наш золотой список, даем ему звание коллекционера, вводим в члены нашего клуба при галерее. Это импонирует. Искусство — мир, в который хочется заглянуть. Надо только приподнять завесу. А, заглянув...

Стиль ее работы в галерее, ее приемы, импровизации подчас ошеломляют. Кто-то из друзей Галины рассказал мне забавную историю. На одну из своих выставок она пригласила очень богатого человека с репутацией "бандита". Тот удивился, ибо никогда не имел дела ни с художниками, ни с картинами. Но все же пришел.

Окруженная свитой покупателей и художников, она как-то забыла о своем госте. И обнаружила его лишь в тот момент, когда он, раздраженный и угрюмый, уже уходил.

— Куда ты? — остановила его Галина. — И почему без картины? Неужто ничего не понравилось? Смотри, какой чудесный пейзаж. Всего за две тысячи...

— Да, зачем он мне?

— А не пожалел бы этих денег, чтобы сводить меня, скажем, в "Метрополь"?

— Поехали, хоть сейчас.

— Будем считать, что уже съездили, — весело объявила Галина. — Попупай картину!

То была шутка. Но, не желая ударить в грязь лицом перед собравшейся вокруг толпой, "бандит" картину купил. А через неделю и сам удивил Галину. Неожиданно позвонил и сказал: "Картина мне нравится. Только, знаешь, как-то раздражает — висит одна на стене. Надо, пожалуй, еще принудить".

В другой раз я сам стал свидетелем не менее эффектного эпизода. Директор крупной инвестиционной компании, которого Галина как почетного гостя сама водила по своей выставке "шестидесятников", говорил потом друзьям: "Пришел дуран-дураком. Галя взяла меня за руку как ребенка, провела — и я все понял! И стало ужасно интересно. И я захотел это иметь".

Он демонстрировал купленные картины: "Перцовку горькую" Оскара

Рабина, комментируя — "Это же целая эпоха!"; офорт "Витязь" Дмитрия Плавинского — "Смотри, какая сила прет из этой вещи!"

С помощью Галины Даниелия созданы уже десятки художественных коллекций. В том числе такие крупные, как коллекция Сибирского торгового банка и поистине грандиозное собрание картин современных русских художников американской компании "Диалог-интернейшл".

— Значит ли все это, что в России вновь возрождается некогда знаменитая связка: художник-коммерсант?

— Похоже, именно так, — отвечает Галина. — Правда, еще очень медленно. Спустя почти столетие снова встретились два мира, пока еще чуждые, но необходимые друг другу. Нынешние меценаты, богатые коллекционеры только нарождаются, но уже помогают нам, галеристам и менеджерам русского искусства, тут и там зажигать "звезды".

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Напоминаем, что оформить подписку на "Смену" можно непосредственно в редакции с любого месяца.

Подписная цена одного номера с января 1999 года — **15 руб. 50 коп.**, стоимость шести номеров — **93 руб. 00 коп.**

Ветеранам войны и труда (по предъявлению удостоверения) мы делаем скидку. Для них цена одного номера — **14 руб. 50 коп.**, шести номеров — **87 руб. 00 коп.**

Такая подписка, разумеется, дешевле, чем в почтовом отделении, поскольку вы будете приезжать за журналом в редакцию. Впрочем, если вы не можете забирать журнал ежемесячно — ничего страшного — ваша "Смена" будет ждать, сколько понадобится, и вам не придется волноваться, что журнал пропадет из почтового ящика. Кстати, наши постоянные читатели из других областей, стран СНГ и даже стран дальнего зарубежья, оказываясь в Москве, заходят к нам, чтобы купить журналы. Позвоните, и мы соберем для вас комплект "Смены". Ну а если вы не бываете в столице, мы можем выслать любой номер или комплект журналов после того, как вы оплатите стоимость и доставку. Напишите в редакцию, мы сообщим вам банковские реквизиты.

Телефоны для справок: **257-30-55, 212-15-07, 250-49-98.**

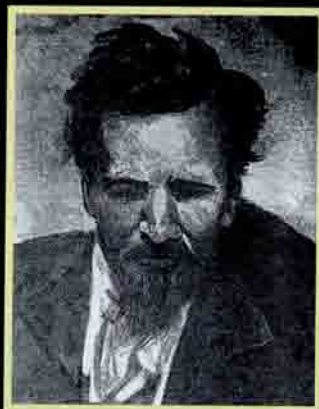
Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Буманный проезд, 14.

Звоните, пишите, приезжайте — мы всегда рады вам.



Ивантоходна. 1866

Леонид Соломаткин



И. Трифонов. Портрет Л. И. Соломаткина. 1882

Лилия БАЙРАМОВА

Его нельзя поставить ни в какой ряд, он отовсюду выпадает, ни куда не вписывается, но именно не похожесть, оригинальность, самобытность, умение идти своей пускай и робкой, походкой обеспечили Леониду Соломаткину особое ему только принадлежащее место в русском искусстве.

Соломаткин прожил тяжелую, нескладную и какую-то очень типичную русскую жизнь. Родился талантливым самородком, подавал большие надежды, удивлял, восхищал, а потом неожиданно спился, сошел с круга и закончил жизнь никому не нужным и безвестным. Пожалуй, самое трагичное в его судьбе — именно ее типичность и обыкновенность. Русский человек очень часто не умеет практически приспособливаться к жизни, не умеет лелеять и приумножать свой талант, оберегать его от жизненных напастей и передряг, он с редкой беспечностью разбрасывается и трагит его, чтобы при первом же серьезном столкновении с жизнью бросить все и потопить свое горе в вине. Таков был и Соломаткин.

Родился Леонид Иванович Соломаткин в 1837 году на Украине. Родители умерли рано, и он рос круглым сиротой среди чужих людей, приютивших его. До тринадцати лет был то погонщиком, то подпаском, а потом его "повысили в чине" — сделали чумаком, и он "в этой должности совершал многократные по малороссийским степям путешествия, то на берега Черного моря, с пшеницею, а оттуда с солью, то в порты Азовского моря".

Потом его отдали в мальчики к армянину, торговцу красным товаром, у которого он "пробыл три года с лишком... и изъездил с ним все города, начиная с Таганрога, Одессы, Феодосии, и сельские ярмарки всей Украины и Новороссийского края". Несмотря на то, что было наверняка много отвратительного и грязного, жизнь Соломаткина в ту пору не кажется такой уж беспросветной и безнадежно унылой. Кажется, даже наоборот — в ней было много по-своему привлекательного и светлого, того, чего не хватало мальчишкам из благонаправленных семей: свобода, путешествия, обилие самых разнообразных впечатлений. Никто не поучал его, не ограничивал, не лез в душу, не пичкал книжными наставлениями. Он рос, как растет трава в поле, и можно представить, каких только странных и уморительных рож, каких смешных, чудовищных и трогательных сцен не посмотрелся он, проезжая по пыльным казачьим станицам и провинциальным южным городам. "Развиваясь годами, — просто и безыскусно вспоминал он потом в строгой официальной бумаге, — во мне пробудилась страсть к искусству, не знаю, навеяна ли она красотами южной природы или другой какою причиною, но и в лавке с аршином в руках в Одессе, и на возу чумака, с ящиком разносчика на доках Николаева я все думал или о красивых местностях, или передо мною рисовались сцены народной жизни моей родины".

Тайная страсть вынудила его в конце концов обратиться к одному местному художнику в Николаеве и показать свои рисунки, тот просмотрел их и посоветовал заняться живописью всерьез. Эта затея так обрадовала и вдохновила, что он, безграмотный восемнадцатилетний парнишка, не обучавшийся в своей жизни ничему, кроме искусства торговать и обсчитывать покупателей, без средств в кармане, "но с полною верою в будущее", отправился пешком в Москву. Москва приняла и обогрела его. В Училище живописи, ваяния и зодчества, куда он обратился, никто не вытолкал его взапей, не посмеялся над его наверняка смешным и не слишком отесанным видом — после тысячи-то верст пешком, — а приняли бесплатно! И "с полным сочувствием" к его положению и профессоров, и учеников, предложивших ему "кто квартиру, кто пособие..."

Так началась московская жизнь Соломаткина: веселая, живая, трудовая и нищая. Его будущий приятель А.З. Ледаков так описывал первую встречу с ним. "В первых числах сентября, поступив в московское Училище живописи и ваяния, я, в числе прочей учащейся молодежи, уселся за парту рисовать поставленную профессором гипсовую голову Эскулапа. Рядом со мной разместился, также из вновь принятых поступивших, лет 16-17, мужественный, плечистый, рослый, здоровый, с вьющимися белокурыми волосами молодой человек. Мой сосед принялся как бы машинально чинить карандаши и пристально всматриваться в задумчиво склоненное лицо гипсовой головы Эскулапа.

— Это что за персона будет? — не поворачивая головы и не отрывая глаз от Эскулапа, с сильным малороссийским акцентом спросил меня сосед. При этих словах я был поражен еще больше, чем атлетическим сложением моего соседа, его могучим, чудесного тембра баритоном. Мне не верилось, что такие мощные, звонкие и вместе с тем певучие звуки, потрясающие на далекое пространство воздух, при самом обыкновенном разговоре льются из груди 16-17-летнего юноши...

Жилось Соломаткину в ту пору туго; не было ни денег, ни родных, которые могли помочь, хоть как-то поддержать и поставить на ноги. Приходилось выкручиваться самому: подрабатывать и где-то халтурить. Случалось, он устраивался церковным сторожем или звонарем, а позже отдавал свои картинки для лотереи училища. Но так жили тогда многие, и в бедности не было ничего досадного или исключительного. Преподавали ему по классу живописи С.К. Зарянку и А.Н. Мокрицкий — оба бывшие ученики Венецианова и оба учителем изменившие. Мокрицкий безмерно увлекался Брюлловым, который стал его богом в живописи, а Зарянку из симпатичного живописца венециановской школы превратился в сухого педанта, с немецкой тщательностью отделяющего свои фотографические портреты. И тот и другой ничего не могли дать живому, искреннему и впечатлительному Соломаткину. Тому нужно было что-то другое, более близкое по духу. Именно это он нашел в работах своего старшего товарища по училищу В.Г. Перова. В картинах Перова Соломаткина, вероятно, привлекала их правдивость и обращенность к жизни простого народа. Того народа, из среды которого он вышел, и жизнь которого ему была так близка и понятна. Он не замечал тенденциозности Перова, зато увлекался теми житейскими историями, которые тот умел мастерски рассказывать в своих картинах.

“Искусство я начал понимать с тех пор, — говорил Соломаткин, — как увидел работы Перова, который меня так увлек, что теперь страсть и любовь к нему я чувствую чуть ли не больше, нежели к великолепному малороссийскому салу и украинской горилке!” “А горькая истина и справедливость, — добавляет Ледаков, — вынуждает меня сказать, что добрый, бесхитростный до наивности, откровенный до излишеств и вреда себе, Л.И. Соломаткин любил-таки горилку и сало, и если не больше искусства, как шутя он сам говаривал, то по меньшей мере в равной степени”.

В 1861 году Соломаткин переезжает из Москвы в Петербург и поступает вольнослушателем в Академию художеств. Этот переход из Училища в Академию был вызван чисто житейскими обстоятельствами: с Украины пришло известие о призыве к очередному рекрутскому набору, нужно было срочно искать средства, чтобы избежать его. Спасти художника могла только Академия, и Соломаткин пишет жалостливое прошение на имя ее конференц-секретаря. Оплачивать обучение его в Академии взялся некий Рябинин, член Московского художественного общества.

Трудно сказать, что могла дать живому и непосредственному Соломаткину казенная, чопорная, все еще пребывавшая в косной оцепенелости Академия. Самое лучшее — это не воспитывать и не подчинять, а оставить все так, как есть, предоставив ученику возможность развиваться в своем собственном, одному ему известном направлении. И первые работы,

написанные им в академические годы, свидетельствуют как раз об известной самостоятельности Соломаткина и о его независимости как от скучного казенного академизма, так и от идейности и обличительства современной ему живописи.

Самая первая из известных работ Соломаткина — “Именины дьячка”, и пребывающая ныне в Третьяковской галерее, написана в 1862 году. Всего лишь годом позже “Сельского крестного хода на Пасху” Перова, картины, в свое время служившей лучшим пособием в атеистическом воспитании советских людей. Кажется, просто невозможно в одно и то же время людям, близко знавшим и уважавшим друг друга, создать столь непохожие и, более того, противоположные и прямо враждебные картины. У Перова — апофеоз раздражительности, ненависти и обличительства: его священники отвратительны, его крестный ход — карикатура на светлый Христов праздник. Совсем не то у Соломаткина. И он пишет деревню и священника, но где все эти пьяные безобразные рожи, нравственная и физическая грязь? Ничего этого нет. Наоборот, есть чистота и какая-то душевная опрятность и умиление, знакомые нам еще по венециановским картинам, но как-то совершенно выветрившиеся к тому времени из русского искусства. Его дьячок, несмотря на всю видимую бедность и скромность обстановки, и ласков, и добр, и душевно светел. В жесте, в наклоне головы с поседелой косицей, в согнутой спине его и в руке, глядящей голову мальчика, столько ласки, участия, теплоты, столько душевного сострадания и нежности, что, право, картина Перова после этого воспринимается как





Савилицкини-городовые. 1867

клевета на все русское священство. Особенно же хороша фигура бородатого священника, вкусно пьющего чай у окна. И весь этот уголок — с аппетитно накрытым столом, с вареньем, угощением, блюдами и чашечками и непрменным самоваром — сколько в нем уюта, любви к дому и “домашности”!

Уже в этой маленькой картине появляется та особая солоomatкинская нота, которая отличает его как от современников-жанристов, так и от великих предшественников — Венецианова и Федотова. Ранность Соломаткина и его чрезмерная отзывчивость на чужие страдания и несчастья — вот что выделяет его из среды собратьев-живописцев и делает его таким близким раннему Достоевскому с его вечными “Бедными людьми” и “Униженными и оскорбленными”. “Бедные, униженные и оскорбленные” станут главной темой и для Соломаткина, но только без идейного пафоса передвижников, без их уверенного всезнайства и вечного поучительства. Соломаткин вообще не умеет поучать, он как-то слишком слаб и, может быть, не учен для этого, он просто ходит по улицам и показывает нам, кого следует жалеть.

Вот его следующая картина “В погребке” — почти иллюстрация к раннему Достоевскому. Грязный русский кабаk, мрачные каменные своды, убожество обстановки и девочка рядом с нищим музыкантом. Конечно, не этому учили Соломаткина в Академии, только он сам мог довериться себе и писать так, как думал и чувствовал. Впрочем, кажется, Соломаткин всю жизнь оставался таким наивным, чистым и неиспорченным ребенком, что ни один из профессоров Академии не смог бы испортить его. Чего стоит, например, один анекдот об истории Соломаткина с градоначальником Петербурга Треповым, услышанный как будто бы от самого М.Е. Салтыкова-Щедрина и рассказанный писателем И.И. Ясинским.

“Городовой арестовал его где-то в канаве и привел для отправления в участок. Трепов же, как любитель всего изящного, издал приказ о докладывании ему особо об артистическом элементе... Конечно, Соломаткина, натерев ему уши покрепче, чтобы выбить хмель из него, представили Трепову в первую голову.

“Можете написать с меня портрет?” — спросил градоначальник. “Что ж, я постараюсь”. А был Трепов во всех регалиях, собираясь к царю с рапортом. “Только поскорее”. Трепов сел, а Соломаткин стал оглядывать его, склоняя голову направо и налево, по обычаю портретистов. Да как расхохочется! А уж и краски принесли, и кисти, и мольберт, и полотно из магазина Дацьяро. “Вы чего заливааетесь?” — спросил Трепов и рассказывает, что даже ему самому захотелось смеяться, так заразительна была юмористическая рожа Соломаткина. “Помилуйте, — отвечает художник, — не могу равнодушно видеть генералов. Как наденут эполеты и пришьют к груди все эти финтифлюшки, так под ложечкой и начинается... Щекотит до истомы! Вот и Ваше превосходительство мне индейским петухом представились.” Но тут Трепов не стал разговаривать и прогнал Соломаткина. “Я был оскорблен, однако я его не выпорол!” — с грустью закончил генерал”.

И разве Соломаткин здесь не такой же, как и герои его картин — смешной, бесхитростный и наивный, как дитя.



Нужда сначет, нужда плачет. 1870

А. Соловьев



Любители изящного. 1878(?)

В 1865 году Соломаткин пишет картину, которая сделала художника знаменитым на всю Россию и которая стала его своеобразным коронным номером. Это популярнейшие “Славильщики-городовые”, или иначе “Христославы”, картина, сыгравшая ту же роль в его судьбе, что и хрестоматийная “Грачи прилетели” в судьбе несчастного Саврасова. И тот, и другой всю жизнь ценились почти исключительно как авторы своего единственного шедевра, и тот и другой повторяли сюжет бесчисленное множество раз. Главный “рулевой” в тогдашней художественной жизни России Владимир Стасов оценил и выделил картину среди остальных. “Еще лучше, еще талантливее, — писал он, — “Славильщики в праздник Рождества Христова”... Нельзя от всей души не порадоваться на этот чудесный, свежий отпрыск федотовской школы”. В самом деле, несмотря на наивность и бесхитрость, а, может, и благодаря им, работа эта замечательна своей свежестью, непосредственностью и каким-то незлобивым подшучиванием. (Как уморительно и точно переданы физиономии старательных городовых). Нарядная, полная юмора, добродушия и лукавой наблюдательности картина вмиг сделалась популярной. Ее все хотели иметь, каждый желал ею любоваться. Сам Павел Михайлович Третьяков, тогда только еще подымавшийся на подвиг собирательства национальной живописи, мечтал приобрести ее в свою коллекцию, но — перехватили другие.



Петрушка. 1878

Соломаткин не посевал снимать копии со своего шедевра. К чести его, он никогда не изготавливал ремесленно точных копий с оригинала, а всегда что-то добавлял или переделывал, так что каждые последующие “Славильщики” выглядели скорее импровизацией на заданную тему. Да и цена никогда не оставалась неизменной — стартовав с довольно высокой, с годами скатилась до 10 рублей! Соломаткин не только варьировал по-раз-

ному полюбившуюся ему тему, но вообще любил обыгрывать сюжет, интерпретировать... У него есть и "Славильщицы" со странницами-богоделками, и "Старый быт", где приземистые квадратные купцы-мужики в длинных шубах что-то отчаянно режут в своей низенькой светелке.

Учась в Академии, Соломаткин пишет еще несколько картин, и среди них превосходный эскиз с характерным названием "Губернаторша, входящая в церковь". Пейзажист П.П. Джогин восхищался ею в письме к Ивану Шишкину: "Соломаткин написал превосходный эскиз: шестые в церковь губернаторши — просто, брат, талант". И действительно, талант. По видимости и по заявленной теме — как будто обычная сатира в щедринском и передвижническом духе: чванливая и глупая губернаторша, лакейство и низкопоклонство подчиненных и т.д. Но у Соломаткина все богаче и наполненнее. Здесь есть живопись и жизнь. Как будто никому не нужные подробности — голубое небо, красивый и светлый пейзаж, видный в раскрытые двери, полумрак церкви и блики на платье губернаторши, но они-то и делают картину красивой, сочной и живописной.

В 1866 году Соломаткин неожиданно покидает Академию. Точные причины ухода неизвестны. Возможно, возникли какие-то трения с академическим начальством: в 60-е годы Академия все еще оставалась грузным и неподвижным организмом, совершенно не способным к восприятию нового. А возможно, и самому Соломаткину стало душно и неуютно в академических стенах, и ему захотелось вдохнуть свежего воздуха свободы. Его приятель Ледаков не без оттенка осуждения так описывает художника в эти годы: "успех, похвалы товарищей, восторженные статьи в журналах, горячее сочувствие публики окончательно вскружили голову до той поры скромному ученику", да к тому же еще и увлечение Стасовым, его критическими статьями в адрес Академии и учения, "у Брюлловых и Рафаэлей не учиться надо, а бежать от них, как от чумы". Сам воздух того времени был уже назлектризован революционными разрядами. Не забудем, что в 1863 году произошел знаменитый "бунт 14-ти", когда 14 лучших учеников во главе с Крамским покинули в знак протеста Академию. Так или иначе, в январе 1866 года Соломаткин пишет в Академию прошение: "Я в настоящее время по причине расстроенного здоровья не могу посещать классы Академии и для поправления его должен ехать в южные губернии, поэтому прошу покорнейше... удостоить меня звания художника по достоинству".

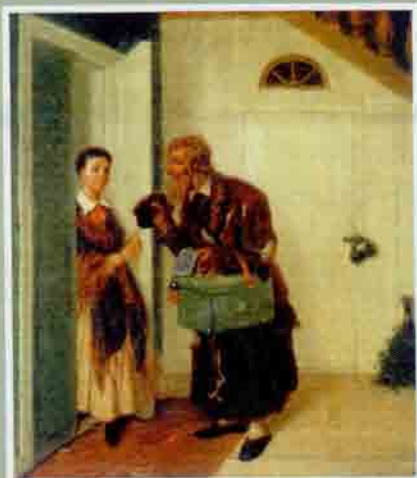
Он покидает Академию и словно выпадает из жизни и из большого искусства, так во всяком случае складывается впечатление у его товарищей. Тот же Ледаков вспоминает встречи с Соломаткиным в эти годы. "Наконец, пошел год за годом, а от Леонида Ивановича ни гу-гу. Встретишь, бывало, и спросишь: "Что подельываешь?" На что получаешь один и тот же ответ: "Да ничего: пока пишу копию с "Славильщиков" за 50 р." Это в 1865-1866 годах. Затем ответы были одни и те же: "Да ничего, копию пишу с "Славильщиков", но только цифра гонорара упоминалась уже все меньше и меньше, т.е. 25, 22, наконец 15, даже 10 рублей!" Умный и тонкий А. Бенуа, который в свое время "проглядел" Соломаткина, писал, что после "Городовых-христославов" Соломаткин, впрочем, ничего более замечательного не произвел и скоро совсем куда-то исчез — явление, очень часто повторяющееся в истории русского художества. Но Бенуа, как и Ледаков

ошибался: исчезнув для общественности и для публики, художник никуда не исчезал для себя. По-прежнему писал, и хотя у него не было ни условий, ни денег, ни покровителей, писал талантливо, хорошо и самобытно.

В 1866 году он пишет, быть может, лучшую свою вещь — “Канатоходка”. По пронзительности и какой-то невозможной, исключительной для профессионала обнаженности чувств она совершенно выпадает из контекста всего русского искусства и, конечно же, из всего того, что делалось тогда при Соломаткине. Поразительно, но именно неудачливому Соломаткину удалось выразить здесь то, что не удалось его более знаменитым коллегам по искусству, специально задававшимся целью создавать масштабные, с широкой обобщающей идеей полотна, которые потом, по прошествии столетия, воспринимались не более как иллюстрации к модным идеям своего времени. У Соломаткина же, писавшего свою “Канатоходку” просто, без претензий и без всякого желанья “выразить” и “обобщить”, как раз и получилась та великолепная метафора, тот красивый образ, который волнует и ранит до сих пор. И разве его хрупкая канатоходка в легком платье, одиноко бредущая по канату над темной и равнодушной людской толпой, не потрясающий символ, не образ русского художника и артиста, вечно одинокого, чуждого всему и бесстрашно балансирующего над пропастью жизни? Как балансировали и разбили Венедианов, Федотов, Саврасов, Соломаткин и многие другие...

Тема одиночества, неприкаянности, человеческой заброшенности очень близка Соломаткину. В отличие от многих маститых художников, ему не нужно было спускаться с небес на землю в поисках нужного типажа или персонажа, он и сам был таким: пьянчужка и бродяга. Он плакал и смеялся вместе со своими героями, бродил с ними в поисках счастья и мыкался по грязным углам. Улыбки и слезы художника остались навсегда запечатленными на его картинах. Замечательна серия, посвященная бродячим артистам: “Репетиция в сарае”, “Актеры на привале”, “Странствующие музыканты”, “Петрушка”. Укутанные в какие-то нелепые балахоны цирковые собачки, стоптанные башмаки, рваные брюки, ишистые, но веселые актерские лица и пыль на дорогах — сколько во всем этом тоски и одновременно надрывного куража! Соломаткин любит балансировать на границе этих двух состояний: улыбки и слез. И в его картинах все перемешано, как и в жизни, и нет однозначных ответов — это плохо, а это хорошо.

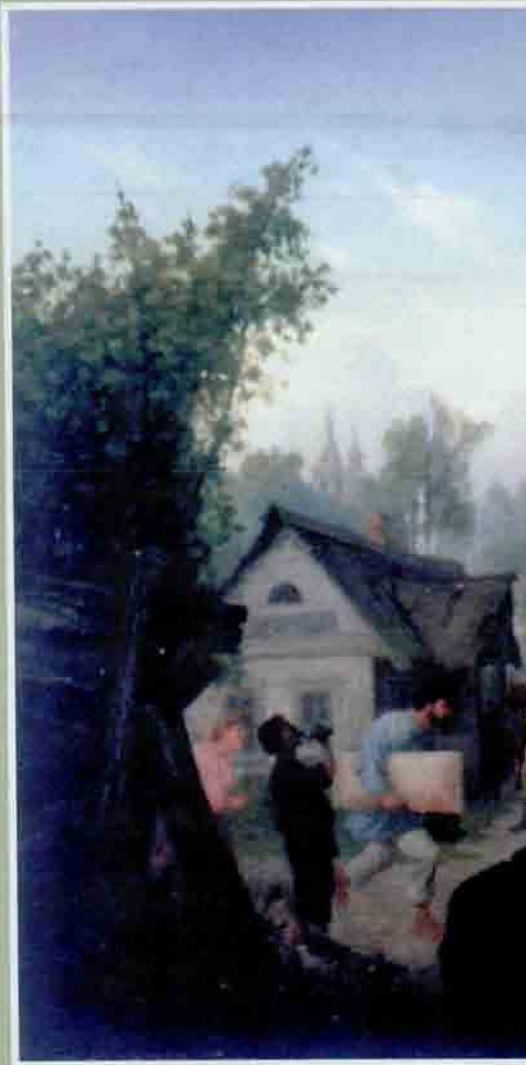
А еще Соломаткин — мастер фантастики, в том смысле, в котором употреблял этот термин Достоевский, говоря о своем искусстве, что это “фантастический реализм”. Вообще русские художники не были склонны к ирреальному и мистическому взгляду на вещи, скорее наоборот, даже обращаясь к религиозным или сказочным сюжетам, они всегда оставались на почве реальности и строгой описательности. У Соломаткина же, как и у Достоевского или Гоголя, даже в самых обыденных сценках просвечивает иная реальность, а то возьмет вдруг и выскочит какая-нибудь глумливая и жуткая рожа. В таком смешении реального и ирреального, в сдвинутости мира — тоже неповторимая особенность Соломаткина. Как и Гоголь, Соломаткин любит примешивать к своим непритязательным житейским историям фантастический привкус. Вот его “Любители пения”. Обычная петербургская квартирка, подгулявшие чиновники собрались в кружок, чтобы спеть какой-то модный куплет. Но почему так странно и загадочно клубится свет в углу, возле на-



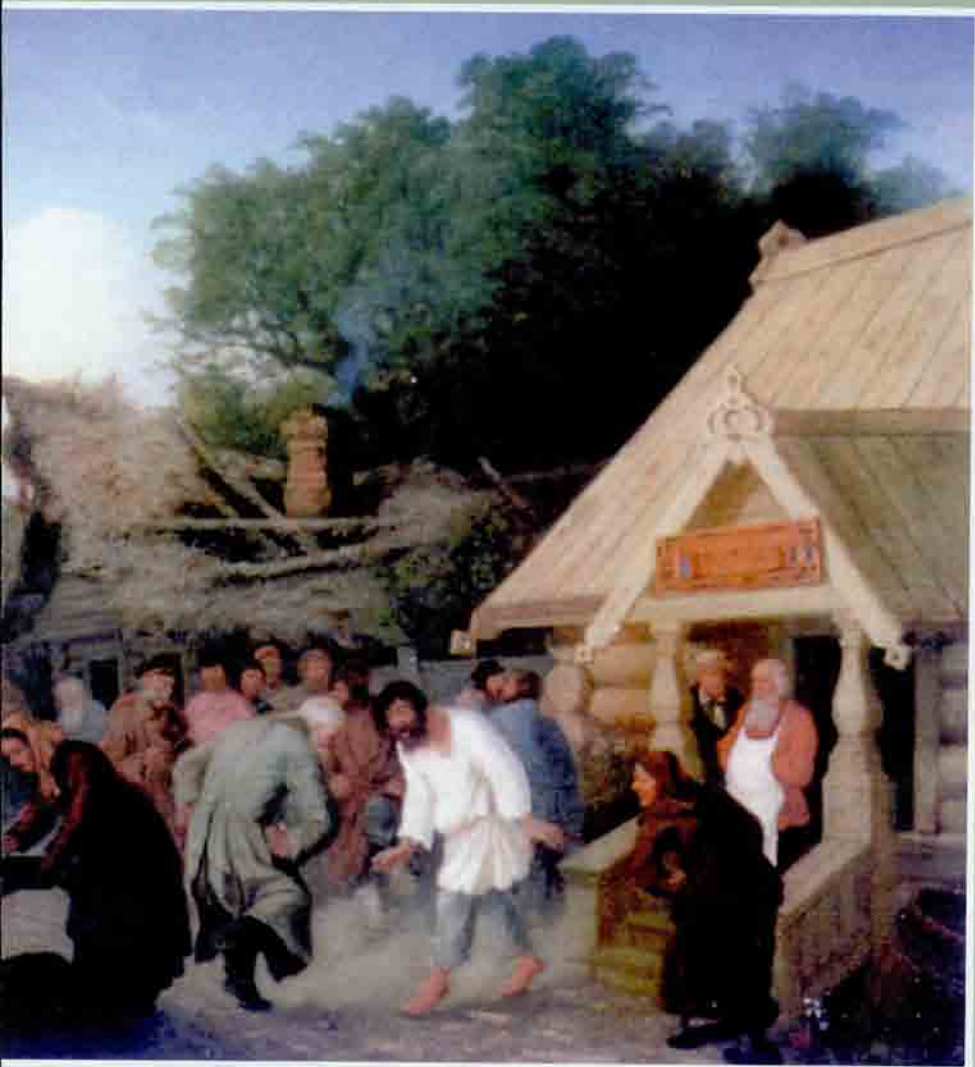
Еврей-коробейник. 1867



Крестный ход. 1881



стольной лампы? Откуда эти тревожные длинные тени на полу, и почему у чиновников какие-то странные, ослиные лица со звериным оскалом? А вот двое его бедных шарманщиков устало бредут по набережной ночного Петербурга, но как жутко, призрачно и фантастично выглядит город. Вот фантастические "Ряженные", где совершенно отсутствует простое и бесхитрое веселье, а происходит шабаш ведьм, кошмарные пляски во славу дьявола. И опять тот же неверный свет лампы, пляшущие тени, глумливые физиономии наблюдающих и жуткие, прямо бесовские, маски пляшущих ряженных. Таких сценок



У питейного заведения. 1881

у Соломаткина множество, и если собрать их воедино, то что за странный, причудливый и загадочный мир откроется нам, непохожий на все, что мы привыкли называть русским искусством второй половины XIX века.

В 70-е годы жизнь Соломаткина катится неудержимо вниз. Он безнадежно спивается. Безвольный, мягкий, бесхарактерный, он был совершенно не способен приспособиться к жизни, “выгрызть” себе место под солнцем, да, кажется, и не стремился к этому. Вот только некоторые воспоминания его друзей. “В трезвом виде Леонид Иванович отличался необычайной мягкой

кротостью. Угла своего он не имел никогда. Картинки писал у товарищей на чужих холстиках, чужими красками и кистями. В денежных делах это был настоящий ребенок — бескорыстный, наивный. Свои картинки он уступал за гроши и охотно раздаривал разным случайным собутыльникам. Под конец жизни, когда он спился окончательно, то “торгаши” и “шакалы” из рынка эксплуатировали его возмутительнейшим образом. Сгорая от жажды опохмелиться, он за бутылку водки писал в несколько часов картинку, которая продавалась потом за сто, за полтора рубля!”

Он любил погибших людей, тяготел к ним, угощая их в минуты благодати. Дарил им деньги, портретные рисунки, которые тут же набрасывал с них в свой альбомчик.

Как все существо Леонида Ивановича было отравлено алкоголем, так отравляла его и страсть скитания по столичным трущобам. Многие поклонники его таланта усиленно, наперебой звали его к себе, предлагали комнату, полное содержание, чтобы только он спокойно жил и работал. Но всякий раз он упорно отказывался: “Не могу, скучно станет, сбегу на другой же день. Нравится мне у кабака стоять. Тянет к голи кабацкой”.

И его тянуло неудержимо. Его одевали, снабжали бельем, деньгами. Целыми неделями он скитался, пропадал неизвестно где, возвращаясь от одних приятелей, темных трущобных аборигенов, к другим, живущим в достатке. Без гроша, босой, одетый чуть ли не в лохмотья.

Те же пьяненькие, убогие и сирые всех мастей, с которыми он распивал бутылочку где-нибудь в подворотне или в занюханном кабаке, кочуют у него и из картины в картину. Деревенские подвыпившие мужички, вдохновенно пляшущие у “питейного дома”, арестанты, бедолага-скрипач, шарманчики, нищие, спивающийся и изголодавшийся чиновник, приплясывающий от холода и голода перед уличным торговцем съестным, — типичные для Соломаткина сюжеты и сценки.

Можно было бы с легкостью назвать Соломаткина русским Остаде, знаменитым голландцем, жившим в XVII веке и тоже любившим писать такие вот полупристойные сцены в кабачке, пьяные драки и пирушки, с той лишь существенной разницей, что глаз Остаде скользил по своим героям бесстрастно, а иногда и с иронией. Переноса их на полотно, он оставался прежде всего живописцем и отделял своих пьяниц и драчунов с той же тщательностью и любовью, что и Питер де Хох свои чистенькие и аккуратные голландские дворики. Совсем не то у Соломаткина. Вся сердечная мука, чисто русская тоска и бесприютность, вся боль о пропадающей и несчастной России с ее фатальной неспособностью жить практично и ладно, излилась в эти маленькие и скромные картинки с редкой силой и пронзительностью. Особенно замечательна одна из них, местонахождение которой до сих пор неизвестно и знакома она нам только по черно-белой репродукции из альбома А. Бурцева. Это так называемые “Стрелки”, прозвище, дававшееся нищим в прошлом веке. Двое ободранных бродяг, взрослый мужчина и подросток, идут по улице через пургу и метель. Сильный ледяной ветер облепляет снегом их жалкие, продоргнившие фигуры в ветхом рванье. Им страшно и холодно, кажется, они уже обречены: им не пережить морозной ночи и непогоды. Но самое поразительное и жуткое — это лица, искаженные страшной нечеловеческой гримасой. И здесь не хочется говорить ни о мастерстве Соло-

маткина, ни о его умении, дело не в том. Он просто заглянул в ту страшную бездну человеческого отчаяния и страдания, куда до него не заглядывал никто, и выразил все с потрясающей силой и леденящей душу экспрессией...

Кончил Соломаткин ужасно. Кажется, что он напороочествовал собственный конец, когда писал своих страшных "Стрелков". Ледаков подробно описал его последние дни.

"Около 25 числа минувшего мая месяца, спеша по Загородному проспекту, боясь опоздать на поезд Царскосельской ж.д., я неожиданно наткнулся на человека ужасного вида, плетшегося нога за ногу с понурою головой и с какой-то бумагой в руке. Сдвинутый на затылок картуз на нем был изорван и так засален, что потерял свой первобытный цвет. Вместо пальто было на нем надето нечто вроде халата, вместо брюк — шаровары кукушечьего цвета, какие носят маляры и кровельщики, вместо сапог не то изорванные резиновые калоши, не то старые валенки. Вид этого человека был страшно болезненный. При встрече со мною он как-то тупо взглянул на меня, на несколько секунд остановился было, потом, как будто что-то сообразив, пошелся далее... Когда поезд тронулся, я на свободе начал припоминать болезненные черты исхудалого лица, безжизненный взгляд, безжизненную саркастическую или, скорее, конвульсивную улыбку бледных губ мелькнувшей мимо меня фигуры, и я невольно повторял про себя: "Неужели это он?"

Это действительно был он — больной и умирающий Соломаткин. Через неделю, встретив художника вновь, Ледаков звал его к себе.

"Заметив, что Леонид Иванович совершенно глухой и еле держится на ногах, — пишет он, — я пригласил его в комнату моих городских занятий... Немало усилий стоило ему подняться на какие-нибудь 10-12 ступеней, так был слаб. Войдя в комнату, он тихо и тяжело опустился на стул и не мог отдышаться. Потом так закашлялся, что не чувствовалось конца этому мучительному и глухому кашлю, ясно доказывающему, что легких не стало и жизнь художника на волоске."

Чтобы объяснить, Ледаков написал ему записку, в которой спрашивал, что с ним и где он живет? "Тут оказалась новая беда... художник был в такой же степени слеп, как и глух!"

"— Умираю от пьянства, — ответил Соломаткин, — оглох, ослеп... как видишь, в чахотке... Еле ноги волочу... терплю нужду страшную... живу, где ночь, где день, — вот уже более десяти лет... Средств ровно никаких... Вот мое пропитание. — При последнем слове Леонид Иванович вынул из рукава ту бумагу, которую я видел в его руках на Загородном проспекте. На ней было написано: "Прошу Вас оказать посильную помощь больному, не имеющему крова и никаких средств к существованию".

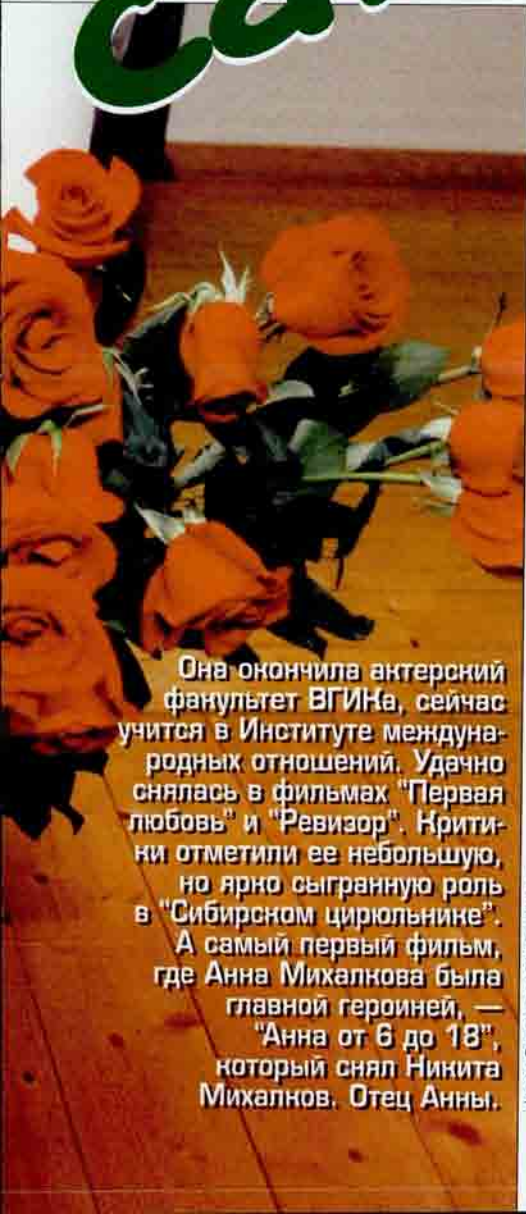
Н.Н. Брешко-Брешковский добавляет к этой впечатляющей картине еще несколько мрачных красок. "Это было назад лет двадцать. Краина Песков. Керосиновые фонари, жалкие, тусклые, бессильные озарить хоть немного сырую, холодную осеннюю мглу. Моросит дождь. У одного из труппных кабаков, из-за всплывших окон которого доносятся пьяные крики и возгласы, полиция находит труп человека. Ему лет сорок. Рваные калоши на босую ногу, рваное летнее пальтишко, рваные штаны — типичный костюм труппника."

Это был Соломаткин.

॥ १ ॥



сама!..



Она окончила актерский факультет ВГИКа, сейчас учится в Институте международных отношений. Удачно снялась в фильмах "Первая любовь" и "Ревизор". Критики отметили ее небольшую, но ярко сыгранную роль в "Сибирском цирюльнике". А самый первый фильм, где Анна Михалкова была главной героиней, — "Анна от 6 до 18", который снял Никита Михалков. Отец Анны.

фото Андрей Северного

— В документальной ленте "Анна..." отец снимал тебя год за годом, как бы создавая летопись твоего взросления. Как думаешь, если бы сейчас возникла эта идея, согласилась бы участвовать?

— Умом да, но сердцем никогда. Я понимаю оригинальность такого фильма, потому что абстрагируюсь от персонификации. А по правде сказать, я этот фильм просто ненавижу. Первый раз увидела его в кинозале вместе со всеми, и у меня был шок. Не представляешь, как это тяжело... Кажется, что тебе препарировали душу. Да еще выставляют на всеобщее обозрение...

— Получается своеобразный вариант "все на продажу". Когда отец снимал тебя, ты чувствовала себя актрисой?

— Проблема в том, что съемки происходили раз в год, и мне было неизвестно, для чего все делается. Идея фильма возникла потом, когда мне исполнилось восемнадцать лет. А так, когда раз в год отец спрашивает тебя, что ты любишь, а что нет, — чего там играть! Тут даже не возникает желания показаться лучше, чем есть на самом деле. Вообще сложно играть, когда нет определенной задачи...

— А сама могла бы поставить такой эксперимент над своим ребенком?

— Только для себя, для дома. И ни в коем случае не для большого экрана. Вообще сама идея уловить время, остановить мгновение интересна и привлекательна. Показать систему воспитания, становления характера ребенка. Проследить — от чего и к чему он идет.

— Клан Михалковых вызывает постоянно интерес у публики и прессы...

— Совсем недавно мне пришла в голову мысль, что у нас никогда в жизни не бы-

ло нормальной семьи. Я не могу вспомнить, к примеру, чтобы папа просыпался вместе с нами и выходил на кухню завтракать со всеми. Мы всё время в разных местах. Кто на даче, кто в Москве, постоянные встречи и расставания. Но при всем этом, действительно, есть подлинное ощущение клановости: все за всех и за одного. У нас нет общения на бытовом уровне. В семье присутствует гамма чувств, которая свойственна скорее друзьям. При встречах мы не говорим ни о продуктах, ни о покупках. Разговоры ведутся о книгах, проблемах искусства, обсудаем картины, выставки. Это происходит, очевидно, из-за того, что мы не живем как нормальная семья.

— Хочешь сказать, что тебе не хватает отца в халате?

— Напротив, я рада, что у нас все иначе.

— Если выйдешь замуж, твой муж станет частью клана? Сумеешь ли сохранить традиции семьи и жить исключительно «высокими мотивами»?

— Думаю, что так не получится. Мужчине должен привести в свой дом жену, и ей легче подстроиться под его уклад. Хотя здесь многое зависит от личности. У нас в семье все мужчины — лидеры, поэтому выбирали себе таких женщин, которые уходили в тень, соответствуя определенным требованиям. А девочка, вышедшая замуж, — отрезанный ломоть... Хотя заранее сложно прогнозировать. Но все равно мне не хотелось бы жить с родителями.

— Чувствуется, отец имеет сильное влияние на тебя. Может возникнуть такая ситуация, что ему не понравится твой избранник, и он будет против брака?

— Конечно, мне не хотелось бы зваться недовольство отца. Но я люблю спорить. Не то, чтобы борьба была смыслом жизни, просто интересно, когда возникает сопротивление.

— Где заканчивается твоя самостоятельность и где та черта, за которой заканчивается влияние родителей?

— Я вполне самостоятельный человек. Процесс воспитания закончен, я уже не спрашиваю родителей, что мне делать в том или ином случае. Идеальный вариант в нашей семье — это то, что все дети до сих пор уважают своих родителей, считаются с их мнением. Знаю многих сверстников, которые со временем начинают хамить родным, а тем объясняют все переходным периодом. В нашей семье к мнению старших (оно, конечно, не доминирующее) всегда прислушиваются.

— С чего начались твои первые опыты в кино и театре?

— В семье докторов говорят о болезнях и ленарствах. В семье художников — о выставках и красках. У меня с детства даже не возникало вопросов о том, кем я буду. Как сейчас у Нади. Но когда начинаешь жить осознанно, груз того, что у тебя состоявшиеся родители, начинает давить очень сильно. И, конечно, важно, что в итоге получится: или посредственность, или станешь личностью и продолжишь дело родителей. Был у меня момент, когда говорили: что-то у вас не очень... Становилось обидно. Выбивало из колеи понемалу, а сейчас я сама знаю цену многим вещам. Когда я решила, что еще не готова стать антрисой, то уехала. А потом поняла, что мне интересно самой творить что-то, а не быть критиком или переводчиком. Неинтересно переводить людям чужие мысли, хочется свои рассказывать. Сейчас смотрю свои первые работы и вижу, как мало было опыта, кажется, даже не понимала, что делала. Но теперь совершенно точно знаю, что я не случайный человек в искусстве. По крайней мере, прилагаю все усилия, чтобы сделать все если не лучше, то и не хуже других.

— Ты, наверное, часто слышишь шипение за спиной — дочь Михалкова...

— Это было еще изначально со школы, детсада. Но ведь и мой отец был сыном Михалкова. А от школы у меня осталось много обидных воспоминаний. Грубость учителей, их придирки, незаслу-

женные замечания. В детстве так остро реагируешь на несправедливость. Но я до сих пор люблю учиться. Отчасти, это способ уйти от окончательного взросления и выбора пути. Всегда можно сказать — я учусь. К тому же мне не легко дается учеба, и у меня нет тщеславия по поводу отметок.

— Но ведь это уход от ответственности, от жизни...

— Я стараюсь сочетать работу и учебу, потому что моя профессия позволяет иметь массу свободного времени. Я счастливый человек в этом смысле — мне в армию не идти, и я материально обеспечена. Существует мнение, и оно отчасти верно, что меня приглашают сниматься потому, что я дочка Никиты Михалкова.

— Как сама оцениваешь свои актерские таланты?

— По-разному. Иногда, особенно рядом со звездами, поистине талантливыми артистами, чувствую себя неуверенно. К сожалению, моя актерская молодость попадает на кризис в стране, кризис в кино. И вряд ли удастся реализовать хоть что-то... Хочется сыграть Грушеньку Достоевского. Мне нравится, что я знаю, как бы это сделала. Нравится Аглая в "Идиоте", эта героиня мне близка по духу, я себя даже с ней ассоциирую. В свое время очень увлеклась Достоевским, но вкусы с возрастом меняются. Сейчас увлеклась Набоковым.

— Тебе легко работать с отцом?

— Легче, чем с ним, мне не работало с ним с ним. И не потому, что он — отец. Мне в "Сибирском цирюльнике" досталась маленькая роль, но восторгов было больше, чем от любой заглавной роли.

— Хотелось бы работать в труппе какой-нибудь театра?

— Нет, сейчас другое время. Наной смысл придет в театр и годами ждать ролей?

— Не возникало желания переделывать то, что уже сыграно в кино?

— Я сейчас многое бы сделала иначе. Но ведь у каждого человека могут быть

взлеты и падения. А критика меня расстраивает. Я думаю, что непрофессионалу, простому зрителю, понравиться легче. Когда мы ездили по стране, представляя "Ревизора", люди встречали нас прекрасно, на просмотре хохотали до упаду. А вот на премьере в Доме кино кинокритики и коллеги сидели с постными лицами. К тому же профессионалы часто не искренни.

— Твоя мама сейчас работает в мире моды, как ты к этому относишься?

— Она пытается реализовать то, что не было востребовано в течение многих лет. Сидела дома и воспитывала детей. Дети выросли, а у нее осталась нерастраченная энергия. Мы рады, что у нее есть интересная работа. Это благотворительный фонд "Русский силуэт", они помогают молодым дизайнерам, модельерам...

— Давай под конец поговорим о любви.

— Страсть мне более понятна. Обычно считают, что любовь — это болезнь. Мне кажется, настоящая любовь приходит только тогда, когда страсть утихает. Ты видишь недостатки человека, но он остается близким тебе. Это и секс, и общие интересы, и дружба. Хотя в наше время любовь не актуальна. Недавно я зашла в дискотечу, где танцевали ребята 15-16 лет, и у меня возникло чувство, что я нахожусь среди животных. Им не важно: кто, как, с кем. Было страшно смотреть в пустые глаза, которые просто искали партнера, им не интересны долгие ухаживания, но интересно общение, душевная близость... Ахматова писала: "Есть в близости людей заветная черта, стремящиеся к ней безумны, а достигшие поражены тоской". Хочется верить, что есть люди, рожденные друг для друга, но в то же время меня преследует чувство сожаления, что всю жизнь прогулки под луной невозможно. Хотя состояние влюбленности необходимо для творческого человека, что бы ощущать "двести вольт в крови". ■

Беседовал **Георгий Александров.**



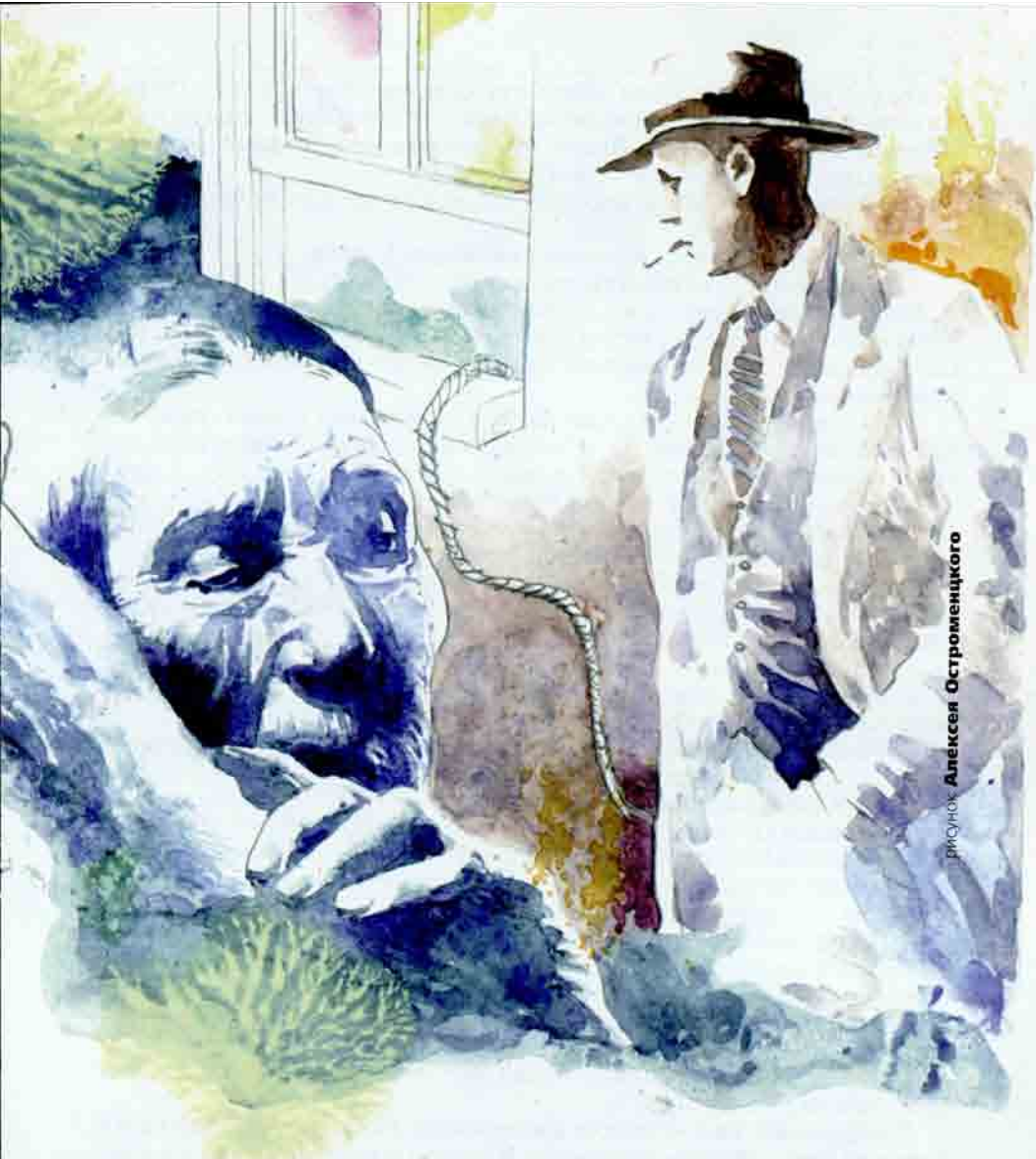
Энтони БЕРКЛИ

УБИЙСТВО на Верхнем этаже

Глава 1

Присев на край письменного стола старшего инспектора Скотланд-Ярда Морсби, Роджер Шерингэм беспечно болтал о всяких пустяках, в то время как Морсби, не отрываясь от бумаг, изредка мычал что-то в ответ. Со стороны могло показаться, что мистера Шерингэма не слушают.

Похоже, эта мысль осенила его самого — ни с того ни с сего он хлопнул ладонью по столу.



Рисунки: **Алексея Остроменцкого**

— Послушайте, Морсби, вы обещали к часу освободиться, а теперь десять минут второго даже на ваших настенных часах, хотя говорить об их точности вряд ли стоит. В конце концов, мне дела нет, проголодались вы или нет. Я — голоден!

Старший инспектор со вздохом захлопнул досье.

— Прекрасно, мистер Шерингэм. Я просто уточнял кое-какие мелочи в том деле об ограблении, о котором вы меня спрашивали. Я готов. — Он тяжело выбрался из кресла и пошел за шляпой, висевшей у двери.

Роджер спрыгнул со стола, подхватив свои перчатки и шляпу. Он регулярно, раза два в месяц, приглашал инспектора пообедать, называя это "держать связь со Скотланд-Ярдом". В Скотланд-Ярде же такие встречи именовались "подпиткой мистера Шерингэма".

Едва старший инспектор коснулся дверной ручки, как на столе резко зазвонил телефон.

— Одну минуту, сэр, — виновато проговорил Морсби.

— Начинается, — со вздохом откликнулся Роджер.

Морсби поднял трубку, послушал, нахмурился, обогнул угол стола, опять втиснулся в кресло, достал ручку, блокнот и начал записывать. Роджер наблюдал за происходящим с явным неодобрением. Обед, судя по всему, снова откладывался.

— Да, сэр, — энергично кивал Морсби. — Я возьму с собой сержанта Эффорда, хорошо? Да, сэр, да, и немедленно. — Он положил трубку, секунду переждал и набрал другой номер.

— Черт, — простился с обедом Роджер.

Старший инспектор переговорил еще с четырьмя людьми, условившись с каждым через три минуты собраться у входа.

— Приношу свои извинения, мистер Шерингэм, — произнес он деловым тоном, вешая трубку в последний раз. — Боюсь, наша трапеза не состоится. Как-нибудь в другой раз.

— Что случилось?

— Убийство. Многоквартирный дом в районе Юстон-руд. Пожилая женщина. Я немедленно отправляюсь туда.

— Убийство? — живо переспросил Роджер. — Надеюсь, вы не станете возражать, если я поеду с вами?

Лицо Морсби выразило сомнение.

— Возражать я, пожалуй, не стану, но полагаю, вам это будет неинтересно. Обычное убийство с целью ограбления. Без затей, не то что в ваших романах. Рядовой случай. Через два-три часа преступник будет в наших руках.

— Еду, — твердо сказал Роджер.

— Что ж, может, оно и неплохо. Поглядите, как на деле работает бедный старый Скотланд-Ярд, — не без иронии согласился инспектор. — С такими делами мы управляться умеем, — прибавил он, шагая по цементному полу коридора. — Таких дел у нас девяносто девять из ста. Вы не успеете удивиться, а мы уже раскопаем, что там к чему.

— Скотланд-Ярд никогда не перестанет меня удивлять, — смиренно откликнулся Роджер.

Перед входом их уже ждали две машины. Роджер кивнул сержанту Эффорду, который обычно работал с Морсби и сейчас поджидал его в обществе двух шоферов и инспектора Бича, специалиста по квартирным кражам. Тут же возник сержант Эндрюс, авторитет местного масштаба в области дактилоскопии, с маленьким чемоданчиком в руках, в котором он носил свой нехитрый инструмент, и меньше чем через минуту пригнул фотограф, констебль Фэррер, тоже во всеоружии. Ни секунды не медля, машины с ревом вынеслись из ворот.

Роджера усадили в первую, рядом с шофером. Морсби, зажатый на заднем сиденье между Эффордом и Бичем, тут же стал посвящать подчи-

ненных в подробности дела, только что полученные по телефону. Роджер, чтобы ничего не пропустить, перегнулся через спинку сиденья.

Итак, жертву звали мисс Барнетт. Пожилая одинокая женщина, она жила в крохотной квартирке под номером восемь доходного жилого дома, который владельцам вздумалось окрестить "Монмут-мэншнз", — это на Платс-стрит, тихой улочке в сторону от Юстон-роуд. Позади дома — отгороженный каменной стеной двор, примыкающий к переулку, параллельному Платс-стрит и под прямым углом соединенному с другим переулком.

Окно кухни мисс Барнетт выходит как раз в этот двор, и сегодня утром соседи обнаружили, что из ее окна до земли свисает веревка. Этот удивительный факт плюс то, что мисс Барнетт не забрала молоко, с утра оставленное молочницей у ее двери, плюс странный шум, по словам жильцов снизу, доносившийся ночью из ее спальни, — все это в совокупности возбуждало любопытство соседей, однако с присутствием лондонцам нежеланием вмешиваться в чужие дела никто из них не поторопился обратиться в полицию, что было сделано лишь полчаса назад.

Наконец, соседка мисс Барнетт по этажу зашла так далеко, что решилась постучать ей в дверь. Не дождавшись ответа, она поделилась своими опасениями с консьержкой, которая позвала констебля. Констебль, человек рассудительный, прекрасно представлял себе неприятности, которые ждут полицейского, если он без приглашения, хотя бы и с лучшими намерениями, ворвется в обиталище лондонца. Прежде чем что-то предпринять, он вызвал сержанта — свое непосредственное начальство. Вдвоем они взломали дверь и нашли хозяйку на полу в спальне мертвой, а квартиры выглядела так, словно по ней промчался табун: вещи разбросаны, мебель перевернута, подушки вспороты — словом, бедлам.

— Ага, — понимающе протянул инспектор Бич. — И веревка из окна, так?

Роджер понял, что инспектор перебирает в памяти имена тех преступников, которые имеют обыкновение в ограбленных квартирах переворачивать все вверх дном, тех, кто пользуется веревкой, чтобы забраться в квартиру или выбраться из нее, и тех, кто применяет силу, будучи застигнут врасплох. На месте обнаружатся и более мелкие особенности почерка убийцы, и каждая такая особенность извлечет из памяти инспектора целый список имен. Когда одно и то же имя проскочит в каждом из списков, — убийца найден. Так просто разрешаются загадки, с которыми, как правило, сталкивается Скотланд-Ярд, — в отличие от тех, кои выдумывают про сыщиков хитроумные сочинители романов.

Дальше все пошло обычным порядком.

Наконец Морсби протянул:

— Ну, ладно. Тут я закончил. Позовите Эндрюса, пожалуйста.

Он направился к кухне, но, услышав шаги в спальне, остановился.

— Ага, — обрадованно сказал он Роджеру. — Видно, медицина тоже закончила. Теперь телом займемся мы.

Врачи вышли из спальни. Окружной инспектор выпроваживал их, как хорек вытравливает из норки кроликов. Высокий, тощий полицейский врач докладывал за двоих и держался с Морсби так, словно видит его не впервые.

— Мудрить особенно нечего, инспектор, — случай простой, — отрывисто говорил он. — Смерть наступила в результате удушения. Орудие убийства, я полагаю, бусы, которые лежат рядом с телом. Возраст — около сорока восьми. Определенно истощена. Справиться с ней ничего не стоило. Следов сопротивления на теле нет, пока, во всяком случае, не обнаружены. Очевидно, нападавший действовал сзади. Ширина странгуляционной борозды по всей длине ровная и соответствует ширине бус, за исключением затылочной части — там большой синяк. Думаю, убийца их сзади перекрутил. Состояние в настоящий момент: частичное окоченение до уровня верхних конечностей, тело холодное, имеются трупные пятна. Иначе говоря, смерть наступила не менее двенадцати и не более двадцати четырех часов назад. Точно пока сказать не могу. Этого для начала достаточно? Позже, разумеется, представлю вам более полный отчет, после того, как поработаю с телом.

— Спасибо, доктор. Это именно то, что я хотел услышать, — поблагодарил старший инспектор.

Глава 2

У окружного инспектора не было времени как следует осмотреться до приезда начальства, и сообщенные им сведения носили скорее общий, чем частный, характер.

"Монмут-мэншиз", докладывал он, состоит из небольших квартир: одна спальня, гостиная и кухня в каждой, всего в доме четыре этажа с двумя квартирами на каждой лестничной клетке. Мисс Барнетт занимала одну из квартир верхнего этажа.

— Что же рассчитывал найти здесь убийца? — спросил Морсби, оглядывая с порога гостиную: облезлая старомодная мебель, плюшевые портьеры и общее впечатление полинялого, обедненного уюта в викторианском духе. Каминную полку украшали два стеклянных канделябра — вернее, один: второй валялся на вытертом коврике. — Не похоже, чтобы что-то здесь прельстило хотя бы старьевщика.

Физиономия инспектора приняла выражение некой многозначительности.

— О, эта мисс Барнетт, сэр, она была дама с причудами.

— С причудами, говорите? — переспросил Морсби, снова покосясь на гостиную и сморщив свой вообще-то не слишком привередливый нос. — Ну, тут вы правы. Духотища! Похоже, год не убиралась...

— Вернее будет сказать, годы, сэр. И это еще что! Вы же видели спальню: настоящий свинарник. И если верить докторам, она почти что уморила себя голодом. Скрэгга, вот кто она была. И знаете, ходили о ней слухи, которые могли кой-кого ввести в искушение. Я своими ушами слышал, что у нее защиты в матрас восемьсот фунтов, и к тому ж золотом.

— Вот как? Это замечательно! — похвалил Морсби. — Похоже, вы хорошо знаете вверенный вам округ.

Инспектор зарделся от удовольствия, но честности ради добавил:

— Видите ли, сэр, дело в том, что полиция не раз имела с ней дело, с мисс Барнетт то есть. Очень уж она любила жаловаться, по пустякам доносила. Машины под окном шумят и все такое. И, припоминаю, раза три

или четыре она жаловалась на шарманщика, несколько лет назад, когда я был еще участковым сержантом. Арестуй его, и все тут! Вы же знаете, сэр, есть такие люди, они считают, что раз они платят налоги, так все вооруженные силы у них под рукой, только свистни.

— Знаю-знаю. Так она, значит, живет здесь уже несколько лет? — Старший инспектор не стал спрашивать Мэрримена о привычках покойной. Тут можно было положиться на Эффорда, тот в свое время представит полный отчет. — И соседи, значит, считали ее сквалыгой с совенерами под матрасом? Что ж, инспектор, вам не хуже меня известно, как часто ходят такие слухи про стариков, которые не имеют привычки сорить деньгами. Впрочем, придется нам поработать, чтоб установить, насколько эти слухи правдивы. А теперь расскажите, что за странные звуки люди слышали ночью. Откуда про них известно?

— Об этом говорила консьержка сержанту Уэйнфилду, сэр, перед тем как они взломали дверь. Она сказала, что жильцы из квартиры снизу говорили ей утром, когда уходили на службу, что ночью проснулись от шума, будто наверху что-то падало и билось, и подумали, все ли в порядке с мисс Барнетт.

— И эта несчастная не поднялась проверить?

— Сержант как раз и спросил ее об этом. Она ответила, что мисс Барнетт не жаловала любопытных. Был такой случай, она назвала миссис Бойд сплетницей, когда та однажды вместо посыльного из магазина принесла ей наверх пакет с продуктами. Заявила, что это просто повод сунуть нос к ней в квартиру, и что если это повторится, она пожалуется домохозяйину. Так что уж после этого, говорит миссис Бойд, она всегда избегала к ней заходить, чтоб не обвинили в назойливости.

Роджер улыбнулся, подумав об уязвленном достоинстве, когда любой пустяк — и шерсть дыбом.

— Понятно, — протянул Морсби, тоже коротко улыбнувшись. — А жильцы снизу не сказали, в котором часу слышали шум?

— Нет, сэр.

— А что за люди эти жильцы?

— Мистер и миссис Эннисмор-Смит. Оба в бизнесе. Он — партнер в кинопрокатной фирме на Уордер-стрит, она — управляющая магазином готового платья на Шафтсбери-авеню. Адреса у меня есть. Я думал, может, послать человека выяснить, что они знают?

— Гм! Сейчас у них как раз обеденный перерыв, не так ли? Обедают, вероятно, вместе. Да, пожалуй, пошлите за ними, но не говорите, зачем, а пригласите сюда на несколько минут, и, если можно, побыстрее. А я пока осмотрю другие комнаты.

Окружной инспектор поспешил выполнять поручение, а Морсби шагнул в гостиную.

— Ну как, Эндрюс? Что-нибудь вытанцовывается?

— Нет, сэр, — дактилоскопист уныло поднял глаза от столешницы, которую разглядывал, наклонив стол. — Я уже осмотрел большую часть комнаты, и нигде ни намек на отпечаток.

— Так, — уронил Морсби. — Это в кухне окно, из которого веревка? Пошли посмотрим, Бич.

Кухня представляла собой весьма картинное зрелище. Тут царил такой же беспорядок, как и в гостиной: посуда — вся вдребезги — усыпала собой пол, даже газовая плита сдвинута и кухонный стол опрокинут непонятно зачем.

— Ничего странного, что нижние жильцы проснулись, — заметил Роджер Бичу.

— Да. Но, знаете ли, такого уж шума здесь не должно было быть, как можно сначала подумать. Посуда разбилась, вероятно, случайно. Мебель, как правило, не опрокидывают, а только приподнимают, чтобы посмотреть, не спрятано ли чего под ней. Хотя легкие вещи, например, белье из комода, конечно, выбрасывают как попало.

— Неужели все грабители устраивают такой кавардак?

— Ну нет. Некоторые работают очень аккуратно, все расставляют по местам. Но этот, видно, здорово торопился. Кому захочется погостить подольше, если только что придушил хозяйку, верно?

— Уже догадываетесь, кто это? — поинтересовался Роджер.

— Есть несколько вариантов. Вот шеф сейчас осмотрит пол, и я хочу войти поглядеть на узелок, которым завязана эта веревка. Это может прояснить кое-что, да и сама веревка тоже.

— Ха! — воскликнул вдруг Морсби.

Инспектор Бич и Роджер оторвались от дверного косяка и, насколько могли, наклонились вперед.

Старший инспектор старательно, перочинным ножом, отковыривал что-то от линолеума. Отковыряв, он поместил это на стол, и все увидели засохшую лепешку глины с отпечатком мужского каблука.

— И это все, что тут есть, — заключил Морсби, с большим удовлетворением оглядывая находку. — Что ж, с полом пока все.

Бич и Роджер прошли на кухню, чтобы получше разглядеть кусок глины, который на весах правосудия способен перевесить жизнь человека.

— Где он был? — спросил Роджер.

Старший инспектор кивнул в угол под газовой плитой, где глиняные разводы были заметны даже на грязном полу.

— Наверно, он отвалился, когда тот пробовал, удержит ли плита его вес.

— Угу, — согласился Морсби и подошел к окну. — Как и следовало ждать, ничего, — удрученно констатировал он, прищурившись на стекло. Затем скрупулезнейшим образом осмотрел деревянную оконную раму, подоконник, наружный карниз и, чуть не вывалившись, стену внизу и раму снаружи.

— Ну? — спросил Роджер.

— Отсюда он выбрался, — разъяснил Морсби, — а в квартиру вошел другим путем. Видите, тут следы на подоконнике, а если посмотреть вниз, то на стене видны царапины от носков ботинок — это он принаравливался, как ловчее спускаться.

— А в том, что он забрался сюда другим путем, — набравшись духу, развил этот вывод Роджер, — мы можем быть уверены потому, что окно было закрыто, и не похоже, чтобы раму взломали.

— Верно, мистер Шерингэм, — мягко согласился Морсби, — а также потому, что надо быть куда более ловким грабителем, чем этот, чтобы через закрытое окно обвязать веревкой газовую плиту, стоя во дворе четырьмя этажами ниже. А пока пойдем еще раз взглянем на тело.

— Никаких следов борьбы, — бормотал задумчиво Морсби, обходя жалкие останки, чтобы разглядеть тело со всех сторон. — Никаких. Если судить по тому, как она лежит. Да и какая борьба? Доктор сказал, у нее не было сил сопротивляться. Не думаю, чтобы она весила больше шести с половиной стоунов. Что скажете, мистер Шерингэм? Похоже, она лежит так, как он ее бросил.

Роджеру нечего было возразить.

Морсби опустился на одно колено, поднял стыльную руку, стиснутую в кулак, и с трудом разжал пальцы. Роджер понял: он хочет осмотреть ногти.

— Иногда в сжатых кулаках мы находим важные улики, — пояснил Морсби. — Но здесь — ничего. Впрочем, под ногтями что-то есть. Частицы кожи. Но боюсь, это кожа с ее собственной шеи, — прибавил он с сожалением, взглянув на горло, исцарапанное над линией удавки. — Пыталась освободиться.

— Между прочим, — сказал Роджер, заметив нечто на полу рядом с коленопреклоненным Морсби. — Это бусы? Те самые? Предполагаемое орудие убийства?

— Пожалуйста, не прикасайтесь к ним, сэр.

— Разумеется, нет, — обиделся Роджер. — Но посмотреть, надеюсь, можно?

Он наклонился над бусами, старательно отводя глаза от Морсби, который раздвигал пряди волос покойной, видимо, в надежде отыскать улики на черепе, в чем вполне, с точки зрения Роджера, мог преуспеть.

— А это вы видели, Морсби? — возбужденно воскликнул он. — Это не бусы! Она была католичкой, это ее четки, розарий.

— Ирония судьбы, сэр, — отсутствующе отозвался старший инспектор, занятый своим делом.

Покончив с ним, Морсби отдал приказ перевезти тело в морг, где его ждал более подробный осмотр и неизбежное вскрытие. Роджер между тем вышел в коридор, где столкнулся с окружным инспектором, который изо всех сил старался держать все происходящее под контролем, и внести в следствие свою лепту. Ему-то Роджер и задал преследующий его вопрос.

— Я вот чего никак не могу понять, инспектор, — посетовал он. — Как же они угораздило впустить преступника в собственную спальню? Ведь нет никаких признаков того, что он вторгся силой! А это значит, что мисс Барнетт сама открыла ему дверь, да еще поднялась с постели для этого! И как же они умудрились попасть снова в спальню?

— Вы должны помнить, сэр, что у него не было намерения ее убивать. В этом я уверен на все сто, сэр. Воры редко убивают. У них другая специальность. Убийство в таких делах — это, как пить дать, следствие паники. Жертва становится опасной, грозит поднять крик — вот тогда да, тогда преступник теряет голову и убивает. И если мы с вами принимаем это предположение, значит, преступник и не пытался войти в квартиру

раньше полуночи, и только потом позвонил в дверь, как вы говорите. Наверняка он заготовил какую-нибудь байку, чтобы ему открыли. Наверняка не собирался применять силу, как только раскроется дверь. Ведь тогда хозяйка успела бы вскрикнуть. Нет, у него была приготовлена байка, и она должна была сработать на те несколько минут, которых ему хватило бы, чтобы хозяйку обезопасить...

Глава 3

Сержанту Эффорду было что доложить.

Морсби, Роджер и окружной инспектор слушали его, жуя сэндвичи, которые сержант предусмотрительно захватил с собой. Было уже почти три часа.

— Ну, мотив я, кажется, отыскал! — первым делом заявил Эффорд. — По слухам, у старушки водились деньги, и она прятала их в квартире — от пяти сотен до пяти тысяч, смотря на чей вкус.

— Ого, — сказал Морсби, — ставки, однако, растут...

— Вы уже слышали об этом, сэр?

— Будто она держала деньги дома — да. А вы выяснили, почему?

— Банкам не доверяла. Говорят, маленький частный банк, которому она поручила свои несколько фунтов, когда была молодой, лопнул, и с тех пор она не отнесла в банк ни пени. По слухам, доход у нее был приличный, и раз уж она жила так скромно, значит, что-то в этом есть.

— Угу. Вы займитесь деталями, Эффорд.

— Слушаюсь, сэр. По этому поводу консьержка много рассказать не смогла, но у меня есть мысль, что нам поможет соседка по этажу, миссис Палтус. Если кого-то можно назвать приятельницей мисс Барнетт, так только ее, и притом — единственной.

— А родственники у нее есть?

— Миссис Бойд полагает, что нет. Во всяком случае, в гости к ней никто не захаживал. Это мы тоже сможем уточнить у миссис Палтус. Кроме того, миссис Бойд уверяет, что мисс Барнетт получала по одному письму в месяц, и конверты всегда были надписаны на машинке. По крайней мере, с утренней почтой, которую миссис Бойд сама сортирует и разносит; другие, конечно, почтальон доставляет в квартиры сам.

Сержант взглянул в свой блокнот и перечислил тех, кто посетил дом от полудня до вечера. Список основывался также на показаниях миссис Бойд, имевшей обыкновение после обеда посиживать с шитьем у окна на улице, а уж ее-то бдительному оку не доверять было трудно.

— М-да! Тут у нас шансов немного. Можно, конечно, проверить кое-кого из них, но вряд ли это что даст. А после наступления темноты она, полагаю, уже никого не видела?

— Никого, — подтвердил сержант, — за исключением агитатора и монахини, которые позвонили в личный звонок миссис Бойд.

Морсби хмыкнул.

— А наш приятель явился почти наверняка уже затемно. Да? — отозвался он на стук в дверь. — Войдите.

Это был сержант Эндрюс, охотник за отпечатками.

— Я все осмотрел, сэр. Нигде ничего.

— Так я и думал. Что ж, можете возвращаться в Ярд, но сначала, конечно, пообедайте. А где инспектор Бич?

— Спустился осмотреть двор. Думаю, его интересуют царапины на стене. Должен сказать вам, сэр, что мистер и миссис Смит здесь, у себя дома.

— А, да. Ну, сейчас мы с ними потолкуем. По отдельности с каждым. Сначала с ним. Сообщите об этом сержанту из округа. — Эндрюс удалился. Морсби повернулся к Эффорду: — У вас есть что-нибудь еще, Эффорд?

— Ничего особенно важного, сэр.

— Что ж, тогда я поговорю со Смитами здесь. Вы двое останьтесь. Я думаю, вы тоже не прочь, а, мистер Шерингэм?

— Если вы не против, — учтиво сказал Роджер.

— Я — нет, и думаю, что мистер Эннис-как-его-там-Смит — тоже. Ну, Эффорд, давайте его сюда.

Мистер Эннисмор-Смит, привлекательной наружности господин лет этак пятидесяти, выглядел обескураженным, хотя и не без приятности возбужденным. В дверях он немного замешкался, огляделся и сразу сообразил, что обращаться следует к Морсби.

— Что-то произошло, не так ли?

— К сожалению, не могу этого отрицать, сэр, — подчеркнуто доброжелательно сказал Морсби. — Мисс Барнетт была убита здесь прошлой ночью.

— Убита!!! — И тени сомнения нельзя было допустить, что мистер Смит потрясен самым искренним образом. — Боже милостивый! Не может быть! То есть я хочу сказать, что это ужасно... Кошмар! Значит, тот шум, что мы слышали... Боже мой... моя жена и я... значит, мы слышали, как это происходило. Послушайте, я могу сообщить вам весьма важную информацию. Мы как раз проснулись...

— Да, сэр, я слышал об этом, — проворно перебил его Морсби. — Именно потому я и попросил вас оказать нам любезность и прийти сюда. Так что, прошу вас, усаживайтесь поудобней, чтобы мы могли спокойно поговорить. Сержант Эффорд, будьте добры, подвиньте стул мистеру Эннисмор-Смиту. Итак, сэр, меня зовут Морсби, старший инспектор Морсби из уголовного розыска, ну, вы знаете, из Скотланд-Ярда, а это окружной инспектор Мерримен, можете быть с нами вполне откровенны, уверен, вы расскажете все, что знаете.

В воцарившейся затем атмосфере доверия и комфорта у мистера Эннисмор-Смита первым делом спросили, знает ли он свое имя, адрес и профессию. С последним мистер Эннисмор-Смит справился далеко не так уверенно, как можно было бы ожидать.

— Полагаю, вы можете записать, что я занимаюсь прокатом фильмов, — сказал он с сомнением, — хотя уже довольно длительный срок я не арендую фильмов за свой счет. Тем не менее именно этим я занимался, когда дела шли прилично, и вы могли получить фильм за разумную цену... Что я, собственно, сейчас делаю, — искренне заключил мистер Смит, — одному Богу известно.

— Конечно, сэр, — утешил его Морсби. — Пусть будет кинопрокатчик. А теперь, будьте добры, как можно точнее расскажите нам, что именно вы слышали прошлой ночью?

— Попробую. Ну, мы с женой улеглись спать рано, теперь такое частенько случается, — устаем быстрее, чем раньше. Я сплю довольно крепко, жена на сон тоже не жалуется, но вдруг среди ночи она меня будит и говорит: "Послушай, что там творится у мисс Барнетт. Похоже, она швыряется стульями". Может быть, слова я передаю неточно, но что-то в этом роде. Ну я, конечно, прислушался, и в ту же минуту, черт меня побери, если не раздался такой грохот, будто она запустила через комнату таз, а потом еще пару утюгов впридачу. "Черт побери", — сказал я или что-то еще в этом духе. "В своем ли она уме?" — спросила меня жена. "Ну, если ей вздумалось разнести свое гнездышко, — сказал я, — кто мы такие, чтоб ей мешать?" Потому что, может быть, вы уже слышали, мисс Барнетт была некоторым образом не без странностей. Впрочем, Бог с ней, бедняжкой. Если б я только знал...

— Я полагаю, вы не заметили, в котором часу это произошло, мистер Смит?

— Именно что заметил! — вскричал, торжествуя, мистер Смит. — Я говорю жене: "Ну, и который сейчас час?" Она посмотрела на будильник — знаете, такой, со светящимся циферблатом, — и говорит: "Ровно половина первого".

— Это замечательно, мистер Смит, — от души поблагодарил его Морсби. — В самом деле, ценнейшая информация. И что же, после этого шум продолжался?

— Нет, после этого все утихло. Хотя по словам жены, прежде чем она меня разбудила, шумели довольно долго. А когда стало тихо, мы, как говорится, на бочок и — баиньки. Господи Боже мой, только подумать! Все это время бедная женщина лежала прямо над нами! Знаете, ее спальня над нашей. Нет, ну просто кошмар! А как это произошло, могу я узнать?

Старший инспектор в известной степени удовлетворил вполне законное любопытство мистера Смита, а затем продолжил свои расспросы. Однако ничего существенного больше не выяснилось. Мистер Смит шагов над головой не слышал и никаких звуков, как если б спускались по ступеням, — тоже, а также не видел в доме никого подозрительного.

Выяснив все, что его интересовало, Морсби, к удивлению Роджера, повернулся к нему:

— А вы, мистер Шерингэм, ни о чем не хотите спросить мистера Смита, прежде чем он нас покинет?

Роджер ответил ему растерянным взглядом и уже хотел было сказать, что вопросов у него нет, как вдруг его осенило.

— Пожалуй. Какую школу вы кончали, мистер Смит?

— Школу? Рэдли. А что?

— Да так, — сказал Роджер и кивком поблагодарил Морсби.

После этого мистера Смита с церемониями проводили.

— Зачем вам понадобилось втягивать меня в разговор? — осведомился Роджер, едва за Смитом закрылась дверь.

— Ну, мистер Шерингэм, если вы собираетесь раскрыть это преступление раньше нас, — неуклюже подмигнул старший инспектор, — мой долг дать вам возможность использовать каждый шанс.

— О, на этот раз я вам не соперник, — рассмеялся Роджер. — Предпочитаю дела посложней.

— Понятно, сэр. Ну а что скажете о мистере Эннисмор-Смите?
Роджер задумался.

— Он еле сдерживался, чтобы не назвать вас "старина".

— Тут вы попали в точку, — хмыкнул старший инспектор. — А еще?

— Ну, это человек дружелюбный и импульсивный. Знал лучшие времена. Не лишен воображения: больше всего его поразило, что мисс Барнетт была убита прямо у него над головой и как раз в тот момент, когда он повернулся на бок, чтобы уснуть.

— Что, между прочим, совершенно неверно, — беззаботно бросил Морсби. — Шум, от которого они проснулись, убийца устроил, когда искал деньги. Старушку он убил раньше, они еще спали. Ну что ж, Эффорд, давайте сюда жену.

Миссис Эннисмор-Смит, которую нарочно придержали, чтобы она не встретилась с мужем, подтвердила все его показания, рассказав еще о тех звуках, которые она слышала перед тем, как его разбудить — несколько тяжелых ударов, словно кто-то в ярости прокидывал, чтобы не сказать бросал, мебель. Она была высокая, миловидная, уже седеющая женщина со спокойными манерами, и хотя весть о смерти мисс Барнетт ее, несомненно, поразила, в отличие от супруга, она не отозвалась на нее так эмоционально. Роджер решил, что она практичнее и сноровистей своего беспечного мужа и что "Эннисмор" — ее вклад в семейное имя.

— А теперь займемся соседкой напротив, — заявил Морсби, когда миссис Смит вышла. — Как ее там? Миссис Вобла?

— Миссис Палтус, сэр, — почтительно пробормотал сержант Эффорд.

— Палтус, да. Она тут?

— Еще бы, — злодейски ухмыльнулся окружной инспектор. — Когда я приехал, она рыскала по квартире, пытаясь прорваться к телу, хотя что она собиралась с ним делать, ума не приложу. Еле уговорил ее вернуться к себе.

— Вы умеете найти с человеком общий язык, Мерримен, — похвалил его Морсби.

— В общем, да, — мрачно согласился инспектор. — Я уломал ее с помощью констебля, который впихнул ее в ее собственную квартиру. Она и сейчас там, если, конечно, констебль не заснул.

— Так давайте освободим ее! — воскликнул Морсби. — Займитесь этим, Эффорд.

Упомянутая миссис оказалась невысокой, довольно плотной, не очень опрятно одетой особой со следами недавних слез на лице. Горе, однако, не смягчило ее нрава, ибо она была в гневе, и это еще мягко сказано. Свириное негодование немедленно излилось на головы Морсби и всех присутствующих потоком приправленного ирландским акцентом слов, смысл которых состоял в том, что жестоко, глупо, непрофессионально и в высшей степени бессердечно не подпускать к бедной покойнице единственного друга, какой был у нее на всем белом свете.

Роджер восхищенно наблюдал, как ловко управился с нею Морсби. Не прошло и трех минут, как миссис Палтус уже извинялась перед ним, причем столь же многоречиво, за то, что неосмотрительно осложнила и без того нелегкое расследование, единственная цель которого — отомстить за

ее подругу. Честь столь стремительной перемены в настроении миссис Палтус в огромной степени принадлежала Морсби, но в некотором смысле, размышлял Роджер, тут не обошлось и без влияния удивительного темперамента, присущего кельтам.

Когда во взаимоотношениях присутствующих установилась полная гармония, миссис Палтус любезно согласилась исполнить свой гражданский долг, предоставив в распоряжение следствия всю сумму сведений, которыми располагала.

У бедняжки мисс Барнетт, от нее, миссис Палтус, было мало секретов. Она может поведать инспектору всю историю жизни покойной, и очень подробно, или свою собственную, пусть он только скажет, какую именно предпочитает сначала.

Старший инспектор заявил, что сначала, проформы ради, ему бы хотелось немного познакомиться с самой миссис Палтус.

Что и было с готовностью исполнено.

Итак, миссис Палтус была вдовой и уже шесть лет обитала в "Монмут-мэншиз". Мисс Барнетт заняла свою квартирку несколькими годами раньше и при первой же встрече выказала свое расположение вдове торговца шерстью. К нескрываемому удивлению миссис Бойд, между соседками завязалась дружба, в скором времени переросшая в тесную привязанность. Мисс Барнетт дотоле, видимо, втайне страдала, что нет возле нее человека, которому можно довериться, и сразу принялась наверстывать упущенное. Последние два года, по убеждению миссис Палтус, между подругами не было недомолвок.

— Ага! — обронил тут старший инспектор и опытной рукой переключил красноречие миссис Палтус на ее приятельницу.

— Да, вот так. Аделаида — то есть мисс Барнетт — родилась в Ноттингеме. Она была дочерью зеленщика. Да-да, зеленщика. Лучше признать это сразу, — печально констатировала миссис Палтус. — Аделаида не была леди.

Далее в ходе повествования выяснилось, что покойная мисс была не только не леди, но, попросту говоря, очень далеко не леди. История уходила корнями во времена смерти зеленщика Барнетта. Он, видите ли, успел покинуть этот мир в те годы, когда чиновники налоговой службы, снабженные пронизательностью и переносными весами, еще не изводили по наущению правительства души зеленщиков, и потому оставил довольно приличное состояние. У него было двое детей, мисс Барнетт и ее брат. Дочери зеленщик Барнетт завещал двадцать тысяч фунтов в консолях и четырехпроцентном индийском займе, а сыну — лавку. Но, увы, он не оставил никаких указаний относительно дома и мебели. Брат придерживался мнения, что все это естественным образом прилагается к делу, мисс Барнетт же полагала, что это доверок к четырехпроцентному займу, — и миссис Палтус без экивоков дала понять слушателям, что разделяла точку зрения подруги. Уступить никто не хотел. Наконец брат, человек более сговорчивый, предложил все продать и поровну разделить вырученное. Это оскорбительное предложение мисс Барнетт сразу отвергла и, выждав, когда дела отзвучат брата в Лондон, продала все сама и с победой ретировалась в "Монмут-мэншиз". Брат ответил письмом, в котором выразил свою радость, что дешево от нее отделался. Это произошло двадцать восемь лет назад, и с тех пор они не обменялись ни словом.

— Понятно, — протянул старший инспектор, поглаживая подбородок. — Нам необходимо с ним связаться. Вы случайно не знаете, он все еще в Ноттингеме?

— Нет, он не в Ноттингеме, — незамедлительно ответила миссис Палтус. — Он — в аду.

— Где? — изумился инспектор.

Миссис Палтус пояснила, что душа мистера Барнетта-младшего, хотя и достаточно низкая, чтобы обидеть беззащитную женщину, оказалась для зеленой торговли уж слишком высока полетом. Вскоре после ссоры с сестрой он продал лавку и, насколько она знает, львиную долю вырученных денег ухлопал на эксперименты в области цветной фотографии, к которой питал непостижимую страсть. Эксперименты оказались бесплодными, деньги кончились, мистер Барнетт сдался и умер.

— И, — прозвучал приговор, — поделом ему!

— Именно, именно, — дипломатично пробормотал старший инспектор. — Значит, мисс Барнетт все-таки поддерживала связь с братом?

— Что вы, как можно, после того, как он с ней поступил! Это его дочь, мисс Барнетт, написала Аделаиде, когда он умер. И, надо вам сказать, в жизни не видела письма короче и холоднее! Хотя она, видите ли, знает, что отношения между ее отцом и теткой не поддерживались более двадцати лет, она считает своим долгом уведомить, что ее брат только что скончался, и похороны будут иметь место тогда-то и там-то. Нахалка! Истинная дочь своего папаши! Да что можно ждать от какой-то секретарши? Разумеется, мисс Барнетт ничего не ответила, а девица больше не объявилась.

— Ага! Значит, здравствующие родственники все-таки имеются?

— Аделаида не знала об этом, пока не получила письма. Никогда не слышала о девочке. Не знала даже, что брат женился.

— Не явствовало ли из письма, что у него есть еще и другие дети?

— Боже мой, нет. Ничего такого в письме не было, а ведь могла бы понимать, что тетке это все ужас как интересно. Ведь бедняжка не знала даже, что у нее есть племянница!

— Итак, — бодро сказал Морсби, — мы, по крайней мере, знаем, что она есть — если, конечно, не умерла, и что она — ближайшая родственница. Сержант Эффорд, займитесь ею. Найти ее будет нетрудно. Возможно, нам попадется это письмо в вещах покойной.

— Ничего подобного! — фыркнула миссис Палтус. — Аделаида швырнула письмо в огонь, как только мы его прочитали. Но могу вам сказать, что девицу зовут Стелла, Стелла Барнетт, так она подписалась. И, представьте, она кремировала своего отца в Голдерз-Грин. Ну просто одно к одному!

Морсби задал миссис Палтус еще несколько вопросов, в основном по поводу беспокойства, доставленного соседям в прошлую ночь, но миссис Палтус решительно заявила, что не слышала ничего необычного. Она даже не заметила веревки, болтавшейся из окна мисс Барнетт, пока миссис Бойд не обратила на это ее внимания.

Когда вопросы были исчерпаны, Морсби позволил ей пройти в спальню и под присмотром сержанта Эффорда попрощаться с подругой прежде, чем тело увезут в морг.

— И это, — Морсби с силой потянулся, — это пока все. Осталось только поискать, нет ли еще каких тайников, хотя я сомневаюсь, что они обнаружатся. Деньги, без сомнения, он унес. Вы тут присмотрите за обыском, ладно, Мерримен? Вот так, мистер Шерингэм. Так мы и управляемся с нашими убийствами. Скучища — верно?

— Ничуть. Напротив. Чрезвычайно интересно. И как скоро, по-вашему, вы возьмете преступника?

Старший инспектор сдержал зевок.

— Пожалуй, ко времени моего возвращения в Ярд Бич уже будет знать его имя. Кроме того, могу признаться, что и у меня тоже есть своя версия. Он, конечно, сейчас затаился где-то, но уж искать мы умеем. Что скажете, Мерримен? Когда мы его возьмем? Сорок восемь часов дадите?

— От силы, — кивнул инспектор. — Значит, у вас есть версия, мистер Морсби? Бич считает, это Шикарный Берти.

— Ну, Шикарный Берти сейчас вне подозрений, — добродушно ответил Морсби. — Но я назову вам три имени. Сэм Робертс, Элф Джексон и Джим Уоткинс по прозвищу "Кембервильский Малыш". Выбирайте.

— На мой взгляд, на Робертса не похоже... — усомнился Мерримен.

— Да, я тоже так думаю. Но... Войдите! А, это вы, Бич? Итак?

— Забежал кое-что уточнить, сэр, — сказал Бич. — Я только что из отдела регистрации преступников и преступлений, захватил там семь дел, но... — Он склонился над лепешкой глины, все еще лежавшей на столе, и впился в нее глазами.

— Семь? — со смешком переспросил Морсби. — Я только что ставил на двух.

— А теперь это определено один, — выпрямился Бич. — Все сходится! Я не эксперт, конечно, но эту глину я знаю. Видел раньше, приходилось. Она особого красновато-коричневого цвета, с обильным вкраплением песка. Я б узнал ее где угодно. Она из Брейсингема, в Кенте. Около двадцати миль от Лондона. То, что надо! — Инспектор просто сиял.

— Ну давайте, Бич, не томите, — усмехнулся Морсби. — Кто это?

— Джим Уоткинс. У него девица в Брейсингеме.

— Я выиграл! — объявил Морсби. — Вы правы, Бич, все сходится. Кембервильский Малыш собственной персоной. И нам остается найти Малыша, доказать его вину так, чтобы дошло даже до тупоголовых присяжных, и мы, мистер Шерингэм, сделаем это, как бы тупы они не были на сей раз. Да, мистер Шерингэм, если пожелаете, то сможете за руку поздороваться с мистером Джимом Уоткинсом в его уютной маленькой камере от силы через сорок восемь часов, начиная с этой минуты.

Глава 4

Двумя днями позже, совершая утренний моцион, Роджер явился в Скотланд-Ярд и осведомился у Морсби, как продвигается дело. В утренних газетах сообщалось, что нового ничего не нашли и что полиция уверена в скорой поимке преступника.

— Больше никаких новостей? — спросил Роджер, комфортно расположившись в кресле.

— Нашлось еще несколько свидетелей. Пятеро видели мужчину, который стремглав бежал от "Монмут-мэншнз". По разным данным, это было где-то от часа двадцати минут до часа тридцати восьми пополудни.

Роджер улыбнулся тому, как машинально переключился инспектор на профессиональную фразеологию.

— А описание беглеца совпадает с приметам Малыша?

— В известной мере, сэр, в известной мере. Конечно, невозможно точно описать человека, который пронесся в секунду мимо тебя, и вы удивитесь, как по-разному люди описывают то, что видели. По правде говоря, это хороший пример того, в каких условиях нам зачастую приходится работать. — Морсби подтянул к себе пухлое досье и перелистал несколько страниц. — Вот, пожалуйста. Альберт Уиггинс, зеленщик, возвращался домой с Плэтт-стрит; на углу Юстон-роуд его обогнал быстро бегущий человек, который повернул налево на Юстон-роуд; на голове у бегущего была суконная шапка, низко надвинутая на глаза; одет просто, должно быть, рабочий, телосложение плотное, лицо злое; примерное время — 1.20.

Далее. Джон Кросс, шофер, ставил машину хозяина в гараж, расположенный на другой стороне переулка позади "Монмут-мэншнз", когда заметил, что через стену, огораживающую двор дома, перелез человек, который потом побегал вниз по переулку; свидетель не нашел в этом ничего подозрительного и не бросился вслед за ним, но хорошо разглядел бежавшего: мягкая фетровая шляпа, пиджачная пара; телосложение хрупкое, похож на джентльмена; примерное время — 1.22.

— Значит, свидетель видел, как он перелез через стену. Это хорошо. Есть какие-нибудь следы?

— Да. Место, где он перелезал, нашли легко, но увы, ничего полезного.

— И вы считаете, что эти показания, то есть те из них, которым можно доверять, соответствуют данным Джима Уоткинса? Если я верно запомнил его имя?

— Да, вполне. Он такой невысокий, всегда опрятный. Вы бы приняли его за старшего продавца из дорогого магазина.

— Что ж, новость приятная. А как с обыском? Есть что-нибудь интересенькое?

— Увы. И ни полпенни, кстати. Все забрал. Так что мы ничего не нашли. Даже завещания.

— Вот как? Значит, наследует племянница. Повезло девушке. Или есть еще братья? Я полагаю, вы нашли ее?

— Да, нашли, живет недалеко от Теобалд-роуд. По профессии секретарша. Нет, братьев нет, она единственный отпрыск. Но что касается наследства... — Морсби пожал плечами.

— А что такое?

— Ну, она, видите ли, заявила, что не примет его. Буквально. Не знаю, смогут ли ее принудить юристы. Говорит, что никогда не видела тетку, а то, что слышала, заставляет радоваться, что знакомство не состоялось. Говорит, что уверена в том, что тетка и думать не думала оставить ей свои деньги и что где-то обязательно есть завещание; но если даже все

и отписано ей черным по белому, все равно она не возьмет ни пени; не хочет оказаться в долгу, даже загробном, перед человеком, который так гнусно обошелся с ее отцом; и на этом точка и все тут.

— Так-таки точка? — с интересом спросил Роджер.

— Похоже, что так. Она показалась мне чрезвычайно решительной молодой леди. Я постарался уговорить ее присмотреть за теткиними вещами, квартирой и прочим, и на это ушла уйма высокопарных слов о долге, моральных обязательствах и Бог знает еще о чем; так что она занялась этим, пока, по ее словам, не объявится законный наследник.

— Чистая мелодрама, — прокомментировал Роджер. — Интересная какая девица эта мисс Барнетт-младшая. Если бы лично мне не знакомая, но, по слухам, несимпатичная особа умерла, оставив мне двадцать тысяч фунтов, я бы не стал разглагольствовать на высокие темы. Я бы от души рассмеялся. А вы?

— И я, сэр, и я. Но, знаете ли, у каждого свой вкус. А мисс Стелла Барнетт производит впечатление весьма независимой леди.

— И весьма любопытной, — задумчиво проговорил Роджер. — Хотел бы я с ней познакомиться. Молодая женщина, способная махнуть рукой на двадцать тысяч фунтов, может мне пригодиться.

Расплатившись с такси перед "Монмут-мэйнз", Роджер поднял глаза к окнам верхнего этажа. В этот момент в одном из них появилась швабра, энергично обмела оконный проем и убралась вовнутрь. Похоже, квартира мисс Барнетт подверглась уборке, в которой давно нуждалась.

Дверь квартиры номер восемь ему открыл не сержант Эффорд, а молодая женщина в комбинезоне и синем в белую клетку чепце, прикрывающем волосы от пыли.

— Я из Скотланд-Ярда, — сказал Роджер, приподнимая шляпу. Это была правда, он действительно только что прибыл оттуда, но и неправда, если толковать широко. Однако лгать Роджер не собирался. — Скажите, пожалуйста, здесь ли сержант Эффорд?

— Он в спальне. Найдете дорогу?

Роджер кивнул и пошел по коридору. Женщина скрылась в гостиной, и оттуда сразу донеслись звуки, сопутствующие усердной уборке.

Сержант Эффорд мотнул головой на шум и усмехнулся.

— Я спросил, почему она не наймет уборщицу, а она говорит, дом так загажен, что не хочется ни перед кем краснеть.

Сержант занялся фотоснимками. Роджер направился в гостиную.

Там было все вверх дном, даже хуже, чем в прошлый раз. Стулья на столах, ковер снят, картины тоже, и в густом облаке пыли еле различимо двигался женский силуэт.

— Мне кажется, — мягко заметил Роджер, — здесь очень бы не помешал пылесос.

— У меня его нет, — уронила мисс Барнетт.

— А у меня есть.

— Рада за вас.

— Я имею в виду, что могу одолжить его вам, если вы не будете возражать.

— Благодарю вас, не буду.

На этом разговор, кажется, себя исчерпал. Женщина, во всяком случае, не обращала на Роджера никакого внимания. Видимо, считала, что ему следует осуществить свое предложение. Поболтавшись вокруг с минутой без всякого толку, Роджер отправился за пылесосом.

— На редкость прямолинейная особа, — пробормотал он, сбегая по лестнице.

"И к тому же собой очень ничего, — подумал он позже, когда, прислонясь к косяку, смотрел, как ловко управляется она с вышеупомянутым пылесосом. Наблюдение стало возможным благодаря исчезновению облака пыли. — Весьма ничего, хотя, на мой взгляд, чуть плотновата. На секретаршу не похожа совсем. Скорее на... На кого? На торговку рыбой? Впрочем, грубо, а во-вторых, ничего подобного".

Он решил усвоить себе ее же прямолинейность.

— Знаете, мисс Барнетт, а вы напрасно пошли в секретарши.

Она выключила пылесос, чтобы ему ответить.

— Почему?

— Вы так мастерски управляетесь с этой машиной!

— То есть мне лучше было бы пойти в уборщицы?

— Возможно, — рассмеялся Роджер, — но я не это хотел сказать. Просто вы выглядите как человек, созданный для жизни на свежем воздухе, а не в конторе.

— По образованию я учительница физкультуры и работала в... — она назвала очень известную женскую школу.

— И расстались с этой профессией ради пишущей машинки?

Она кивнула.

— Платили отвратительно, а кроме того, я терпеть не могу дисциплины.

— В каком смысле: подчиняться дисциплине или насаждать ее?

— И в том, и в другом, — без улыбки ответила мисс Барнетт. — Поэтому я прошла курс стенографии и машинописи и сейчас жалею об этом.

— Почему же?

— Не могу найти работу. Поэтому-то у меня и есть время на уборку этой неопикуемой дыры.

— Послушайте... У меня есть кое-какая работа для секретарши. Если вы...

— Благодарю вас. В благотворительности пока не нуждаюсь, — твердо заявила мисс Барнетт. — И поскольку вы так явно интересуетесь состоянием моих дел, могу сразу сказать, что у меня вполне приличный доход, чтобы жить нормально. Впрочем, вы наверняка это уже выяснили. Мой отец, знаете ли, спустил не все. Между прочим, следует ли мне считать нашу беседу официальной?

— Не следует. Боюсь, что вы неверно меня поняли. Я сказал, что приехал из Скотланд-Ярда, и это действительно так, но я там не служу. Меня зовут Роджер Шерингэм. И писатель. Предложение остается в силе. Мне и вправду нужна секретарша. И если вам, в свою очередь, нужна работа, то вот она перед вами.

— Роджер Шерингэм? Я читала ваши книги. Однако же, ваше решение довольно внезапно, вы не находите?

— Там, где дело касается характеров, быстрых решений требует моя профессия, — самоуверенно заявил Роджер. — Но на самом деле к этому решению меня подвигла ваша ловкость в обращении с пылесосом.

— Что ж, мистер Шерингэм, если ваше предложение серьезно, я готова его обсудить. Сколько вы намерены мне платить?

Роджер пришел в замешательство.

— Сорок пять шиллингов в неделю.

— Этого недостаточно, — мгновенно отозвалась девушка. — Вам нужна секретарша или машинистка-стенографистка?

— Ну, я полагаю, что секретарша, — неуверенно проговорил Роджер, представления не имеющий, в чем, собственно, разница.

— Значит, вы должны предложить мне оклад, который прилично получать секретарше, — строго объяснила мисс Барнетт.

— И какой же именно оклад прилично получать секретарше? — робко осведомился Роджер.

— Меньше чем за три гинеи в неделю я ваше предложение принять не могу.

— В таком случае, три гинеи.

— Прекрасно. В девять утра в следующий понедельник я приступлю к работе. Будьте любезны сообщить мне ваш адрес. Благодарю вас, мистер Шерингэм, — произнесла она, записав адрес, тоном "я-вас-больше-не-задерживаю" и снова включила пылесос.

Глава 5

Роджер — в халате — наслаждался жареной камбалой. Чашка кофе исходила ароматным парком. Он был глубоко убежден, что существеннейшее из преимуществ писательского положения заключается в том, что человек волен завтракать в халате, когда вздумается и не торопясь, и никто — если ты, конечно, холостяк — никто не вправе тебе этого запретить.

Вот почему Роджер с раздражением принял принесенную Мидоузом весть о том, что явилась молодая леди, назвавшаяся новой секретаршей мистера Шерингэма, и желает видеть его немедленно.

— Немедленно? — эхом отозвался Роджер. — Она так и сказала: немедленно?

— Да, сэр, — невозмутимо подтвердил Мидоуз.

— Ну, немедленно она меня не увидит.

— Разумеется, сэр.

Острому слуху Роджера ответ Мидоуза показался недостаточно убежденным.

— Она ведь не может увидеть меня немедленно, ведь правда, Мидоуз? — воззвал он снова.

— Ну, конечно, нет, сэр.

— Как вы с ней поступили?

— Провел ее в кабинет, сэр, и попросил подождать.

— Попросили? И она послушалась?

— Не могу сказать, сэр. Я сразу вышел, сэр.

— Ага... Ну... — Роджер лихорадочно соображал. — Послушайте, Ми-доуз, вы вот что... Вы пойдите и скажите ей, что я не в состоянии диктовать сегодня. Я... я очень занят другими делами, очень важными. Просто скажите ей это, ладно?

— Слушаюсь, сэръ.

Роджер облегченно вздохнул.

Но ход мыслей был нарушен, а завтрак закончен. Он выждал минуту-другую, чтобы его новая секретарша успела уйти, и пошел в спальню одеваться.

Только когда он уже завязывал галстук, в нем шевельнулось, укоренилось и расцвело подозрение: где-то слабо стучала пишущая машинка, и, поразительно, похоже было, будто она стучит у него в кабинете. Он надел жилет, пиджак и отправился посмотреть. Тихонько приоткрыв дверь кабинета, он был вознагражден зрелищем единственной в своем роде верности долгу: за маленьким столиком у противоположного окна сидела мисс Барнетт-младшая, без пальто и шляпки, и трещала на его машинке. Роджер застонал про себя, предчувствуя грядущие неприятности.

Он постарался тихонечко прикрыть дверь, но, видно, недостарался. Прежде чем он успел сделать два осторожных шажка вспять по коридору, дверь широко распахнулась, и ясный голосок окликнул его — живой, свежий, утренний голосок Исполнительной Секретарши.

— Доброе утро, мистер Шерингэм. Не могли бы вы зайти на минутку? Вы, — любезно прибавила мисс Барнетт-младшая, — вы мне не мешаете.

— Благодарю вас, — сказал Роджер и последовал за ней.

— Мне передали, что вы слишком заняты сегодня, чтобы диктовать, поэтому я решила, что займусь перепечаткой. На вашем столе я нашла эти бумаги. Верно ли я поняла, что вы оставили их мне для перепечатки?

— Бумаги? — слабо переспросил Роджер. Он поглядел на аккуратную стопку подле машинки и тут же отчаянно схватил их, как, бывает, хозяин выхватывает у щенка полусжеванный воротничок — и совершенно напрасно, сам ведь знает: никогда уже воротничку не быть таким, как прежде. Это были его заметки, предназначенные для досье "Тайна "Мон-мут-мэншнз".

Вчера вечером он как раз их просматривал. И, видимо, забыл убрать в папку перед тем, как отправиться спать.

— Вы прочли это? — сурово, как ему показалось, осведомился он.

Мисс Барнетт на его суровость никак не прореагировала.

— О да, я вполне разобралась. Наверно, вам в самом деле нужны все эти вставки и поправки. Это, знаете ли, очень осложняет работу. Но в целом, да, мне кажется, я вполне справилась.

Роджер судорожно слотнул.

— И до каких пор?

— До какого места? — мягко поправила его мисс Барнетт. — Я на середине третьей страницы. Медицинское освидетельствование тела моей тети, — добавила она так, словно речь шла о чужой тете.

— Я буду диктовать, — заявил Роджер.

— Прекрасно, — спокойно кивнула она, снисходительно подразумевая, что должны же писатели иметь свои маленькие прихоти и настроения; тактичная секретарша принимает подобные капризы как нечто естественное. Она уселась за машинку и вставила чистый лист бумаги.

— "Надо спрашивать маму", — объявил Роджер почти свирепо.

— Прошу прощения?

— "Надо спрашивать маму".

— Боюсь, что я не вполне понимаю.

— Название рассказа. Роджер Шерингэм. "Надо спрашивать маму".

— О, простите.

Легкое потепление тона шелковистой щечки указывало на то, что мисс Барнетт действительно смущена. Смягчившись Роджер продолжил диктовку.

Диктовал он без перерыва до часу дня. "Если ей и впрямь нейдет работать, — думал он, — так, Богом клянусь, пусть работает". Но и ему пришлось усилить воли направлять свое воображение по нежеланному руслу, ибо если способность к сосредоточенности — достоинство, то еще большее достоинство — способность сосредоточиться на теме, не вызывающей ни малейшего интереса. Впрочем, рассказ явно не задался, и Роджер отдавал себе в этом отчет. Было очевидно, что и для мисс Барнетт это не тайна. Она молчала, но движение ее бровей было достаточно красноречивым.

Ровно в час дня она встала из-за стола, накрыла машинку чехлом и надела шляпку, а Роджер помог ей облачиться в пальто.

— Я вернусь, — сказала она, — ровно в два тридцать.

— Сегодня вы мне больше не понадобятся, — заявил Роджер со всей доступной ему твердостью. — Я буду занят другими делами и диктовать не смогу.

— Но вы не закончили свой рассказ, — осудила его мисс Барнетт.

— Ничего. Закончу завтра.

— Отлично. В таком случае я продолжу перепечатку ваших заметок по поводу убийства моей тети. — И, вынув из сумочки пудреницу, принялась пудриться.

— Нет, — сказал Роджер, как замороженный наблюдая за этой процедурой. Вообще-то ему не раз приходилось видеть, как женщины пудрятя, но с мисс Барнетт пуховка как-то не сочеталась. Результат, тем не менее, получился вполне восхитительный.

Она помолчала, подняв на него красиво очерченные брови.

— Почему?

— Потому что мне не нужно, чтобы вы их печатали, — упрямылся Роджер.

Этот смехотворный довод мисс Барнетт отвергла живой гримаской:

— Вздор! Там все так перечеркано! Если вы хотите ими пользоваться, их, конечно же, следует перепечатать.

Он не нашелся, что возразить, и вдруг совершенно неожиданно для себя согласился:

— А впрочем, ладно, печатайте. — И, в последний раз бросив взгляд на прелестно вылепленный носик мисс Барнетт, в это мгновение покрываемый вторым слоем пудры, Роджер вышел из кабинета.

Глава 6

На следующий день Роджер из клуба позвонил в Скотланд-Ярд и попросил к телефону Морсби.

— Морсби, я собственно, хотел спросить, поймали вы уже Малыша?

— Увы, мистер Шерингэм. Пока что не могу сказать, что поймали.

— А новости какие-нибудь о нем есть?

— Ну, — осторожно сказал инспектор, — и да, и нет, если вы догадываетесь, что я имею в виду.

— Нет, не догадываюсь. Что именно?

— Видите ли, сэр, самого Малыша мы пока не нашли, но девчонка его уже обнаружилась. Она переехала из Брейсингема и сейчас в Лондоне.

— Вот как? Значит, вы собираетесь с пристрастием допросить бедную девушку? Надеюсь, пытать не будете?

— Помилуйте, мистер Шерингэм, сэр! — оскорбился Морсби. — Мы даже не арестовали ее. Просто держим под наблюдением, и она об этом даже и не догадывается. Рано или поздно она нас на него выведет.

— По-моему, это отвратительно.

— Да, сэр? — хладнокровно отозвался Морсби. — А по-нашему, это выполнение долга.

— Фу, Морсби, да что ж вы так чертовски чопорны! А, кстати, — как мог беззаботней проговорил Роджер, подбираясь к вопросу, ради которого и затеял этот звонок. — Я, кстати, тут вчера размышлял, и странная мысль пришла мне в голову. Всегда считал, что когда вы, полицейские, приступаете к расследованию убийства, вас первым делом интересует, кто последним видел жертву живой, и не могу припомнить, чтобы хоть один вопрос был задан по этому поводу. Разве не странно?

— Ну, знаете, сэр, — возмутился Морсби, — учитывая, что тело только что было обнаружено и вы присутствовали только при...

— Нет-нет, Морсби, я не упрекаю вас, — снисходительно перебил его Роджер, усмехаясь в трубку тому, с каким простодушием Морсби схватил приманку и впал в тон оскорбленной невинности. — Не допускайте даже мысли об этом. Я просто несколько удивился, вот и все. Вы ведь уже знаете, кто это, правда?

— Еще бы! Это была та, с рыбьей фамилией, — захлебывался инспектор, выдавая Роджеру точнехонькую информацию. — Миссис как-ее-там — Сардинус, нет, Палтус. Они пили чай вместе и за чаем поссорились. У Эффорда рукав промок от слез, пока она нам об этом рассказывала. Не вполне уловил смысл, но, кажется, она считает, что эта ссора каким-то образом стала причиной смерти ее бесценной подруги. Кара Господня за опрометчивое словечко, примерно так.

— О, женское тщеславие! — пробормотал Роджер. — А вы не объяснили ей, Морсби, что небеса оказали бы ей слишком большую честь, если бы покарали создание Божье для того лишь, чтоб намекнуть ей, что надо сдерживать темперамент? Она, видно, думает, что небеса ценят ее темперамент выше, чем чью-то жизнь. Ну и ну.

— Непременно сказал бы ей это, мистер Шерингэм, будь я на вашем месте.

— Может, я так и сделаю. Кто-то ведь должен. Ну что ж, пока, Морсби. Не выпускайте девчонку из виду и доброй охоты.

Роджер повесил трубку очень собой довольный. Впрочем, он был доволен собой почти всегда.

С минуту он постоял у телефона, сосредоточенно уставясь в пол, глубоко засунув руки в карманы. Итак, какой ход дальше?

Интервью с рыбьей фамилией может быть не без пользы, решил он.

Такси домчало его к "Монмут-мэншнз".

Удача сопутствовала ему. Миссис Палтус была дома.

То, что Роджер присутствовал при ее первом и, следовательно, самом важном разговоре с полицейскими, подвигло миссис Палтус охотно отвечать на его вопросы, тем более что беседа происходила в домашней, почти приятельской атмосфере, так отличающейся от строгого, официального тона прочих должностных лиц, а этот джентльмен, наверно, занимает очень высокий пост в Скотланд-Ярде, это сразу видать, такой солидный и такой джентльмен, потому что не одежда красит джентльмена, это уж миссис Палтус знает наверняка. Это было похоже на дружескую посиделку, так славно, у камелька, и ноги джентльмена на каминном коврике так завинчены одна вокруг другой, как, знаете, джентльмены делают это со своими ногами. Миссис Палтус, правда, не уловила его имени, ну да это и неважно, важен человек, а не его имя.

Они неспешно беседовали. Роджер поначалу не задавал наводящих вопросов, он просто позволил миссис Палтус выговориться в надежде, что что-то важное выговорится само собой.

Если так и случилось, то двадцать минут спустя Роджер еще этого не заметил. Тогда он стал спрашивать обо всем, что приходило в голову, с самым равнодушным, незаинтересованным видом, чтобы миссис Палтус, не дай Бог, не заподозрила, что ее экзаменуют.

— Я полагаю, прежде всего вас с мисс Барнетт сблизило то, что обе вы принадлежите к римско-католической церкви?

Миссис Палтус бегло перекрестилась.

— Бедняжка Аделаида, заблудшая душа, не приобщилась к святым тайнам. Много, много раз старалась я обратить ее в веру, но с тем же успехом я могла обратить в веру камень. А сейчас, увы, слишком поздно.

— Вот как? — удивился Роджер. Это была неожиданная новость. — А как же четки, которые лежали рядом с телом?

— Это были не ее четки! — с силой произнесла миссис Палтус. — Что еще горше!

— Значит, вы не видели их раньше?

— Никогда в жизни. Ваши инспектора спрашивали меня, откуда они, если не ее и не мои, но я ни чуточки не могла им помочь. — "Так-так-так", думал Роджер, чувствуя, что тут кроется что-то важное, но что именно — не поймать. — И они говорят, что этими святыми четками годяй-убийца задушил ее?

— Да... Так они... так мы думаем. Видимо, где-то их подобрал, подумал, что пригодятся. Может, в этом же здании. В самом деле, — вкрадчиво предположил Роджер, — есть же среди других жильцов католики?

Миссис Палтус печально покачала головой.

— Весь дом населен вероотступниками. Лишь один человек признает здесь истинную веру, и та, — миссис Палтус фыркнула, — только признает, не больше, помогай ей Господь.

— А! И кто же это?

— Мисс Деламер.

— Вот как? В таком случае, я полагаю, вы хорошо с ней знакомы?

— Ничего подобного, — твердо ответила миссис Палтус. — И совершенно не собираюсь знакомиться.

В восторге от благодарного слушателя миссис Палтус охотно распустила язык. Роджер внимал, улавливая и то, что пряталось между слов. В случаях, подобных этому, он нисколько не пренебрегал сплетней, и тем более — скрытым в ней смыслом. Женщины типа миссис Палтус, собственных интересов не имеющие, часто ищут косвенного удовольствия в обстоятельствах соседней.

Спустя час Роджер стал обладателем обширных познаний о жизни "Монмут-мэншнз", большая часть которых к делу отношения не имела, однако факт тут, факт там вполне мог оказаться полезным.

Огастэс Уэллер, заместитель редактора "Лондонского весельчака", вкуче с Френсисом Кинкроссом, был также любимцем и миссис Палтус, хотя она и покачала головой на бурный образ жизни и обилие пассий у первого из них. Роджер узнал, что молодые люди являются близкими друзьями и учились в одной школе, хотя Кинкросс года на два постарше. Оба они всегда приветствуют миссис Палтус широкой улыбкой (и охотно поступали бы так же относительно мисс Барнетт, поощри она их хоть немного) и частенько одалживают у нее то кастрюлю, то сковородку.

Следом, по степени привязанности, следовали миссис Кинкросс и ее маленькая дочка, и миссис Палтус не поскупилась на добрые слова в их адрес, а затем Эннисмор-Смиты, которые также, насколько позволяли им обстоятельства, вели себя дружелюбно по отношению к одинокой, но общительной вдове этажом выше. К миссис Беррингтон-Брейбрук миссис Палтус была милостива, но не безоговорочно. Роджер понял, что первая леди имела неосторожность просветить вторую на предмет своего происхождения, матримониальных походов и жизни в целом, что не произвело на миссис Палтус благоприятного впечатления. Впрочем, с приличествующей случаю сдержанностью миссис Палтус позволила себе заметить, что в предшествующей замужеству карьере миссис Беррингтон-Брейбрук есть что-то в высшей степени недостоверное, и лучше не вникать в это слишком глубоко. Мистера Беррингтон-Брейбрука миссис Палтус недолюбливала откровенно. "Вечно командует! Всезнайка! И имеет наглость смотреть сверху вниз на тех, кто во всех отношениях выше него, только потому, что зарабатывает много денег! На редкость неприятная личность".

Когда дело дошло до мисс Эвадины Деламер, миссис Палтус плотно сжала губы и не проронила ни слова.

Роджер расстался с ней лишь около семи, обогащенный сведениями о каждом из жильцов "Монмут-мэншнз". В последние минуты своего визита он задал, наобум, несколько вопросов касательно мисс Барнетт, но не узнал ничего нового за исключением того факта, что после довольно бур-

ного чаепития (причину бури установить не удалось) миссис Палтус в четверть шестого удалилась к себе, и более ее дорогой подруги живой уж никто не видел.

— Чай и булочки с изюмом, — слезливо вымолвила миссис Палтус. — Она так любила булочки с изюмом, бедняжка. Ее единственная прихоть, да. Две булочки к чаю, ежедневно, и еще одна в девять вечера, уже в постели.

— Ах, да, — кивнул Роджер. — Совсем забыл. Вы, конечно, не знаете, в каком часу точно мисс Барнетт в этот вечер легла спать?

— Почему же, знаю. Разве я не сказала? В каждый вечер ровно в девять, как часы, она укладывалась спать, с чашкой чаю и булочкой на стуле рядом, почаявничать лежа. "Согреть желудок", — говорила она, считая, что на теплый желудок засыпать легче. Ах, много и много раз... — Кельтские обороты в речи миссис Палтус замелькали все чаще, и Роджеру стало ясно, что пора уходить.

За обедом Роджер обдумывал свои дальнейшие шаги. Он был убежден в том, что мисс Барнетт удушена кем-то из четырех обитавших в "Монмут-мэншиз" мужчин. Очевидно, пришла пора познакомиться с подозреваемыми поближе.

Решив начать с Огастэса Уэллера, Роджер без труда отыскал уважительный повод для визита. Поскольку у их с мистером Уэллером профессии некоторым образом пересекались, и Роджер даже в свое время сотрудничал с "Лондонским весельчаком", он считал возможным восстановить утраченные связи во имя мифической молоденькой протезе, которая отчаянно нуждалась в заработке, но не умела ни сочинять, ни стенографировать, ни печатать и, в сущности, не умела делать ничего сколько-нибудь полезного кому бы то ни было.

Мистер Огастэс Уэллер самолично открыл ему дверь. Это был ладно скроенный молодой человек, на дюйм повыше Роджера (которого трудно было назвать высоким), с веснушчатым лицом и песочного цвета волосами.

— О-го-го, вот так сюрприз, — сказал мистер Уэллер. — Давайте входите. Ужасно рад вас видеть. Осторожно, а то тут дыра в ковре.

Роджер, разумеется, вошел и проследовал за хозяином в маленькую гостиную.

— Ну, это просто здорово, — сиял мистер Уэллер, включая еще одну лампу. — Я все думал, когда же вы придете, и, знаете, вы очень удачно выбрали время. Я как раз думал о какой-нибудь работенке.

— Если вы хотите работать... — начал было Роджер, слегка ошалев от сердечности, с какой принимал его совершенно незнакомый человек.

— Хочу?! Дорогой мой, да какой же болван хочет! Конечно, не хочу. Да садитесь же. Вот это кресло самое надежное. Нет, правда, страшно рад вас видеть. Выпьете что-нибудь? У меня только пиво.

— Пиво? Пожалуй. Благодарю вас. Но, простите, разве мы встречались прежде?

— А разве нет? — удивился мистер Уэллер.

— Насколько я знаю, нет.

— То-то я никак не мог вас признать! Ну, теперь все понятно. Главное, — философически заметил мистер Уэллер, подавая пиво, — главное, что мы встретились теперь, не так ли? Будьте здоровы!

Они выпили.

— Думаю, — сказал Роджер, — что мне лучше представиться и объяснить вам, почему я здесь, хотя то, что вы так тепло меня приняли, я воспринимаю как комплимент моей физиономии. Видимо, она вызывает доверие. Я знал, что вы здесь живете, и хотел вас повидать, и так получилось, что шел мимо и подумал, может, мне повезет и вы окажетесь дома. Меня зовут Роджер Шерингэм...

— Роджер Шерингэм! Ну конечно! Вот почему я думал, что мы знакомы. Конечно, я же видел тысячи ваших фотографий. Ну, это потрясающе. Как здорово, что вы ко мне так, мимоходом, заглянули. Не поверите, но я прочел уйму ваших книг. Так-так-так. Еще пива? — Не прерывая восторженных восклицаний, мистер Уэллер наполнил стакан своего гостя, а Роджер тепло подумал, что не только мистер Уэллер восхитительный молодой человек, у него и пиво восхитительное, а это редкое сочетание.

Когда радость хозяина несколько поутихла, Роджер объяснил, наконец, что его сюда привело.

— Слышал я, — начал он, — что у вас тут было убийство.

— Еще бы не слышали, — отозвался мистер Уэллер. — И держу пари, — добавил он с неожиданной проникательностью, — что потому-то вы и пришли ко мне. Что ж, приступайте к допросу.

Роджер расхохотался.

— Что скрывать, я этим делом интересуюсь. И, по правде говоря, подумал, что неплохо было бы переговорить с вами, если у вас найдется для меня время. Так что, есть какая-нибудь версия?

— На мой взгляд, тут все просто. Кто-то ворвался в квартиру, удушил хозяйку и смылся с деньжками. Я, кстати, уверен, что полиция знает, кто это. В газетах пишут о скором аресте.

— Ох уж эти газеты...

— Да, сведения из надежного источника и этот источник, конечно же, Скотланд-Ярд. А что, вы разве не думаете, что скоро его арестуют?

— Я не так хорошо осведомлен, чтобы думать что-то определенное, — осторожно ответил Роджер, — а кроме того, если верить газетам, Скотланд-Ярд всегда сулит скорый арест. Но вот чего я не в состоянии понять: как этот тип попал в квартиру, удушил хозяйку и, как вы выразились, смылся с деньжками — да так, что его никто в доме не видел. Неужто все спали?

— Я не спал, — честно признался мистер Уэллер. — Но и я — ни сном, ни духом.

— Ага! Значит, бодрствовали! И на ногах?

— Бодрствовал. Но не на ногах. Сидел в этой комнате за грудой рукописей, которые принес из редакции. Лег спать после двух ночи, но отсюда — ни шагу, а комната, как видите, выходит на улицу, так что я никак не мог заметить или услышать то, что происходило с другой стороны дома. Сожалею.

— Понятно. Но ведь вы бы услышали, если б что-то стряслось в этой части здания? — с невиннейшим видом осведомился Роджер и самым беззаботным тоном пояснил свой вопрос: — Я хочу сказать, не привлекло ли вашего внимания что-нибудь, происходившее в доме? Не спускался ли кто по лестнице, к примеру?

— Даже кошка не пробежала, — живо ответил мистер Уэллер. — Даже грохота, который разбудил Эннисмор-Смитов двумя этажами выше, и того не слышал. Похоже, у меня уши как ватой заложено в тот вечер.

В последовавшей затем беседе Роджеру не без труда удавалось скрыть от хозяина свой истинный интерес к убийству, ибо тот, хорошо осведомленный о его криминалистской деятельности, неоднократно спрашивал, не хочет ли он сам заняться расследованием. Пришлось изобразить омерзительный профессиональный интерес к убийству как таковому, а также к психологическим переживаниям людей, которые внезапно обнаруживают, что вынуждены иметь дело с уголовным розыском.

Последнее оказалось ходом удачным, поскольку мистер Уэллер тут же предложил подняться этажом выше и познакомиться с семьей, которая тоже теперь почти ежедневно имеет удовольствие выносить посещения сотрудников Скотланд-Ярда, а именно, с Кинкроссами. Роджер, поняв, что от мистера Уэллера толку не будет, сразу принялся ломать голову, как бы натолкнуть его на эту идею, согласился с превеликой охотой.

— Вам понравится старина Френсис, — уверял мистер Уэллер, наливая все то же пиво, но уже в кувшин, чтобы взять его с собой наверх. — Отличнейший человек. Поначалу может показаться скучноватым, но не торопитесь с выводами. Хотя, боюсь, трудно спорить с тем, что старина Френсис уже не тот, что прежде. Такой был весельчак, поискать только. Но женитьба, — философски заметил мистер Уэллер, — женитьба всегда как-то отрезвляет. Благодаренье Богу, все девушки, которым я делаю предложение, неизменно отказывают.

На этой меланхолической ноте они отправились вверх по лестнице.

Глава 7

Кинкросс стряхнул пепел на ковер, хотя пепла, собственно, не было — просто нервный жест. Кинкросс то и дело его стряхивал, раз по пять в минуту. Уголок его рта при этом дергался, и Роджер уже усвоил, что это означает намерение что-то сказать.

— Дорогой мой, — тоном бесконечного терпения обратился Кинкросс к Уэллеру, — дорогой мой, ты сам не понимаешь, какую несешь чепуху. Чистую чепуху, ну подумай. После шотландских баллад пятнадцатого века "Вдова с Бей-стрит" — это самое прекрасное, что написано по-английски (в этом жанре, разумеется). Она просто на голову выше всего остального. Все остальное — мусор по сравнению с ней. Мусор!

— Не согласен, — твердо сказал Уэллер. — В ней все вымучено, ненатурально, натянута. Страх нагнетается искусственно. Возьми лучше "Балладу Редингской тюрьмы" Уайльда: он делает то же самое, но в десять раз лучше: проще, естественней, и, кстати, вдвое страшнее!

— Оскар Уайльд! — Кинкросс, всерьез расстроившись, стряхнул сигарету. Он принадлежал к тем людям, которые вносят личный оттенок в споры даже на самую отвлеченную тему. Сейчас речь шла о поэзии Джона Мейсфилда.

— Послушайте, Шерингэм, вы ведь согласитесь, что "Вдова с Бейстрит" — самое прекрасное, что есть в нашей поэзии?

— Вы хотите сказать, из того, что относится к жанру баллады?

— Нет, — Кинкросс не желал идти ни на какие уступки. — Лучшее из всего, что есть в эпической поэзии, в прозе, в чем угодно.

— Ну, знаете ли, я тут припоминаю одну эпическую поэму, "Энеида" называется, — усмехнулся Уэллер. — И, говорят, был такой Гомер, тоже, помнится, выдал что-то приличное.

Кинкросс одарил его гневным взглядом.

— Ну, Шерингэм? — и нервно провел тонкой длиннопалой рукой по черной шевелюре.

— Нет, никак не могу согласиться, — как мог беспристрастно вынес свой приговор Роджер. — По моему мнению, "Рейнард-лис" того же Мейсфилда — вещь куда более значительная.

— О, "Рейнард-лис", как же... — не рассердился Кинкросс на этот раз, ведь его любимый поэт остался в первом ряду. На что и надеялся тактичный Роджер. — Что ж, в некотором смысле, пожалуй. Прекрасная вещь... Там есть две строфы... послушайте, вы не будете против, если я немного почитаю на память?

— О, Господи, — еле слышно простонал мистер Уэллер. — И как это нас вынесло на Мейсфилда? Знаете, каким-то чудом нас всегда на него выносит...

— Конечно, не будем, — торопливо проговорил Роджер. — Очень хотелось бы... Почитайте!

— Марджори?

Миссис Кинкросс встрепенулась в низком креслице, где просидела последние полчаса, не проронив ни слова, и только переводя свои внимательные карие глаза — такие круглые и блестящие, что впору сравнить их с бусинами, когда б не величина, — с одного оратора на другого.

Роджер, полагавший, что прилично знает "Рейнарда-лиса", обнаружил, что обольщался. Чтение Кинкросса выявило в стихотворении такие подспудные мотивы, такие скрытые мелодии, о существовании которых Роджер даже не подозревал. Он был в восторге. Кинкросс декламировал лучше всех, кого Роджер когда-либо слышал, с чувством, с тончайшим пониманием красоты слова и его смысла, но без всякого следа сентиментальности или обычного в таких случаях высокопарного пережима. Когда выбранный отрывок кончился, Роджер умолил Кинкросса продолжить, и тот, порозовев от удовольствия, согласился. Час спустя Роджер поднялся, чтобы уйти, но он уже знал, что непременно в ближайшем будущем сюда вернется. Он сказал об этом хозяевам, и тут же получил настойчивое и искреннее приглашение сделать это будущее как можно ближе.

По дороге в клуб, где он намеревался закончить день роббером-другим в бридж, Роджер подумал, что редко выдавался ему вечер приятней: он

вдоволь угостился добрым пивом, наслушался прекрасных стихов в отличном исполнении. Что еще нужно человеку? Более того, вечер к тому ж был проведен с пользой, ибо два имени исчезли из списка подозреваемых отныне и навсегда. Если невозможно представить убийцей Огастаса Уэллера, то тройне невозможно — Френсиса Кинкрасса.

“А Эннисмор-Смит? — размышлял Роджер. — Один раз я его уже видел, и этого вполне достаточно. Убежден, что вижу мистера Эннисмор-Смита насквозь, и не сомневаюсь насколько в том, что у него просто духу бы не хватило на самое плохонькое убийство. А уж о таком тщательно спланированном, как это, — и говорить нечего. Это убийство указывает, что у преступника имеются и мозги, и характер. Может, мозги у Эннисмор-Смита и есть, хотя я в этом не уверен, но что характером он тряпка, ставлю весь Лондон против апельсинового семечка. Остается, таким образом, один только мистер Джон Беррингтон-Брейбрук”.

Но это не был мистер Джон Беррингтон-Брейбрук, что выяснилось уже через полчаса после того, как Роджер вынес свой вердикт.

Произошло одно из тех совпадений, которыми изобилует жизнь и которых литература побаивается как надуманных. Имя мистера Джона Беррингтон-Брейбука всплыло за тем самым столом для игры в бридж, за который суждено было усесться Роджеру. В конце первого роббера его партнер откинулся в кресле и заметил:

— Вы ведь интересуетесь забавными именами, не так ли, Шерингэм? Я вам сейчас одно подарю, для будущей книги. Не слишком разбираюсь в писательских тонкостях, но, полагаю, вы из одного имени сможете сочинить человека.

— Отлично, — отозвался Роджер. — Я и впрямь собираю имена. Что за экземпляр вы мне предлагаете?

— Джон Беррингтон-Брейбрук. И представьте себе, парень соответствует имени как нельзя лучше.

Роджер потянулся ко второй колоде и начал тасовать.

— Да, любопытно. Но, говоря по правде, я, кажется, уже слышал эту фамилию, хотя и не думаю, что встречался с ее обладателем. А вы с ним, значит, знакомы?

— Не так чтобы близко. Я видел его лишь однажды, в прошлый вторник, в клубе “Империя”. Я там ужинал с приятелем, и Джон Б.-Б. позже помог составить нам партию в бридж. Он управляющий винным отделом в каком-то большом магазине, не помню, в каком. Если вы не знакомы, потеря невелика, хотя для ваших романов, мне кажется, он бы сошелся. Ну что, будем снимать?

Роджер наострил уши. Именно в прошлый вторник задушили мисс Барнетт. Или, точнее, в самом начале прошлой среды.

— А что, “Империя” открыта допоздна? — осведомился он небрежно.

— И не говорите! — с чувством ответил партнер. — Было уже что-то около двух, когда мы наконец оторвались от карт.

— И Джон Б.-Б. был с вами до конца?

— До конца — да, но не с начала. Он пришел только к двенадцати. А что?

— Праздное любопытство, разумеется, — но про себя Роджер добавил крепкое словцо. Отныне у всех четырех подозреваемых — алиби, и он опять там, откуда начал, и это было обидно до крайности.

Ложась спать, он скомандовал себе не думать о "Монмут-мэншнз" и заснул, как убитый.

Разбудил его утром телефонный звонок.

— Это вы, мистер Шерингэм? Это Морсби. У меня новостиска для вас.

— Неужто нашли Малыша? — весело осведомился Роджер.

— Не вполне. Скорее, он нас нашел. Явился сюда несколько минут назад, спокойный и невозмутимый. Услышал, видите ли, что мы наводим о нем справки, и, не имея никаких пятен на совести, пришел поинтересоваться, что происходит. Иначе говоря, времени у него состряпать небыллицу в лицах было хоть завались, вот он и явился с ней пускать нам пыль в глаза!

— Ну! — воскликнул Роджер. — Это замечательно, Морсби!

— Да, они часто пытаются нас морочить, сэр. Думают, нас легко взять на пушку. Хотя не могу не признать, что Малыш повострее прочих. В общем, я подумал, что раз уж вы видели самое начало дела, не грех вам увидеть и его конец. Я тут подержу Малыша внизу с полчаса, чтоб он слегка поостыл, так что если хотите, можете заскочить и поприсутствовать на допросе.

— Еще бы я не хотел, — с жаром произнес Роджер. — Значит, вы думаете, это конец?

— Я бы не удивился, сэр. А что?

— Ну, я имею в виду... вы думаете, он сознается?

— Думаю, что к тому времени, как я с ним кончу, мы что-нибудь из него да вытянем, — с неизменной доброжелательностью ответил старший инспектор.

— Опять допрос с пристрастием, а?

— Разумеется, нет, сэр, — в который раз обиделся Морсби. — Вы же знаете, мы к этим средствам не прибегаем. Да вы сейчас сами увидите, как мы добиваемся своих результатов.

Роджер повесил трубку.

— Любопытно, — сказал он вслух. — Крайне любопытно. Любопытно до крайности.

Глава 8

Мистер Джеймс Уоткинс аккуратно, палец за пальцем, стянул с рук свои лимонного цвета перчатки, подернул стрелки на брюках и уселся на стул, предложенный ему старшим инспектором. Вежливо улыбаясь, он провел холеной, белой рукой с наманикюренными ногтями по щедро набриолиненным черным волосам. Глядя на этого стройного, моложавого, элегантного господинчика, которому только монокля в глазу недоставало, чтобы придать довольно-таки пустому лицу характерный завершающий штрих, Роджер с трудом верил, что видит перед собой одного из самых наглых воров последнего десятилетия. Со времен диккенсовского Билла Сайкса грабители здорово изменились.

— Итак, Джим, — отеческим тоном осведомился Морсби, — поведай нам, что у тебя на уме?

— Ну, мистер Морсби, право, странно, что вы об этом спрашиваете, — ответил мистер Уоткинс, манерно растягивая слова, чтобы скрыть выго-

вор кокни. — Право, странно, потому что это я пришел к вам узнать, что на уме у вас.

— Значит, ты чист, как стеклышко, так я понял?

— Ну, конечно, — с достоинством отвечивал мистер Уоткинс. — Я завязал, вы же знаете, мистер Морсби.

— Завязал? — скептически хмыкнул Морсби. — Значит, завязал, да, Джим? Ну, рад это слышать. И как же ты зарабатываешь на жизнь, позволю поинтересоваться?

— Как, разве вы не знаете? — удивился мистер Уоткинс. — У меня антикварная лавка в Льюисе, я думал, вы в курсе, мистер Морсби. Все только самое настоящее и добытое честным путем, ничего краденого и всякого такого. На каждую вещь сертификат, если покупатель потребует. Вы непременно должны заглянуть ко мне как-нибудь, мистер Морсби. Сейчас, например, есть чудная пара медных подсвечников времен королевы Анны, прямо для вас, — с жаром говорил мистер Уоткинс, — прелесть вещицы. Может, слегка тяжеловаты, старомодны, и пыли, пожалуй, поднакопилось, но вам бы подошли как нельзя лучше.

— Спасибо, Джим. Когда мне потребуется для подарка пара тяжелых, старомодных, пыльных медных подсвечников, я дам тебе знать.

— Для подарка? Ну, перестаньте, мистер Морсби. Я не про это. Всем известно, вам не положено получать подарки от таких, как я, должность не позволяет. Есть там у вас какое-то противное словцо как раз для таких дел, верно? А кроме того, мне это сейчас не по средствам. Но я скажу вам, что мы сделаем: сбавлю вам десять процентов.

Роджер улыбнулся. Он и сам обожал дразнить Морсби, но наблюдать, как это делает преступник, было еще забавнее; он со злорадством отметил, что констебль в углу деловито стенографирует эту не относящуюся к делу перепапку.

Однако Морсби держался как ни в чем не бывало.

— Ты все такой же шутник, да, Джим? Несмотря на антиквариат. Что ж, я рад слышать, что ты живешь честно. Где в Льюисе этот твой магазинчик?

Мистер Уоткинс охотно сообщил адрес.

— А знают меня там под именем Роуд, Джеймс Роуд.

— Ясененько. Так, а теперь, когда ты поделился со мной этой радостной новостью, я бы хотел знать, для чего тебе понадобилось меня видеть?

— Видеть вас мне всегда в удовольствие, мистер Морсби, — как по-писаному отозвался мистер Уоткинс, коснувшись хрупким пальчиком своих крошечных черных усиков. — Приятно поболтать о старых временах, когда вы считали меня одним из этих гадких, неисправимых воругов, которых вы ловите с таким трудом, правда?

— Поболтать, значит, пришел, да?

— Ну, я бы так не сказал, — запротестовал мистер Уоткинс. — Хотя я, конечно, мог надеяться, что мы побеседуем немножко, может быть, даже пропустим по кружечке пива — я сейчас, знаете, не могу позволить себе более крепкие напитки, но, не стану скрывать, я тут услышал от Лил, что вы наводите расспросы, где я да что я, и решил, что приду-ка сам и расскажу все, что вам захочется узнать, если, конечно, речь не о том, чтобы

кого-нибудь заложить. Я завязал со всей публикой, с какой прежде водился, но продавать никого не стану, и не просите, мистер Морсби, только не это.

— Значит, Лил тебе рассказала?

— Конечно, мистер Морсби, и была такая расстроенная! — Мистер Уоткинс осуждающе покачал головой. — Вы приставили хвостов к бедной девушке, мистер Морсби, и они таскаются за ней с тех пор, как она перебралась в Лондон. Нехорошо, мистер Морсби, нехорошо.

Старший инспектор пропустил мимо ушей мягкий упрек.

— Ты в последнее время нечасто видишься с Лил, да, Джим?

— Я очень хорошо к ней отношусь, мистер Морсби, — добродетельно отозвался мистер Уоткинс, — но, видите ли, ей не по сердцу то, что я решил жить честно, и это факт. Боюсь, что Лил пропала для общества, мистер Морсби, вправду боюсь. Она, представьте себе, утверждает, что мошенничеством еще можно жить да жить.

— Да, Лил всегда на тебя плохо влияла, Джим, — Морсби снова вернулся к отеческому тону, — и тут уж ничего не попишешь. Я, например, несколько не огорчен, что ты с ней расстался. Однако это может означать и кое-что еще.

— Чего в жизни не бывает, — вежливо откликнулся мистер Уоткинс.

— И кто твоя новая подружка? — резко спросил Морсби.

Мистер Уоткинс протестующе взмахнул рукой.

— Право, мистер Морсби, вы слишком торопитесь с выводами!

— Не вздумай сказать мне, что обходишься без подружки, Джим, уж я тебя знаю. В этом мы с тобой сходимся: ни дня без подружки, пока не остепенимся — и под венец.

— Я и не знал, что вы женаты, мистер Морсби.

— Я и не женат, но это не меняет того, о чем я сейчас говорил. Так кто же эта счастливица?

— Ну, если вы так настаиваете, мистер Морсби, скажу вам, что заинтересован в одной молодой особе в Льюисе, — застенчиво признался мистер Уоткинс. — Фамилия ее Паркер. Милое, прелестное создание. Живет с матерью, вдовой, на Хиллингдон-кресцент. Мать держит гостиницу, а Элси с сестрой ей помогают. Мисс Паркер тоже интересуется стариной, что еще теснее нас связывает.

— Ага, — как-то сухо отреагировал Морсби на идиллическую историю любви экс-мошенника. — И она в курсе твоего уголовного прошлого?

— Пожалуйста, мистер Морсби, прошу вас! — вскричал в тревоге мистер Уоткинс. — Вы же не хотите испортить человеку жизнь? А потом, у меня нет уголовного прошлого. Вам, как вы не старались, так никогда и не удалось на меня что-нибудь повесить. А все почему? Потому что нет за мной никакой вины! Оправдан, значит, чист — так по закону. Но не говорите мне, мистер Морсби, что собираетесь ознакомить бедную девушку со своими низкими, недостойными, несправедливыми подозрениями. Это будет просто непорядочно, мистер Морсби.

— Хорошо, Джим, хорошо, что ты так звился, я ей ничего не скажу. Если ее мамаша вдова, она скоро и сама все узнает. Что ж, очень мило с твоей стороны прийти и рассказать мне все это, и раз уж ты здесь, я, по-

жалуй, спрошу у тебя еще кое о чем. — Старший инспектор некоторое время благодушно разглядывал своего посетителя, а потом, не меняя выражения лица, выпалил: — Что ты делал вечером в прошлый вторник? Ровно неделю назад? Быстро!

— В прошлый вторник? — в великом изумлении переспросил мистер Уоткинс. — А что такое?

— Неважно, что! Отвечай!

— Да дайте хоть вспомнить, — нахмурился мистер Уоткинс. — Собраться с мыслями. Прошлый вторник. Что же я делал-то в прошлый вторник?

— Вечером в прошлый вторник.

— Да-да, — мистер Уоткинс задумчиво хмурил бровь. — Ну, после обеда я приехал в Лондон по делам, надо было заглянуть в одну фирму, где я покупаю товар, и...

— Какую фирму?

— Господи, мистер Морсби, что за любопытство? — встревожился мистер Уоткинс. — Уж не стараетесь ли вы что-нибудь на меня повесить?

— Неважно, стараюсь я что-то на тебя вешать или нет. Я тебя спрашиваю, в какую фирму ты приезжал во вторник и в котором часу?

— Не понимаю, зачем вам это, но ладно, отвечу. И знаете, почему? Потому что мне нечего скрывать от вас, ясно? Я прибыл двухчасовым из Льюиса и с вокзала пошел сначала к "Коппу и Мередиту" на Олд-стрит. Добрался я туда примерно в полчетвертого. Потом я пошел к "Братьям Томсон" на Сити-роуд и по пути заглянул еще в маленький магазинчик там же, потому что заметил в витрине славенький столик с раздвижными ножками, но они слишком дорого запросили. Как называется магазинчик, сказать не могу, извините, не позаботился узнать, я ведь не мог предвидеть, что мистер Морсби будет потом этим интересоваться. Потом я встретился с Лил, мы перекусили в "Попьюлар" и пошли в кино на Оксфорд-стрит, "Супер-палас", кажется, в общем, он рядом с магазином игрушек Сэнфорда. Надеюсь, в этом нет ничего плохого? — насмешливо справился мистер Уоткинс.

— Встретился с Лил, говоришь?

— Конечно, встретился, а почему бы нет?

— Мне показалось, ты сказал, что порвал с ней?

— Прошу прощенья, мистер Морсби, я не говорил ничего подобного. Я сказал, что собираюсь порвать с ней. Не знаю, какими методами в подобных, требующих известной деликатности, случаях пользуетесь вы, но я действую очень постепенно. Возможно, я буду встречаться с Лил в течение всего следующего года, так... время от времени.

— Ясно. Ну, а после фильма?

— Мы вернулись в "Попьюлар" поужинать и, если вас это интересует, официантка попыталась нас обсчитать, и мне пришлось с ней по этому поводу побеседовать. А потом Лил проводила меня на поезд, отправляющийся в 8.17. Надеюсь, вы удовлетворены?

— В 8.17 с Виктория-стейшн в Льюис? А потом?

— Ох, ну и настырный вы, мистер Морсби! Что ж, после этого, если хотите знать, я пошел прямо к Паркерам, и явился туда аж в полдесятого,

потому что пробыл в Лондоне дольше, чем рассчитывал, но это было неважно, там намечалась маленькая вечеринка, и мы засиделись допоздна.

— Вот как? А что за вечеринка и почему допоздна?

— Ну, как раз вернулся из Америки дядя мисс Паркер, дядя Бен, и они пригласили нескольких друзей это дело отметить, и мисс Паркер позвала меня тоже. По-моему, нас там было не меньше дюжины.

— И до которого часу вы не расходились?

— Ну, что до меня, так я сидел там почти до часу или даже чуть дольше, и когда уходил, кое-кто еще оставался.

— Понятно.

Роджер знал, что Морсби в растерянности, хотя тот ничем этого не показывал. Если парень говорит правду, его алиби прочней прочного. Никким образом не мог он, в час ночи уйдя с вечеринки в Льюисе, через двадцать минут придумать старушку неподалеку от Юстон-роуд в Лондоне. Сам Роджер в этот момент испытывал чувство глубокого удовлетворения, по силе равнявшееся растерянности, которую испытывал Морсби. Он был прав. Малыш — не убийца. Преступление на Юстон-роуд принадлежало к тем, которые в криминальных романах назывались "внутренним делом", — когда и жертва, и преступник обитают в одном здании.

Морсби задал Уоткинсу еще несколько вопросов, в основном, в связи с вечеринкой в Льюисе, а затем нажал кнопку звонка у себя на столе.

И тут мистер Уоткинс вдруг подскочил на стуле, пробормотав проклятье. Его прекрасные манеры как ветром сдуло.

— Черт побери! Вечером в прошлый вторник — да ведь это как раз когда грабнули старуху на Юстон-роуд! Убийство в "Монмут-мэншнз"! Господи, помоги, мистер Морсби, да уж не хотите ли вы ЭТО на меня повесить? Да вы ж знаете, мистер Морсби, я бы ни о чем не сделал такого!

— Раз ты был на вечеринке в Льюисе, когда это произошло, — кисло взглянул на него Морсби, — ты, конечно, не мог этого сделать, так что нечего разоряться.

— Ну, благодаренье Богу, что я на нее успел, — успокоился мистер Уоткинс. — Больше тут сказать нечего.

Тут вошел констебль, и Морсби указал ему на мистера Уоткинса.

— Отведите этого человека в приемную, Джемисон, и побудьте там с ним. Я, возможно, попозже задам ему еще несколько вопросов.

— Э, послушайте, мистер Морсби, а это честно? — встревожился мистер Уоткинс. — Только несколько вопросов? Без всяких штучек? Без подтасовок?

— Без штучек и подтасовок, Джим, — заверил его Морсби.

Констебль увел мистера Уоткинса, старший инспектор кивнул стенографисту в углу, тот собрал свои бумаги и отправился расшифровывать протокол допроса.

Прежде чем Роджер успел открыть рот, Морсби схватился за телефон и заказал какой-то номер в Льюисе по кодовому слову, означавшему первостепенную важность. Его соединили поразительно быстро.

— Это полицейский участок в Льюисе? Дежурный сержант? Говорит старший инспектор Морсби из Скотланд-Ярда. Ваш суперинтендант близко? Попросите его к телефону, пожалуйста. Это вы, суперинтендант?

Послушайте, не могли бы вы кое-что для меня срочно сделать? Пошлите кого-нибудь к Паркерам на Хиллингдон-кресцент и узнайте, были ли у них гости в прошлый вторник вечером, и если да, то присутствовал ли там некто Джеймс Роуд, владелец антикварной лавки на Куин-стрит, и если да, то в котором часу точно он явился и отбыл. Я держу этого Роуда здесь, пока вы мне не перезвоните, поэтому, пожалуйста, сделайте это побыстрее. Да, в связи с делом "Монмут-мэншиз", ограбление и убийство. И еще, суперинтендант, к вашему сведению: этот Джеймс Роуд — не кто иной, как Джим Уоткинс, он же Кембервильский Малыш. Вот-вот. Я так и думал, что вы заинтересуетесь. Перезвоните мне, как только все выясните, ладно? Жду. — И он повесил трубку.

Роджер и старший инспектор с минуту молча смотрели друг на друга.

— Значит, вот такую небылицу в лицах он состряпал? — вкрадчиво осведомился первый.

Морсби зарычал. В данный момент он был не расположен шутить. Это не шутки для департамента уголовных расследований, когда все, так сказать, деньги поставлены на одну лошадь, а та даже не стартовала.

— Ну? — сделал еще один заход Роджер. — Вы ему верите?

— Здорово ему повезло, — пробормотал Морсби себе в усы, — что там была вечеринка.

— Значит, верите?

— Конечно, верю, мистер Шерингэм, — почти огрызнулся старший инспектор. — Джим не дурак. Он бы не стал сочинять такую историю, если б не был уверен, что она подтвердится. Он знает, что мы не выпустим его, пока все не проверим.

— Значит, вы думаете, что он с самого начала знал, что вы от него хотите?

— Сто процентов. Даже если чист, как божитесь. Как только он прочитал в газетах, что произошло, он сразу понял, не мог не понять, до чего похоже на его рук дело. Он знал, что мы обязательно выясним, чем он в эту ночь занимался.

— Как бы то ни было, Морсби, если его алиби подтвердится, из числа подозреваемых он выпадает.

— Вот именно, мистер Шерингэм, — мрачно ответил Морсби. — В этом нет никаких сомнений. Мы, конечно, проверим каждый его шаг, начиная с Льюиса, но я оч-чень сомневаюсь... Ну, ладно. Через несколько минут мы узнаем, Малыш ли лазил через ту стену на заднем дворе. Я послал уже за шофером.

— Но ведь Малыш в то время был в Льюисе?

— У алиби, мистер Шерингэм, бывают прорехи, — сухо заметил Морсби.

— Сейчас на это трудноато надеяться, — сказал Роджер. — Парень невиновен, Морсби, поверьте мне. В этом деле еще много такого, на что вы пока не обратили внимания.

Их разговор перебил телефонный звонок.

Морсби поднял трубку.

— Да? Понятно. — Он повернулся к Роджеру: — Шофер утверждает, что это не тот человек. Никаких сомнений.

— Ага! — произнес Роджер.

Оба молчали, не сводя глаз друг с друга, пока снова не зазвонил телефон.

Прислушавшись к разговору, Роджер легко догадался, что а) звонок из Льюиса и б) показания мистера Джима Уоткинса полностью подтвердились.

— Тут кончается второй акт "Тайны "Монмут-мэншиз", — провозгласил он, когда Морсби повесил трубку. — Кембервильский Малыш удаляется со сцены.

— М-да, — произнес Морсби, вновь погружаясь в мрачную задумчивость.

Глава 9

Свою покладистую совесть Роджер легко успокоил тем соображением, что детектив просто вынужден иногда идти на обман. Да к тому же, в сущности, он и не лгал.

— Ну, Стелла, — заявил он, входя в свой кабинет с позаимствованным у Морсби мрачным выражением лица. — Так из чего нынче шьют самое модное белье? Мы поедем покупать вам вещи в магазин, где работает миссис Эннисмор-Смит, которая живет в "Монмут-мэншиз". Я уже с ней виделся и не хочу, чтобы она меня узнала. А вы встречались?

— Нет, насколько я помню. По крайней мере не думаю, что я ее видела. А зачем это вам?

— Ну, предположим, я хочу посмотреть, какова она в деле.

— Но зачем же?

— О, я думаю, это мне пригодится, — уклончиво сказал Роджер. — У нее любопытная биография. Не знаю, слышали ли вы об этом, но она выросла в достатке, если не сказать в роскоши, а теперь вынуждена прислуживаться в магазине. Пикантно, не правда ли?

— Возможно. Но я бы скорей сказала — драматично.

— Драматично, да, в том-то и пикантность. И хотя, смею думать, вам наверняка кажется, что не слишком-то красиво разглядывать человека в лупу, что поделывать: такая работа. Мало того. Я хочу посмотреть, есть ли у нее характер, вернее, таится ли в ней бесенок, и сможем ли мы его расшевелить.

— Но послушайте, мистер Шерингэм...

— Да-да. И вот что я хочу, чтоб вы сделали: потребуйте, чтобы именно она вас обслуживала, и придирайтесь ко всему подряд, не только к вещам, но и к самой миссис Эннисмор-Смит. Я бы просил вас вести себя вызывающе — не то чтобы вульгарно, но крайне заносчиво. Унижайте ее, разговаривайте свысока и все время ворчите. В общем, ведите себя так, как вела бы девица известного сорта. Сумеете?

— Это все-таки очень странно...

— Пусть странно, но для меня это вопрос первостепенной важности. Справитесь?

— Думаю, да, если сочту нужным. А какая роль будет у вас?

— Я — богатый американец, а вы меня подцепили.

— И вы действительно хотите, — спокойно произнесла мисс Барнетт, — чтобы я изобразила уличную женщину?

— Вот именно. Ну? Сможете? Решитесь?

— Конечно, я помогу вам.

— Превосходно! — с воодушевлением воскликнул Роджер. — Какая жалость, что вы так скромно одеты, но тут уж ничего не поделаешь. Кстати, если вам ничего не понравится в этом магазине, мы отправимся в другую. Это само собой разумеется.

Он откинулся на сиденье и в раздумье скрестил руки на груди. Ни на секунду он не надеялся, что мисс Барнетт примет его предложение. Воистину самая непредсказуемая из всех непредсказуемых девиц. Ее участие в деле значительно облегчит задачу.

Дело в том, что еще вчера вечером у Роджера выкристаллизовалась одна идея. Если выходит, что ни один из мужчин, проживающих в "Монмут-мэншнз", не имел моральной либо физической возможности убить мисс Барнетт, значит, сеть надо раскинуть пошире. И что, в конце концов, такого немислимого в самой идее, что преступник — женщина? Вопрос упирается лишь в наличие физической силы, необходимой, чтобы удушить человека, и Морсби сам сказал, когда они осматривали тело, что особой силы не требовалось. Нормального телосложения женщина вполне могла проделать это с тщедушной мисс Барнетт, — и не хуже мужчины.

Согласившись с этим, где следовало искать кандидатуру? Естественно, среди обитательниц "Монмут-мэншнз". И какого рода даму следовало искать? Очевидно, даму с характером, способную принимать быстрые решения, даму в отчаянных обстоятельствах, даму, живущую на пределе возможностей. И среди всех дам "Монмут-мэншнз" миссис Эннисмор-Смит, на взгляд Роджера, выделялась характером, силой духа, бедственным положением. Но способна ли она на убийство? Вот в чем загвоздка, и этого Роджер на основании одной встречи решить не мог. Он не сомневался при этом, что миссис Эннисмор-Смит была женщина с тайной. За ее спокойными манерами скрывалось многое, недоступное посторонним. Сегодняшняя задача состояла в том, чтобы заставить миссис Эннисмор-Смит раскрыться, показать, какими запасами гнева, терпения, решительности, самоконтроля, подчинения обстоятельствам или сопротивления им она обладает, и, по мнению Роджера, подготовленный им сценарий обязательно выведет миссис Эннисмор-Смит на чистую воду.

Ход, что и говорить, был не слишком красивый, и гордиться им не приходилось. Но с другой стороны, ход был эффективный, и не только по отношению к миссис Эннисмор-Смит. Роджер знал, что, помимо всего прочего, ему будет до безумия любопытно понаблюдать, как проведет свою роль мисс Стелла Барнетт.

Сама мисс Барнетт, прежде чем они подъехали к магазину, поинтересовалась только одним:

— Хотите ли вы, чтобы я говорила на кокни?

— Легкий акцент, пожалуй, не помешает, — важно ответил Роджер.

И по одному тому, как развязно, повилявая бедрами, вошла она в магазин, было видно, что в мисс Барнетт погибла актриса.

К ним незамедлительно вышла молодая женщина в черном платье с необыкновенно светлыми, платиновыми волосами.

— Чем могу служить, мадам?

— Я-а хочу присмотреть себе что-нибудь нарядное для второй половины дня, — объявила мисс Барнетт, старательно изображая благовоспитанность.

— О'кей, — начал свою партию Роджер, как, по его мнению, сделал бы американец. — Приволоки-ка нам что-нибудь пошикарней, сестричка, и не беспокойся о денешках. У меня с ними полный порядок!

Женщина вежливо улыбнулась и повернулась, чтобы уйти, но мисс Барнетт издала какие-то звуки, указывающие, что она еще не все сказала.

— Лучше будет, я-а думаю, если вы пришлете мне кого-нибудь поглавней.

— Как вам угодно, мадам. — И женщина растворилась в глубине салона.

— Молодчина, Стелла! — прошептал Роджер. — Вы — чудо. Где вы этому научились?

— Однажды играла нечто похожее в любительском спектакле. То, что нужно?

— Блеск. Даже, пожалуй, можно еще поддать. Боюсь выразиться слишком сильно, но я хочу, чтобы вы привели ее в ярость.

— В ярость?

— В ярость, — твердо заявил Роджер, прибавив про себя: "Чтоб и ты проявила себя во всю мощь".

— Поня-атно, — протянула мисс Барнетт.

Роджер обернулся. С профессиональной улыбкой к ним приближалась миссис Эннисмор-Смит. Она тоже была в черном и, благодаря осанке и росту, выглядела очень внушительно.

— Насколько я поняла, вы хотели бы маленькое нарядное платье.

Роджер отметил, что она не присовокупила непременно "мадам", удостоив клиентку лишь беглым взглядом, и уж точно не признала его, хотя он этого слегка опасался.

— Мне надо платье, и чтоб шляпку тоже, во-от!

— Послушай, бэби, ты не забудь про всякие там финтифлюшки, — вставил Роджер, — нам, мисс, требуются чулки для леди, и перчатки, и...

— Да-авольно, Ганниба-ал, — проговорила мисс Барнетт.

Миссис Эннисмор-Смит повернулась к женщине с платиновыми волосами.

— Мисс Хэлл, сходите, пожалуйста, наверх и принесите бежевое кружевное и шелковое нефритовое.

Мисс Барнетт выждала, чтобы служащая ушла.

— Нефритовое! Ну, я-а не знаю. Я-а-то думала, всякий видит, нефритовое мне не пойдет, не мой цвет, и все. Я-а, знаете, хотела бы попросить вас постараться получше, раз уж я-а здесь.

— Верно-верно, — поддакнул Роджер. — Уж мы вам за беспокойство приплатим, да.

— Прошу извинить меня, — мягко произнесла миссис Эннисмор-Смит. — На мой взгляд, нефритовый должен быть вам к лицу, но, разуме-

ется, если вы не любите этот цвет... Впрочем, я могла бы порекомендовать вам что-то более подходящее, если бы вы позволили мне взглянуть на себя без шляпы.

— Пжалста-пжалста, — мисс Барнетт сняла шляпку, позволяя полюбоваться своими мягкими светло-каштановыми волосами, и протянула ее миссис Эннисмор-Смит, которая была старше Стеллы лет по меньшей мере на двадцать. — Вот. Положите куда-нибудь.

Брови миссис Эннисмор-Смит слегка приподнялись, но она приняла шляпу и положила ее на боковой столик.

— Если вам не нравится светло-зеленый, у меня есть очень славное платьице темно-синего цвета.

— Ну ла-адно, давайте погляжу.

— Или, может быть, вы предпочитаете бирюзово-синий, что сейчас очень модно? Тогда могу предложить чрезвычайно стильную модель из бирюзового марокена, только что из Парижа.

— Да ну не знаю я-а, что я-а предпочита-аю, — капризно протянула Стелла. — Вы бы уж лучше показали все, что у вас есть. Ну ка-ак я могу сказать, что я-а хочу, пока все не померю, правда?

— Правда, бэби, правда, — кивнул ее покровитель. — Меряй все подряд.

Помощница вернулась с платьями, и три женщины скрылись в кабинке за занавесками. Роджер слышал, как Стелла не переставая брюзжала. Через несколько минут она появилась в бежевых кружевах, бросив через плечо в кабинку:

— Ладно, я-а только покажусь моему другу, но считаю, оно не годится. — И тут же Роджеру, с возмущением: — Жутко жмет под мышками!

— Это не дело, — веско произнес Роджер.

— Уверяю вас, это легко поправить, — из кабинки вышла миссис Эннисмор-Смит.

— Да говорю же вам, не хочу я-а ничего, что надо переделывать!

— Понимаю. Может быть, все-таки примерите нефритовое?

— Нет! Я же сказа-ала, терпеть не могу зеленого!

— Мисс Хэлл! — И миссис Эннисмор-Смит дала дальнейшие указания.

— Да, мадам. Темно-синее, по-моему, здесь внизу.

Появилось темно-синее. Мисс Хэлл исчезла.

— Хочу посмотреть, как это выглядит на манекенщице! — заявила мисс Барнетт. — Я-а полагаю, у вас есть манекенщица?

— Извините, — спокойно сказала миссис Эннисмор-Смит. — У меня только одна помощница.

— Ну-у, не знаю! Я-а привыкла покупать в таких магазинах, где я-а что угодно могу посмотреть на манекенщице.

— Очень сожалею.

— Послушай, детка, это, видно, хозяйство однолошадное, пошли лучше в "Ревилль", — фыркнул Роджер.

— Не торопитесь, пожалуйста, у меня наверняка есть то, что вам нужно. Через минуту вернется моя помощница, а пока примерьте, пожалуйста, эту модель. Очень изысканное платье.

— Ой, да не могу же я-а весь день ждать вашу помощницу! Ну, так и быть, померю его, а вы мне поможете.

На этот раз брови миссис Эннисмор-Смит взлетели вполне выразительно. Роджер понял, что в ее обязанности входит присутствовать при примерке и восхищаться, пока помощница помогает застегивать пуговицы и прочее. Однако она сказала лишь:

— Разумеется. Будьте любезны пройти в кабинку.

Игра продолжалась. Мисс Хэлл приносила платье за платьем, и Стелла мерила их единственно для того, чтоб сообщить, что одно узко в бедрах, другое не идет, третье старомодное, а четвертое — просто уродство. Наконец, платье выбрали, но шляпки к нему не оказалось. Мисс Барнетт грубо прошла по этому поводу, и мисс Хэлл на такси отправилась к поставщику за новой партией товара.

— А теперь я-а хочу гарнитур белья.

— Да. Какой цвет вы предпочитаете?

Сойдясь на цвете, приступили к выбору белья. То, что было под рукой, не подошло, и Стелла велела заведующей принести еще порцию. Когда та ушла, Мисс Барнетт повернулась к Роджеру и пожала плечами:

— Я исчерпала все свои резервы, грублю из последних сил, но она не поддается. Не знаю, что еще можно сделать.

— Постарайтесь, Стелла, у нее должна быть точка кипения!

— Но зачем?!

Роджер помедлил.

— Я хочу посмотреть, какова она в ярости. Это — истинная цель нашего предприятия. Боюсь, вам придется поверить мне на слово, но мне важно выяснить градус ее гнева — жар это или холод. Больше объяснить не могу.

— Ну, если это и впрямь так важно, думаю, есть еще одно средство, но оно оно отвратительно.

— Ну и пусть, сделайте. Какое?

— Ш-ш!

К ним приближалась миссис Эннисмор-Смит с комбинациями, перекинутыми через руку. Выражение вежливого внимания на ее лице несколько поблекло, что было более чем понятно.

Стелла переворошила белье.

— Вот это уже не так плохо.

— Прелестный гарнитур, — автоматически согласилась миссис Эннисмор-Смит. — Желаете примерить?

— Нет, не желаю. Меня уже тошнит от примерки вещей, которые не годятся. Я-а хочу посмотреть, как это будет на манекенщице.

— Но у меня нет манекенщицы.

Стелла нагло взглянула на нее в упор.

— Тогда вам придется примерить их самой. Что до платьев, то ваша фигура на мою не похожа, а для белья сойдет.

Миссис Эннисмор-Смит чуть покраснела и закусила губу.

— Простите, но это... не совсем обычная просьба.

— Вот еще! Если вы не держите манекенщиц, значит, должны сами выполнять их работу. И, пжалста, скорее, я-а уже и так сколько времени потеряла.

Помолчав, миссис Эннисмор-Смит впервые взглянула на Стеллу так, словно хотела швырнуть вещи ей в лицо. Потом она подхватила их и, ни слова не говоря, ушла в глубь магазина.

Заговорщики обменялись взглядами. Самообладание заведующей казалось непробиваемым. Затем Роджер посмотрел на вешалку, где висела его шляпа. Он и так уже многое понял в характере миссис Эннисмор-Смит.

— Будьте любезны пройти сюда. — Заведующая, в халате, стояла у входа в кабинку.

Стелла прошла внутрь вместе с ней.

Роджер прислушался. Стелла сравнивала фигуру миссис Эннисмор-Смит со своей собственной явно не в пользу первой.

— Но вам это подойдет больше, чем мне, — терпеливо увещевала ее заведующая. — Посмотрите, я по меньшей мере на дюйм выше вас.

— Ладно, давайте послушаем, что скажет мой друг, — заявила Стелла. — В конце концов, денежки-то его.

— Прошу вас, — смятенно проговорила миссис Эннисмор-Смит, — я бы предпочла, чтобы вы этого не делали. Я продемонстрировала для вас гарнитур в виде особого одолжения, но...

— Чепуха! — оборвала ее Стелла. — Поди-ка сюда, Ганниба-ал, я хочу знать твое мнение.

— Иду-иду, — отозвался Роджер, не двинувшись с места.

— Погляди, как тебе — нравится? Сама-то я не в восторге, да...

— Всего доброго, — спокойно произнесла миссис Эннисмор-Смит, появляясь в халате.

— А? — Стелла вышла за ней из кабинки.

— Я сказала, всего вам доброго. Сожалею, но у меня нет для вас ничего подходящего.

— Да как же... Я-а же беру у нее это платье, я-а же его выбрала, и...

— Прошу меня извинить. Я забыла, что это платье отложено для другой клиентки. Всего доброго.

— Ну, если вы так... — Стелла высокомерно вскинула подбородок.

— Именно так, — не теряя приветливости, откликнулась миссис Эннисмор-Смит.

И они покинули магазин.

— Я чувствую себя последним негодяем Лондона, — глубоко вздохнул Роджер. — Зато выяснил, что хотел. Господи, да уже пятый час. Пошли выпьем чаю.

— Чай — это то, что нужно, — благодарно сказала Стелла. — И я чувствую себя распоследней негодяйкой Англии. Но как она на меня посмотрела под конец... Если бы взгляд убивал...

Роджер глянул на нее, прищурясь.

— Вам не понравилась ваша роль? — полюбопытствовал он. Они шли по направлению к Пикадилли-серкус.

— Ужасно.

— Вот как? А мне показалось, вы прямо-таки наслаждались ею. — Померещилось ему или Стелла и вправду с удовольствием дразнила бедную женщину?

— Уверю вас, ничего подобного. Омерзительная была затея.

— В таком случае позвольте выразить восхищение вашим актерским мастерством.

— А, пустяки, — равнодушно обронила Стелла.

— Теперь вы, безусловно, заработали вещи, перечисленные в условиях нашего договора. Признайтесь, вам действительно понравилось то платье, которое вы выбрали?

— Пожалуй, да. А что?

— А то, что как только мы выпьем чаю, я вернусь в магазин, куплю платье, шляпку, белье, чулки и постараюсь уговорить миссис Эннисмор-Смит позволить мне заплатить за каждый предмет вдвойне. Видите ли, все это было так постыдно еще и потому, что она наверняка получает комиссионные с каждой проданной вещи. Вот откуда ее нечеловеческое терпение: она еле сводит концы с концами.

— Ну, это меньшее, что вы можете сделать. А я займусь покупкой туфель и перчаток.

— Ах, Стелла! — воскликнул Роджер. — Я в восторге, что могу купить вам перчатки и туфли.

— Впрочем, не знаю, как на это посмотрит мой молодой человек, — спокойно сказала Стелла. — Вероятно, он тоже не знает.

— Какой молодой человек?

— Мой жених.

— Как... я не знал, что у вас есть жених, Стелла.

— У меня не было повода сообщить вам об этом.

Роджер подумал, что провел на редкость познавательный день.

Узнав, среди прочего, что миссис Эннисмор-Смит — пока единственная из жильцов "Монмут-мэншинз", почти наверняка способна на убийство.

Глава 10

"Могла. Она вполне могла это сделать, — думал Роджер, снова покидая магазин на Шафтсбюри-авеню. — Убежден, что могла, но надеюсь, что не сделала, потому что она мне нравится. Он не смог бы иметь за душой такое, не выдав себя. Она — смогла бы. Значит, вопрос надо ставить так: могла ли она проделать все таким образом, чтобы он не успел ничего понять? Пока спал, к примеру. Рискованно, мягко говоря. Кроме того, он утверждает, что она была в постели, когда наверху происходил этот разгром. И если он говорит правду, значит, у нее алиби. Но прочное ли это алиби?" Тут Роджер очнулся, обнаружив, что бормочет себе под нос, стоя посреди тротуара, а под мышками у него две большие картонки.

Он купил то платье, которое они выбрали, и еще одно, бархатное, цвета ночного неба, купил два гарнитура белья вместо одного; почти не глядя, накупил чулок, шарфов, сумочек и множество других аксессуаров. Хорошо еще, что сейчас зарабатывал больше, чем мог прожить.

Роджер подозвал такси, уложил в него картонки, дал шоферу свой адрес и велел передать картонки портье, пусть тот отнесет их наверх, в его квартиру. Щедро расплатившись, зашагал по направлению к Кембридж-

серкус. Он не думал, куда несут его ноги. Энергичная ходьба помогала думать, а ему просто необходимо было поразмышлять о миссис Эннисмор-Смит. Она привела его в глубокое волнение.

Быстро и бесцельно он покрыл довольно значительное расстояние, но вдохновение не снизошло на него. Дело не пошло дальше мысли о том, что алиби миссис Эннисмор-Смит может рухнуть, и ему было грустно от этого. Гораздо охотней он распростился бы с алиби мистера Беррингтон-Брейбука, но оно казалось прочней железа.

Он рассеянно взглянул на название улицы и понял вдруг, что находится в нескольких минутах ходьбы от "Монмут-мэншнз".

"Миссис Беррингтон-Брейбрук! — подумал он. — Вот у нее-то, насколько я знаю, нет никакого алиби. А потом еще эта Деламер. Какой смысл рассуждать о миссис Эннисмор-Смит, если я даже еще не видел других. Ничего себе дельце! Столько подозреваемых, и все под вопросом, даже миссис Эннисмор-Смит".

Дверь открыла служанка, которая в ответ на просьбу повидать миссис Беррингтон-Брейбрук впустила Роджера в прихожую, а сама отправилась звать хозяйку. Назвать свое имя Роджер отказался, сказав лишь, что у него к миссис Беррингтон-Брейбрук важное дело.

Вышеупомянутая миссис, видимо, ничего не имела против его визита, ибо Роджера провели в обычную для "Монмут-мэншнз" гостиную, которая казалась даже меньше других, поскольку была забита мебелью. Роджер осторожно пробрался между двумя столиками и, обогнув круглый пуфик, подошел к молодой женщине, поднявшейся при его приближении.

Это была дама приятной наружности, если про корову можно сказать, что у нее приятная наружность: большие покорные глаза, широкий белый лоб, пухлые щеки, выражение безличной приветливости и вялая улыбка над слабым, хоть и хорошеньким, подбородком.

— Прошу извинить меня, миссис Беррингтон-Брейбрук, мне страшно необходим адрес человека, который жил в этой квартире четырнадцать лет назад, его фамилия Смит. Так вот, не могли бы вы как-то помочь мне выйти на след этого Смита и просветить насчет места его нынешнего обитания?

— Ах, нет, — огорчилась миссис Беррингтон-Брейбрук. — Кажется, я никогда о нем не слыхала. Но послушайте, вы, видно, американец?

— В точку попали, — подтвердил Роджер.

— Из Бостона, я полагаю? Ну разве не интересно! Не могу передать вам, как я рада услышать в этом доме настоящую американскую речь, да и поговорить спокойно, вместо того чтобы вечно притворяться, что говоришь, как эти англичане. Послушайте, вы должны остаться и выпить со мной чашку чаю, мистер... да послушайте, вы, кажется, не назвались...

— Джоунс. Очень сожалею, мэм. Остаться не могу. Я выслеживаю этого Смита и должен добраться до него раньше, чем он смеется. Буду рад как-нибудь в другой раз забежать к вам на чаек. — Роджер торопливо ретировался, подозревая, что под занавес сбился с бостонского выговора на чикагский. Это подозрение подтверждалось озадаченным выражением коровьих глаз миссис Беррингтон-Брейбрук.

"Чувство юмора — ноль, — продолжил он свой анализ на лестнице, — доверчивость — сто процентов; заокеанское происхождение подтверждено; предполагаемый опыт работы в музыкальном ревю — высокая степень вероятности; интересы — никаких; увлечения — никаких; ума — ни малейшего. Так-так-так. Теперь к мисс Деламер. Тут, пожалуй, надо действовать более тонко. Итак, поехали: я — сама утонченность".

Представление мистера Шерингэма об утонченности выразилось в том, что когда мисс Деламер собственноручно открыла ему дверь, из уст его прозвучало следующее:

— Мисс Эвадина Деламер? Здравствуйте! Меня зовут Уинтерботтам. Дик говорил мне, что если я когда-нибудь окажусь в этих краях, то должен зайти к вам и передать от него привет.

Как ни странно, это сработало.

— Правда? — приятно удивилась мисс Деламер. — Как это мило. Входите.

И Роджер вошел.

— Боюсь только, у меня беспорядок в гостиной, — жеманно бросила мисс Деламер через хрупкое плечико.

— Обожаю беспорядок, — успокоил ее Роджер.

На самом деле гостиная оказалась необыкновенно опрятной. Можно было заметить лишь один признак беспорядка: на кушетке лежало шитье мисс Деламер, представлявшее собой, на взгляд Роджера, предмет интимного характера. С охами и ахами мисс Деламер кинулась к кушетке, смущенно запахала нежную ткань под подушку и испортила весь эффект, сообщив:

— Я все, решительно все шью себе сама.

— Неужели? — от всего сердца удивился Роджер. — Поразительно. Я, например, этого никогда не делаю.

— Ах, ну вы же мужчина, — потупилась мисс Деламер.

— У меня на этот счет сведения самые достоверные, — осторожно заметил Роджер.

Мисс Деламер на мгновение смешалась, а потом вновь обрушила поток восклицаний.

— Ах, да садитесь же, мистер Уинтерботтом. Я так бестолкова! Вечно все забываю. Сама уселась, а вам не предложила. Конечно, многие сейчас садятся без всякого приглашения, правда? Но я вижу, вы не так воспитаны. Я виновата! Господи, как интересно, что вы знаете Дика. Я не видела с ним целый век. Как он?

— О, все так же, — отозвался Роджер, придвигая стул.

— Ах, на этот не садитесь. Боюсь, эти стулья ужасно хлипкие. Вот сюда, здесь еще много места, — и она похлопала ладошкой по кушетке подле себя.

— Благодарю вас, — послушался Роджер. — Но помилуйте, вы ведь, кажется, шили? Прошу вас, продолжайте.

— Ах, как я могу в вашем присутствии, — проворковала мисс Деламер, косясь на него уголком глаза.

— А почему нет?

— Мы же, в общем, незнакомы, правда? И к тому ж, вы мужчина!

— А что, какая-нибудь цыганка предостерегала вас от незнакомых мужчин?

После недолгой шутилки перепалки она опять взялась за шитье и теперь, когда условности были соблюдены, уже не смущалась.

Но искоса они с Роджером внимательно изучали друг друга.

Роджер видел перед собой создание необыкновенно миниатюрное, пожалуй, самую крошечную из женщин, с какими его сводила судьба. Рост ее не превышал пяти футов, при этом она была прекрасно сложена и вполне пропорциональна; фигура, эффектно подчеркнутая черным бархатыным платьем, просто роскошна. Она обладала хорошеньким личиком, несколько подпорченным, впрочем, носом, величина которого лишала лицо совершенства, отличавшего фигуру. Глаза огромные, карие, бархатистые; волосы — иссиня-черные; хуже всего дело обстояло с цветом лица, желтовато-бледным. Говорила она с легким акцентом кокни, и по морщинам у глаз и на шее Роджер дал ей года тридцать четыре, хотя она выглядела моложе.

— Надеюсь, вы не сочтете за дерзость, — сказал Роджер, который прекрасно знал, что ничто не может угодить маленькой леди больше, чем обсуждение ее внешности, до тех пор, разумеется, пока оно ограничивается комплиментами, — если я скажу, что ни у кого не видел таких маленьких ножек?

— Смею думать, что это так, — не без самодовольства произнесла мисс Деламер. — У меня второй размер туфель, и, насколько я знаю, в Лондоне я такая одна. Приходится заказывать обувь в Париже.

— Охотно верю. А позвольте узнать, какого размера у вас перчатки?

— Четвертого.

— Поразительно! Вы должны позволить мне прислать вам пару, в знак уважения.

— Вряд ли вы сумеете их отыскать. Редкий магазин в Лондоне может предложить перчатки такого размера.

— А где же покупаете их вы?

— У Росситера, на Бонд-стрит.

Из чего Роджер заключил, что мисс Деламер не прочь принять подношения от незнакомых мужчин.

— Но, конечно, я же австралийка, — сказала она так, будто это все объясняло. — Наверное, Дик говорил вам.

— Нет, не припоминаю. Как интересно. — Значит, вот откуда легкая гнусавость выговора! Австралийцы имеют несчастье произносить слова на манер самых непритязательных лондонцев. — И давно вы оттуда?

— О, очень, очень давно. Мне тогда было пятнадцать. Я, знаете ли, выступала на сцене.

— Что вы говорите? А сейчас?

— О, нет. Я оставила ее вскоре после... в общем, давно.

— И чем же вы сейчас занимаетесь? — осведомился Роджер и сразу спохватился, не бестактен ли его вопрос.

Но вопрос, судя по всему, был вполне уместен.

— Я пишу, — с достоинством произнесла мисс Деламер.

— Вот как? Пишете? — снисходительно отозвался Роджер.

— Да, но не притворяйтесь, будто вы обо мне слышали, — проговорила мисс Деламер, одарив его лукавым взором. — Я пишу не под своим именем.

Это звучало так, словно ее еще и печатали.

— А под каким же?

— Маделайн Гриффитс, — скромно призналась мисс Деламер.

Роджер уставился на нее в изумлении. Он хорошо знал имя Маделайн Гриффитс, хотя не читал и слова, ею написанного, — просто потому, что не жаловал газетные романы с продолжением, — однако для любого читателя "Дейли флюс", "Дейли треп" и "Дейли бред" имя Маделайн Гриффитс означало не последнее слово в литературе. Она знала, чего ждет ее читатель, и обеспечивала ему желаемое в охлажденном виде и крепости, допускаемой издателем.

У Роджера лихорадочно заработала голова. Перед ним сидела не лукавая маленькая кокетка, каковую мисс Деламер вздумалось из себя строить в расчете очаровать его, а женщина умная и пронизательная. Как это скажется на его планах? Вернее, как это можно использовать?

Решение заняло не больше пятнадцати секунд. Стелла Барнетт, со всеми ее актерскими талантами, в помощницы ему не годилась. Она сама заявила, что не желает помогать ему в расследовании, что ей это неинтересно; ее участия в сегодняшнем спектакле он добился невинной хитростью — что за этим кроется, она не знала. И если Стелла имела в это здание доступ, то мисс Деламер была здесь своя. Кстати, следовало очистить доброе имя Эвадины Деламер от всяких подозрений в убийстве: во-первых, будучи Маделайн Гриффитс, она зарабатывает не меньше двух тысяч в год и, следовательно, материально обеспечена, а во-вторых, она так мала, что и терьера не осилит.

— Ну, — вымолвил наконец Роджер, — это потрясающе. Придется представиться заново. Меня зовут Роджер Шерингэм. Выходит, мы птицы одного полета, и, если вы сохраните мое инкогнито, я сберегу ваше.

— Роджер Шерингэм! Честное слово? Подумать только! Да, я ведь и подумала, когда вы только вошли, что где-то вас уже видела. Но разве вы не сказали, что ваше имя — Уинтерботтом?

— Сказал, но, видите ли, по ошибке. По крайней мере у меня столько же прав называться Уинтерботтом, как у вас — Гриффитс. Если хотите, давайте сойдемся на том, что это моя девичья фамилия. В общем, каюсь. Я добился разрешения войти в этот дом на решительно несправедных основаниях.

— Значит, вы не знаете Дика Майерса? Я-то думала, это вы о нем говорите...

— Ни о нем, ни о каком другом Дике. Дело в том, что я пришел к вам — так же, как прихожу ко всем жильцам этого дома, — чтобы поговорить об убийстве.

— Об убийстве! Понятно... А я-то надеялась, что вы пришли поговорить о бедной маленькой Эвадине. Какой ужасный удар. Значит, вы хотите использовать наше убийство в своей новой книге?

— Я об этом подумываю. Покойница, кажется, была особа весьма своеобразная, и дни свои закончила довольно странно. Да и другие оби-

татели дома показались мне достойными внимания. Но мне и в голову не приходило, что и вы здесь живете, и я смиренно уступаю вам право первенства.

— О, я не смогу им воспользоваться. Убийства — не моя тема. Моя тема — прекрасные женщины, сильные мужчины и побольше рыданий, — честно предупредила мисс Деламер.

— Вот и прекрасно. Тогда расскажите мне все, что знаете, — попросил Роджер, усаживаясь поудобней. Он отметил, что с тех пор, как раскрыл карты, мисс Деламер стала на девять десятых менее игривой, кокетливой и жеманной. Но одна десятая все-таки осталась. Видно, так давно носит эту маску, что та приросла к ней.

Оказалось, она едва знала мисс Барнетт в лицо, и об обстоятельствах убийства Роджер ничего нового не выяснил. Рассказ ее представлял собой отчет о том, как это убийство повлияло на самое мисс Деламер. Похоже, в устной речи ей не давалось то, что так ловко удавалось в писаниях, — держать дистанцию между собой и героями повествования. Роджер слегка разочаровался.

Однако, уяснив себе, что сильная сторона хозяйки — характеры, он быстро перевел разговор на миссис Эннисмор-Смит, чтобы узнать мнение о ней мисс Деламер, разумеется, даже не намекнув на свои подозрения.

— Ну, она, знаете, не моего плана, — откровенно призналась мисс Деламер. — По правде сказать, я ее почти не знаю. Его — да, и если б я даже познакомилась с ней получше, думаю, он был бы мне все-таки симпатичней. Одно время он мне даже нравился, и очень, но ему следует благодарить providение, что он женился на такой, как она, а не на такой, как я.

— Да, — задумчиво произнес Роджер. — Это очень хорошо о ней говорит. И о нем тоже.

Воцарилось молчание.

Роджер поскреб подбородок. Столько трудов, а решение ничуть не приблизилось, и если убийца — миссис Эннисмор-Смит (чему он, слушаясь своего сердца, верить не хотел), в пользу такого решения он может предложить только баланс возможностей — а что для присяжных такой баланс?

— А с Беррингтон-Брейбуками вы знакомы, мисс Деламер? — внезапно спросил он.

По губам мисс Деламер пробежала игривая улыбка.

— Почему вы уверены, что оценки мои справедливы? И почему они вас интересуют?

— О, похоже, он человек не без способностей, — беззаботно отмахнулся Роджер. — Кроме вас, он единственный в этом доме, кто добился успеха в жизни.

Мисс Деламер покивала.

— Это так и есть. Я с ним знакома. Чуть-чуть. То есть, если быть честной, я довольно хорошо его знаю. Он здесь единственный, кому известно, чем я занимаюсь. Иногда он поднимается ко мне вечером пропустить рюмочку и поболтать, когда жена донимает его больше обычного. Ой! — Крошечная рюмка взлетела к губам. — Вероятно, мне не следовало так говорить.

— Отчего же? — легкомысленно произнес Роджер, думая, что миниатюрность, как правило, подразумевает беспомощность, но в случае с мисс Деламер это было отнюдь не так; в ее крошечной фигурке чувствовалась сила: не восковая куколка, а игрушка с механическим заводом. — Отчего же? Я имел честь познакомиться с леди. Умом она не блещет — никакого сомнения.

— Дело не в этом! — вскипела мисс Деламер. — Это мука для него — быть привязанным к такому безмозглому киселю. Джон — то есть мистер Беррингтон-Брейбрук — человек одаренный. С хорошей женой он добился бы многого. — Сомневаться в том, кто, по мнению мисс Деламер, годился в жены мистеру Беррингтон-Брейбруку, не приходилось. — Да, если мистер Эннисмор-Смит женился удачно, то мистер Беррингтон-Брейбрук — нет.

Роджер чуть не сказал, что, по крайней мере, обе леди снабдили своих мужей своими фамилиями, но сомнение в справедливости этого замечания относительно Беррингтонов остановило его.

— Кого только не встретишь в доходном доме, — вяло произнес он, просто чтобы что-то сказать, весь в раздумьях о том, проливают ли свежеполученные сведения какой-нибудь свет на события в "Монмут-мэншнз". Ни в коей мере. Свет прольют только прямые свидетели. Необходимо надежное, солидное доказательство, доказательство, которое не стыдно предъявить суду, — и оно-то никак не идет в руки.

Мисс Деламер, между тем, стежок за стежком, молчаливо вшивала свою ненависть к негодной жене в деталь negligé.

— Так вы говорите, что ничего не слышали в ночь убийства? — спросил Роджер. Как хорошо, что профессия литератора позволяет ему задавать любые вопросы, не утруждаясь извинениями за свой интерес к тривиальному, по всей видимости, преступлению.

— Ни звука. Во-первых, я рано легла спать. Как правило, я работаю ночью — вероятно, и вы тоже, но в прошлый вторник я что-то устала и легла даже раньше обычного.

— Даже грохота, который разбудил Эннисмор-Смитов?

— Нет, ничего.

"Странно, что только Эннисмор-Смиты слышали этот шум, — подумал Роджер, — ни миссис Палтус, ни мисс Деламер, хотя обе вполне могли бы. Значит ли что-нибудь тот факт, что лишь Эннисмор-Смиты утверждают, что шум был? Но ведь они никак не могли быть единственными, кто его слышал. Ну, можно бесшумно перевернуть мебель, но фарфор-то об пол тихонько не расколотишь! Уж звон-то разбиваемой посуды нельзя не услышать!"

Погоди, сказал себе Роджер и переменял позу. Ему пришла в голову свежая мысль. Помимо грохота, в показаниях Эннисмор-Смитов есть еще кое-что, на чем, собственно, держится все дело, ибо время, когда они слышали шум, без возражений признано, как время убийства. Интересно, однако. Именно миссис Эннисмор-Смит, и только ей, мы обязаны точным временем: 1.20 пополуночи. Муж спросил ее, который час, и она сказала: час двадцать. Если б он не спросил, сообщила бы она об этом? И как проверить точность этого показания? Никак.

Далее — еще один момент. Миссис Эннисмор-Смит разбудила мужа, чтобы он тоже прислушался к шуму над головой. И заявила, что слышала этот шум задолго до того, как его разбудила. Но Огастэс Уэллер ничего похожего не слышал. Разве не любопытно? Очень любопытно, особенно если копаешь под миссис Эннисмор-Смит.

Могла ли миссис Эннисмор-Смит организовать дело так, чтобы грохот послышался именно в это время, обеспечив себе, таким образом, алиби — ибо она, несомненно, могла рассчитывать, что миссис Палтус и мисс Деламер тоже его услышат, — а само убийство произошло раньше?..

Нет никакого сомнения, что неглупая и решительная женщина вполне могла это подстроить. Можно установить предметы таким образом, что они начнут валиться один на другой. Например, с помощью часов. Ставишь будильник так, что движение стрелки разорвет вытянутый в тонкую нить клочок ваты с маленьким грузиком на конце; грузик, падая, потревожит более тяжелый предмет, установленный на грани падения — и так далее, пока не посыпется на пол фарфор и не повалится легкая мебель. Это очень даже осуществимо. И, бесспорно, ничего не стоит обосновать возможность существования дубликата ключей к квартирной двери, и тогда будильник, вата, гирька, что угодно — все эти простейшие приспособления могли быть убраны часом позже, когда муж опять заснул сном праведника.

И, черт возьми, она способна на это. В час злой нужды — психологически — способна. Хотя очень жаль. Но холодный гнев, в который она впадала в магазине, говорит о многом. А терпение! Вместо гнева подставь отчаяние как движущую силу, и с этим ее мрачным терпением... Все зависит от того, насколько тяжело им сейчас приходится, насколько нужна наличность. Как бы это узнать?

— Плетете интригу? — осведомилась мисс Деламер с симпатией собрата-художника.

— Расплетаю, — мрачно ответил Роджер.

— Выпьте что-нибудь? — не стала вникать в подробности хозяйка.

— На редкость здравая идея, — одобрил гость.

Мисс Деламер перепорхнула к буфету, достала множество бутылок и с небрежным умением принялась взбивать коктейль.

Роджер попробовал, и смотри-ка, оказалось вкусно. Он выпил и другой. Забыв об убийстве, они завели легчайший из легких разговоров, но Роджер, не теряя шутливого тона, продолжал размышлять: "Если я сейчас уйду, она, скорее всего, не расскажет всего, что мне нужно; есть у меня такое чувство, что это связано с внутренним запретом, а двух коктейлей недостаточно, чтобы ослабить моральные узы маленькой леди — в особенности же если дело в том, чтобы выдать себя самое (не думаю, чтобы она была слишком щепетильна по отношению к другим). Если же я не уйду, это наверняка вызовет ожидания, и за информацию мне придется платить любовью... Как бы выискать момент, когда одна стадия отношений кончается, а вторая еще не началась? Делать нечего, придется ждать. Держу пари на пятую минуту после третьего коктейля".

На пятой минуте после третьего коктейля Роджер рискнул:

— Так вы говорите, что хорошо знаете Эннисмор-Смитов?

— Довольно-таки.

Мисс Деламер, кажется, ничего не подозревала, и Роджер двинулся дальше:

— Я встречался с ним раза два, не больше, и он мне чрезвычайно понравился. Конечно, человек он не деловой, и удача, похоже, его не балует, но личность в высшей степени славная.

— Именно, именно так, — согласилась мисс Деламер, как птичка, пристроившись на ручке кресла. — Конечно, его нельзя принимать всерьез, в отличие от мистера Беррингтон-Брейбука. Но он и вправду так мил и беспомощен, что ты просто ни в чем не можешь ему отказать. Женщины питают слабость к таким, как он; вы, наверно, уже с этим сталкивались.

— Сталкивался, — мрачно кивнул Роджер.

— И, знаете, это удивительно, если вдуматься, — размышляла вслух мисс Деламер, забыв про всякую осторожность. — Ведь на самом деле Джон нравится мне куда больше Лайонела — оба они время от времени забегают ко мне на огонек, и при этом Лайонел добывается от меня всего с легкостью необыкновенной, а Джон может, то есть мог, просить и просить, а я ему все-таки отказывала. Думаю, это потому, что к Лайонелу невозможно относиться как к взрослому человеку. И все-таки он мне полезен. Впрочем, и Джон тоже. Я использовала их обоих раз по десять, под разными именами. Это самое лучшее в моей работе: перемены имя, и получишь совсем нового героя, никаких забот о характере и тому подобном.

— Очень точно замечено. Да, Эннисмор-Смит именно тот человек, который с удивительной легкостью добывается своего. Например, денег.

— О, неужели Лайонел занимал и у вас? — вскричала мисс Деламер, подобно мамаше, которая негодует на проступок отпрыска, но не может не чувствовать своей за него ответственности. — Ах, это ужасно! Вы же едва знакомы!

— Ничего-ничего, — торопливо проговорил Роджер, сознавая, что дело "Монмут-мэншнз" превращает его в матерого вралю, и чем дальше, тем больше. — Абсолютно ничего страшного. Это произошло как-то само собой. У вас он, конечно, занимал тоже?

— О да, у меня-то — конечно. Он знает, что у меня денег много, хотя и не догадывается, откуда они берутся. Но мне бы так хотелось, чтобы он не занимал у Джона! Джон слишком серьезно относится к таким вещам. Ума не приложу, что стряслось с Лайонелом. В прошлом году в это же время он не хотел брать даже у меня, хотя я несколько раз ему предлагала, а совсем недавно набрался храбрости и попросил десять фунтов у Джона. Он сказал мне потом, что это — самый смелый поступок в его жизни. Джон, конечно, дал, хотя ему это неприятно, а я ужасно рассердилась на Лайонела, потому что охотно дала бы ему сама. Видите ли, я боюсь, что Джон думает, будто бедный, славный Лайонел вернет ему долг.

— Значит ли это, что бедный, славный Лайонел вам свои долги не возвращает?

— О, когда-нибудь он это сделает, — живо отозвалась мисс Деламер. — Когда у него появятся деньги.

Минуту спустя Роджер с выражениями признательности откланялся.

Он получил двойной ответ на двусмысленный вопрос. Он узнал, что Эннисмор-Смиты не просто в тяжелом финансовом положении. Они в отчаянно тяжелом финансовом положении.

Глава 11

В конце концов, Роджер, узнав, что Эвадина Деламер и Маделайн Гриффите — одно лицо, устоял перед искушением посвятить ее во все подробности предпринятого им неофициального расследования. Теперь он был рад этому. Женщина проницательная и умная, мисс Деламер обладала воображением; ее поддержка, ее способность схватить суть событий, возможно, пригодились бы ему больше, чем помощь мисс Стеллы Барнетт, согласись та ее оказать. Но Эвадина Деламер была слишком связана с теми, кого Роджер держал под подозрением. Когда он намеревался расказать ей о своих версиях, он понятия не имел, сколь близка она с Эннисмор-Смитом. Теперь он это знал и был уверен, что мисс Деламер беспристрастным помощником быть не может.

"Между прочим, любопытно, — подумал Роджер, — что известно миссис Эннисмор-Смит о дружеской привязанности ее мужа к соседке этажом ниже. Или все, или ничего. Многое тут, конечно, зависит от того, разделяет ли миссис Эннисмор-Смит мнение мисс Деламер о том, что признать Лайонела всерьез невозможно. Но когда этот Лайонел — твой муж, тут некоторая разница, бесспорно, имеется".

В тот вечер, сидя у камина, Роджер разрабатывал новую линию поведения. Он будет использовать индуктивный метод, исходя из предположения, что убийца — миссис Эннисмор-Смит. Не то чтобы он был так уж в этой посылке уверен, просто надеялся, что такой путь приведет его хоть к какому-то результатам, которые, даже если посылка не подтвердится, смогут оказаться полезны.

Одна любопытная вероятность уже проступает. Это допущение, — и оно подрывает все предшествующие выводы, — что, может быть, на самом деле мисс Барнетт приняла смерть совсем не в час двадцать пополудни. Это надо обдумать немедленно.

Роджер скрестил ноги, глядя в огонь. Когда Эннисмор-Смиты легли в тот вечер спать? Что делали перед этим? Провели ли они вечер вместе? Чем занималась миссис Эннисмор-Смит после работы вплоть до того времени, как уснула?

"Значит, — отметил про себя Роджер, — необходим еще один разговор с Эннисмор-Смитом, и чем скорее, тем лучше. Если он не замешан в убийстве, разговорить его будет совсем несложно".

Впрочем, одну минуту. Когда Роджер пришел к выводу, что Эннисмор-Смит столь же не способен к убийству, сколь способна к убийству его жена, он ведь не знал, что джентльмен испытывает тяжелые материальные затруднения. Меняет ли это что-нибудь? Может ли человек, в обычных условиях к убийству психологически не предрасположенный, переменитьсь в условиях необычных? Причем речь не о внезапном убийстве в состоянии ослепления, когда разум испуганно стихает, а тело подчиняется диким инстинктам. На такое, может быть, Эннисмор-Смит и способен,

гуплением. Чтобы
дворинки, его надо
мыслить и осуще-
это, продуманное
предполагаемого
ыл абсолютно уве-
нала его жизнь, не
утаник для этого,
ерного списка.

вам.

етки, предпола-
привели? Морсби
зартуре, но это не
добровольно дает
автра его следует

Барнетт принад-
е. Миссис Палтус,
етт не была. Чет-
тики, многие ан-
с Барнетт вообще
довало только од-

казался ему этот
взялись, из само-
ечь что-то значи-
мку.

налить себе ста-

...

сток, как улики,
пустил ошибку, и
ь, расшифровать
никает множест-
человек, обнару-
то последний яв-
ольше шансов в
кий или англий-
ена сознательно,
и его считали ка-
кенец англикан-
рос: зачем убий-
ия считала его

в: почему четки

Напрасно он не
ся, католичка, мс
бы даже опознать
венные, а убийца
Но на этот вопрос

Роджер перекл

Этот бегун, че
талью головолом
мэншнз", единстве
ления. И хотя по
бегуне не думать,
вить, повалить на

Главное назна
больше! Доказан
браться из "Монм
мут-мэншнз" той
вательно, подру
Единственное, чт
его задача, это ус
стену в проулок

"Монмут-мэншнз"
кой толковый, к
что бегун в нем н

"Разумеется,
ключением разве

Он допил пив
этот вечер он про
ния, и с присуще

Итак, на данн
1.20 пополуночи
лей, бегство со д
чтобы пройти в
тогда...

Роджер встре
ред, что шофер в
приехал именно
могла знать, во с

— Черт побе
ния. — Именно

Чем больше
лась. Итак, роль
влечь к себе вни
ма перебудить,
трогался с места
и за которым сл
тем представле

Теперь вопро
осуществить шу

В этот вечер Роджер был особенно в форме. Всего десяти минут хватило ему, чтобы разгадать эту загадку, и к тому же ответ, по его убеждению, не имел вариантов.

Глава 12

Мисс Барнетт сняла с машинки чехол и заняла свое рабочее место. Если она и почувствовала хоть какое-нибудь замешательство, обнаружив, что хозяин, в пижаме и халате, уже ждет ее в кабинете, то, конечно, ничем этого не выдала.

— Сядьте за стол, — попросил Роджер.

Мисс Барнетт села за стол.

— Надеюсь, вы извините мне халат?

— Разумеется, если вам так удобней.

— Удобней. Готовы? Это для досье по делу "Монмут-мэншнз". Я вам продиктую, произвольно, кое-какие замечания. Вы их потом изложите по порядку, перепечатаете под копирку, каждый пункт на отдельном листке, и первый экземпляр подошьете в досье. И как можно быстрее. Понятно?

— Вполне.

И Роджер быстро надиктовал ей результаты своих вчерашних раздумий, снабдив каждый пункт собранными им свидетельствами. То, чему свидетельств не имелось, он смело подкрепил своими умозаключениями. Всего выводов было три, каждый под своим заголовком: (1) "Убийство было совершено не в 1.20 пополуночи, а раньше"; (2) "Шум, отмеченный в 1.20 пополуночи, был произведен не убийцей, а его подручным"; (3) "Человек, которого шофер и другие свидетели видели перелезающим через стену заднего двора и бегущим по улицам примерно в 1.20 пополуночи, был не убийца, а его подручный". Роджер никак не упомянул о своих подозрениях в адрес миссис Эннисмор-Смит. Страницы, озаглавленные "Эвадина Деламер" и "Миссис Беррингтон-Брейбрук", также остались чистыми. Отныне, решил Роджер, он будет избегать конкретных имен в своих заметках: имена лучше держать в голове. В конце концов, есть такая вещь, как закон о привлечении к ответственности за клевету.

Закончив диктовку, он поглядел на мисс Барнетт, ничего от нее, впрочем, не ожидая.

На этот раз, однако, последовал комментарий:

— Можно задать вам вопрос, мистер Шерингэм?

— Можно, Стелла.

— Поймите меня правильно, ни в малейшей степени не хочу мешать вашим забавам, но собираетесь ли вы развивать и дальше эти идеи, которые только что продиктовали?

— Собираюсь, — жизнерадостно откликнулся Роджер.

— Но, надеюсь, вы оставите их при себе?

— Отнюдь. Я отправлюсь сейчас в Скотланд-Ярд.

Мисс Барнетт поглядела на него очень серьезно.

— В таком случае, будучи вашей доверенной секретаршей, я считаю своим долгом просить вас подумать, разумно ли это.

— Что вы имеете в виду?

— Мне бы не хотелось, чтобы вы стали посмешищем всего полицейского управления.

— Какая трогательная забота, Стелла.

— Ничего подобного. Я боюсь, что вина за это падет на меня, — спокойно отозвалась мисс Барнетт. — Люди скажут, что когда вы теряете ощущение реальности, моя обязанность — привести вас в чувство.

— Ах, люди скажут! Значит, вы не согласны с моими идеями?

— Я нахожу, что они противоречат всякому здравому смыслу, и считаю своим долгом сказать вам об этом. Да вы же сами говорили вчера, что полиция арестовала убийцу, и нет никаких сомнений, что без веских оснований этого бы не произошло. Впрочем, в утренних газетах я таких сообщений не видела.

— Не арестовала, — поправил Роджер, стараясь поскорей миновать это скользкое место. — Нет, я не сказал, что арестовала. У них какие-то процедурные трудности, насколько я понял. Но они держат его под наблюдением, и это главное. Они знают, где он находится, и в любой момент могут схватить его. Пари, как вы помните, заключалось в том, находился ли он тем вечером в окрестностях "Монмут-мэншнз". Полиция не может арестовать человека только на таком основании. Ни один магистрат не даст ордера на арест.

Мисс Барнетт поглядела на него недоверчиво, но, к удовольствию Роджера, от развития темы воздержалась.

— Как бы там ни было, дело не в этом. Правда, мистер Шерингэм, серьезно советую вам оставить это дело в покое.

— Но я нашел такое хитроумное решение! — умоляюще произнес Роджер.

— Нетрудно быть хитроумным, пустив здравый смысл побоку!

Под этим сокрушительным ударом Роджер склонил голову.

— И все-таки напечатайте это, пожалуйста, а я потом решу, как поступить. А сейчас мне пора завтракать, — и, вполне довольный собой, вышел из кабинета.

Как ни критично была настроена мисс Барнетт, ее производительность оказалась выше всяких похвал. К тому времени, когда Роджер позавтракал и оделся, его заметки были готовы.

— Очень вам признателен, — сказал он, засовывая второй экземпляр в карман пиджака. — Утром вы мне больше не нужны, Стелла. Я...

— Вы все-таки собираетесь в Скотланд-Ярд?

— Ну, не сразу, — попытался увильнуть Роджер. — Может, и совсем не пойду. Посмотрим. А после обеда мы идем с вами в театр.

— Мистер Шерингэм, я ваша секретарша, а не...

— Собогаволите помолчать, Стелла Барнетт! Крайне невежливо перебивать своего патрона, когда он еще не договорил!

— Извините.

— Я как раз собирался объяснить вам, что ваша служебная деятельность возобновится в час дня, в вестибюле "Критериона". Мы пообедаем, у вас наготове будут блокнот и карандаш, и мы получим дальнейшие образцы интеллектуального кваканья. Затем, по расписанию, мы перемес-

тимся в Сапфический театр, где мною заказаны два кресла. Я хочу получить конспект "Трех грешников". Насколько я понимаю, это лучший фарс со времен "Кокетки". Вы раскроете свой блокнот и застенографируете развитие сюжета, кто вошел, кто вышел и структуру пьесы в целом. Если я когда-нибудь надумаю писать фарс, это мне очень пригодится. Далее. Поскольку я чрезвычайно придирчив к внешнему виду людей, в обществе которых бываю, будьте любезны надеть свое платье цвета полуночи, а также шляпку и прочее, приобретенное мной к данному туалету. Мне необходимо, чтобы в процессе выполнения ваших служебных обязанностей вас часто видели в обществе, и я не в состоянии рисковать своей репутацией, позволяя сопровождать себя молодой особе, которая одевается так шокирующе неизящно, как это свойственно вам. Не думаю, что мне следует углубляться в эту тему... Итак, извольте рассматривать вещи, которые находятся в этих коробках, как униформу для появления со мной на публике. Это, пожалуй, все. Жду вас в час дня в вестибюле "Критериона".

"Ибо эта молодая особа, — с удовлетворением сказал себе Роджер, сбегая по лестнице, — нуждается в трепке точно так же, как всякая молодая особа в Лондоне, и теперь самое время кому-то об этом позаботиться. Этот ее жених — наверняка беспозвоночное. Пожалуй, я повидаюсь с ним и наставлю на путь истинный. Иначе черт знает какая семейная жизнь у них получится".

Он взял такси и поехал в Скотланд-Ярд.

— Морсби, — заявил с порога Роджер, — я хочу серьезно поговорить с вами о деле "Монмут-мэншнз".

— В таком случае присядьте, мистер Шерингэм, — добродушно пригласил Морсби. — Вы же знаете, я всегда готов вас выслушать.

— Есть какое-нибудь продвижение?

— Нет, если говорить о продвижении, нет, сэр, — печально покачал головой старший инспектор. — Но мы прорабатываем кое-какие варианты и рассчитываем получить кое-какие результаты.

— Пытаетесь провалить алиби Джима Уоткинса? — резко спросил Роджер.

— Алиби — железное, — горестно посетовал Морсби. — Несмотря на все проверки, его алиби в Льюисе просто скала.

— Понятно.

Роджер не собирался называть имена. Он явился в Скотланд-Ярд единственно для того, чтобы предъявить Морсби те выводы, до которых додумался вчера вечером, независимо от того, верные они или нет. Пусть полиция пользуется ими по своему усмотрению. Если уголовный розыск вздумает втиснуть их в столь лелеемую им версию против Джима Уоткинса и тем самым угробить все, Роджером достигнутое, это дело уголовного розыска. Но ни звука не проронит он о миссис Эннисмор-Смит или о том, кто скрывается за спиной этой горемычной женщины.

— Неужели это все, мистер Шерингэм, что вы хотели узнать?

— Разумеется, нет. — Роджер откинулся на спинку стула и положил ногу на ногу. — Послушайте, Морсби. Я тут думал об этом деле и пришел к заключению, что могу предложить вам кое-что, вдруг пригодится. До-

пускаю, что и вы сами пришли к тем же выводам. Но вот я перед вами, чтобы изложить вам свои.

— Как того требует от вас гражданский долг, сэр, — чопорно произнес Морсби.

— Как требует от меня долг гражданина этой непросвещенной страны, — согласился Роджер, — которая не оставляет человеку права даже на собственные мысли. Но прежде чем я изложу вам свои мысли, Морсби, как велит мне гражданский долг, я хочу подвергнуть их проверке, задав вам один-два вопроса. Вы ответите мне на них?

— В этом деле нет ничего такого, мистер Шерингэм, о чем я не мог бы вам рассказать, — предусмотрительно сказал Морсби.

— Отлично. В таком случае сначала вот что. Был ли привязан к нижнему концу веревки, свисавшей из кухонного окна, кусок бечевки?

— Да, был, — удивился Морсби.

— Ага! — обрадовался Роджер. — Славный такой, небольшой кусочек бечевки с концами не длиннее двух дюймов?

— Именно так.

Роджер с гордостью посмотрел на старшего инспектора.

— Я вычислил эту бечевку посредством дедукции, Морсби.

— Неужели, мистер Шерингэм? Ну-ну.

— Представьте себе. А теперь, могу ли я видеть медицинское заключение о вскрытии тела?

— Да, оно у меня где-то здесь.

Не задавая вопросов, Морсби протянул ему документ и терпеливо ждал, пока Роджер его изучит.

Тот не торопился, время от времени кивая головой, словно находя подтверждение своим мыслям. Наконец он положил бумагу на стол и переменял позу.

— Значит, я прав. А теперь, Морсби, задам вам еще один вопрос, и давайте без экивоков. Рассматривалась ли вами возможность того, что убийство имело место не в час двадцать, а значительно раньше?

На этот раз Морсби позабыл продемонстрировать свою обычную бесконечного терпения улыбку.

— Раньше часа двадцати? — переспросил он, потирая подбородок и не отводя от Роджера глаз. — Имея свидетельство миссис Эннисмор-Смит и всех этих людей, которые видели человека, бегущего прочь от дома? Нет, мистер Шерингэм, без всяких экивоков отвечу: нет, не рассматривалась.

— В таком случае предлагаю вам совершенно новую концепцию убийства.

— Мы горячо приветствуем все, что поможет нам разрушить алиби Малыша, сэр.

— Значит, у вас-таки нет сомнений, что это работа Малыша? — бесцветным голосом справился Роджер.

— Бог с вами, конечно, нет, сэр, — с чувством ответил Морсби. — Не сомневайтесь, это Малыш прибил ее, точно. Беда в том, что никак не прищучить мошенника. — По тону Морсби можно было подумать, что Малыш не более как стянул из буфета банку варенья.

— Тогда слушайте — и не говорите потом, что додумались до этого сами. Не хотите послать за стенографистом? Нет? Ну что ж, придется пове-

речь вам на слово. Итак, нет никаких сомнений в том, что приблизительно в 1.20 Эннисмор-Смиты услышали грохот над головой, а также в том, что примерно в это же время свидетели видели, как некто перелез через стену заднего двора и бросился бежать. Примем эти два факта за данность и пока что отложим на минуту. Сначала я хочу вам показать, что помимо этих двух фактов нет никаких серьезных свидетельств того, что смерть не произошла значительно раньше.

Первое касается состояния тела. Врач утверждает, что по внешним признакам смерть могла наступить в течение двадцати четырех часов, предшествовавших обнаружению тела, так что тут мы можем быть спокойны. Далее, по моему мнению, медицинское свидетельство о состоянии желудка предоставляет нам надежное свидетельство того, что смерть наступила раньше часа полуночи. Тут указывается, что в желудке находились остатки пищи. Между тем в час ночи желудок должен быть пуст.

— Нет, сэр. Она же перед сном выпила чашку чая с булочками. У ее постели стояла грязная чашка, а в кровати были крошки. Мы послали их на анализ, и выяснилось, что это крошки от тех самых булочек с изюмом, остатки которых обнаружены в ее кишечнике.

— Отлично. Значит, все зависит от того, в какое время она пила чай с булочками, верно?

— Ну, не знаю, как мы можем это выяснить.

— Я уже выяснил. По меньшей мере, — поправился Роджер, — эта информация была мне предоставлена. Несколько дней назад я имел беседу с миссис Палтус, и она заметила, между прочим, что мисс Барнетт, подобно многим людям преклонного возраста, была женщиной с устоявшимися привычками и, если не принимала гостей, то всегда ложилась спать ровно в девять часов вечера и всегда брала в кровать чашку чая и булочку с изюмом, "согреть желудок", как выразилась моя собеседница. Это для вас новость, Морсби?

— Да, мистер Шерингэм, — с достоинством признал Морсби, — и весьма любопытная к тому же.

— Ну, я полагаю, грех было бы вас винить, — не пощадил его Роджер. — Время смерти казалось вам столь очевидным, что вы не побеспокоились вникнуть в детали, касающиеся этого пункта. Согласно медицинскому заключению, последняя трапеза мисс Барнетт состоялась за полтора-два часа до смерти. Следовательно, получаем что-то между одиннадцатью и половиной двенадцатого.

— Да. Вполне резонное время, чтобы перекусить.

— Резонное-то резонное, но, как мы видим, неверное. Судите сами. Если она съела эту булочку в девять вечера, ее желудок и тонкая кишка к часу ночи должны быть пусты, с небольшим количеством отходов в толстой кишке. Однако врач утверждает, что и в желудке, и в тонкой кишке имеется кашицеобразное вещество и остатки изюма. Соответственно он определяет, что прием пищи, от которого остались такие последствия, имел место за полтора-два часа до смерти. И поскольку мы знаем, что мисс Барнетт этим вечером была одна и нет причин предполагать, что она изменила своей привычке, мы вправе заключить, на основании состояния тела, что время смерти наступило от 10.30 до 11.00 вечера. Разве не так?

— Вынужден согласиться с вами, сэр. Похоже, что так.

— Ладно, Морсби, не дуйтесь, пожалуйте.

— Нет-нет, мистер Шерингэм, что вы. Я вижу, вы хорошо поработали, — благородно признал Морсби. — Это действительно открывает перед нами новые возможности. Но я хотел бы узнать, как вы объясняете этот шум в 1.20 и того типа, который лез через стену.

Роджер с минуту подумал. Если, как сказал Морсби, полиция все еще убеждена в причастности мистера Джеймса Уоткинса к смерти мисс Барнетт, он, Роджер, никого не собирается разубеждать. Он предложит Морсби реконструкцию событий на этом основании, полностью воздержавшись от упоминания одного важного факта и чуть-чуть выпятив другой. Он имел в виду два основных факта, на которых базировалась его собственная версия против анонимного пока жителя "Монмут-мэншиз": во-первых, посетитель мисс Барнетт был не просто женщиной, но женщиной, хорошо мисс Барнетт знакомой, — иначе она не впустила бы ее в столь поздний час; во вторых, посетитель, который после убийства должен был провести в квартире значительное время, никак не мог выйти из здания после того, как было закрыто парадное, не обратив на себя внимания миссис Бойд либо не взломав дверь, а ни то ни другое места не имело.

— Давайте, дорогой Морсби, в порядке дискуссии забудем про алиби Малыша, которое вам еще предстоит разрушить, и предположим, что именно он является убийцей мисс Барнетт. Вы уже рассказывали мне, что предшествовало преступлению, — как он прошел в дом задолго до наступления ночи, как ждал в чулане, как, по предположению Бича, проник в квартиру, представившись сотрудником Скотланд-Ярда. Давайте также условимся, что он не собирался убивать, но возникли обстоятельства, в результате которых он потерял голову и — убил. Согласны?

— Пока что это совпадает с нашей версией преступления.

— Хорошо. Что же случилось дальше? Как я уже говорил вам, когда был здесь в прошлый раз, он оформил сцену так, словно там была шумная драка, и привязал веревку, чтобы казалось, будто он спустился по ней, когда парадная дверь была еще заперта. Не знаю, согласитесь ли вы с этим?

— В порядке дискуссии — да, — осторожно ответил Морсби. — Но, похоже, вы изменили свое мнение, мистер Шерингэм, не так ли? В прошлый раз, помнится, вы говорили мне, что это был не Малыш, но кто-то, имитирующий его почерк?

— К делу надо подходить объективно, — с достоинством ответил Роджер. — В то время я мог придерживаться такого мнения. Но я же не знал тогда, что убийство произошло гораздо раньше. При появлении свежих свидетельств следует с готовностью менять свои взгляды.

— Точно так я всегда и говорю, — довольно и совершенно неискренне вставил Морсби.

— Кроме того, в данный момент я реконструирую дело, основываясь на вашем представлении о личности убийцы. И могу сказать вам, — прибавил Роджер так же неискренне, — что личность убийцы мне безразлична. Его метод — вот что меня занимает.

— А нас занимает решительно все, связанное с убийством. Однако продолжайте, мистер Шерингэм. Вы оставили преступника в тот момент, когда он инсценирует кавардак и вывешивает из окна веревку. Что дальше?

— Как что? Он спускается по лестнице и выходит через парадную дверь прежде, чем она запирается на ночь.

Что касается бегуна, мы знаем, что это не Малыш, — так утверждает шофер, который разглядел его лучше других. При этом мы все еще считаем, что Малыш и есть убийца. Что ж, мое предположение лежит на поверхности и состоит в том, что человек, которого видел шофер, — не убийца, а его помощник, ассистент или подручный, называйте как хотите. Я предполагаю, что убийца, когда понял, что натворил, сел и хорошенько подумал, в результате чего и появилась перевернутая мебель и прочее. Еще одним результатом стала инсценировка алиби, которое, насколько я понимаю, и беспокоит вас больше всего. Выбравшись с места преступления, он сразу направился к человеку, которому мог доверять, честно во всем признался и попросил помощи. Последняя состояла в том, чтобы отправиться на задний двор "Монмут-мэншиз", дождаться, когда появится шофер, а затем перебраться через стену и изо всех сил пробежать несколько сот ярдов, да так, чтобы привлечь как можно больше внимания.

— Значит, Малыш знал, что есть такой шофер, что он работает этой ночью и непременно вернется в гараж?

— Смею думать, что преступник достаточно умен, чтобы предварительно выяснить обстоятельства хотя бы до такой элементарной степени.

— М-да, — согласился Морсби. — Я полагаю, с этим можно согласиться.

— Но не только в этом заключалась задача подручного, — с жаром произнес Роджер. — Второй частью задания было произвести в спальне мисс Барнетт те шумовые эффекты, что разбудили Эннисмор-Смитов.

— Всего-то? И как же он это проделал, мистер Шерингэм?

— Ну, разумеется, с помощью того кусочка бечевки, — ответил Роджер. — Разве вы не поняли, Морсби? Как же, ведь это единственный способ, которым он мог воспользоваться.

— Конечно, мистер Шерингэм, — от всего сердца согласился Морсби. — Конечно, сэр. Но как именно?

— А вот как. Слушайте внимательно, Морсби, потому что тут я и впрямь поработал неплохо. Убийца вовсе не вывешивал веревку из окна кухни: вот почему ее никто не видел. Что он вывесил, так это тонкую бечевку, которую либо носил с собой, либо нашел на месте, а затем так разложил по квартире веревку, что ее легко было снизу, со двора, потянуть за бечевку, прочно привязанную к ее концу. Расположив веревку кольцами на различных гладких поверхностях, он разложил внутри этих колец всякие стеклянные и фарфоровые предметы, так что, пока веревку вытягивали, она неизбежно должна была стронуть, перевернуть или покатить эти хрупкие вещи прямо над головой у Эннисмор-Смитов, и, кроме того, несколько тяжелых предметов мебели были старательно установлены на грани падения так, как это делается в старом трюке с четырьмя кирпичами, знаете, когда выступающий кирпич держится на прутике, так что мебель попадала и тоже прибавила шуму. Вот, Морсби, что сделал убийца.

— Подумать только! — промолвил старший инспектор Морсби.

Роджер вытащил из кармана свои заметки.

— Вот, просмотрите-ка. Я сейчас дал вам только голые заключения. Тут они чуть подробней, с рассуждениями.

Морсби молча прочитал все странички. Затем, посверкивая на Роджера глазами, он откинулся на спинку стула и запыхтел в моржовые усы.

— Я начинаю поздравлять себя с тем, что взял вас с собой в прошлый вторник, мистер Шерингэм. Если можно, я оставлю себе эти заметки. Мне кажется, шефу будет небезынтересно.

Роджер расплылся от удовольствия. Он знал, что таким способом Морсби дает ему понять, что он и впрямь молодчина.

Приятно было сознавать, что Морсби представления не имеет, какой интересной и куда более важной задачей занят Роджер.

Глава 13

Про четки ничего нового узнать не удалось.

Роджер был разочарован, и Морсби не меньше. Оба сошлись на том, что четки были бы важнейшей уликой, пойми кто-нибудь, какого дьявола они там оказались. Роджер некоторое время порассуждал по этому поводу. Морсби вежливо его выслушал и даже высказался в том смысле, что четки были оставлены случайно. Роджер склонялся к противоположной точке зрения, поскольку находил ее более интригующей. В итоге они ни к чему не пришли, загадку не разгадали и на этом расстались.

Роджер отправился на randevу в "Критерион", а Морсби — на доклад к шефу, и в ходе этого делового совещания, догадывался Роджер, его имя всплывет не единожды. Эта мысль заставила его улыбнуться. Шефом Морсби был суперинтендант по фамилии Грин, крупный полноватый человек, не обладавший, увы, добродушием, которое так украшает крупных полноватых людей. И без того личность не слишком жизнерадостная, больше всего на свете суперинтендант Грин ненавидел, когда дилетанты вмешиваются в дела подведомственного ему департамента.

В целом мистер Шерингэм остался доволен обедом. Стелла, разумеется, явилась минута в минуту и в новом платье цвета полуночи казалась хорошенькой, как никогда. Воистину, подумал Роджер, эта юная леди могла бы быть просто неотразима, обладай она хоть каплей шарма. Тем не менее он с большим удовольствием находился в ее обществе.

В этот раз они не много почерпнули из разговоров за соседним столом. Роджер был слишком поглощен усилиями вытянуть из своей спутницы хоть что-нибудь касательно ее обручения. Однако на эту тему Стелла оказалась еще неразговорчивей, чем обычно. Она решительно отказалась поделиться хоть крохами сведений о своем женихе, историей их знакомства и своими взглядами на семейную жизнь.

Только в одном пункте она снизошла просветить его, да и то не слишком красноречиво.

— Судя по всему, вы обручились недавно, — наугад сказал Роджер. — Я вижу, он еще не успел подарить вам кольцо.

— Я не верю в обручальные кольца, — кратко ответила мисс Барнетт.

Роджер смотрел на нее и мечтал. Чистое сокровище для писателя. Если б только согласилась помочь. Даже живейшего роджерова воображенья не доставало, чтобы представить Стеллу в предсвадебных муках. Почему бы ей не поведать ему, честно и вдумчиво, как она ощущает себя в таком волнующем для всякой девушки состоянии? В конце концов, это ее долг перед великим английским читателем.

Он предложил ей этот довод как последний свой аргумент.

— Вы хотите использовать меня в какой-нибудь своей книге? — спросила она, как всегда, невозмутимо.

— Да, Стелла.

— Для этого вы меня и наняли?

Роджер смутился.

Мисс Барнетт обдумывала это открытие.

— За жалование предоставить писателю свой характер для изучения? Это что-то новое! Однако, на мой взгляд, это вполне справедливо: вы мне платите и используете по своему усмотрению. Нет, такое положение вещей определенно не вызывает у меня протеста. Значит, вы находите, что я представляю для вас интерес, мистер Шерингэм?

— Да. Чрезвычайный.

— Почему?

— Потому что у вас нет ничего общего ни с одной из знакомых мне девушек. Вас это обижает?

— Что я для вас представляю интерес? Ни в коей мере. Естественно, это мне приятно.

— Совсем неестественно, — проворчал Роджер. — У любой другой это было б естественно, но ваши реакции совершенно непредсказуемы.

— Это как раз очень удачно, — безмятежно отозвалась Стелла. — В противном случае, полагаю, я была бы уже уволена. Однако, мистер Шерингэм, вы еще не сказали, не стыдно ли вам находиться в моем обществе сегодня?

— Боюсь, сегодня утром я был излишне прям.

— Отнюдь. Я очень ценю прямоту. И я согласна с вами относительно той шляпки, в которой была вчера. Сегодня, вернувшись домой, я швырнула ее в камин.

— Неужели?

— Ну конечно. После вашей страстной филиппики.

— А я думал, что после этой страстной филиппики вы, как знаменем, будете размахивать ею у меня перед носом каждый день с утра до вечера.

— Как вы правы, мистер Шерингэм, — мягко улыбнулась Стелла, — когда говорите, что совсем не умеете предвидеть мои реакции. Не могу понять почему. В данном случае, как мне кажется, все очень просто. Вчера я убедилась, что вы прекрасно разбираетесь в женских нарядах, у вас замечательный вкус, я бы даже сказала, чутье. Сегодня утром вы осудили мою шляпку; уважая ваше суждение, я ее и спалила. Разве это не логично?

— Стелла, — произнес Роджер, достаивая ее высочайшего комплимента, какой представитель сильного пола только может сказать женщине, — Стелла, вы рассуждаете совершенно как мужчина!

— Надеюсь, что выгляжу я при этом как женщина, — почти кокетливо отозвалась мисс Барнетт. — Следует ли мне повторить свой вопрос? Вы, кажется, решили уклониться от ответа. Вам что, все еще стыдно находиться рядом со мной?

— Ни в коей мере, — решительно сказал Роджер.

— Вы не находите, что я компрометирую ваш синий бархат?

— Я нахожу, что на меня снизошло вдохновение, когда я решил купить и заставил вас носить его. Так, значит, вы все-таки любите комплименты, Стелла?

— Да, когда они от души. Так же я склонна приветствовать и искренние оскорбления. Нет, вина больше не надо, благодарю вас.

— Да вы же выпили только бокал! Не можете же вы оставить на мою долю всю бутылку!

— Я же сказала, спасибо, больше не надо. Возможно, вы скоро усвоите, что я всегда имею в виду то, что говорю.

Роджер взглянул на нее уныло и подумал с нежностью, что сегодня утром ранил самолюбие этой женщины, а сейчас она "благодарит" его, и это, похоже, что искренне.

— Хотите кофе? — вежливо спросил он.

— Нет, благодарю.

— Тогда пошли.

Затем мисс Барнетт погляделась в новое зеркальце, извлеченное из новой сумочки, коснулась губ новой помадой, счет за которую был уже внесен в графу "мелкие расходы", разгладила складки на новом платье, сжала в кулачке новые перчатки и объявила, что готова.

После спектакля она отказалась от предложения выпить чаю под тем предлогом, что ей надо вернуться к нему в Олбани и расшифровать записки по пьесе, чтобы завтра быть свободной для продолжения работы над рассказом "Надо спрашивать маму". И Роджер с огромным облегчением ее отпустил.

Только после того, как она ушла, он сообразил, что, несмотря на проявленную утром заботу, она не задала ни единого вопроса о положении дел с расследованием убийства ее тетки и даже не поинтересовалась, изложил ли он в Скотланд-Ярде свои соображения по этому поводу.

— Ну ничего человеческого, — простонал Роджер. — Решительно ничего. Вот порода! Неудивительно, что кто-то прикончил тетку.

Он зашагал в направлении Уордер-стрит.

Адрес, по которому находилась фирма мистера Эннисмор-Смита, уже имелся в досье Роджера. Сейчас он медленно прошел мимо дома с медной табличкой на перемычке двери: "Кэррол и Смит". Кэррол, выяснил Роджер, уже несколько лет как вышел из дела, и контора съезжилась с пяти комнат до одной, более того, когда фортуна обернулась, "Смит" в порядке самозащиты сделался "Эннисмор-Смитом", и только старенькая медная табличка как была, так и осталась.

Роджер не собирался навещать мистера Смита в конторе. Ему хотелось, чтобы встреча выглядела случайной. Глянув на часы, он обнаружил, что уже полшестого, осмотрелся вокруг и легко нашел идеальное место — прямо напротив.

Он пересек улицу, вошел в заведение под названием "Павлин" и спросил кружку пива. Как бы там ни было, подумал он все еще раздраженно, пиво в любое время дня куда лучше чая.

Ждать долго не пришлось. Ровно через три минуты, так, словно он явился в родной дом, на пороге возник мистер Эннисмор-Смит.

Роджер изобразил бурное удивление:

— Эннисмор-Смит! Вот так встреча! Как вы тут оказались? Что пить будете?

Во взоре мистера Эннисмор-Смита прочитывалось сомнение. Что там говорить, он не отличил бы сейчас Роджера от Адама библейского, но в коллизиях такого сорта был достаточно искушен.

— Спасибо, старина, — сказал он. — Шерри с горькой настойкой.

Ему принесли заказ, мужчины обменялись ритуальными кивками, жестами и широкими улыбками, всегда предшествующими приближению спиртного к губам.

Роджер быстро соображал. Поскольку его явно не узнали, что лучше — напомнить, где они виделись, или скрыть свою связь с полицией? Последнее показалось ему путем более надежным.

С четверть часа они обсуждали бег, регби и прискорбное состояние кинопроизводства, ни словом не коснувшись такой малоприятной темы, как убийство. Много раз беседа прерывалась приветствиями приятелей Эннисмор-Смита, но Роджер ухитрился загнать того в угол, припереть к стенке и прочно загородить собой от внешнего мира. Шерри с горькой настойкой непрерывным потоком лилось в глотку мистера Эннисмор-Смита.

— Между прочим, — сказал Роджер, когда решил, что тот уже созрел, — между прочим, у вас там по соседству, кажется, кого-то убили, верно? Вы ведь живете в доходном доме на Юстон-роуд, я прав?

Мистер Эннисмор-Смит уже примирился с тем, что Роджер знает его имя, профессию, привычки и даже жену, тогда как сам он не может припомнить даже лица своего собеседника, но с характерной для него вялостью ничего не мог с этим поделать. Роджер как раз на это и рассчитывал.

Тут Эннисмор-Смит приосанился.

— В моем доме, старина, — не без гордости заявил он. — В квартире прямо над нами.

— Да ну! Значит, вы живете в "Монмут-мэншнз"! Ну да, конечно же! Я вспомнил. Вот так совпадение! У меня там приятельница живет, старая приятельница, Эвадина Деламер. Вы, наверно, знакомы?

— Знаком? Еще бы! Еще бы я не был знаком с Эвадиной! Она, старина, она, знаете, хоть куда!

— Ну да. Я забегал поболтать к ней на днях, и она рассказала, что полиция допрашивала всех жильцов. Как-то немножко нервничала.

— Нервничала? — участливо переспросил мистер Эннисмор-Смит. — Да отчего же?

— Ну, знаете, надо же подробно рассказать полиции, как положено, что вы делали в день преступления. Она сказала, что никто никогда не может с точностью вспомнить, что он делал в определенное время день или два назад. Она как-то особенно на это упирала. Наверно, у вас та же история?

— Нет, — задумался мистер Эннисмор-Смит. — Нет, я не помню, чтобы меня спрашивали об этом.

— Ну, вам повезло, — фыркнул Роджер.

— То есть?

— Я не думаю, что вы смогли бы вспомнить все так, чтобы это устроило детективов, как не смогла и Эвадина.

— Да почему, старина? Я совершенно уверен, что могу. Почему ж нет?

— Спорю на выпивку — не сможете, — быстро проговорил Роджер.

— Принято, старина! — так же быстро откликнулся мистер Эннисмор-Смит.

И после этого, разумеется, все пошло как по маслу.

Рассказ мистера Эннисмор-Смита оказался достаточно откровенным. В тот вторник он явился домой с работы в начале седьмого. Откуда он это знает? Ну, просто потому, что это часом раньше обычного, старина. Ему слегка повезло в тот день, и он отправился домой, чтоб захватить жену и повести ее ужинать, а потом в театр. Немножко развлечь старушку, для разнообразия. Не часто выдается такой день в наши жестокие времена, чтобы его не запомнить.

— У, — разочарованно протянул Роджер. — Так вы с миссис Эннисмор-Смит ходили по театрам и ресторанам?

— Нет, старина, не вышло, — энергично возразил мистер Смит. — Жена моя, знаете, женщина немножко старомодная, все еще верит, что надо платить по счетам и все такое.

— Не хотите же вы сказать, что оплачивали в тот день счета?

— Нет, конечно, — отринул мистер Эннисмор-Смит столь нелепое предположение. — Но жена, сказать вам правду, старина, она определила весь мой случайный приработок на уплату долгов. Так что ни в каком театре мы не были. Вы женаты?

Роджер покачал головой.

— Да, брак — это отдельная тема, — вздохнул мистер Смит.

— Так что же вы делали в этот вечер?

— Как что? Дома сидели, старина. Весь вечер! С полседьмого до полдвенадцатого, когда улеглись спать. Я хотел было пойти на компромисс и сторговаться хоть на кино, да жена принесла домой какое-то чертовое платье, чтоб переделать, из ма... — мистер Эннисмор-Смит оборвал себя и поглядел на Роджера. Тому стало ясно, что магазин — большое место мистера Эннисмор-Смита, которое он, скорее всего безуспешно, старается скрыть от своих друзей.

— Значит, вы так вдвоем и просидели весь вечер? — как ни в чем не бывало осведомился Роджер. — Как это мило, по-семейному.

— Весь вечер, старина. Вот именно, мило. Еще выпьете?

— Нет, сейчас моя очередь, — и Роджер сделал заказ. — Но ведь жена не была с вами в комнате весь вечер? Послушайте, тут я вас, по-моему, поймал.

— Как раз была, старина. Рядышком, на диване. А кто сказал, что не была?

— Кажется, мне попадалось что-то в газетах насчет того, что она в одиннадцать вечера находилась на лестничной клетке. Как-то это всплыло в связи с тем, кто в последний раз видел мисс Барнетт живой.

— Если и попадалось, старина, то это ошибка, — серьезно сказал мистер Смит. — Что вы, она весь вечер просто не выходила из комнаты, пока мы не легли спать. Я могу под присягой подтвердить. Усердно шила.

— Вот вам пример того, как легко ошибиться, — наставительно заметил Роджер. — Она должна была бы выйти хоть раз, к примеру, чтобы приготовить ужин.

— Я сам приготовил, — сказал мистер Смит.

— А! — отозвался Роджер, и наступило молчание. — Ну, похоже, выпивка за мой счет.

— Да, кстати, — начал мистер Смит с мужской прямоотой. — Кстати, раз уж мы об этом заговорили, старина, я, знаете, сейчас в ужасно неловком положении. Оставил бумажник дома и совершенно нет мелочи. Очень неловко, старина, понимаете ли, потому что у меня назначена встреча с одним приятелем... приятелем, да, и — ну, не могли бы вы одолжить мне немного до завтра? А, старина?

"Если он еще раз назовет меня "старина", — подумал Роджер, доставая бумажник, — я, как дитя, расплачусь".

— Ну, конечно. Сколько вам нужно?

— Фунта мне бы вполне хватило, — раздумчиво протянул мистер Смит, оценивая Роджера опытным взглядом, — или два фунта, это будет вернее. Или если вы можете дать три, ста...

— Берите пять, — перебил его Роджер.

Глава 14

Было очевидно, что мистер Эннисмор-Смит говорил правду. По крайней мере, сам он в это верил. Кроме того, подтвердилось прежнее впечатление Роджера: задумай и осуществи миссис Эннисмор-Смит убийство мисс Барнетт, самое последнее, что пришло бы ей в голову, — это довериться мужу. Нет, если она виновна, значит, ей удалось обмануть его относительно и своих действий, и своего пребывания в гостиной. На первый взгляд, ее алиби несокрушимо.

Но только на первый взгляд. На самом деле прорех сколько угодно. Сам мистер Эннисмор-Смит волен верить своим словам, но что могло помешать ему этим вечером на часок вздремнуть? Что могло помешать жене исползовать старый трюк с тряпичной куклой, которую полусонный муж из-за спинки кресла вполне мог принять за жену? Она могла даже затеять ссору, чтобы оправдать затянувшееся молчание, каким было бы встречено любое обращение к ней супруга. Да здесь с полдюжины прорех, в этом алиби. И тем не менее все это не более чем разыгранное воображение.

У ближайшего телефона Роджер на несколько минут задержался, а потом, не зная, что и думать, направился к себе в Олбани.

Войдя в кабинет, он обнаружил там Стеллу, все еще корпящую над стенограммой спектакля, хотя было уже почти семь вечера, и почувствовал угрызения совести.

— Да бросьте вы это, — проворчал он, почти извиняясь. — Завтра делаете.

— Благодарю вас, — бросила через плечо Стелла. — Я предпочитаю доделать это сегодня.

— Вы испортите мое красивое платье.

Она продолжала печатать.

Роджер пошел в столовую и смешал два коктейля.

— Спасибо, — сказала она, печатая, — я не люблю коктейли.

Роджер выпил оба, мрачно наблюдая за своей излишне старательной секретаршей. С каштановой головкой, склоненной над пишущей машинкой, она была так прелестна и так начисто лишена прелести — просто беда.

Этот ее неведомый молодой человек — в некотором роде герой.

Она закончила работу и аккуратной стопкой сложила напечатанные страницы.

— Я только что говорил с Эннисмор-Смитом, — произнес Роджер как бы в пространство.

— Расточитель! — отозвалась Стелла.

— О чем вы?

— Когда я вижу, что кто-то впустую растрчивает время, я не могу не сказать об этом, — заявила мисс Барнетт, слишком подчеркнуто, по мнению Роджера, глядя ему в глаза.

— Послушайте, Стелла, — неожиданно для себя самого произнес Роджер. — Я бы хотел познакомиться с вашим женихом.

— Неужели? Тоже хотите изучать?

— Возможно. Пригласите его пообедать с нами завтра в "Критерионе".

Она чуть помедлила с ответом.

— Боюсь, об этом и думать нечего.

— Почему?

— Он живет далеко отсюда.

— Тогда пригласите его на ужин. А потом мы пойдем в театр, и уж там вам не придется стенографировать.

— Вы очень добры, — решительно заявила Стелла, — но это невозможно.

— Да почему же?

— А почему вы так жаждете видеть моего жениха?

— А почему вы так жаждете лишиться меня этого удовольствия?

— Ничего подобного. Мне это совершенно безразлично. Так зачем вы хотите с ним встретиться?

— Ну, предположим, для того, чтобы посмотреть, так ли вы суровы с ним, как со мной.

— Какая нелепость!

— Стелла, за этим что-то кроется. Вы что, стыдитесь своего жениха? Может, он носит воротнички задом наперед или сидит на ореховой диете? Почему вы стесняетесь его?

— Вы непозволительно грубы, мистер Шерингэм. Ни в малейшей степени я его не стесняюсь.

— Любопытный ответ из уст женщины, по определению сгорающей от любви! Вам следует им гордиться!

— Я и горжусь. Очень. — Роджеру показалось, что мисс Барнетт в этот момент выглядела не столько гордой, сколько затравленной.

— В таком случае приведите его завтра обедать. Иначе я и впрямь решу, что с этим вашим молодцем не все ладно.

— Ах, ну как угодно, — сдалась мисс Барнетт, нервно натягивая новую шляпку. — Я попрошу его завтра встретить нас в ресторане. Это... это чрезвычайно любезно с вашей стороны.

— Ничуть.

Последовала пауза. Мисс Барнетт заправляла выпавшие из-под шляпки пряди волос.

— Я ходил утром в Скотланд-Ярд, — кротко произнес Роджер.

— Да? Вы меня огорчили. Там, я полагаю, посмеялись над вами? — Говоря это, мисс Барнетт занималась исключительно своими кудрями.

— Нет, меня поблагодарили.

— И, когда вы уходили, хихикали вам вслед, — предположила мисс Барнетт, глядясь в зеркальце.

— Сколько в вас скептицизма! Смее уверить, Скотланд-Ярд обо мне отнюдь не такого низкого мнения, как вы. Нет, они совсем не хихикали мне вслед. Они отнеслись ко мне вполне серьезно, они даже сказали, что я проделал большую работу. Мои незрелые суждения их убедили.

— Не хотите ли вы сказать, — медленно проговорила мисс Барнетт, оставив, наконец, в покое свои волосы, — не хотите ли вы сказать, что они согласились с вами относительно тех... осложняющих обстоятельств?

— Именно, — самодовольно кивнул Роджер. — Именно согласились.

Она смотрела на него. Он — на нее.

— И что же они теперь собираются делать?

— Ну, расследовать дальше. Глядя на проблему уже с новой точки зрения.

— Значит, поэтому они и не арестовали того человека? Они не думают уже, что он виновен?

Уж теперь-то грех жаловаться на безразличие Стеллы. Она была самолицетворение интереса, когда безотрывно смотрела на него широко раскрытыми карими глазами, даже слегка приоткрыв прелестный рот.

— Нет. Они пока думают, что он виновен.

— М-м! — Она словно что-то прикидывала в уме. — Понятно. А вы — нет?

— Я — нет.

Стелла не отводила от него взора.

— В таком случае, мистер Шерингэм, вы ошибаетесь, — решительно закончила она. — Всего доброго.

Роджер проводил ее полным сожаления взглядом. Она и впрямь была девушка совершенно необычная и совершенно несносная, но ему очень хотелось, чтобы она осталась разделить с ним ужин. В кои-то веки Роджер, всегда презиравший людей, которым необходима компания, почувствовал себя одиноко.

Он поглощал пищу без всякого удовольствия, хотя Мидоуз был, как всегда, выше всяких похвал. Невозможно было не думать о том, что на ужин у Стеллы и с ней ли за ужином ее неизвестный герой.

"Черт побери, — бормотал Роджер с раздражением. — Эта девица не идет у меня из головы! Я, видно, на ней просто свихнулся!"

Это прискорбное состояние не изменилось в течение вечера. После ужина Роджер уселся всерьез поразмыслить об алиби миссис Эннисмор-Смит. Согласно доказательствам, представленным им Морсби сегодня утром и подтвержденным заключением врача, смерть мисс Барнетт должна была наступить между 10.30 и 11.00 вечера (хотя в присутствии Морсби он не счит нужным это подчеркивать). Действительно ли миссис Эннисмор-Смит между десятой и одиннадцатой сидела в своей гостиной и шила? Должен ли он отказаться от всех своих подозрений в ее адрес? Роджер устроился перед камином в надежде поработать так же плодотворно, как вчера. Но на ум ему шло только поразительное поведение мисс Барнетт-младшей. С какой стороны ни посмотреть, удивительное создание! Что, например, заставляет ее отказываться от наследства, так счастливо свалившегося прямо ей в руки? Казалось бы, должна радоваться, ведь обручена и предстоит свадьба. Что ее неведомый герой думает об этом? Неужели она и после замужества предполагает работать? Это позор, что она вообще вынуждена работать. Это расточительство, позволять такой девушке работать секретаршей!

— Прочь, Стелла! — застонал Роджер. — Я хочу еще раз проявить чудеса сообразительности!

Но Стелла не покидала его.

Наконец он сдался и отправился в спальню.

— Не нравится мне ее обручение. Он просто не может быть ее достоин. Что ей нужно, так это...

Но тут Роджер Шерингэм опомнился.

А на следующий день ему представился случай убедиться в том, достоин ли Стеллы Барнетт ее избранник. Однако то, что произошло за обедом, повергло его в еще большее изумление.

В это утро они хорошо поработали, и опус под названием "Надо спрашивать маму" был закончен и отправлен по почте. Стелла явилась на службу не в бархатном платье цвета полуночи, а в шелковом нефритовом, с шелковой маленькой шляпкой точно в тон, короче, в совершенно неподобающем секретарше виде. Она коротко объяснила, что оделась так потому, что побоялась скомпрометировать Роджера за обедом, а своих платьев, достойных его общества, у нее нет. Роджер согласился, что она поступила мудро, слегка помрачнев при мысли, что вся эта красота предназначена не столько для спасения его доброго имени, сколько для убаюкивания неведомого героя.

Когда они вошли в вестибюль ресторана, им навстречу поднялся чахлый, пучеглазый и большеротый, то есть отвечающий всем признакам столь ценимой Роджером породы современных интеллектуалов, молодой человек и прокурорским тоном объявил:

— Вы опоздали!

— Прости, пожалуйста, Ральф, — покорно отозвалась Стелла. — Мистер Шерингэм настоял, чтобы мы зашли на почту отправить бандероль.

— Терпеть не могу необязательности, — сообщил молодой человек с внешностью земноводного.

— Мистер Патерсон, мистер Шерингэм, — не без смущения представила их Стелла.

Роджер озадаченно пожал холодную, влажную лапку.

Они вошли в зал.

Роджер победил свое изумление и старательно изображал радушного хозяина, но как во сне просил своих гостей выбрать между грейпфрутом, копченой семгой и дыней. Он-то представлял себе стеллиного жениха здоровенным, суровым парнем, подбородок кирпичом и бас-профундо. Что-бы такая девушка была помолвлена с этой козявкой...

— Мне копченую семгу, пожалуйста, — сказала козявка.

— Мне тоже, — добавила Стелла.

— Пожалуй, тебе лучше не стоит, — возразила козявка твердым тоном. — От семги у тебя прыщики, я заметил. Лучше возьми грейпфрут.

Стелла промолчала. Роджер взглянул на нее вопросительно.

— О, да, — кивнула она. — Грейпфрут, пожалуйста.

Жених продолжал в том же духе, выбирая за нее все блюда и позволив ей очень немногое из того, что ей действительно хотелось. Поддерживать разговор, однако, оказалось несложно, поскольку он взял это в свои руки и первые две перемены рассказывал Роджеру, как надо писать романы. Тот слушал завороченно и покорно пообещал в следующий раз написать что-нибудь получше.

— Впрочем, — обратился молодой человек к своей невесте, — чего ждать, если мистер Шерингэм пишет для миллионов?

— А ты читал его книги? — спросила Стелла.

— Ну, проглядывал кое-что, — слегка повел он плечами.

— Послушай, Ральф, — почти застенчиво высказалась Стелла, — я не думаю, что они так уж плохи. То есть принимая во внимание все обстоятельства...

— Дорогая моя! — запротестовал жених.

Роджеру показалось, что его тут как бы и нет.

— Ну, и как вы находите Стеллу? — снисходительно обратился к нему молодой человек, покончив с рыбой.

— О, я... я полагаю, она прекрасно справляется.

— Вам надо приглядывать за ней по мелочам. У нее, знаете ли, совсем нет вкуса к деталям. Например, посмотрите, как она одевается. Вы видели что-нибудь более чудовищное, чем эта шляпка?

Роджер, сам выбиравший эту шляпку в тон платью, почувствовал к молодому человеку ненависть, в способности к которой себя даже не подозревал.

— Эта шляпка?! — вскричала Стелла. — О, Ральф, да она же очаровательна!

Роджер с благодарностью отметил, что она его не выдала.

— Если б она была очаровательна, моя дорогая, она бы тебе не пошла. Я неоднократно говорил тебе, что очаровательное — не твой стиль. Ты лишена очарования. У тебя его нет. Не правда ли, мистер Шерингэм? Вы ведь наверняка обратили на это внимание?

— Видите ли... — промолвил Роджер и обнаружил, к своему неудовольствию, что краснеет.

— У Стеллы нет сексуальной привлекательности, — мистер Патерсон продолжал снимать все покровы. — Это, конечно, изъян. Но она, знаете,

еще может развиваться, она еще зеленая, нужен уход, полив, рыхление. Честно говоря, я надеялся, вы что-нибудь в этом роде для нее сделаете, Шерингэм, но она говорит, что нет.

— Ральф! — вскричала бедная мисс Барнетт, и Роджер с интересом отметил, что ее лицо тоже приобрело красно-бурый оттенок. Он начал понимать, почему Стелле так не хотелось приводить жениха на этот обед.

Оставив в покое невесту, мистер Патерсон далее очень четко изложил свои взгляды на другие проблемы. Неизбежно возник разговор о смерти мисс Барнетт, и хотя Стелла, конечно, не посвящала жениха в то, что Роджер испытывает к делу особенный интерес, мистер Патерсон некоторое время распространялся по данному поводу и, наконец, пригвоздил к позорному столбу полицию за некомпетентность, ибо та не произвела абсолютно самоочевидного ареста.

— Насколько я понимаю, — мягко сказал Роджер, — мисс Барнетт отказывается от наследства, которое осталось ей вследствие того, что ее тетушка скончалась, не оставив завещания. — Возможно, замечание было не из тактичных, но Роджеру страсть как хотелось выслушать мнение земноводного на сей счет.

— Вздор! — немедленно изложил его мистер Патерсон.

— Но, Ральф, я..

— Вздор! — повторил мистер Патерсон непреклонно и повернулся к Роджеру. — У Стеллы сейчас самые смехотворные идеи по этому поводу, но я, разумеется, не позволю ей ничего подобного.

— Правда, Ральф? — печально произнесла Стелла. — Все-таки...

— Ни в коем случае. Я уже говорил тебе, не стоит даже заикаться об этом. Что за глупый каприз! И слышать не хочу!

— Конечно, дорогой, как скажешь, — покорно кивнула Стелла.

Роджер не верил ни глазам, ни ушам своим.

Мистер Патерсон продолжал излагать свои соображения по поводу неприкосновенности человеческой жизни. Эта старуха, говорил он, мертвая куда полезней живой. Миру от нее не было ну никакого проку, так чего ж слезы лить? (Роджер понял, что если мисс Барнетт живой была обществу бесполезна, польза от ее смерти очень значительна; общество в данном случае олицетворялось самим мистером Патерсоном.) Убийца, изъыв ее из мира, осуществил акт высокой социальной доблести. Полиция, возможно, то есть наверняка, — сборище дебилов, но результат ее некомпетентности достоин восхищения — пусть убийца мисс Барнетт подольше наслаждается свободой.

— Как страстный криминалист, — объявил мистер Патерсон, — хотя по сию пору исключительно академического свойства, я отдаю должное этому практику, обладающему столь выраженным чувством социального долга.

— Вас интересует криминалистика? — осведомился Роджер.

— Я ее обожаю, — просто ответил мистер Патерсон. — Я помню годы жизни и смерти всех знаменитых убийц Англии, включая даты их публичных экзекуций.

К изумлению Роджера, Стелла заметно разволновалась оттого, что ее жених так откровенно высказывается, и стала прилагать все усилия, хо-

тя и безуспешно, чтобы пресечь дальнейшее развитие темы. Наконец, в манере той Стеллы, которую, как казалось Роджеру, он успел узнать, она перехватила нить разговора и направила его в безопасное русло атлетики, заметив без всякой связи с предыдущим:

— Собираетесь ли вы посетить университетский матч по регби в этом сезоне, мистер Шерингэм?

— О да, — сказал Роджер, раскусив ее маневр. — Как обычно.

— И вы сами играете?

— Так, когда вокруг мяча свалка, бегаю и делаю вид, что участвую в ней. Моя игра — гольф.

— Правда? Ральф тоже играет в гольф. У него "плюс два".

Роджер, у которого был "плюс один", нечеловеческим усилием воли подавил изумление, которое просто рвалось с языка, и посмотрел на своего чахлого на вид гостя с уважением.

— Вот как?

— Ну, знаете, я уже не в том возрасте, чтобы играть в подвижные игры, — высказался последний с той мрачной миной, с какой люди вынуждены выслушивать грубую лесть, произносимую им прямо в лицо. — Вот раньше я занимался бегом с препятствиями, стипль-чезом.

— Раньше! На самом деле, мистер Шерингэм, всего лишь в прошлом году Ральф выиграл...

— Умолкни, Стелла!

И Стелла умолкла.

Застольная беседа, однако, продолжилась, и мистер Патерсон с мистером Шерингэмом до конца обеда мирно обсуждали новости спорта.

Наконец мистер Патерсон взглянул на часы. Его манера прощаться по простоте и бесцеремонности не уступала его манере здороваться.

— Должен успеть на поезд, — сказал он и удалился.

— Ральф живет в Танбридж-велсе, — словно этим все объяснялось, сказала Стелла.

Роджер возвращался в Олбани в полной растерянности. Чем старательней он пытался понять происходящее, тем больше уважения чувствовал к чахлому молодому человеку, тем паче, что Стелла, освободившись из-под его чар, быстро вернулась к своему обычному "я" и безжалостно придушила несколько попыток завязать разговор.

"Эта девица положительно то доктор Джекил, то мистер Хайд, — думал он озадаченно. — Вот она сидит, в уголке такси, в своем нефритовом одеянии. Неужели она и вправду любит этого типа? Как такого можно любить? Вздумай такой лягушонок ухаживать, поручусь, Стелла Барнетт не ответится. И на тебе..."

Подумать только, ведь она была воплощенная покорность...

Какой магией этот тип подчинил ее своему почти гипнотическому влиянию? Ему стоило только пальцем шевельнуть, и она покорно кланялась, виляла хвостиком, да еще так, словно ей это нравится, — и ни кусочка сахара в награду! Уму непостижимо.

"Держите их в строгости. Но, Господи милосердный, кто бы подумал, что Стелла клюнет на такое убожество? Черт бы подрал это земноводное!"

Мистер Шерингэм был не в духе.

После обеда Роджер предпринял отчаянную попытку совладать с первой главой нового романа, однако к пяти часам сдался. Мозг, перегруженный столькими проблемами сразу, отказался справиться с этой непосильной затеей. Под осуждающим взглядом Стеллы Роджер уныло выпил чаю и почти силой выдворил ее из квартиры. Ему хотелось подумывать.

Уютно устроившись в своем мирном одиночестве, он выбросил из головы всех пучеглазых молодых людей и сосредоточился на задаче действительно важной.

Было бы неверным сказать, что к этому времени Роджер окончательно изъял имя миссис Эннисмор-Смит из списка подозреваемых. Алиби, которым снабдил ее муж, как доказал Роджер, было небесспорно. Она все еще выделялась среди жильцов "Монмут-мэншнз" своими психофизическими и интеллектуальными возможностями, теоретически позволявшими ей убить мисс Барнетт. Но только теоретически, Роджер прекрасно об этом помнил.

Кроме того, в ответ на некий запрос, сделанный им в связи с полученной от Эннисмор-Смита информацией, ему стали доступны сведения оправдательного, по отношению к миссис Эннисмор-Смит, характера; во всяком случае, инкриминирующего в них ничего не было.

Дело в том, что, покинув "Павлин", он позвонил одному частному агенту, который пользовался его доверием, и срочно попросил узнать, каково финансовое положение Эннисмор-Смитов, и не изменилось ли оно к лучшему за последнюю неделю. Отчет агента Роджер получил как раз к пяти часам. Эннисмор-Смиты, как он и предполагал, были на мели. Они задолжали всем торговцам в округе, и никто из тех, кто имел с ними дело, больше не дает им в кредит. Их финансовое положение не только не улучшилось в последнее время, но стало значительно хуже: на них подано в суд несколько исковых заявлений и получено соответствующее решение, но они не в состоянии его выполнить, так что в любой момент может быть назначена распродажа и ликвидация дела.

Итак, Эннисмор-Смит находились в ситуации достаточно тяжелой, чтобы женщина гордая и отчаявшаяся предприняла практически любые шаги. Будь эти шаги предприняты, дела Эннисмор-Смитов наверняка бы улучшились, особенно если учитывать тот факт, что деньги мисс Барнетт были в основном в однофунтовых и десятишиллинговых банкнотах, и, следовательно, проследить их практически невозможно. Коль скоро положение Эннисмор-Смитов за эту неделю не переменялось, с чем-то вроде душевного облегчения Роджер признал наконец, что убийцу мисс Барнетт надо искать в другом месте.

Он помнил, что из дела, так сказать, торчало еще несколько нитей, ни к чему не привязанных. Возможно, если ими заняться, мысль получит какое-то новое направление. Он взял карандаш, блокнот и начал перечислять их в том порядке, в каком они приходили на ум.

Факты, пока не получившие объяснения (неизвестно, имеют они отношение к делу или нет).

Полупустая бутылка виски и стакан на столе в гостиной. Этот факт очень хорошо укладывается в официальную гипотезу против Малыша и никак не укладывается в мою. Можно, однако, предположить, что в мою он уложится как деталь инсценировки поисков в квартире. Но это не очень убедительно, поскольку я уже решил, что преступник — женщина, а в этой детали есть что-то слишком мужское, чтобы рассматривать ее как бутафорию. Разве не проще признать, что это не реквизит, а именно следствие естественного желания преступника поддержать свои силы после столь нервнующих событий? Такой вывод хорошо укладывается в мою версию и имеет высокое достоинство простоты. Но какой от этого толк, непонятно.

Свеча. Вот свеча действительно лучше укладывается в полицейскую версию, чем в мою. Если цель убийцы — заставить поверить, что мисс Барнетт умерла позже, чем это действительно произошло, почему ж он боялся включить свет? Полицейские говорят, что Малыш зажег свечку, потому что он всегда зажигает свечку. Я могу предположить только, что убийца опасался, что миссис Палтус, заметив в дверную щель свет, подумает, что ее приятельница еще бодрствует, и постучится. Так что, насколько я понимаю, от свечки тоже никакого проку.

Вставные зубы. Вот о чем я совершенно забыл: мисс Барнетт, хотя уже улеглась спать, была еще, так сказать, "при зубах". Полиция не придала этому никакого значения, считая, что мисс Барнетт вставила зубы перед тем, как разговаривать с незнакомым мужчиной. (Любопытно, что никто не подумал, что столь же и даже еще естественней было бы, если б она к тому же надела еще и халат). То же рассуждение, безусловно, относится и к моей собственной версии: казалось бы, ей следовало вставить зубы перед тем, как разговаривать с женщиной, пусть даже и хорошо знакомой. Между тем это вовсе не так уж обязательно. Многие женщины столь же церемонны с представительницами своего пола, сколь с представителями пола противоположного, но большинство их, разумеется, нет, и именно к этому большинству, без всякого сомнения, принадлежала мисс Барнетт. Стала бы она, в самом деле, беспокоиться? Но ведь, с другой стороны, она же не знала, кому открывает дверь. Что опять возвращает нас к халату. Какого дьявола она была без халата? Его не обнаружилось даже среди одежды, валявшейся по всей комнате. Наличие вставных зубов может и не иметь особенного значения, но отсутствие халата — имеет.

Отсутствие нижней сорочки. Если говорить об одежде, можно упомянуть и этот факт, хотя не думаю, что по значимости он сравнится с халатом. Морсби сказал, когда мы говорили о неряшливости мисс Барнетт: "Ну, эта еще ничего. По крайней мере, хоть разоблачалась на ночь. Насколько я знаю женщин такого склада, они раздеваются только наполовину, и ночную рубашку надевают поверх оставшегося". То, что мисс Барнетт так не поступила, согласно Морсби, выпадает из характера, а то, что выпадает из характера, ничего не стоит.

Насколько мог судить Роджер, на этом список деталей, доселе не подвергавшихся рассмотрению, иссякал. То, что сейчас они рассмотрению подверглись, увы, дела с места не сдвинуло.

Он быстренько пересмотрел кое-какие уже известные факты. Различные странности, связанные с бегуном, легко разложились по полочкам благодаря предположению, что тот был подручным преступника. В свертке, который, как видел шофер, он поднял, выбегая из проулка, был, несомненно, светлый плащ, в котором его видели другие свидетели и от которого он позже как-то избавился. Свою шляпу он время от времени снимал и прятал в карман, чтобы, как и было задумано, еще больше усугубить путаницу в показаниях. Однако определить личность бегуна пока удавалось не представлялось.

Роджер вдруг понял, что напрасно пренебрегал этой стороной дела. Удовлетворившись тем, что расшифровал бегуна как действующее лицо второго плана, он даже не подумал, кто бы это мог быть. А между тем определить личность подручного едва ли не менее важно, чем самого преступника. Если повезет, за бегуном потянется ниточка, которая может привести к главному герою. Где бы найти хоть какую-нибудь зацепку?

Но извлечь зацепку из всего того, что он знал сейчас об обитателях "Монмут-мэншнз", Роджеру не удавалось никак. Только и пришло в голову, что подручный должен быть близким знакомым того из жильцов дома, кто совершил убийство. У кого в "Монмут-мэншнз" есть такой близкий друг, что к нему можно обратиться даже в минуту крайней опасности? Был только один способ выяснить что-то — снова отправиться на Юстон-роуд.

И Роджер отправился.

По пути он припомнил, что ему уже известно по этому поводу. Самым интимным другом Эвадины Деламер был, несомненно, Джон Беррингтон-Брейбрук. Но Эвадина из числа подозреваемых исключена по причинам, признанным весомыми, в то время как у Джона несокрушимое алиби. Огастэс Уэллер и Кинкроссы не удостоились даже сомнения, и Роджер не видел повода пересматривать свое к ним отношение. Еще минуя две квартиры. Кто остался? Миссис Палтус и Эннисмор-Смиты. Но ведь и они тоже...

— Черт побери, — вырвалось у Роджера в полумраке такси, — да должен же я сегодня хоть с кем-нибудь потолковать! Пусть это будет миссис Эннисмор-Смит.

Однако так уж случилось, что сначала он посетил совсем другую особу. Расплачиваясь с таксистом, Роджер скользнул взглядом по фасаду "Монмут-мэншнз" и увидел свет в окна покойной мисс Барнетт. Было всего лишь полдесятого, и парадную дверь еще не закрыли. Он взбежал вверх по лестнице и позвонил в дверь под седьмым номером. Ответа не последовало. Он позвонил еще раз, настойчиво. Дверь распахнулась.

— Ну? — произнес отнюдь не гостеприимный голос, обладательницу которого в неярком лестничном освещении он не мог рассмотреть отчетливо.

— Добрый вечер, Стелла, — любезно произнес Роджер. — Можно войти?

— Ну, знаете, мистер Шерингэм! Это что — деловой визит?

— Ни в коем случае. Дружеский. Насколько я понимаю, мы можем быть не только партнерами, но и друзьями?

— О, без всякого сомнения. Но в этом случае, мистер Шерингэм, боюсь, я не смогу вас впустить. Я не принимаю своих друзей в такое время.

— Господи помилуй, Стелла, я не знал, что вы так старомодны!

— Ничуть я не старомодна, — холодно возразила Стелла, которая была достаточно молода, чтобы попасться на такую древнюю наживку.

— О! — только тут до Роджера дошло, что он, возможно, ведет себя вызывающе бестактно. — Прошу прощения, Стелла, у меня как-то вылетело из головы...

— Что вылетело?

— Что вы помолвлены.

К изумлению Роджера, Стелла вспыхнула.

— Я не прячу здесь своего жениха, если вы это имеете в виду, мистер Шерингэм.

— Но я не... Я хочу сказать, почему бы и нет?

— Если вы мне не верите, войдите! — почти гневно сказала Стелла.

— Да верю я вам!

— Входите!

И Роджер вошел.

Конечно, никакого жениха в гостиной не было, а если и был, то очень искусно прятался.

— Право слово, — оглядевшись, одобрил Роджер, — вы прямо чудеса сделали с этим логовом. Если бы не канделябры на каминной полке, я бы его просто не узнал.

— Хотите виски? Сигарету?

— Я думал, вы не курите и не пьете спиртного.

— И виски, и сигареты принадлежали моей тете, — холодно объяснила Стелла, предлагая ему пачку "Плейерс". Роджер взял одну сигарету.

— Благодарю вас, но пить не буду, спасибо. Вы были правы, Стелла, я здесь отчасти по делу. Увидел свет в окнах и поднялся — хотел бы еще раз осмотреться, если не возражаете.

— Вас все еще занимают ваши домыслы, мистер Шерингэм?

— Занимают, Стелла. И не такие уж это домыслы, как вам кажется. Значит, я могу обойти квартиру?

— Если вам так хочется, — равнодушно позволила Стелла. — Боюсь, что в спальне пока беспорядок. Я еще не все распаковала.

— Распаковали? Значит, вы сюда въехали?

— Да. Вчера.

— А вы мне не говорили!

— Не видела в этом ни малейшей надобности.

На это отвечать было нечего, и Роджер направился в кухню.

Какие бы вялые надежды ни питал он на свежий прилив вдохновения ли, на новые ли открытия, все его надежды скоро развеялись. Под стеллиной крепкой, хоть и хорошенькой ручкой вся квартира приобрела совершенно другой облик. Сгинула мерзость запустения. Мебель большей частью сменилась. Более того, всякая возможность неторопливого размышления и реконструкции событий была напрочь перечеркнута хозяйкой, которая шла за ним по пятам и в мрачном молчании жда-

ла у входа в каждое помещение, которое он осматривал, словно подозревая, что, оставшись без присмотра, он стянет ложку или салфетку.

Таким красноречивым молчанием встречала она всякую его попытку завязать легкую беседу, что Роджер, вообще-то умеющий быть чрезвычайно настойчивым, если это необходимо, решил, что сейчас не тот случай, и смиренно ретировался.

Однако он не сразу направился к Эннисмор-Смитам. Нет, он спустился вниз и позвонил в квартиру мистера Огастэса Уэллера, но не славное пиво мистера Уэллера заманило его туда: он пришел просить этого щедрого молодого человека об услуге.

Мистер Уэллер оказался дома. Его приветствие, однако, на этот раз не было таким воодушевленным, как прежде, да и сам он выглядел удрученным и подавленным. Роджер не смог не почувствовать, что приглашению войти недоставало сердечности. Причина тому сидела на софе мистера Уэллера и несколько смущенно поправляла прическу.

— Мистер Шерингэм, мисс Пиви, — уныло сказал мистер Уэллер.

— Добрый вечер, — поклонился Роджер. — Я зашел, — обратился он к хозяйке, — спросить, не могли бы вы подсказать мне номер квартиры Кинкроссов, а то я его запомнил.

— Вам нужны Кинкроссы? — просветлел мистер Уэллер.

— Конечно.

— И вы хотите сейчас к ним подняться? — Физиономия мистера Уэллера прояснялась с каждой секундой.

— Конечно.

— Как жаль, — неискренне огорчился мистер Уэллер. — Я надеялся, что вы посидите. Что ж, пойдемте провожу.

На лестнице Роджер крепко взял мистера Уэллера за локоть.

— Во-первых, известно ли вам, что "мисс" не носят обручальных колец, а во-вторых, лучшее, что вы могли мне сказать, открыв дверь, это: "Мистера Уэллера нет дома", и хлопнуть ею у меня перед носом.

— Спасибо, — вдумчиво произнес мистер Уэллер. — Я это запомню.

— А я забуду, но при одном условии. Мне не нужны Кинкроссы. Я иду к Эннисмор-Смитам. Но мне хотелось бы, чтобы его дома не оказалось. Отвлеките его для меня так, чтобы через пять минут я к ним постучал, и его не было бы... ну, минут двадцать. Иначе я вернусь к вам.

— Шерингэм, — серьезно сказал мистер Уэллер. — Так ему и надо, болтуну. И я с вами согласен: она очаровательная женщина.

— Я всего лишь, — попробовал одернуть его Роджер, — хочу задать ей несколько вопросов о...

— Да хоть о ее бабушке, — живо перебил его мистер Уэллер, — до тех пор, пока вы будете делать это в ее квартире, а не в моей. Я ему сейчас намекну, что о нем спрашивала Эвадина. Это лучший способ его спровадить.

Роджер слегка удивился осведомленности мистера Уэллера о том, что его соседи наверняка скрывают как постыдную тайну.

Он выждал минут пять на сквозняках площадки верхнего этажа, с одобрением прислушиваясь к звукам, указывающим на успех операции по отвлечению мистера Эннисмор-Смита, и во имя общего блага ле-

лея надежду, что в квартире № 5 не находится ненароком мистер Беррингтон-Брейбрук. Затем он спустился и позвонил в дверь Эннисмор-Смитов.

После недолгого ожидания ему открыла хозяйка. Нелегко было увидеть элегантную, уверенную в себе заведующую магазином готового платья в поникшей, до смерти усталой женщине, которая прислонилась к дверному косяку.

— Что вам угодно? — спросила она отсутствующим голосом.

— Сожалею, что вынужден побеспокоить вас в такое время, — написто произнес Роджер, — но мне необходимо задать вам несколько вопросов.

Миссис Эннисмор-Смит попыталась разглядеть его в полумраке.

— Вы из...

— Я надеюсь, вы помните меня. Я присутствовал при вашем первом разговоре со старшим инспектором Морсби в квартире наверху, в простую среду.

— Ах да, разумеется. Мне кажется, я вас узнала. Пожалуйста, входите. Я не сразу поняла, что вы из Скотланд-Ярда.

Роджер прошел за ней в гостиную. Она предложила ему стул, а сама, прежде чем сесть, сняла со спинки кресла платье.

— Вы позволите? — пробормотала она и тут же взялась за иглу. — У меня довольно срочная работа.

— Ну, разумеется. Вы всегда вечером шьете?

— Как правило.

Роджер сочувственно кивнул. Она подрабатывала, принося домой одежду, которую требовалось подогнать или переделать. Возможно, ей пришлось скрывать от помощницы, во имя поддержания собственного достоинства и дисциплины, то, что она вынуждена делать это сама.

— Вы шили в этой комнате весь вечер того дня, когда произошло преступление, не так ли?

— Наверно, — устало произнесла миссис Эннисмор-Смит. — Я хочу сказать, да, шила. Один из ваших служащих уже спрашивал меня об этом. Сегодня, после обеда.

— Сержант Эффорд?

— Кажется, так он назвался.

— Он посетил вас на Шафтсбюри-авеню, не так ли? — уточнил Роджер, довольный тем, что представился случай выяснить кое-что о шагах, предпринятых Морсби.

— Да.

— Чтобы узнать, — наугад продолжал Роджер, — не слышали ли вы какого-нибудь движения над головой перед тем, как легли спать, предположим, между десятью и половиной одиннадцатого?

— Да.

— Прекрасно. И я пришел побеспокоить вас по тому же поводу. Может быть, вы вспомнили еще что-нибудь в дополнение к тому, что уже рассказали сержанту.

— Боюсь, нет.

— Нет? Позвольте, вы сказали ему, что...

— Что, насколько помню, не слышала решительно ничего. Как вы знаете, мой муж засвидетельствовал то же, когда ходил в управление. С тех пор мы не раз говорили об этом и совершенно уверены, что никто из нас ничего необычного в тот вечер не слышал.

— Да, но что вы называете необычным? Означает ли это, что вы не слышали совсем никаких звуков или что слышали звуки, какие обычно слышите по вечерам?

— Прошло уже столько времени, теперь трудно припомнить с уверенностью, но сейчас мне кажется, что мы не слышали просто решительно ничего, — ответила миссис Эннисмор-Смит, на мгновение подняв глаза от работы. — Это, важно?

— Может быть. Я полагаю, как правило, к вам доносятся сверху всякие мало-мальски сильные звуки?

— Им ни к чему быть сильными, — сухо проговорила миссис Эннисмор-Смит. — Вот прислушайтесь.

Роджер прислушался. В тишине отчетливо слышался скрип половиц под шагами Стеллы. Потом он смолк, и последовал тихий шорох.

— Что это было?

— Племянница мисс Барнетт. Кажется, она вчера въехала.

— Я имею в виду шорох.

— Она зажгла спичку.

— Господи, вы слышите даже, как она там спички зажигает?

— Этот потолок не толще бумаги.

— Значит, вы могли слышать практически все, что делалось у мисс Барнетт?

— Вне всякого сомнения, если б нас это интересовало.

— Я имею в виду, вы непременно б услышали, если б по ее гостиной кто-то ходил, даже на цыпочках?

— Вероятно, мы услышали бы, как скрипят половицы.

— И все-таки в тот вечер не слышали ничего?

— Да. Но в этом нет ничего необыкновенного. Мы редко слышали что-либо по вечерам. Видимо, мисс Барнетт рано легла спать.

— Да, конечно.

Роджер был в растерянности. Мошенник наверняка находился в квартире от десяти до половины одиннадцатого. Его приготовления — вся эта установка декораций — не могли происходить бесшумно. Снизу обязательно должны были слышать хотя бы его шаги. И все-таки не слышали. Или уже просто забыли?

— Вы сказали, мисс Барнетт рано легла спать. Сочли бы вы в таком случае необычным, если бы услышали, что она ходит по квартире после половины одиннадцатого?

Миссис Эннисмор-Смит оторвалась от своего шитья, чтобы обдумать этот вопрос.

— Если б эти шаги не сопровождались голосами, да, думаю, что да.

— Достаточно необычным, чтобы это запомнить?

— На такой долгий срок, может быть, и нет, но на следующий день я бы об этом наверняка вспомнила.

— Но этого не произошло?

— Нет, это я могу сказать определенно.

— Понятно.

На самом деле все было непонятно. Настоящий тупик.

— Вы уверены, что сами в это время — десять тридцать — еще бодрствовали? Вы не легли в этот день раньше обычного?

— Совершенно уверена. Я уточнила вопрос для вашего сержанта, справившись в отчетности. В приходно-расходной книге магазина, в котором я работаю, записано, что я брала домой платье для переделки, — мужественно призналась миссис Эннисмор-Смит, — и я очень хорошо помню, как это делала. Мне пришлось засидеться гораздо позже половины одиннадцатого.

— Насколько я понял, вы весь вечер были в этой комнате, не покидая ее?

— В этом я бы не поклялась.

— Так утверждает ваш муж.

Миссис Эннисмор-Смит едва заметно улыбнулась.

— Мой муж более меня склонен к безоговорочным высказываниям.

— Значит, вы выходили из комнаты в течение вечера?

— Мне кажется, иначе и быть не могло. По меньшей мере, я твердо помню, что выходила на кухню, когда вернулся муж, поставить на огонь чайник.

— Да, это было еще рано, — покивал Роджер. — А потом? Вы ужинали в столовой?

— Да. Но сказать вам с полной ответственностью, была ли я весь вечер прикована к креслу, не могу. Наверняка это не так уж важно?

— Конечно, нет. — Роджер потер подбородок. — Значит, насколько вы можете припомнить, в течение всего вечера вы не слышали решительно ничего из квартиры сверху — даже того, как мисс Барнетт укладывалась спать?

— Да, даже этого. — Миссис Эннисмор-Смит снова оторвалась от работы. — Пожалуй, вот этот момент был все-таки не совсем обычным. Нам всегда было слышно, когда мисс Барнетт собиралась лечь. У нее, кажется, была привычка бросать вещи на пол.

— Одежду?

— Возможно. Но скорее похоже было, что она сбрасывает туфли, одну за другой. Обычно мы хорошо слышали даже из этой комнаты, хотя она не находится прямо под спальней мисс Барнетт.

— И все-таки той ночью вы ничего похожего не услышали?

— Нет. Может быть, я была слишком поглощена работой, чтобы прислушиваться, но, по-моему, когда мы уже легли, мисс Барнетт еще не ложилась.

— Фу! — выдохнул Роджер в замешательстве. Факты не складывались так, как им следовало. Он решил слегка пооткровенничать, чтобы хоть немного подтолкнуть память хозяйки.

— Я понимаю, миссис Эннисмор-Смит, вам трудно понять, почему я задаю так много вопросов о том вечере. Если позволите, я объясню. Есть подозрение, что мисс Барнетт рассталась с жизнью значительно раньше, чем мы сначала предполагали, не в час ночи, а приблизительно

между десятью и половиной одиннадцатого вечера. Вот почему так важно выяснить, слышали ли вы что-нибудь необычное в это время.

В подлинности удивления миссис Эннисмор-Смит сомнения быть не могло.

— Но я сама слышала, как кто-то двигался наверху после часа, мы оба это слышали!

— Но этому у нас есть другое объяснение. Во всяком случае, вы теперь понимаете, куда направлены мои мысли. Я прошу вас еще немного порыться в памяти: не было ли в тот вечер еще чего-нибудь необычного, каким бы пустяком это ни выглядело. Пожалуйста!

Но миссис Эннисмор-Смит, на минуту сдвинув брови, лишь покачала головой.

— К сожалению, ничего, кроме того, что не было обычных звуков, с которыми мисс Барнетт обычно отходила ко сну.

— Может быть, вы слышали какие-то звуки на лестнице?

— Не припоминаю.

Роджер взглянул на нее с отчаянием. Наверняка у нее в руках ключ к головоломке, но она запутала все еще больше.

— Может быть, я смогу как-то расшевелить вашу память? Назову какой-то момент, который вызовет воспоминание? Например, когда ваш супруг задремал в кресле? Или когда вы только что кончили рукава и принялись за талию? Или сразу после того, как укололи палец?

Миссис Эннисмор-Смит улыбнулась слабой улыбкой.

— Ничего не выходит. Честно говоря, единственный несколько странноватый пустячок, это бечевка, которая на секунду залетела в кухонное окно, а потом снова вылетела.

Роджер так и подпрыгнул.

— Что?! Пожалуйста, повторите еще раз!

Миссис Эннисмор-Смит, не без удивления, повторила.

— Когда это случилось?!

— Когда я открыла фрамугу кухонного окна на минуту после того, как поставила чайник. Сделался такой сквозняк, что я тут же ее закрыла, но в этот промежуток в окно успела влететь и тут же вылететь бечевка.

— Это был конец бечевки?

— Нет, скорее, середина.

Роджер расплылся в улыбке, но тут же на его просиявшее было лицо напозло выражение недоверия.

— Но... но вы же сказали, что поставили чайник на плиту вскоре после того, как пришел ваш муж?

— Да. Около семи, насколько я помню.

— И эта бечевка влетела к вам раньше, чем в семь вечера?!

— Ну конечно. Послушайте, а что в этом такого странного?

Странного в этом было сколько угодно, но Роджер не стал ей об этом говорить. Он сидел, выдупившись на нее, как свиное чучело, пока миссис Эннисмор-Смит всерьез не встревожилась. Она ведь не знала, что в голове ее гостя происходит чрезвычайно напряженный мыслительный процесс.

— Вы больше ничего не припоминаете? — спросил наконец Роджер каким-то слегка придушенным голосом. — Ну что ж, тогда я пойду. Примите мою нижайшую благодарность, миссис Эннисмор-Смит. — Он поднялся, словно во сне, и направился к выходу.

Хозяйка попыталась его проводить, но он просто забыл о ее существовании. Мобилизовав все свои идеи, он лихорадочно пытался воссоздать события гибельного для мисс Барнетт дня, а такое усилие требовало очень большой сосредоточенности.

Какое-то время его мысли метались в полном хаосе. Только одна из них как бы светилась во тьме: содержимое желудка мисс Барнетт представляло собой не вечернюю булочку с изюмом, а булочку, съеденную в пять часов пополудни.

Иначе говоря, мисс Барнетт была убита не в десять тридцать, а в шесть часов вечера.

Все до единого алиби разлетелось, будто их ветром сдуло.

Глава 16

Сбегаая по лестнице, Роджер быстро прокручивал в голове имена и обстоятельства. Прежде чем он покинет здание, необходимо переговорить с миссис Бойд. В шесть часов вечера она была на посту. Он позвонил в ее дверь.

На звонок вышла не миссис Бойд. Дверь открыл невысокий, плотно сложенного мужчина в сорочке без воротничка, который, к тому же, забыл с утра побриться. Он вопросительно посмотрел на Роджера.

— Простите, могу я поговорить с миссис Бойд?

— Эм! — через плечо выкрикнул небритый. — Жентльмен тебя спрашивает. — И ушел, шлепая ковровыми шлепанцами.

Миссис Бойд появилась, блистая огромной брошью с карбункулом на мощной груди, обтянутой черным платьем; общий эффект снижался грязным фартуком, завязанным под грудью.

— А, это вы, — сказала она, неблагоприятно оглядев Роджера. Видимо, небритый ввел ее в заблуждение относительно характера визита.

— Ваш супруг? — любезно осведомился Роджер.

— Мой собственный, законный, венчаный, — свирепо отозвалась миссис Бойд. — Что-нибудь имеете против, молодой человек?

— Помилуйте, — торопливо проговорил Роджер, тщетно пытаясь развеять недоброежелательство, исходящее от консьержки. — Я всего лишь хотел задать вам два-три вопроса, миссис Бойд. Будьте добры, не могли бы вы сказать...

— Нет, не могу! — чуть ли не взвизгнула миссис Бойд. — И не скажу! Поведились тут изводить людей своими вопросами, да еще в такое время! Осточертели... Будто людям тут делать нечего, кроме как отвечать на ваши дурацкие вопросы днем и ночью! Я вам в лицо скажу, не стану я отвечать, это уж что хотите делайте! — И миссис Бойд поставила точку, хлопнув дверью перед самым носом незадачливого визитера и оставив после себя запах спиртного.

Роджер несолоно хлебавши отправился домой в Олбани. Сегодня тут делать было нечего.

Теперь, когда время убийства отодвинулось назад, дело стало выглядеть гораздо опрятней. Неприбранные концы ладно улеглись на место. Устроившись перед камином, Роджер заново выстроил всю последовательность событий.

Убийца (он все еще настаивал, что это была женщина) вошла в квартиру мисс Барнетт между половиной шестого и шестью часами. Заново сочинять способы, какими она воздействовала на негостеприимную мисс Барнетт, не было надобности. Как с большим на то основанием заявила миссис Бойд, мисс Барнетт была очень разборчива в своих посетителях. Оставалась сильная вероятность того, что перед мисс Барнетт предстала некая личность, известная ей и уважаемая ею (а если неизвестная, то такая, которая одной внешностью своей вызывает уважение, но это, на взгляд Роджера, было маловероятно). Убийство, несомненно, предумышленное, сценарий действий подручного подготовлен наперед, и так, чтобы не терять времени. Все это относилось к времени появления убийцы в квартире ближе к шести часам.

Когда с хозяйкой было покончено, главной задачей преступника стало создать впечатление, будто убийство произошло значительно позже. С этой целью покойницу переодели в ночную рубашку. В двух вещах преступники просчитались (Роджер с удовлетворением отметил, что как раз эти фактики вызвали у него сомнение перед последним визитом в "Монмут-мэншнз"): во-первых, они оставили жертве вставные зубы и, во-вторых, не надели на тело халат. То, что на покойной не было нижнего белья (это отметил Морсби), тоже прекрасно с этим согласовывалось.

В отличие от этих двух фактов, другие сыграли на руку преступникам. Из них самым заметным был тот, что дважды в течение пяти часов мисс Барнетт имела обыкновение пить чай с булочками с изюмом, но можно допустить, что это была не слепая удача, а искусно использованный результат добротной подготовки преступления. Следующий факт — рядом с кроватью стояла немытая чашка, а в постели полно крошек, по распоряжению Морсби подвергнутых лабораторному анализу. Может, и эти детали были подстроены, но Роджер склонялся к мысли, что просто так уж сошлось. Он пришел к этому выводу, припомнив, как выглядела кровать. Довольно трудно придать заправленной кровати такой вид, будто в ней спали, но в подлинности постели мисс Барнетт сомнений быть не могло. Попросту говоря, мисс Барнетт спала в своей постели, никогда ее не заправляя, и крошки могли копиться в ней неделями, так же как немытые чашки — рядом с ней. Особенности характера мисс Барнетт вполне позволяли сделать такое предположение.

Затем преступнице требовалось создать видимость лихорадочных поисков и установить приспособление для шумовых эффектов так, чтобы уйти до того, как вернется с работы миссис Эннисмор-Смит. Выйти следовало не позже 6.30. Ну, предположим, четверти часа вполне достаточно на все, так что пребывание преступницы в квартире мисс Барнетт длилось, скажем, от 5.55 до 6.10. Алиби, следовательно, следует проверять за этот временной интервал, и беседа с миссис Бойд (когда та протрезвеет) прояснит, кто в том или ином направлении пересекал порог "Монмут-мэншнз".

А между тем, следует ли посвящать Морсби в этот жизненно важный поворот дела?

Размышляя об этом, Роджер направился в спальню, где, увы, провел бессонную ночь.

Мистер Беррингтон-Брейбрук не покидал своего офиса во вторник двадцать пятого октября почти до семи вечера. Утомительные расспросы в универмаге Хэриджа продолжались почти целый день, и пришлось даже пригласить на обед клерка винного отдела, благодаря чему Роджер и получил, наконец, ценную информацию, подтвержденную неопровержимым свидетельством бухгалтерских книг.

Он выругал впустую потраченный день и злой, не выпивши чаю, в шестом часу вернулся к себе в Олбани, где в кабинете, за машинкой, обнаружил Стеллу, всем своим видом выражавшую терпеливое смирение. Роджер дернул за шнур звонка.

— Мидоуза нет, — сказала Стелла.

— Значит, как только он вернется, я его уволю.

— Он сказал, что на полдня сегодня выходной.

— Наплевать. Я его уволю. Какие могут быть выходные! Я всех увольняю. Вас тоже, Стелла.

— Вы уже пили чай?

— Нет.

— Я так и подумала. Я вам сейчас его приготовлю. — И она энергично вышла из кабинета.

Роджер рухнул в кресло и вытянул ноги к огню. Пожалуй, неплохо все-таки иметь в доме женщину. Во всяком случае, иногда.

Женщина вернулась с горячим чаем и сдобными булочками, налила ему чашку. Он проглотил три булочки подряд, и их сливочная мягкость его умиротворила. Он почувствовал себя лучше.

— Послушайте, Стелла, ну почему так чудовищно много времени надо угробить, чтобы выяснить, что некая особа делала в некое время некоего дня?

— Разве, мистер Шерингэм? Я никогда об этом не думала. Не представляю.

— Я тоже. И все-таки это то, чего, кажется, никто вспомнить не в состоянии. Так что, спроси я мужчину, что он делал в шесть часов вечера в прошлый вторник, чем и собираюсь вскоре заняться, он просто не будет иметь об этом никакого понятия.

— Тогда спросите женщину!

— Это я тоже предполагаю сделать, но от женщин толку еще меньше.

— Не может быть.

— Факт, дорогая моя. Это один из тех вопросов, на которые никто и никогда не может ответить. Да что там, даже вы, со всей вашей бесконечной деловитостью, даже вы с этим не справитесь.

— Вы слишком предубеждены. Что, опять пари? Я надеялась, вы сделали выводы.

— Ни в коем случае. Я не меняю своих привычек. Итак, чем бы вам хотелось пополнить свой гардероб?

— Это неважно. Я ставлю полкроны.

— Дорогая моя, я люблю, чтобы мои ставки стоили того, чтобы за них волноваться. Как насчет трех пар...

— Я вам сказала: полкроны.

— Ну что ж. Пусть будут несчастные полкроны. Итак, вперед, к победе! — Он подавил зевок и съел последнюю булочку.

Стелла принялась отсчитывать дни на пальцах.

— Да. Именно в этот день и в этот час я сидела в "Колизеуме". Полагаю, как раз в это время работали клоуны на велосипедах.

— Стелла Барнетт, речь идет о крупной денежной сумме. Вы не можете рассчитывать, что я вам поверю на слово.

— Боюсь, вам придется это сделать, — холодно заявила Стелла. — Будьте любезны отдать мне мои полкроны.

— Сначала докажите.

— Да как же я могу это доказать? Впрочем... не остались ли у меня корешки билетов? — Она поднялась, взяла сумочку и порылась в ней. — Пожалуйста! — воскликнула она победно, выхватив оттуда два листка желтоватой бумаги. — Второе представление, двадцать пятое октября. Я вовсе не так рассеянна, как вы думаете!

Роджер протянул ей монету.

— Я вижу, здесь два корешка, — вкрадчиво произнес он. — Значит, вы были там не одна?

— Даже я еще не дошла до того, чтобы одной ходить в "Колизеум"! — отрубил Стелла.

— В котором часу начинается второе представление? В четверть шестого? Если бы я, — Роджер выделил местоимение, — если бы я был обручен с прелестной девушкой, — он говорил тихо, задумчиво, словно с самим собой, — я бы никогда не повел ее развлекаться в такое несуразное время. Я бы повел ее в такое время, когда развлекаются люди, наделенные здравым смыслом, и сначала мы бы поужинали.

— Мистер Патерсен, то есть Ральф, он живет не в Лондоне, — слегка покраснев, сказала Стелла. — Ему не очень удобно поздно возвращаться домой.

— Если бы я был обручен с прелестной девушкой, — продолжал Роджер, — я бы служил ее прихотям, забыв о своем удобстве.

Стелла покраснела сильнее.

— Мистер Шерингэм, вам не кажется, что вы ведете себя вызывающе?

— Кажется, — улыбнулся Роджер. — Но, по правде сказать, нынче выдался такой бездарный и утомительный день, что мне хочется подержать. Ну не дуйтесь. Я не собираюсь оболгать вас. Не потому, конечно, что оболгание не в моих правилах, оболгание — занятие очень почтенное, а потому, что вы как-то не вызываете вдохновения.

— Насколько я понимаю, — ледяным тоном отозвалась Стелла, — как особь, нанятая для изучения, я по службе обязана позволять вам осуждать меня таким оскорбительным образом.

— Несомненно, — кивнул Роджер. — И кстати, об оскорбительных обсуждениях, я хотел бы еще раз встретиться с вашим молодым человеком.

— Зачем?

— Я хочу спросить у него: какого дьявола он в вас нашел?

Стелла вскочила, чуть не опрокинув чайный столик.

— Пожалуй, мне стоит нанести ему визит, — лениво продолжал Роджер. — Что, будет он дома сегодня вечером?

— Не могу вам сказать. — Стелла принялась ожесточенно напяливать шляпку. — Он живет в Танбридж-веллсе.

— Это я помню. Далековато, но думаю, того стоит. Потому что мне кажется, он сумеет меня просветить. Какой у него адрес?

Стелла не отвечала.

— Норов, норов, Стелла. Держите себя в руках!

Молчание.

— У него есть машина?

Молчание.

— Ладно, я ему позвоню.

— Вы не знаете номера!

— Ага, телефон у него, значит, есть? Благодарю вас. Я сумею узнать номер. — Роджер поднялся с кресла.

— Мистер Шерингэм, — в бешенстве произнесла Стелла. — Я запрещаю вам звонить ему!

— Ну и ну! — уставился на нее Роджер. — Почему же?

— Его дома не будет. Он... он живет с родителями. Они разволнуются.

— Вот уж действительно! С какой стати? Я просто оставлю ему записку.

— Какую записку?

— Ну, — улыбнулся Роджер, — например, попрошу его написать мне и объяснить, почему он угощает невесту таким несъедобным блюдом, как пятичасовое представление в мюзик-холле.

Стелла даже ногой притопнула.

— Мистер Шерингэм, вы невыносимы! Вы не станете звонить Ральфу!

— Почему?

— Потому... потому, что это абсурдно! Ну, так случилось, что я не с ним была в "Колизеуме".

— О!

Они впились друг в друга глазами. Ситуация, минуту назад фарсовая, достигла драматического накала. Когда напряжение стало невыносимым, Роджер снова опустился в кресло.

— Да пожалуйста. Я бы и не подумал вас выдавать. Просто хотел предложить ему поужинать вместе, может, он сел бы на свой мотоцикл и примчался сюда. Я полагаю, он катает вас на заднем сиденье?

— Нет, не катает, потому что у него не мотоциклет, а машина, — отрезала Стелла, а потом, нахмурившись, уставилась на него: — А почему вы решили, что у него мотоцикл?

— Я не решил, — пояснил Роджер. — Я просто веду беседу. Между прочим, Стелла, у меня к вам маленькая просьба. На будущей неделе я приглашен на бал-маскарад. Где бы взять напрокат костюм?

— Не имею ни малейшего представления.

— Ну, а где вы берете свои?

— Если необходимо, шью их сама.

— Но я не могу последовать вашему примеру! — с пафосом произнес Роджер. — Я так неловок с иглой! Не могли бы вы не стучать на машинке, а соорудить мне костюм?

— Какой именно? — недовольно спросила Стелла, укладывая позелантой воротник пальто.

— Я подумываю вырядиться монахом. Неплохая мысль, а?

— Почему монахом?

— Ну как же, мы ведь с вами оба так отвратительно целомудренны, не так ли? Как, Стелла, вы уже уходите?

— А что, для меня есть работа? — более чем холодно осведомилась мисс Барнетт.

— Нет, пожалуй, вы все уже сделали. До свиданья.

— До свиданья, — еще холодней отозвалась Стелла.

— Завтра в обычное время? — крикнул Роджер в закрывающуюся дверь.

— Разумеется, — донеслось из коридора.

Долго еще после того, как ушла Стелла, Роджер, насупившись, сидел в кабинете. Обычно, когда у Мидоуза было, как сегодня, полдня свободных, Роджер ужинал где-нибудь в ресторане. Нынче он не двинулся с места, даже когда час ужина давно миновал. Это в последний раз, за рекса он, в последний раз дело "Монмут-мэншнз" заставляет его забыть о еде.

Потом он поднялся, чувствуя, как его переполняет отвращение. Это дело ему претило, просто претило, именно так. Он сожалел, что ввязался в него, он чувствовал себя глубоко несчастным оттого, что по природе своей не мог бросить его, не доведя до конца, ему, наконец, было жалко, что он уже его разрешил. Ибо теперь он не знал, что же с ним делать.

Именно этот вопрос приковал его к креслу в последние два часа. Промашки тут быть не могло — он верно решил головоломку. Решение явилось ему готовенькое, во вспышке вдохновенного озарения. Внезапно он увидел всю картинку, с каждой деталью, аккуратно вопедшей в предназначенный для нее паз, вплоть до лепешки глины. Ключевой деталью, конечно, были четки, и ведь он с самого начала знал, что так и должно быть. Как все теперь казалось очевидным, теперь, когда раскрылись глаза!

Да, но что же с этим делать? Вот в чем задача. Слова стеллиного лягушонка пришли ему на ум, и Роджер, пожав плечами, не мог с ними не согласиться: от живой мисс Барнетт проку не было никакого, от мертвой — был. Но погибла она вследствие хладнокровного, преднамеренного убийства. На такое злодеяние невозможно ответить лишь мягким укором. И все-таки...

В конце концов Роджер понял, что ему надо делать. Он сообщит Морсби те данные, которые ему самому помогли добраться до сути. Если Морсби не внемлет им, это будет вина Морсби. И вне зависимости от того, как поступит старший инспектор, Роджер тактично сообщит тем, кто владеет секретом, что последний больше не является таковым.

Он подошел к телефонному аппарату и попросил Скотланд-Ярд. Старшего инспектора на службе уже не оказалось, и Роджера соединили с его квартирой в Баттерси.

— Алло! — донесся голос Морсби. — О, мистер Шерингэм? Слушаю, сэр, чем могу быть полезен?

— Я по поводу "Монмут-мэншиз", Морсби. Вы уже взяли того парня?

— Не вполне. У нас тут еще несколько осложнений, мистер Шерингэм, ничего не попишешь. Но все нити у нас в руках. Вы можете ожидать ареста практически в любой момент.

— Понятно, — с сомнением в голосе произнес Роджер: Морсби всегда отличался оптимизмом. — На основании тех улик, о которых мы с вами говорили?

— Тех самых, сэр.

— Значит, нового ничего не появилось?

— Нет, мистер Шерингэм, боюсь, что нет.

— Что ж, Морсби. Я тут все обдумал и звоню вам, чтобы подкинуть три соображения, которые пришли мне в голову, и еще одну улику, которую я сам обнаружил.

— В самом деле, сэр? — Если в голосе Роджера читалось сомнение, то в голосе Морсби его было раза в три больше. Нельзя было не понять, что старший инспектор исполнен скепсиса относительно улики, откопанной мистером Шерингэмом.

— Да, Морсби, и на этом я выхожу из игры. Отныне дело вполне разрешимо и больше меня не занимает. Завтра я начинаю новую книгу, а вы понимаете, что это значит. Вот вам улика, а точнее, ее следствие: мисс Барнетт была убита не в десять тридцать, а в шесть вечера. — И Роджер выложил те факты, которые доказывали это утверждение.

— Понятно, — задумчиво произнес Морсби.

— А вот еще три соображения, которые мне хотелось предложить вашему вниманию. — Роджер сформулировал первое.

— А, ну как же, это мы знаем, конечно.

— Знаете? Прекрасно. А это вы знаете? Что мисс Барнетт курила сигареты "Плейерс"?

— Да, сэр, я видел пачку в квартире. Но я не...

— И третий тезис: монахини ходят парами.

— Что?!

— Подумайте хорошенько, — посоветовал Роджер и повесил трубку. Он посмотрел на часы. Было уже четверть девятого.

Он снова поднял трубку и набрал другой номер, номер своего доверенного сыскного агента. Как он ни убежден в своей правоте, удостовериться лишний раз не помешает.

Глава 17

Роджер оборвал разговор о "Колизеуме".

— Я подиктую, — сказал он и занял соответствующую позицию у камина.

Стелла подняла глаза.

— Мне стенографировать или печатать?

— Печатать. Название: "Синопсис".

— Это для романа, который вы начали позавчера, или что-то новое?

— Совершенно новое, — с легкой улыбкой произнес Роджер. — Не удивляйтесь, если кто-то из героев покажется вам знакомым. Я говорил вам, что изучаю характеры для новой книги, и теперь хочу записать то, что собрал, пока оно еще свежо в памяти.

Стелла кивнула.

— Мисс Барнстэпл — пожилая женщина, живущая в одиночестве на верхнем этаже доходного дома, — размеренно начал Роджер. — Она заворница, и у нее только одна приятельница — миссис Анчоус, ее соседка. Мисс Барнстэпл имеет значительный личный доход. Скупа и держит крупную сумму денег в коробке под кроватью, о чем по округе ходит множество слухов.

Стелла, не переставая мелькать пальцами по клавишам машинки, подняла брови. Такой зачин явно не соответствовал ее представлениям о хорошем вкусе.

— Мисс Барнстэпл — мы будем называть ее мисс Б. для краткости, — продолжал Роджер, — в быту неряшлива, нечистоплотна, небрежна. Ее приятельница миссис Анчоус — во многих отношениях ее бледная копия, но гораздо более располагающая к себе. У нее также есть приличный доход, однако в последнее время вследствие неразумных спекуляций она потеряла большую сумму. В настоящий момент ее финансовое положение небезопасно. Между прочим, это все художественный вымысел, Стелла, я надеюсь, вы понимаете.

— Конечно, — последовал краткий ответ.

— Также в тяжелом положении находятся Превенси-Доунзы, средних лет семейная пара, которая занимает квартиру непосредственно под мисс Б. Он как-то связан с театром, она — управляющая маленьким магазином шляп на Уордер-стрит, принадлежащим одной европейской фирме. Характеры: мистер П.-Д. — слабый, добродушный, очаровательный приживал, будь подтверже, стал бы мошенником; миссис П.-Д. — гордая, отважная, скрупулезно честная. Записали?

— Да.

— Присматривает за этим домом миссис Флойд, создание грубое, низкое и скандальное, но работник надежный. Если есть деньги, не прочь выпить. Ее муж примерно того же сорта, по профессии, думаю, водопроводчик. Остальными обитателями дома мы пока что, в целях экономии времени, заниматься не будем.

Однажды, примерно... О, я забыл. Вычеркните это. С новой строки. У мисс Барнстэпл имеется племянница, Элла Барнстэпл, хорошенькая девушка со спортивной фигурой. В результате любопытных поворотов семейной истории, на которых мы сейчас останавливаться не будем, мисс Б. никогда не видела своей племянницы, но это, по всей видимости, не беспокоит ни ту, ни другую. Эта племянница, должен вам сказать, обручена с молодым человеком, в прошлом спортсменом, по имени Рэндольф Пикеринг (это герой), который живет в Северноксе (это горо-

док, расположенный неподалеку от другого местечка в Кенте под названием Танбридж-веллс, вы, наверно, помните). Записали?

Стелла кивнула.

По мере продолжения диктовки ее брови опять поднялись.

— Однажды после обеда мисс Барнстэпл нашли убитой. В ночной рубашке она лежала на полу спальни. Постель была помята так, словно она в ней лежала, когда раздался звонок, и поднялась, чтобы открыть дверь убийце. Врачи смогли определить время смерти лишь в интервале: не менее двенадцати — не более двадцати четырех часов назад. В квартире все было вверх дном, что указывало на энергичные поиски. Коробка под кроватью, в которой мисс Б. хранила свои деньги, оказалась пуста. Все преступление носило на себе печать известного вора-рецидивиста, почерк которого хорошо известен полиции, и в адрес этой преступной личности немедленно последовал официальный вопль: "Ату его!" Именно такой реакции и добивался убийца, хотя я не думаю, что он мог предвидеть этот феномен немедленной атрибутации преступления определенному преступнику, тут уж ему просто повезло. Записали?

— Да, но... — Стелла запнулась. — Вы ведь не всерьез собираетесь писать роман с таким сюжетом, мистер Шерингэм?

— А почему бы и нет? Я придумал роскошную развязку. Вам поначалу она может показаться фантастической, но я готов ее защищать. Продолжим?

Итак, преступление было осуществлено самым остроумным образом. Перед убийцей стояла задача войти в здание и выйти из него, не подвергаясь опасности быть узнанным на месте или опознанным впоследствии. Следовательно, требовалась маскировка, причем эта маскировка сама по себе должна была оправдать звонок в дверь мисс Б., произведенный с целью выяснить, одна она или нет, и если первое, то проникнуть в квартиру. Помимо этого, маскировка должна была быть такого свойства, чтобы не привлекать никакого внимания. В итоге преступник остановился на безупречном выборе. В качестве маскарадного костюма он избрал одеяние монахини или сестры ордена милосердия, собирающей пожертвования по подписке. В Лондоне, как вы, конечно, знаете, это довольно частая картина. Роль была сыграна так педантично, что первый визит, в сущности, был нанесен миссис Флойд, консьержке, так же, как это было бы, явись в дом настоящие сборщицы пожертвований. Это было сделано с целью отвести от монахини подозрения, если ее кто-нибудь увидит в доме. При этом была допущена только одна ошибка: преступник забыл, что монахини всегда ходят парами: то ли они не доверяют друг другу, то ли опасаются мужского населения Лондона, но поодиночке на улице вы их никогда не увидите.

Успешное использование этой маскировки (не вызвавшее, кстати, никаких подозрений в течение довольно долгого времени) представляет нам на суд одно из характерных свойств личности преступника — а именно, способность к лицедейству. Следовательно, если среди вышеописанных персонажей есть некто с явным актерским дарованием, значит, перед нами важное свидетельство, указывающее на личность преступника, не так ли?

— Вы задаете вопрос мне, мистер Шерингэм, или диктуете синопсис?

— Пожалуй, и то, и другое, — признался Роджер. — Как бы там ни было, запишите это в точности, как я сказал. Я не слишком быстро?

— Ничуть.

— Отлично. Еще одним характерным свойством преступника, которое он обнаружил, является тщательная организация внутреннего убранства квартиры после убийства мисс Барнетт. Совершенно очевидно, что он был подготовлен кем-то, кому хорошо известен метод расследования преступлений, практикуемый Скотланд-Ярдом, так называемый "modus operandi". Все было проделано с большой тщательностью, чтобы создать впечатление, что действовал профессиональный преступник: веревка, свечка, перчатки, грязный стакан, бутылка виски, — решительно все. Это мог осуществить лишь человек, так глубоко интересующийся криминологией, что он не поленился проштудировать полицейские отчеты об аналогичных квартирных ограблениях.

Роджер сделал паузу, но Стелла ничего не сказала и даже не подняла глаз. Глядя на нее, можно было судить, что этот замечательный синопсис если не нагнал на нее скуку, то уж, во всяком случае, и интереса не вызвал.

— Убийство, должен я вам сказать, имело место несколько минут спустя после шести часов вечера. Следовательно, мизансцена была разработана убийцей с двумя целями: первая — сделать все так, чтобы было похоже на работу профессионала, вторая — создать видимость, что мисс Барнетт была убита семьей часами позже. Убийца, разумеется, хорошо изучил привычки жертвы и практически наверняка знал, что в этот промежуток времени ее никто не побеспокоит, а если кто-то и позвонит в дверь, то отсутствие ответа ни в малейшей степени никому не покажется странным. Чтобы усугубить обман, тело переодели в ночную рубашку. Крошки в постели и невытая чашка рядом с кроватью, оставшаяся с прошлой ночи, оказались двумя удачными для преступника деталями, делающими инсценировку еще более убедительной. Однако не обошлось и без ошибок, одна из которых состояла в том, что у покойницы не вынули изо рта зубной протез, а вторая — что ее слишком раздели. Женщина с такими привычками, раздеваясь на ночь, оставит хотя бы сорочку и, вероятно, еще чулки... вы что-то сказали?

— Вы на самом деле хотите, чтобы я это печатала? — несколько резковато спросила Стелла.

— А почему нет?

— Мне кажется, в этом нет никакой необходимости.

— Уверяю вас, есть. Так где мы остановились? А, да. Ну, мы не станем задерживаться на роли подручного, состоявшей в том, чтобы вытащить веревку в окно и произвести весь тот шум, который был слышен в квартире этажом ниже. Вы сможете добавить это позже, из заметок в досье. Мы сейчас перейдем к самому интересному, к героине. Я собираюсь, — с рассчитанной неторопливостью сказал Роджер, — в этом романе сделать убийцей героиню. Вы ведь не станете возражать, Стелла, верно?

Они посмотрели прямо в глаза друг другу.

Стелла внезапно побелела и тут же вспыхнула.

— С какой стати я должна возражать? — спросила она тихо, но вполне владея собой.

— И правда, с какой? — легко согласился Роджер. — Ну, тогда я расскажу вам, как это было проделано. Напоминаю, что все это, разумеется, вымысел.

Итак, племянница купила два билета на второе представление в "Колизеум". Начинается оно в пять пятнадцать. Однако в мюзик-холле она была без жениха, которому надо было успеть домой к ужину, а это значит, что к шести он должен был уже покинуть Лондон. На самом же деле сложилось так, и это я знаю точно, что раньше семи он уже был дома, следовательно, на поезд сел не позднее половины шестого.

— Откуда такие сведения? — спокойно осведомилась Стелла.

— Я побеспокоился выяснить это — не в жизни, а в книге, разумеется, — позвонив, прежде чем отправиться в "Колизеум", своему сыскному агенту. Это было вчера вечером. Ответ пришел к полуночи, работа оказалась несложной. Но вернемся лучше к племяннице. Она признает, что отправилась в "Колизеум" одна, потому что в последний момент ее приятельница заболела. Возможно, на пустующее кресло она положила свое пальто, но мы не будем вникать в такие мелочи. Суть в том, что она пропустила несколько номеров. Она пропустила, к примеру, скетчи "Турецкие сигареты" и "Третья мелодия", которые шли на прошлой неделе. Более того, насколько я могу припомнить, оба скетча игрались как раз между 5.45 и 6.15. Правильно?

Стелла смотрела на него во все глаза.

— Это ваша манера шутить, мистер Шерингэм? Я прекрасно вспомнила оба скетча, как только вы их назвали. Я...

— Да, но это неважно. Это ведь просто выдумка, вы разве забыли? Это в романе племянница оставляет пальто и вещи в кресле, а сама исчезает примерно на полчаса. Монашеская ряса была либо у нее с собой, либо где-нибудь спрятана, ее легко накинуть в чем бы ты ни был, длинные полы скрывают даже туфли на высоких каблуках. Переодеться можно под лестницей метрополитена, в общественной уборной, где угодно.

Затем она отправилась в "Монмут-мэншнз". Это заняло не больше четверти часа, потому что она девушка энергичная и заранее очень хорошо подготовилась. К двадцати минутам седьмого она уже сидела в своем кресле в "Колизеуме" приблизительно с шестью сотнями фунтов в сумке. И на этом ее роль завершилась. Разумеется, она сохранила корешки билетов на спектакль, вместо того чтобы выбросить их, как обычно. И, разумеется, впоследствии она очень охотно отвечала на вопросы о том, где находилась в это время.

Кроме тех ошибок, о которых уже говорилось, она совершила еще одну, положив на кухонный пол шматок глины, но это, пожалуй, вина не ее, поскольку ей было велено его положить, и она выполнила приказ. Ошибка состояла в том, что это был особенный род глины. Как выяснила полиция, такая глина имеется в окрестностях Брейсингема. Но Тан-

бридж-веллс — я хочу сказать, Севенокс — находится всего в шести милях от Брейсингема, не так ли?

Итак, с ее ролью мы кончили. Займемся теперь женихом. В одиннадцать вечера он лег спать. Об этом есть показания свидетелей. Чего в показаниях свидетелей нет, так это того, что в одиннадцать тридцать он вышел из дому, сел в машину и вернулся в Лондон, чтобы сыграть там роль, описанную в тех заметках, которые я надиктовал вам третьего дня. Единственный промах, который он допускает, тем отлучается, что он этот промах не мог не допустить. У него физиономия лягушачья. Шофер, показания которого вы, наверно, помните, сказал, что человек, лезший через стену, будто берет препятствие, казалось, широко ухмылялся. Я думаю, это очень наглядное описание гримасы, с которой берет препятствие человек, похожий лицом на лягушку, правда?

Я, кажется, сказал вам, что племянница, помимо упомянутых, ошибок не совершала. Право, не знаю, можно ли назвать ошибкой то, что она использовала четки, которые монахини носят у пояса, в качестве орудия удушения, поскольку, если хорошенько подумать, четки все-таки наводят на мысль о монахинях. Но думать пришлось и впрямь хорошенько.

Так уж странно сошлось, что чуть позже племянница пошла в секретарши к писателю, который не только питал большой интерес к расследованию преступлений вообще, но в данный момент с головой ушел в распутывание именно этого преступления. Не знаю, было бы лучше, если б она не столь скептически относилась к тем воистину хитроумным находкам, которые он совершал на ниве криминалистики, или если б она проявляла чуть больше интереса к делу, интереса, который наверняка втайне испытывала, поскольку ее безразличие поразило его как чрезмерное, неестественное — ведь в конце концов речь шла об убийстве ее родственницы. Правда, жест негодующего отказа от наследства был отменно придуман, и позже, по настоянию жениха, она вполне могла его, этот отказ, пересмотреть. (Между прочим, мисс Барнстэп, конечно, оставила завещание, а племянница нашла его и уничтожила). Еще она слишком поторопилась с уборкой в квартире покойницы и действительно успела уничтожить все улики, которые могла проглядеть полиция. Но в целом она сыграла свою роль столь же убедительно, сколь мастерски несколько позже лицедействовала в магазине на Шафтсбюри-авеню.

Вот и вся история, Стелла.

Та даже не делала вид, что записывает. Вся ее подтянутость испарилась, и она сидела в кресле мешком, не отрывая от Роджера глаз. Лицо ее было залито краской и будто скомкано, а нижняя губка закушена до бела.

После мучительного молчания она с трудом выдавила из себя:

— Мистер Шерингэм, я... я... я... — и тут ее поразительное самообладание рухнуло. Она закрыла лицо руками, и ее затрясло.

Роджер смотрел на нее в смущении. Мудро ли он поступил, выложив ей все так в лоб? Надо было проделать это поделикатней. Похоже, он влип в эту историю глубже, чем рассчитывал. Вот идиот, надо было слегка намекнуть, и все, надо было держаться так, будто все это беллет-

ристика, а не вываливать, как есть, с прямою, достойной лучшего применения. Как теперь ему все это разгрести?

Зазвонил телефон, и он автоматически снял трубку.

— Мистер Шерингэм? — услышал он голос Морсби, звучавший, как показалось Роджеру, добродушной обычного. — Я подумал, вам будет небезынтересно узнать, сэр, что все кончено, канарейка в клетке.

— А? — только и произнес Роджер.

— После ваших вчерашних намеков, сэр, я вчера ночью занялся Лил — помните, девчонкой Малыша. Я и раньше пытался, да она все отмазывалась. Ну, а вчера я ее расколосил. Как? Ну, знаете, Малыш на полном серьезе подлаживался к той, другой девчонке в Льюисе, а Лил об этом не знала. Он внушил ей, что та у него просто для алиби. Мы и намекнули Лил, что ей морочат голову, и когда до нее наконец дошло, она, как положено, открыла рот и разговорилась. Ревность — лучшее средство разговорить женщину.

В общем, я поздравляю вас, мистер Шерингэм. Все было в точности, как вы сказали. Ваш первый тезис — общедоступные увеселительные заведения не слишком надежное алиби. Мы это знали, конечно, да ведь время не совпадало. Конечно, я и сам заподозрил сразу, что тут что-то не так. Уж слишком гладко Малыш все это расписывал. В общем, как бы там ни было, в кино у них была ложа, и Малыш прямо там и надел рясу. Он сказал Лил, что управится за полчаса, но вернулся больше чем через час и в ужасной горячке. Он рассказал ей все и показал деньги. Конечно, убивать старуху он не собирался, но так уж вышло, и он не потерял головы, а сел, подумал и устроил все в точности, как вы сказали, а уходя, высыпал на пол чулана окурки из пепельницы. Он хотел, чтобы Лил пошла ночью во двор и подергала за веревку, но она сдрейфила. Зато мысль о бегуне, который изо всех сил должен обращать на себя внимание, кажется, принадлежит ей.

Тогда Малыш отправился к своему приятелю, Чарли Дэвису, и рассказал ему, в какой попал переplet. Чарли за половину добычи согласился подергать за веревку и изобразить кросс. Чарли наш старый знакомый, час назад его сюда доставили, и он сознался. Оба они с Лил, конечно, соучастники. Против него мы выдвигаем обвинение, а Лил позволим выступить со стороны прокурора: оно того стоит. Я только что говорил по телефону с Льюисом. Малыш на месте, мы его из виду не выпускали ни на минуту, и сейчас его будут брать.

Скажу вам, мистер Шерингэм, со всей откровенностью, что только благодаря вам нам удалось заполучить его так быстро.

— Да, — автоматически проговорил Роджер.

— Мы бы в конце концов и сами его достали, мы всегда их в конце концов достаем, но вы все время шли в нескольких шагах впереди.

— Да, — повторил Роджер.

— Шеф очень доволен, уж будьте спокойны. Через несколько минут он позвонит вам и сам выскажется. Я подумал, вам сначала лучше все узнать от меня.

— Я очень благодарен вам, Морсби. — Роджер положил трубку на рычажок и посмотрел на Стеллу. Она все еще тряслась в своем кресле,

прижимая ко рту платок. Он никогда не видел, чтобы девушка так заходила от смеха.

Именно в минуты великих потрясений настоящий мужчина показывает, на что он способен. Роджер в настоящий момент переживал одно из величайших потрясений своей жизни. Если он сейчас не возьмет ситуацию в руки, до конца своих дней эта девица будет впадать в истерический хохот при одном упоминании его имени. Верно, даже в гробу будет вздрагивать, взамен смешка, когда бы "Роджер Шерингэм" не прозвучало в небесном эфире.

Он выдавил из себя улыбку.

— Я, собственно, хотел, Стелла, напугать вас. Разве не логично я все это выстроил? Конечно, может, мне не следовало так уж резво водить вас за нос...

— Вот еще! За нос! — билась она в конвульсиях. — Вы это всерьез... ааа-ха-ха-ха!

— Дорогая моя! — оскорбился Роджер. Ему и впрямь было неприятно. Черт побери, да почему она ему не верит!

Но Стелла не верила ему самым откровеннейшим образом. Он мог бы подумать, что приятно, наконец, убедиться в том, что мисс Барнетт все-таки живой человек, но он этого не подумал.

А она все хохотала и хохотала. Слезы текли из прекрасных глаз по нежным щечкам в румяный рот, но Роджер был не в силах любоваться этой дивной картинкой.

Снова зазвонил телефон.

Это был сэр Артур Макфарлейн, помощник комиссара, намеревавшийся сообщить Роджеру нечто очень и очень лестное. Роджер, однако, слушая его комплименты вполуха, поскольку они звучали на фоне хоть и стихающих, но все еще судорожных всхлипов Стеллы.

И тут ему явилась мысль, достойная настоящего мужчины.

— Сэр Артур, — сказал он в трубку, — не сочли бы вы за труд повторить суть того, что сейчас говорили моей секретарше? Эта пропитанная скепсисом молодая особа отказывается верить, что я был вам полезен.

Сэр Артур живо выразил готовность осуществить акт элементарной справедливости.

Роджер протянул трубку Стелле.

— Держите себя в руках, женщина! С вами будет говорить помощник комиссара отдела уголовного розыска.

Стелла поднесла трубку к уху. Понемногу выражение ее лица менялось. Веселье сменилось сомнением, сомнение — верой, вера — раскаянием, раскаяние — уважением, уважение — восхищением. С глубоким удовлетворением наблюдал Роджер за этими переменами.

Она опустила трубку.

— Значит, вы и вправду водили меня за нос? — спросила она смиренно.

— Ну я же вам говорил! — легко сказал Роджер. — Очевидно, это получилось у меня лучше, чем я надеялся. Прошу прощенья, что во имя пущей правдоподобности мне пришлось использовать имя вашего жениха.

Стелла принялась приводить в порядок лицо, понесшее некоторый урон в результате этого спектакля.

— Можете об этом не беспокоиться, — сказала она, сосредоточенно глядясь в зеркальце и орудуя пуховкой. — Один добрый розыгрыш стоит другого. Так и быть, я тоже признаюсь. Я не обручена. И никогда не была обручена.

— Как! Но вы же ясно сказали мне, что...

— Да, потому что думала, что так будет безопаснее, — откровенно призналась Стелла. — Вы показались мне человеком, который не упустит возможности приударить за непристроенной секретаршей, и всякий прочий вздор. Поэтому я выдумала жениха. Потом, когда вы настояли на том, чтобы с ним встретиться, мне пришлось попросить Ральфа Патерсона занять эту вакансию на время обеда. Патерсоны — мои старые друзья. Мы с Ральфом практически выросли вместе.

— Но почему вы сейчас мне открылись?

— О, я больше не смогла бы с этим тянуть. Видите ли, мое амплуа — короткие пьески, а не пятиактные драмы. Кроме того, вы все равно меня бы разоблачили.

— Значит, вы ни с кем не обручены?

— Именно в этом, — мягко сказала Стелла, — и состоит вся идея.

Роджер набрал в грудь воздуха.

— А за меня вы выйдете, Стелла?

— Нет, — сказала она.

— Слава Богу, — выдохнул он.

Перевод с английского Эвелины Меленевской.

Светлана БЕЛЯЕВА

«Поцелуйте меня в резюме»

Речь у нас пойдет о проблеме трудоустройства на свободном рынке труда. Том самом, что свалился, как и многое за последнее время прочее, на наши головы. Надо признать, мало к тому подготовленные. Многие граждане и опомниться не успели, как их сделали "свободными": освободили от давно и уютно занимаемой должности. Были ли мы готовы к тому, чтобы в свои близко пенсионные 45-50 оказаться безработными? Были ли готовы рассматривать собственную профессиональную квалификацию как товар, который нужно грамотно (в смысле, не ниже его рыночной стоимости, а лучше, конечно, выше!) продать? То-то и оно, что не были...

Сразу оговорюсь: я буду говорить о проблеме трудоустройства в большом городе. Давать советы, как искать работу, жителям маленьких городков, где закрылись единственные их предприятия-кормильцы, — считаю чистым фарисейством.

**У наших
безработных —
собственная
гордость!**

Оказывалась ли я без работы? Да. Была ли когда-либо безработной? В строго определенном законодательством значении — нет. Будучи освобожденной от занимаемой должности, я всегда находила себе хорошую новую должность гораздо раньше срока, позволяющего причислять человека к скорбящему племени "лишних людей". Уверена, что безработица как социальное зло лично мне не грозит. Такую уверенность дает мой большой и — что нынче проку в ложной скромности? — богатый опыт самотрудоустройства.

Этот опыт позволяет сделать следующее, для кого-то нелюбимое, заявление: чтобы в наше время не найти работу в большом российском городе, — надо быть или круглым идиотом или без-

дельником по призванию. И не говорите мне, что вы целых два раза звонили по объявлениям в марте, а потом один раз в июне, но работы так и не нашли. На бирже труда в московском районе Тушино, куда приходят именно безработные, весь месяц май провисело объявление: "Срочно требуется няня для пятилетней девочки". За зарплату в тысячу рублей "новыми" надо было пять раз в неделю забрать ребенка из сада, покормить готовым ужином и погулять. Не позвонил никто! Маме девочки пришлось бросить хорошую работу и сидеть с дочкой.

Малообъяснимый, но отмеченный многими наблюдательными умами феномен: только в России безработные ищут не работу, а комфортное, высокооплачиваемое и необременительное рабочее место. Попробуйте ради эксперимента опровергнуть либо подтвердить достоверность этого утверждения — предложите знакомому безработному за деньги вымыть квартиру, поклеить обои, починить замок или покажите ему сорванное с дверей соседнего супер-маркета объявление о вакансии продавца канцелярского отдела. В девяносто девяти случаях из ста ваш знакомый на вас обидится. У него же среднее специальное или даже высшее! И он гордится занимаемой на социальной лестнице ступенькой, право на которую получил когда-то вместе с вузовским дипломом: уж лучше быть безработным инженером, чем работающим сторожем.

Видимо, у зарубежных безработных с гордостью все обстоит несколько иначе, чем у наших. Английский антер, вре-

менно потерявший работу, — устраивается портье. Французский учитель — работает няней. Пятидесятилетний американец идет и учится вместе с двадцатилетними на курсах, если это поможет ему найти работу. Да и наша молодежь, в основной массе, уже усвоила эти новые правила жизни — "заботиться о себе сам". И только мои сорокапятилетние соотечественники, полные сил и желаний, будут, как и десять лет назад "в эпоху развитого социализма", нудно рассуждать о необходимости связей и знакомств при поисках и приеме на работу.

Думаю, все дело тут в плодах бесплатного образования и системы обязательного государственного распределения (своего рода страховки от безработицы), которые сбили моих ровесников, успевших аку-

В соответствии с Порядком регистрации безработных граждан, утвержденным Постановлением Правительства РФ № 458 от 22 апреля 1997 года, статус "безработный" присваивается человеку, если вопрос о его трудоустройстве не удается решить в течение десяти дней со дня его обращения в государственную службу по труду и занятости населения.

свить их, с толку. Вспомните, как легко поступали когда-то в не очень престижные институты, не говоря уж про училища и техникумы. Ное-как учись, получай диплом, а потом качай свое конституционное право на труд, соответствующий твоей квалификации. Без работы не оставался никто — будь он хоть круглый сирота. А вот когда речь шла о хорошем рабочем месте, тут уж — что правда, то правда! — цена специалиста на социальстическом рынке труда, действительно, часто зависела не от уровня его профессиональных способностей, а от наличия дяди, тети или двоюродного бабушкиного шурина, которые были при должности в соответствующем профильном министерстве, учреждении или предприятии. И для которых производственные показатели родного ведомства были все же ме-

нее значимы, чем обстоятельство, уназы-
вающее на родственные связи.

Так — было. А что сейчас? Как мо-
жет решить проблему своего трудоу-
стройства, например, москвич, желающий
найти не просто работу, а именно хоро-
шее рабочее место, и что ему для этого
полезно знать?

Нужны ли солидной фирме "знакомые"?

Все специалисты городских служб
занятости населения пишут об остром
дефиците рабочей силы всех специаль-
ностей и категорий. Еженедельно в
Москве выходит 12-15 толстых газет,
посвященных исключительно трудоу-
стройству граждан. Добавьте сюда еще
постоянные разделы вроде "Наша биржа
труда", публикуемые популярными мно-
готыражными изданиями. Итого в неде-
лю объявляется 12-15 тысяч самых раз-
нообразных вакансий. Часть из них
относится к государственному сектору
экономики, другая (и, пожалуй, боль-
шая) — к негосударственному, коммер-
ческому. И поскольку, как уже много
про то писано, уборщица в коммерчес-
кой фирме получает сегодня примерно
столько же, сколько профессор МГУ, а
мы договорились "рассматривать пред-
ложения" не просто о работе, а о достой-
ном и высокооплачиваемом рабочем ме-
сте, — то и будем иметь в виду вакансии
в коммерческих структурах.

Предпринимательский сектор пред-
почитает нанимать работников через
специальные фирмы по трудоустрой-
ству — так называемые рекрутерские
агентства. В Москве уже не первый год
действуют около 200 таких получивших
государственную лицензию предприя-
тий, которые даже успели объединиться
в собственный профсоюз — Российскую
Ассоциацию рекрутерских агентств.
Примерно столько же — работают без
лицензии.

В крупных, "раскрученных" агентст-
вах сидят преуспевающие, прекрасно
одетые люди, свободно болтающие на
иностранных языках. Вежливые. И хоть
понимаешь, что улыбка их не более, чем
профессиональная обязанность, — а
все равно приятно. Офисы таких
агентств часто расположены в центре
города — приличная мебель, компьюте-
ры, бесплатные обеды для сотрудников
(что тоже показатель, правда?).

Движет ими, естественно, не филан-
тропия: посредническая деятельность
на рынке труда — серьезный и уважае-
мый во всем цивилизованном капита-
листическом мире бизнес, приносящий его
хозяевам прибыль. Судите сами: гонор-
ар, получаемый таким агентством, ра-
вен 10-20 процентам от годовой зарпла-
ты сотрудника, которого оно подобрало
для фирмы-клиента. То есть, в среднем
1,5 — 2 тысячи долларов за один выпол-
ненный заказ. Иностранные компании,
действующие на российском рынке, и
крупные отечественные фирмы подби-
рают себе персонал только через рекру-
терские службы.

Агентство, получив заказ, ищет спе-
циалиста, отвечающего запросам заказ-
чика: просматривает собственный ком-
пьютерный банк данных специалистов,
ищущих работу; дает платные объявле-
ния в средствах массовой информации;
когда необходимо — объявляет и прово-
дит конкурс; звонит по объявлениям типа
"Ищу работу"; проводит собеседова-
ния или, как сейчас это стали называть,
бизнес-интервью с соискателями вакан-
сий; рассматривает представляемые
ими документы. После всей этой предва-
рительной работы и жесткого отбора —
трех-четырёх кандидатов предлагают
фирме-клиенту, из которых она и выби-
рает того специалиста, который ей тре-
буется. Понятно, что агентство получает
заказы на самые разнообразные вакан-
сии — от секретаря и бухгалтера до у-
правляющего по персоналу. Требуются и

юристы, и повара, и фармацевты, и водители.

Мелкие коммерческие фирмы, стесненные в средствах, обычно занимаются поисками специалистов сами: звонят по объявлениям, помещают свои предложения в газетах. Иногда их отделы кадров, что называется, ищут по знакомым, но нормальные люди этого не делают. Во-первых, ни у кого нет столько знакомых требующейся специальности, сколько бывает нужно фирме. Во-вторых, знакомого потом, в случае чего, и уволить трудно. А то, что твой приятель или родственник — добрейший и симпатичнейший человек, еще не гарантирует, что он и профессионал высокого класса. В солидных компаниях "по знакомству" стараются никого не брать.

Как-то в одном из агентств я попросила разрешения дать их телефон моей знакомой, подходящей по своей специальности и квалификации для имевшейся здесь вакансии. Мне ответили: "Видите ли, мы предпочитаем иметь дело с людьми, которые самостоятельно ориентируются в структуре современного рынка труда. Потому что, если человек ищет работу, но не может найти даже нас, агентство по трудоустройству, то какой мало-мальски серьезной фирме нужен такой работник? У нас серьезные клиенты, и все ищут активных и самостоятельных сотрудников".

Ох, нелегкая это работа...

Откуда я все это знаю, в свои 52 года? Да потому, что я училась и сейчас все еще учусь искать работу. Этот поиск требует и мозгов, и труда, и времени. Как и любое другое серьезное дело. Я кофточку-то, бывает, по три месяца ищу, чтобы купить именно то, что мне нужно, а уж работу-то...

Итак, я — специалист по рекламе, мне 52 года. Опыт работы — в журналистике и рекламном бизнесе. Имею

рекомендательные письма, портфолио, грамотно составленное резюме. Мне его за 170 тысяч рублей (еще в "доденонинированные времена") помог составить профессионал — консультант одного из рекрутерских агентств, и теперь я в любой момент могу делать с оригинала резюме столько копий, сколько мне требуется.

За три последние года я четыре раза и без всяких знакомств устраивалась на высокооплачиваемые и очень интересные должности в весьма уже известных на российском рынке компаниях. Чтобы меня не заподозрили в легкомыслии, поясню: мне нужно не только высокооплачиваемое и интересное рабочее место, но отвечающая и некоторым другим критериям работа. Например, не требующая каждый день сидеть "от звонка до звонка" в офисе, позволяющая часть моих должностных задач решать дома — у меня старенькая мама, которую я не хочу на восемь-девять часов оставлять в одиночестве.

Каждое новое трудоустройство приближало меня к моему идеалу. И поскольку я вижу реальные возможности подойти к нему еще ближе, сегодня мой "рабочий поиск" продлится.

Я регулярно помещаю свои объявления в специализированных изданиях, о которых уже говорила выше (кстати, это удовольствие во многих из них предоставляется вам бесплатно). Постоянно изучаю по тем же газетам и еженедельникам объявления о вакансиях, звоню, когда обнаруживаю наиболее интересные. Специалисты из рекрутерских служб считают, что на поиски хорошей работы надо тратить не менее пяти дней в неделю и не менее четырех часов в день. И надо проходить, как минимум, по два собеседования в неделю и отправлять около двадцати фансов с информацией о себе. Своего фанса у меня нет, но я езжу в знакомую фирму и сижу там по полдня.

Все это дает результат. В день я получаю два-три звонка с толковыми предложениями. Если судить по ним, сегодня на столичном рынке труда в близких мне сферах — журналистика и рекламный бизнес — требуются (и в немалом количестве) главные редактора всевозможных издаваемых газет, журналов и приложений; телевизионные редакторы (особенно много предложений от городских кабельных телестудий); руководители отделов и проектов в толстых глянцевого журналах. Очень часто предлагаются вакансии начальников отделов рекламы и маркетинга в крупных компаниях. Похоже, нынче в этом эшелоне бизнеса воз-

ник дефицит на руководящий персонал. Наверное, это следует объяснять тем, что фирмы, которые уже твердо встали на ноги, стремятся осваивать рынок в новых российских регионах. Исполнителей для этих открывающихся направлений полно, а вот с руководителями не так все просто. Потому что руководители — это подвижные, энергичные люди, которые в состоянии самостоятельно продумать и организовать "фронт работ" и для себя, и для своих подчиненных. Ясное дело, таких не ищут "по знакомым", которые с тоской в глазах лежат на диване. Такие сами рыщут по рекрутерским агентствам и фирмам.

Не верьте тому, кто вас не уважает.

Мой поисковый опыт научил меня многому. Например, кому из возможных работодателей можно верить, а с кем лучше сразу попрощаться, не вступая ни в какие "собеседования". И пусть мне

простят мой вынужденный непатриотизм, мне гораздо больше нравится иметь дело с иностранными фирмами, а не с отечественными.

Опасно расслабляюще для нас, российских потребителей рабочих вакан-

сий, выглядит собеседование с кандидатами на должность в западных фирмах. Это как дружеская беседа взаимовыгодных и интересующих друг друга профессионалов-коллег. Последний такой разговор состоялся у меня в американской компании. Мы беседовали на английском (а он у меня — так себе), но я не заметила ни усмешки, ни раздражения. В три прекрасных фирмы я не попала из-

за моего плохого английского. Такая досада! Учю вот теперь...

Для наших фирм типична неразбериха в управлении, нечеткие цели, которые ставятся перед работником, липовые договоры о приеме на работу. Там вас встречают малограмотные сотрудники, говорящие "зв'онят" и "кат'алог". Иногда руководитель опаздывает на собеседование, время для которого сам же для вас и назначил. Иногда директор несет полную ахинею, а надо его слушать, хотя бы из вежливости. Иногда едешь по указанному в объявлении "адресу офиса", а приезжаешь в ильфоветровскую контору "Рога и копыта".

Одна фирма, торгующая нанцоварами, располагалась на берегу водохранилища. Унылое место, рядом два общежития с жуткими мордами у подъездов. Дверь фирмы открывалась прямо в лужу, в которой же почему-то плавала табличка с названием этого безнадежного предприятия. Соискатели имевшихся ва-

РЕЗЮМЕ - это не просто ваши кратко изложенные биографические данные. Это — ваш портрет, по которому сотрудники рекрутерского агентства, а впоследствии работодатель смогут оценить ваш образовательный уровень, профессиональную квалификацию и личностные качества (достоинства характера, склонности, увлечения).

кансий, ввиду отсутствия вешалки, входили в кабинет для собеседования в пальто. Я и входить не стала.

Почти всегда отвратительный осадок остается от посещения фирм, владельцы которых — бывшие "наши", уехавшие в 60-х годах в Штаты, а теперь прибывшие "помочь новой России". В этих фирмах очень маленькие зарплаты, потому что, по исторически изрядно устаревшим представлениям хозяев, "за 10 долларов тут все в лепешку расшибутся". Так и хочется сказать таким при прощании: "Господа, поцелуйте меня в резюме, если вы не заблуждаетесь относительно "новой России!" Одна такая глупая фирма, занимающаяся стройматериалами, предложила мне за ползарплаты работать у них два месяца, а там —

"они посмотрят". Я переспросила, значит ли это, что я смогу и придти два раза в неделю? Они обиделись.

Начиная многотрудную работу по поиску хорошей работы, уважаемый читатель, необходимо сразу объявить для себя запрет на две вещи: нельзя опускать руки и впадать в отчаяние; нельзя ждать скорых результатов. Приготовьтесь: вам непременно позвонят и от настырного "Сетевого маркетинга", и гербалайф будет, и всевозможные "голд клабы" и "нювейсы" — читай "Рога и копыта". Научитесь распознавать и отсенать их вежливо, но сразу. Они будут вам врать про зарплату в 30 тысяч долларов в месяц и стараться вешать другую подобную (и для ума зрелого вполне очевидную) лапшу. Один такой "ренутер с фантазией" долго говорил мне по телефону, что у них элитная фирма — берут стро-

го родственников; он выдаст меня за свою тетю, так как уже объявил в управлении по персоналу, что ее приведет, а она возьми и внезапно заболеет; сказал, что у них все получают огромные деньги, а работают в фирме такие известные люди, что он даже боится вслух сообщить эти имена. А вот что мне, собственно, предстоит на этой замечательной фирме делать — не сказал. Еще пообещал, что за две недели научит меня зарабатывать огромные деньги.

Запомните, мой начинающий коллега по поисковой работе: настоящий деловой звонок — это когда позвонивший по вашему объявлению сотрудник здоровается, называет вас так, как вы указали в тексте объявления, говорит без акцента, четко называет фирму, которую представляет, собственное

ПОРТФОЛИО — альбом или папка с материалами о ваших профессиональных достижениях: фотографии удачно оформленной витрины или интерьерера (если вы дизайнер), усовершенствованного вами станка (если вы инженер-конструктор); всякие дипломы и свидетельства, подтверждающие ваше неукротимое стремление к профессиональному росту — словом все, что покажет зримо вашу цену высококвалифицированного специалиста.

имя и должность и лишь после всего этого приступает к собственному разговору. Если позвонивший говорит что-нибудь типа "Я по объявлению. Какую зарплату вы хотите?" — вежливо попрощайтесь и немедленно кладите трубку: вам позвонили несерьезные люди из ненадежной фирмы. Обычно нормальные люди строят разговор так: "Здравствуйте. Будьте добры, Александру Петровну, Александра Петровна, меня зовут Петр Александрович. Я начальник управления по персоналу фирмы "Ласковый март". Я прочитал ваше объявление о желании получить работу. Мы сейчас можем об этом поговорить?.." — Вот, как говорят нормальные, серьезные представители нормальных серьезных коммерческих структур.

Но в таких компаниях и соискателями своих хороших рабочих мест хотят ви-

деть нормальных, серьезных людей. Разумеется, крепких профессионалов. Конечно, энергичных и способных к творческому подходу в работе. Но еще и просто людей воспитанных и привыкших уважать окружающих. Увы, — и я живой тому свидетель, — довольно часто люди, являющиеся по вопросам своего трудоустройства в офис фирмы или агентства, и не подозревают, что от них не должно пахнуть луком или чесноком и что на собеседование следует приходиться не в свитере и джинсах, а в строгом костюме и галстуке.

Понятно, чтобы чему-то действительно научиться, ошибки нужно совершить самому: обойдя много фирм и агентств по трудоустройству, ответив на кучу бесполезных телефонных звонков. Но, научившись избегать ошибок, вы, в конце концов, всегда будете с работой, и никакая туманность дня завтрашнего вас уже не приведет в отчаяние. Только не надо ныть! Учитесь управляться с компьютером, учите иностранный язык — ведь вы ищите работу, на которой будете проводить по девять часов в день, которая, возможно, резко изменит вашу жизнь. Работу, которая должна удовлетворять ваше честолюбие, от которой зависят и будущие ваши путешествия и хобби, и покупка всяких красивых вещей, и благополучие ваших детей и любимых...

И такую работу вы хотите найти за три дня? Да еще и лежа на вашем любимом диване?!

Даже белые грибы в лесу ищут дольше.

Так — победим!

Конечно, противно, когда понимаешь, что очередной гладнолицый дядя из когорты "вершителей судеб России" в очередной раз лицемерит с телеэкрана про то, что безработица в условиях появившегося в стране свободного рынка труда — вполне нормальное явление; отчасти даже и положительное в виду со-

здаваемой им здоровой конкуренции; и уж несомненно — неизбежное при проводимых реформах.

Конечно, обидно до смерти, когда вслед за тем не менее гладнолицый подручный того дяди начинает подводить теоретическую базу под твой пустой холодильник, жэновские напоминания о задолженностях по квартплате и трудовую книжку с последней записью "Уволен в связи с ликвидацией предприятия". "Причина социально-экономического неблагополучия миллионов граждан, — авторитетным голосом разъясняет тебе этот "теоретик", — в прежней развратной политике государственного патернализма, превратившей их в заноренелых социальных индивидов и породившей в них устойчивую "совковую психологию", с которой каждый гражданин-индивид обязан бороться лично сам, а новое демократическое государство за эту его персональную перестройку нисколько не отвечает".

Короче, получается — кругом виноват ты сам: и в том, что у тебя холодильник пуст, и в ликвидации предприятия, на котором тридцать лет оттрубил, и в собственном упрямом нежелании "перестроить свою совковую личность", чтобы найти высокооплачиваемую работу и исправить свое социально-экономическое положение.

Мой совет: не слушайте этих гладнолицых и не позволяйте им развивать в вас комплекс и жертвы, и вины одновременно. Вы же человек, хотя и сильно расстроенный жизнью, но ведь умный и вполне образованный, чтобы понять: они — выражаясь предельно мягко — сильно лукавят, снимая с государства (а, значит, и с себя) всякую вину за ваше пополнение безработного.

Лично мне такое лукавство отвратительно. Я убеждена, что государство виновато в том, что миллионы моих ровесников, потерявших вместе с работой почву под ногами, никак не могут вновь отыскать ее на свободном рынке труда. И не

потому, что не хотят. — Не умеют. Кто их учил? Кто вовремя предупредил, что начавшиеся реформы — это еще и реальный шанс для них стать безработными? Кто своевременно предусмотрел необходимость создания нормального государственного института посредничества в трудоустройстве людей в условиях свободного рынка труда, кто объяснил, как правильно пользоваться его услугами? Я уж не говорю о широкой сети всевозможных "страховочных" курсов, где можно было бы по расценкам освоить компьютер, подтянуть профессиональную квалификацию или скорректировать в соответствии с требованиями времени специализацию.

Ведь если страна собирается воевать, она же должна загодя сообщить своим гражданам и о бомбоубежищах? Почему Западная Германия перед объединением с ГДР заранее просчитала все проблемы вхождения бывшесоциалистических немецких граждан в свободный рынок труда и организовала все необходимое, чтобы смягчить их последствия? Маленький Израиль принял десятки тысяч врачей, учителей, музыкантов и людей прочих не нужных для него в таком огромном количестве специалистов. Но однако нашел деньги на временные пособия для не востребованных специалистов, на курсы профессионального перепрофилирования, на психологов, помогавших прибывшим освоиться в новых жизненных условиях, на многое другое. А ведь в Израиль приехали, по сути, совершенно чужие граждане.

Наше государство танком проехало по своим. И — в нашу всех! А раз так, мы, дорогие сограждане, должны попросту твердо себе уяснить, что мы — сами по себе. И мы должны победить! Выжить назло не любящему нас государству.

Дорогие мои ровесники-безработные, граждане российских городов, профессионалы всех специальностей! Поднимите выше ваши умные и образованные головы, не опускайте своих натруженных и умелых

руки. Ходите на выставки, ярмарки вакансий — они сейчас проводятся повсюду. Добывайте нужную информацию, читайте газеты и журналы о современном бизнесе и предлагаемых им вакансиях. Думайте о работе! Ищите работу! Требуется настойчивость, хитрость, ловкость, терпение, желательно наличие чувства юмора — очень помогает во всех ситуациях! Нужно выслеживать работу как добычу, нужно уметь на нее охотиться. Нужно ставить на работу напканы, выманывать из берлоги, неониданно прыгать на нее из кустов. Ведь работа нужна НАМ. Нужна, чтобы приятно и достойно жить. Вместо того, чтобы искать себе оправданий, что плохо живем.

Конечно, искать работу в 40 лет легче, чем в 50. Но, учтите, что некоторые 50-60-летние генеральные директора и президенты компаний хотят видеть в своих фирмах людей своего поколения. А иногда и юные директора и президенты охотнее берут на работу молодых специалистов — у них профессиональный и жизненный опыт, они выдержаннее, надежнее и дисциплинированнее.

В Лондоне, в Нью-Йорке, в Париже я видела многих пожилых работающих людей — и продавцов в магазинах, и водителей автобусов, и банковских служащих. Да, сегодня у нас в России наблюдается, к сожалению, некоторый эйднизм, то есть что-то вроде расизма в отношении пожилых со стороны молодого поколения работодателей. Но, с другой стороны, часто мы, пятидесятилетние, и сами бываем виноваты. Меня тоже раздражают иной раз разговоры моих сверстников о том, как раньше было хорошо, а сейчас все плохо. Как с таким их жизненным настроем доверить им работу?

Итак, встанем с диванов, перестанем хныкать, возьмем себя в руки и начнем устраивать свою новую жизнь! И — никаких знакомых! Зачем доставлять им обманчивую радость своей слабостью? Ведь на самом-то деле мы с вами еще очень и очень сильные и умные люди!

ВЫПИС

заседания Центральной Комиссии по расследованию революционные преступления.

С Л У Ш

§1. Дело № 100089 по обвинении ФЕДОРОВОЙ Зои Алексеевны, 1907 года рождения, уроженки гор. Ленинграда, осужденной 8 сентября 1947 года Особым Советением при МГБ СССР за участие в антисоветской группе, высказывание террористических настрoений, намерение изменить Родине и незаконное хранение огнестрельного оружия по ст. ст. 58-1 "а", 17-58-8 части I ст. 58-10, ст. 58-11 и части ст. 182 УК РСФСР к 25 годам ИТЛ.

По постановлению Особого Советания при МГБ СССР от 15 ноября 1947 года ФЕДОРОВОЙ З.А. определена дополнительная мера наказания - конфискация имущества.

Постановлением Особого Советания при МГБ СССР от 27 декабря 1947 года содержание в исправительно-трудовом лагере заменено ФЕДОРОВОЙ З.А. тюремным заключением на неотстоящий срок.



Борис СОПЕЛЬНЯК

Это случилось 11 декабря 1981 года. В хорошо известный в Москве дом на Кутузовском, 4, приехал молодой человек, чтобы навестить свою тетю. Звонил, стучал, барабанил в дверь — ни звука. Выскочил на улицу и позвонил из телефона-автомата — никто не подходит. О встрече условились заранее... тете семьдесят четыре... Мало ли что? Да еще эта торчачина в двери записка от приятельницы, которая тоже не дозвонилась и не достучалась.

Нет, тут что-то неладно, подумал молодой человек, и помчался

домой, чтобы взять запасные ключи, которые тетя, будто что-то предчувствуя, хранила у племянника.

Вернулся молодой человек вместе с женой. Когда открыли дверь и вошли в гостиную, то увидели сидящую в кресле тетю... с простреленной головой. Этой тетей была очень популярная и скандально известная киноактриса Зоя Федорова.

Хорошо помню, сколько самых невероятных слухов вызвало тогда это убийство, и не столько в связи с самой Зоей Алексеевной, сколько с отъездом в США ее дочери Викто-

305

Зои, М

пересм... уго... х дел... д. ос... н... к... ла... ч... т... к... ТС... аме... осель... ни... Ф... чи... 5...

Во... новлений Особо... го С... ССР от 8 сен... таябр... он... 27 декабря 1947

Коп... анное у ФЕДОРОВОЙ Зои Алексеевны имущество возратить.



рии — тоже актрисы. Но слухи — слухами, а вот то, то это преступление до сих пор не раскрыто — факт. Почему? В свое время мы зададим этот вопрос человеку, который занимается раскрытием подобного рода преступлений. А пока — вернемся в годы бурной, прекрасной и авантюрно-дерзкой молодости Зои Федоровой.

Фокстрот с Генрихом Ягодой

Целую вечность назад, а именно в 1927 году, двадцатилетняя счет-

чица Госстраха Зоенька Федорова обожала три вещи: фельдиперсовые чулочки, крохотные шляпки и фокстрот. Танцевать она могла, как никто: красиво, зажигательно и, в самом прямом смысле слова, до упаду. Нет, не думайте, что она не любила чарльстон или шимми — любила, но не так сильно. Чарльстон, как известно, танцуют, взявшись за руки, а то и вовсе на рассто-



янии. О шимми и говорить нечего. А вот фокстрот... О-о, фокстрот! Это такой эротически-соблазнительный, такой быстрый и непредсказуемый танец, тут можно так импровизировать, так показать, что ты не какая-нибудь счетчица — все подруги лопнут от зависти, а кто-нибудь из парней восхищенно всплеснет руками и совершенно искренне скажет: "Ну, прямо артистка. Мэри Пикфорд!"

Если учесть, что телевизоров тогда не было, о наркотиках знать не знали, то, собираясь, скажем, на день рождения, молодежь, пригубив портвейн, бросалась в объятия фокстрота. Именно фокстрот и довел Зою Федорову до беды: она до танцевалась до того, что ее арестовали.

Передо мной совершенно секретное дело № 47268, которое 14 июня 1927 года ОГПУ завело на легкомысленную любительницу танцев. Здесь же ордер № 7799, выданный сотруднику оперативного отдела Терехову на производство ареста и обыска гражданки Федоровой Зои Александровны. О том, что это дело не пустячок и речь идет отнюдь не о фокстроте, свидетельствует размашистая подпись всесильного Ягоды, сделанная синим карандашом.

Арестовали Зою в три часа ночи. Обыск ничего компрометирующего не дал: какие-то шпильки, зеркальца, пудреницы... ничего путного не дала и анкета арестованной, заполненная в тюрьме. Семья самая, что ни на есть простая: отец — токарь по металлу, мать — фасовщица, 16-летний брат — вообще безработный.

Стали копать глубже: связи, знакомства, контакты — тоже ни одной зацепки. А обвинение, меж-

Выписка из протокола № 5 331

Особый Совещание при Министре Государственной Безопасности Совета ССР

№ 27 от декабря 1947 г.

О П Р Ш А Л И

П О С Т А Н О В Л Е Н И Я

81. Давид В. Бялый/Свидетель по делу — бывший членом МГБ СССР (невозможно обвинение ЗЕДЕКОВОЙ от 14 октября 1907 года рождения, урожд. Яковлевича Зюбкова, член СССР, беспартийный). До ареста вступила в Союздоговального союза "Левый-Красный". Обсуждена Особым Советом 11-12-1947 года и 25 размы и вынесенной лично председателем этого ей вынесены.

Во внимание восстановления Особым Советом 09/11-1947 года ЗЕДЕКОВОЙ Зои Александровны (урожд. Яковлевича Зюбкова) в члены СССР, вступившей в Союздоговального союза "Левый-Красный".



Нач. Секретариата Особого Совета Ягода

ду тем, предъявлено более чем серьезное: Зою Федорову обвиняли в шпионаже.

И вот, наконец, первый допрос. Не трудно представить состояние 20-летней девушки, когда конвоир вызвал ее из камеры и по длинным коридорам повел в кабинет следователя. Страха Зоя натерпелась немало — это ясно, но на допросе вела себя собранно. Вот ее показания по существу дела.

— В 1926-27 годах я посещала вечера у человека по фамилии Кебрен, где танцевала фокстрот. У него я и познакомилась с военнослужащим Прове Кириллом Федоровичем. Он играл там на рояле. Кирилл был у меня дома один раз, минут десять, не больше. О чем говорили, не помню, но, во всяком случае, не о делах. О своих знакомых иностранцах он тоже никогда ничего не говорил. У Кебрен при мне иностранцев не было, и у меня знакомых иностранцев нет.

Ерунда какая-то, скажете вы! При чем тут фокстрот, при чем пианист, при чем иностранцы, которых она не знала? Казалось бы, после таких пустопорожних показаний перед девушкой надо извиниться и отпустить домой. Но не тут-то было: по данным ОГПУ Прове работал на английскую разведку. И все же, поразмыслив, следователь Вунштейн решает использовать Зою в качестве живца и принимает довольно хитрое решение.

"Рассмотрев дело № 47268 по обвинению Федоровой З.А. в шпионаже и принимая во внимание, что инкриминируемое ей обвинение не доказано и последняя пребыванием на свободе не мешает дальнейшему ходу следствия, постановил: меру пресечения в отношении арестованной Федоровой З.А. изменить,

освободив ее из-под стражи под подписку о невыезде из г.Москвы".

Здесь же — четвертушка серой бумаги, на которой рукой Зои написано: "Я, нижеподписавшаяся гр.Федорова, даю настоящую подписку начальнику Внутренней тюрьмы ОГПУ в том, что по освобождении из вышеуказанной тюрьмы обязуюсь не выезжать из города Москвы".

О том, что Вунштейн установил за ней наблюдение и следствие по ее делу продолжалось, Зоя, конечно же, не знала, но что-то заставило ее порвать старые связи, на танцульки больше не бегать и, если так можно выразится, взяться за ум. Никто не знает, были ли у нее впоследствии беседы со следователем и контакты с Ягодой, но факт остается фактом: этот человек с репутацией хладнокровного палача сыграл в ее судьбе немалую роль. Именно он 18 ноября 1927 года подписал редчайшее по тем временам заключение по делу № 47268.

"Гражданка Федорова З.А. была арестована по обвинению в шпионской связи с К.Ф.Прове". Далее излагается суть ее единственного допроса, показания самого Прове и уникальный вывод: "На основании вышеизложенного следует констатировать, что инкриминируемое гр.Федоровой З.А. обвинение следствием установить не удалось, а по сему полагал бы дело по обвинению Федоровой З.А. следствием прекратить и сдать в архив. Подписку о невыезде аннулировать".

Сказать, что Зое повезло, значит, не сказать ничего. Вырваться из лап Ягоды — этим мало кто мог похвастаться. То ли мать особенно усердно молилась за дочку, то ли у Ягоды было хорошее настроение, то ли что еще — не знаю, но на этот

раз гроза всего лишь прошумела над головой Зои, не ударив испепеляющей, в лучшем случае, калечащей молнией.

Но эта гроза будет не последней. Как ни горько об этом говорить, но тоненькая папка с делом № 47268 будет дополнена четырьмя толстенными томами, а впоследствии — еще семью. И все это будет о ней — о Зое Алексеевне Федоровой, так удачно станцевавшей свой первый фокстрот во Внутренней тюрьме Лубянки.

Как Зоя Федорова хотела убить Сталина, а потом сбежать в Америку

Прошло девятнадцать лет... За это время из никому не ведомой счетчицы Госстраха Зоя Алексеевна стала одной из самых популярных актрис кино. Она снялась в таких широко известных фильмах, как "Музыкальная история", "Шахтеры", "Подруги", "Великий гражданин", "Свадьба" и многих других. Зоя Федорова стала дважды лауреатом Сталинской премии и была награждена орденом Трудового Красного знамени.

Все шло прекрасно... Но после 1940 года отношение к ней резко изменилось: сниматься ее не приглашали, а если и приглашали, то предлагали такие крохотные роли, что Зоя Алексеевна считала ниже своего достоинства браться за эту работу. Она объясняла это тем, что ее бывший муж кинооператор Рапопорт, используя свои связи, вредил ей и делал все возможное и невозможное, чтобы погубить ее как актрису.

Так это или не так, судить не будем, но факт остается фактом: одна из самых популярных актрис вы-

нуждена была пробавляться концертами, выступлениями в самых разных уголках Союза, а во время войны — поездками на фронт.

После войны ситуация стала еще хуже. Федорова не находит себе места, в отчаянии пишет Сталину, Берия, напоминает им о себе и просит помочь. Сталин промолчал, а Берия ответил, причем так победоносно, что лучше бы он молчал. Как известно, этот человек никогда ничего не забывал и никому ничего не прощал. А обидеться на Зою Федорову ему было за что: он ей помог, вытащил из тюрьмы отца, арестованного в 1938-м по обвинению в шпионаже в пользу Германии, а она... она этого не оценила. Несколько позже, когда Зоя Алексеевна терять уже будет нечего, она прямо скажет, что вплоть до 1941-го неоднократно встречалась с Берией, благодарила его за помощь, но ему этого было мало и он откровенно ее домогался, а в 1940-м дошел до того, что дважды пытался изнасиловать. Вот как выглядит эта история в изложении самой Зои Федоровой.

"Берия трижды принимал меня в здании наркомата внутренних дел по делу моего отца. Он принял меры по пересмотру дела отца — и вскоре из-под стражи он был освобожден. Берия, как я потом поняла, хотел использовать освобождение моего отца в своих гнусных целях.

Летом 1940 года он обманым путем пригласил меня к себе на дачу как якобы на какое-то семейное торжество. Я согласилась поехать к Берия и даже захватила с собой подарок (деревянную сигаретницу в виде собачки) в знак благодарности за справедливое решение по делу моего отца.

В действительности, на даче не было не только гостей, но и его жены. Я заподозрила Берия в неблагоприятных делах, но занимаемое им положение вначале рассеивало мои подозрения, однако, оставшись наедине со мной, Берия повел себя как окончательно разложившийся человек и пытался силой овладеть мной.

Спустя некоторое время Берия позвонил мне по телефону и в извинительном тоне повел со мной разговор о его нетактичном поведении на даче. В этом же разговоре он снова пригласил меня к себе на свою московскую квартиру на Малой Никитской улице. Вскоре за мной пришла машина, и я поехала к Берия. Но и на этот раз никаких гостей в квартире не было. Он преследовал ту же самую цель и вел себя так же, как и на даче: "нанайские игры" продолжались довольно долго, но я вырвалась от него и уехала домой."

Не находите ли вы, дорогие читатели, что что-то тут не склеивается, или, говоря языком кинематографистов, не монтируется? Счастливи избежав изнасилования на даче, Зоя Алексеевна по первому зову Берия едет на его городскую квартиру, якобы не понимая, что он будет "преследовать ту же самую цель". Неужто не понимала? Понимала, еще как понимала... Так в чем же дело, почему она мчалась к Берия по первому его зову? Была в него влюблена? Едва ли... А может быть, все гораздо проще: Берия не просил прийти на свидание, а приказывал явиться. Ослушаться приказа Зоя Алексеевна не могла и послушно ехала туда, куда велели.

Версия — достаточно дерзкая, но небезосновательная. Мы еще к ней вернемся и поговорим об этом подробнее, а пока давайте выслушаем эту историю в вольном изло-

жении Виктории Федоровой и ее соавтора Гескела Френкла. Вот как они описывают свидание Лаврентия и Зои в своей книге "Дочь адмирала".

"Она посмотрела на Берия. Неужели он издевается над ней, думает соблазнить?"

— Простите, Лаврентий Павлович, — сказала Зоя, тщательно подбирая слова, — но вы меня удивляете.

— Это почему же, Зочка? — наклонился он к ней и положил руку на ее колено.

Она повернулась и, намеренно дернувшись всем телом, страхнула с колена его руку...

— Вы, конечно, знаете, что мой муж был евреем?

— Но ведь сейчас вы не замужем, — он снова наклонился и обнял ее за талию. — Вы очень страдаете, от того, что лишены тех радостей, которые дает брак, а, Зоя Алексеевна?

Зоя сбросила его руку, словно страхнула вощь.

— За кого вы меня принимаете? И где мы, по-вашему, живем? Это уже не та Россия столетней давности, когда вы могли выбрать себе любую актрисочку и приказать притащить ее вам в постель!

— Bravo! — сказал Берия, хлопав в ладоши. — А теперь садьте. Вы ведете себя глупо, вылитая маленькая обезьянка.

— Если я обезьянка, то кто же вы? — возмутилась Зоя. — Встаньте и подойдите к зеркалу! Посмотрите на себя в зеркало! Вы же на гориллу похожи!

Берия потемнел.

— Да как вы смеете так со мной разговаривать? Неужели вы думаете, что хоть капельку волнуете меня, коротышка несчастная? Просто

смешно! Вас пригласили сюда как актрису, чьи фильмы мне нравятся. И все. Физически вы мне отвратительны!

— Рада это слышать... А теперь я бы хотела вернуться домой.

— Эта женщина уезжает, — сказал Берия появившемуся в дверях полковнику.

Машина ждала перед домом. Шофер открыл перед Зоей дверцу, и она увидела на заднем сиденье роскошный букет роз.

— Это мне? — спросила она стоявшего в дверях Берия.

— На вашу могилу, — произнес он ледяным тоном.

Как видите, то ли настойчивые ухаживания, то ли попытки грубого изнасилования, но что-то там было и, судя по всему, не заладилось. Берия затаил обиду. И при первой же возможности отомстил...

Министром государственной безопасности в те годы был Абакумов, который, конечно же, знал о своеобразных отношениях Берия с Зоей Федоровой, поэтому ни секунды не сомневаюсь, что прежде чем подписывать документ, сломавший жизнь Зое Алексеевне, не посоветовался с шефом. Зеленый свет, который Берия дал Абакумову, был страшной мстью неудавшегося любовника, а заодно и дьявольским ответом на письма отчаявшейся артистки.

Вот он, этот чудовищный документ: постановление на арест от 27 декабря 1946 года.

"Я, пом.нач. отделения капитан Раскатов, рассмотрев материалы в отношении преступной деятельности Федоровой Зои Алексеевны, нашел:

Имеющимися в МГБ СССР материалами Федорова З.А. изоблича-

ется как агент иностранной разведки. Кроме того, установлено, что Федорова является участницей группы англо-американской ориентации, стоящей на позициях активной борьбы с советской властью.

Постановил: Федорову Зою Алексеевну подвергнуть аресту и обыску."

Через день после ареста — первый допрос. Но вот что странно: обычно такого рода допросы вели лейтенанты, в лучшем случае капитаны, а тут — полковник, да еще в должности заместителя начальника следственной части по особо важным делам.

Значит, дело Федоровой не хотели предавать огласке, и не хотели, чтобы о ее показаниях знали низшие чины. Несколько позже выяснится и другой, наводящий на размышления факт: за время следствия Зою Алексеевну 100 раз вызывали на допросы, 5 раз ее допрашивал сам Абакумов, а протоколов всего 23. Почему? О чем шла речь на тех семидесяти семи допросах, следы которых в деле отсутствуют? Как это ни прискорбно, но ответить на эти вопросы некому...

А тогда, 29 декабря 1946 года, полковник Лихачев с первого же вопроса, если так можно выразиться, взял быка за рога.

— Вы арестованы за преступления, совершенные против советской власти. Следствие рекомендует, ничего не скрывая, рассказать всю правду об этом.

— Преступлений против советской власти я не совершала, — уверенно начала Зоя Алексеевна, но потом, видимо, поняв, что в чем-то признаваться все равно надо, добавила: — Единственно, в чем я считаю себя виновной, это в связях с

иностранцами, особенно с англичанами и американцами.

— Это были связи преступного характера?

— Нет. Я принимала их у себя на квартире, бывала в посольствах, посещала с ними театры, выезжала за город.

— Назовите имена.

— Осенью 1942-го, посетив выставку американского кино, я познакомилась с корреспондентом американской газеты "Юнайтед пресс" Генри Шапиро и до его отъезда в США в конце 1945-го поддерживала с ним личные отношения. Бывая на квартире Шапиро, я познакомилась с его приятелями: помощниками военно-морского атташе США майором Эдвардом Йорком, сотрудником военной миссии майором Паулем Холлом, а также с лейтенантом Чейсом.

Особенно близкие отношения у меня сложились с Эдвардом Йорком, а через него я познакомилась с контр-адмиралом Олсеном, английским журналистом Вертом, его женой Шоу, а также с редактором издающегося в СССР журнала "Америка" Элизабет Иган.

— Элизабет Иган является установленной разведчицей. Непонятно, что могло вас сблизить с ней.

— Не может быть! Мы с ней очень дружили. Она называла меня своей подругой и запросто бывала в доме.

— Еще как может быть, — усмехнулся следователь и продемонстрировал документ, свидетельствующий о том, как блестяще тогда работала советская контрразведка. — Документ называется: меморандум. Составлен он вашей подругой 16 августа 1946 года и направлен непосредственно послу США Гарриману. Докладывая о

своих личных контактах с советскими гражданами, она довольно недвусмысленно пишет и о вас. "Зоя Федорова — бывшая кинозвезда, играла ведущую роль в картине "Девушка из Ленинграда". Впервые Зоя познакомилась с иностранцами через Генри Шапиро, который представил меня ей. Поскольку она злоупотребляла этим, ее карьера резко закончилась.

Однако она все еще является полезной в смысле приобретения случайных интересных связей, главным образом из театральной и музыкальной среды. Время от времени я встречала в ее доме генерала Красной Армии, капитана Красного Флота и женщину — капитана Красной Армии". Вы говорите: дружили, — снова усмехнулся следователь. — В ваш дом она проникла в вполне определенными целями и, судя по всему, этих целей достигла.

— Я и не предполагала, — ошарашено оправдывалась Зоя Алексеевна. — Нет, о шпионской работе Иган против Советского Союза я не знала. К тому же она знакомила меня со своими друзьями. Через нее я познакомилась с руководителем редакции полковником Филипсом, его женой Тейси, а также с некоторыми другими сотрудниками. Я даже стала вхожа в посольство и военную миссию США. Американцы, в свою очередь, бывали у меня. Общалась я и с сотрудниками английской военной миссии майором Тикстоном и майором Нерсом.

— Вы назвали всех? У вас ведь были и другие связи. Почему вы о них не говорите?

Поняв, что от полковника ничего не скроешь, Зоя Алексеевна назвала еще одно, самое дорогое ей имя.

— Еще я была знакома с заместителем главы морской секции

американской военной миссии Джексоном Тейтом. С ним у меня были особенно хорошие отношения. Вскоре после нашего знакомства я начала с ним сожительствовать и в настоящее время имею от него ребенка.

Прочитав эти строки, я невольно вздрогнул. Как же так? В анкете арестованной черным по белому написано: родители умерли, сестры живут в Москве, муж — Рязанов Александр Всеволодович, жив, здоров, дочь — Виктория Яковлевна 1946 года рождения. Почему Яковлевна, а не Джексоновна или, на худой конец, Александровна? Что это за Яков, откуда он взялся? На некоторые из этих вопросов мы еще получим ответы, а вот то, что касается Якова, покрыто мраком тайны.

Полковник Лихачев тоже отреагировал весьма своеобразно. Не знаю, каким было выражение его лица, но он резко пресек излишние Федоровой.

— Следствие интересует не ваши интимные отношения с иностранцами, а ваша преступная связь с ними. Об этом и рассказывайте. С кем из своего окружения вы познакомили иностранцев?

— С сестрами — Марией и Александрой. С мужем Марии — артистом Большого театра Синицыным, с моим мужем — композитором Рязановым, а также с художницей "Союздетфильма" Фатеевой, сотрудницей "Огонька" Пятаковой и с моей школьной подругой Алексеевой.

Полковник Лихачев брезгливо отверг откровения Зои Алексеевны, касающиеся ее отношений с Тейтом, но так как этот человек сыграл в ее судьбе роковую роль, думаю, что об этом американце

следует рассказать подробнее. Родился он в конце прошлого века, учился в различных частных школах, мечтал стать летчиком, но в 19-летнем возрасте надел форму моряка и отправился на первую мировую войну. Там Тейт получил офицерское звание, служил на эсминцах, авианосцах и, в конце концов, поступил на летные курсы. Пилот из него получился хороший, некоторое время он даже был летчиком-испытателем.

Неудачные браки, съемки в фильмах, дружба с кинозвездами, участие в боевых операциях против японцев — все было в жизни Тейта, пока он не попал в Москву. Столица СССР действовала на Тейта угнетающе, поэтому он с радостью принял приглашение на прием, организованный Молотовым. Там-то и произошла его встреча с Зоей Федоровой.

Дальше были встречи, походы в рестораны, признания в любви и длинные, сладкие ночи... Но счастье было недолгим. Зое пришлось уехать на гастроли, а Тейта объявили персоной нон грата и выслали из страны. Попрощаться они не могли, но прощальное письмо Тейт успел написать. Оно сохранилось.

"Моя Зочка, сегодня утром ты уехала на гастроли. Сегодня же утром мне вручили предписание покинуть твою страну. Никаких причин указано не было, тем не менее, я должен покинуть страну в течение 48 часов. Я думаю, что твои гастроли и мое выдворение были согласованы заранее — с целью разлучить нас. Хочу верить, что это не обернется для тебя бедой. Они просто не хотят, чтобы мы любили друг друга...

Но будущее принадлежит нам. Пока мы любим друг друга, нас ни-

кому не различить... Я вернусь к тебе. Джексон."

Все это, конечно же, было хорошо известно полковнику Лихачеву, но обвинительного заключения из любовной истории не состряпал, поэтому он подбирался к Зое Алексеевне совсем с другой стороны.

— На предыдущих допросах вы отрицали совершенные вами преступления против советской власти. Учтите, ваша преступная деятельность следствию известна, и если вы не станете рассказывать об этом, мы будем вынуждены вас изобличать, — угрожающе начал он.

— Изобличать меня не надо, — испугалась Зоя Алексеевна. — Оказавшись в тюрьме, я пересмотрела всю свою жизнь, все свои настроения и связи и пришла к выводу, что заключение меня под стражу является правильным.

Как хотите, читатель, но мне кажется, что эта выученная наизусть фраза явно не ее: и стиль не ее, и слова не из лексикона актрисы. Скорее всего, начали приносить свои плоды те самые допросы (а они допускали и физические меры воздействия), протоколы которых не велись.

— А конкретнее, — подтолкнул ее полковник. — В чем вы признаете себя виновной?

— В том, что на протяжении последних лет проявляла резкие антисоветские настроения и высказывала намерение любыми путями выехать в Америку... Как я уже говорила, отцом моего ребенка является Джексон Тейт. Хочу откровенно сказать, что мною руководила мысль с помощью ребенка привязать Тейта к себе и, если представится возможность, уехать с ним в США.

— Он обещал на вас жениться?

— Ему еще надо было развестись... Но он не раз говорил, что будущее принадлежит нам. Правда, моя сестра Мария придерживалась другого мнения: он советовала не думать о женитьбе, добиться от Тейта получения денег на содержание ребенка — ведь жена Тейта владелица нескольких заводов по производству стали и этому состоятельному семейству ничего не стоило перевести на мой счет крупную сумму. Приняв решение, я попросила Иган передать Тейту письмо, в котором я сообщала о своей беременности. Он в это время был в США, но ответа я почему-то не получила. Тогда я передала письмо через Холла. Но он Джексона не нашел, объяснив это тем, что тот уехал куда-то на Тихий океан. Я на этом не успокоилась и после рождения Виктории нашла возможность переслать в Америку ее фотографии, но так и не знаю, дошло ли все это до Тейта. Должна заметить, что в Москве об этих письмах никто не знал, так как отцом Виктории был объявлен мой муж Рязанов.

Самое странное, Рязанов против этого не возражал. Арестованный несколько позже, на одном из допросов он показал:

"В конце июля 1945 год Федорова по секрету сообщила мне, что беременна от сотрудника американской военной миссии капитана I ранга Джексона Тейта, который уже уехал в США. Мы условились, что в качестве отца ребенка она будет называть меня. Я пошел на это потому, что тоже высказывал желание уехать в Америку и надеялся осуществить этот план с помощью Федоровой".

Полковник Лихачев продолжал допрос.

— Какие конкретные методы борьбы против советской власти вы обсуждали со своими друзьями-иностранцами?

То, что скажет Зоя Алексеевна через секунду или что ее заставят сказать, настолько ужасно, что я просто поражаюсь, как она могла подписать этот протокол. Неужели она не понимала, что подписывает себе смертный приговор?!

— Мне тяжело и стыдно, но я должна сказать, что в ходе ряда враждебных бесед я высказывала террористические намерения против Сталина, так как считала его основным виновником невыносимых условий жизни в Советском Союзе. В связи с этим против Сталина и других руководителей ВКП(б) и советского правительства я высказывала гнусные клеветнические измышления — и в этом признаю себя виновной.

Все, ловушка захлопнулась! Теперь Зоя Федорова была обречена. Признать себя виновной в подготовке террористического акта против Сталина — это подписать себе смертный приговор. Следователи, конечно же, ликовали: раскрытие покушения на вождя — большая заслуга, которая, несомненно, будет замечена руководством.

А если учесть, что во время обыска на квартире Федоровой был обнаружен "Браунинг", то вот оно и орудие убийства. И не имеют значения слова подследственной о том, что пистолет подарил знакомый летчик в память о поездке на фронт: пистолет надо было сдать, а раз не сдала, то сама собой возникает статья об ответственности за незаконное хранение оружия. Это — как минимум. Но у следствия нет никаких сомнений, что "Браунинг" можно было использовать

при покушении на Сталина. Тем более что одно время у Федоровой хранился куда более мощный "Маузер". Рязанов его, правда, сдал, но почему-то лишь в 1946-м, и от своего имени. Федорова, по его словам, была страшно возмущена, что лишилась "Маузера". Так что все сходится: Зоя Федорова — организатор покушения на Сталина.

Рассудив таким образом и посчитав эту линию обвинения законченной, следователь решил добить Зою Алексеевну, заставив признаться в том, что она, помимо всего прочего, американская шпионка. И он этого добился. Помните, какое впечатление произвел на Федорову меморандум Элизабет Иган, который советские разведчики умыкнули со стола Гарримана? Теперь ей предъявили еще один документ, который поверг Зою Алексеевну в глубокий шок.

Этот документ — коротенькая справка, за подписью высокого должностного лица, в которой сообщается, что кроме Иган, установленными разведчиками являются Олсен, Холл, Йорк, Верт и даже Тейт. Но раз эти лица шпионы, то кем может быть Федорова, имеющая с ними постоянные контакты, а кое с кем и интимную связь? Конечно же, их агентом. Не осталась незамеченной и встреча Федоровой с представителем американской военной миссии в Одессе Джоном Харшоу, которого она навещала во время съемок в этом городе. Зачем она с ним встречалась? Разумеется, чтобы передать разведанные. Какие у актрисы могут быть данные, подрывающие устои государства? А это не имеет значения: с разведчиками без дела не встречаются.

А визит к мексиканскому послу! А контакты с китайским послом

Фу! А банкет в честь дня ее рождения в американском посольстве! Где это было видано, чтобы американское посольство устраивало банкет в честь советской актрисы?!

А чешский генерал, он откуда взялся? Почему на изъятой при обыске фотографии он рядом с Федоровой? И почему Федорова в форме американского офицера? Откуда она у нее? Объяснения Федоровой, что форму специально для фотографирования дал человек по фамилии Толли, ничего не стоят: этот Толли на голову выше и в два раза толще Федоровой, а формочка сидит, как влитая.

И, наконец, встречи с послом США Гарриманом, с которым она познакомилась еще в 1943 году. Попробуй-ка кто-нибудь из людей куда более известных, нежели Федорова, пробиться к американскому послу, а Федорова встречалась с ним неоднократно. И на фотографии они рядышком.

Так родилось обвинительное заключение по делу, которое к этому времени стало групповым: по нему проходило семь человек во главе с Зоей Федоровой. 15 августа 1947 года оно было утверждено генерал-лейтенантом Огольцовым и вскоре внесено на рассмотрение Особого совещания МГБ СССР.

В объятиях ГУЛАГа

Главные пункты обвинения Зои Федоровой выглядят довольно мрачно. "Являлась инициатором создания антисоветской группы, вела враждебную агитацию, допускала злобные выпады против руководителей ВКП(б) и советского правительства, призывала своих сообщников к борьбе за свержение советской власти, высказывала личную готовность совершить тер-

рористический акт против главы советского государства. Поддерживала преступную связь с находившимися в Москве иностранными разведчиками, которым передавала извращенную информацию о положении в Советском Союзе. Замышляла совершить побег из СССР в Америку. Кроме того, незаконно хранила у себя оружие".

Предложенное наказание — 20 лет исправительно-трудовых лагерей. Остальным "подельцам" — от десяти до пяти лет. Но Особое совещание решило, что 20 лет — это мало, и постановило: "Федорову Зою Алексеевну заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на двадцать пять лет".

Этот документ подписан 8 сентября 1947 года, но уже 27 декабря Особое совещание решило ужесточить наказание: "Исправительно-трудовой лагерь заменить тюремным заключением на тот же срок". Через три дня ее отправляют в печально известный Владимирский централ.

За что? Что она натворила? Ведь чтобы принять такое решение, надо иметь очень серьезные основания.

Основания? Они были. Сопоставив даты, я понял, в чем дело и кто инициировал эту акцию. Дело в том, что Зоя Алексеевна имела неосторожность обратиться с письмом к своему давнему, но отвергнутому поклоннику. Вот что она ему написала:

"Многоуважаемый Лаврентий Павлович!

Обращаюсь к Вам за помощью, спасите меня. Я не могу понять, за что меня так жестоко терзают. Вы разрешили мне обращаться к Вам за помощью в тяжелые минуты жизни. И вот тяжелые минуты для меня настали, даже более чем тя-

желые. Я бы сказала — смертельные. В глубоком отчаянии обращаюсь к Вам за помощью и справедливостью.

27.XII.46 года я была арестована... Я была крайне удивлена этим арестом, так как не знала за собой никаких преступлений. Правда, за последние шесть лет министерство кинематографии постепенно затравливало меня. Последние два года я чувствовала себя в опале. Это озлобило меня и я среди своих родственников и друзей критиковала нашу жизнь. Говоря о материальных трудностях, я допускала довольно резкие выражения, но все это происходило в стенах моей квартиры. Не считая свое поведение преступным, так как я болтала всякую чепуху, не имея каких-либо преступных намерений, я была спокойна. В крайнем случае, за свой язык и аморальное поведение я ждала хорошего выговора, но не тех страданий, которые мне пришлось испытать.

Инкриминированное мне преступление и весь ход следствия напоминают какую-то кровавую комедию. Что дало повод так позорно клеймить меня? Мое знакомство с иностранцами. Но знала ли я, что дружба, которая была у нас с ними в те годы, перейдет во вражду и что это знакомство будет истолковано как измена Родине?! Но этого мало, полет жестокой фантазии следователей на этом не остановился. Подаренный мне во время войны маленький дамский пистолет послужил поводом для обвинения меня в террористических намерениях. Против кого? Против Власти. Против партии и правительства, ради которых, если Вы помните, я дала Вам согласие остаться в Москве на случай,

если немцы захватят ее, чтобы помочь Вам вести с ними подпольную борьбу.

Я сходила с ума, решила покончить с собой и повесилась в одиночной камере Лефортовской тюрьмы, но умереть не удалось — мне помешали... Потом я была отправлена в Темниковские лагеря — большая, полусумасшедшая. Но Особому совещанию показалось недостаточным столь суровое наказание и через два месяца они решили добавить конфискацию имущества, отнять то, что было нажито в течение всей жизни честным трудом. Этим они наказали не меня, а моих маленьких детей, которых у меня на иждивении четверо: самой маленькой, дочери, два года, а самому старшему, племяннику, десять лет.

Я умоляю Вас, многоуважаемый Лаврентий Павлович, спасите меня! Я чувствую себя виноватой за легкомысленный характер и несдержанный язык. Я хорошо поняла свои ошибки и взываю к Вам как к родному отцу. Верните меня к жизни! Верните меня в Москву! За что же я должна погибнуть? Единственная надежда у меня на Ваше справедливое решение.

20.12.1947 г."

Переведем дух, читатель, и попытаемся проанализировать это письмо... В январе 1941-го Зоя Федорова несколько раз бывала у Берия по личным вопросам. Что это за вопросы? Отец уже был на воле, все родственники и друзья — на свободе, так что хлопотать вроде бы не за кого. А по каким другим делам можно ходить к Берия? Если грозный и, конечно ж, занятой нарком внутренних дел кого-то принимает несколько раз в течение одного месяца, значит, дела были достаточно серьезные.

Думаю, что непосредственное отношение к этим делам имеет и разрешение Берия обращаться лично к нему за помощью. В Советском Союзе было не много людей, которые обладали таким правом.

А что означает телефон генерала Федорова, который Берия оставил Зое Алексеевне для связи? В своих показаниях она не только упоминает этого генерала, но говорит, что согласовала с ним первую встречу с Йорком. "Он разрешил, но просил позвонить", — заявила она. Странновато, не правда ли? Советская актриса получает на связь генерала НКВД и согласовывает с ним свои встречи с иностранцами... Что-то тут не так.

И уж совсем откровенно звучит напоминание о согласии, данном лично Берия, остаться для подпольной работы в Москве. Стало бы должностное лицо такого уровня, как Берия, вести разговоры о подпольной работе с посторонним для его ведомства человеком?

Честно говоря, мне и самому хотелось бы все свести к приставаниям неудавшегося любовника и его чисто мужской мести за отказ разделить с ним ложе. Если сопоставить даты, то внешне все выглядит именно так. 20 декабря письмо уходит из лагеря, 23-го группа сотрудников МГБ во главе с генерал-лейтенантом Селивановским подписывает заключение, в котором рекомендуется 25 лет ИТЛ заменить на 25 лет тюремного заключения.

Причина? "Отбывая наказание в лагерях МВД, Федорова З.А. пыталась установить связь с иностранцами, находящимися в Москве" — такая докладная записка поступила из Темниковского лагеря. Как можно, будучи за колючей

проволокой, да еще у черта на куличках, установить связь с иностранцами, находящимися в Москве? Но нелепость ситуации никого не смущала: главное, было выполнено указание "родного отца", и теперь строптивая актриска не раз проклянет себя за гордыню и упрямство.

Так оно и случилось: 27-го Особое совещание проштемпелевало заключение МГБ, а 30 декабря Зоя Алексеевна была этапирована во Владимир. Там она, кстати, довольно долго сидела в одной камере с Лидией Руслановой, и они стали близкими подругами.

Но вот что поразительно: даже в тюрьме, где все, казалось бы, дурью по несчастью, длинная рука Берия ни на секунду не оставляла Зою Федорову без внимания. За ней присматривали, докладывали о каждом ее шаге, каждом неосторожно оброненном слове.

Тюрьма есть тюрьма. А это значит — карцеры, голодовки, издевательства, побои... Как Зоя Алексеевна выжила, как все это вынесла?! Ведь она была серьезно больна, об этом свидетельствуют справки, имеющиеся в деле, да и в одном из писем к Берия она жалуется на малокровие и чисто женские заболевания. Но она держалась!

А какой камень упал с души, когда пришло долгожданное письмо с воли! Ведь все эти годы Зоя Алексеевна ничего не знала о дочери. Где она, с кем, жива ли вообще? И вдруг письмо от Александры, сестры Зои Федоровой.

"Дорогая сестра! Надеюсь, у тебя все хорошо, как и у меня и у моих детей. Виктория выросла в хорошенькую девочку, у нее длинные прямые каштановые волосы и красивые глаза. Она зовет меня мамой и во всем слушается.



Она очень вежливая и немного застенчивая”.

Зоя Алексеевна тут же садится за ответное письмо. Она соглашается с тем, что Вика называет Александру мамой, но все же просит рассказать девочке “про тетю Зою”, которая живет далеко-далеко и очень ее любит”.

Одно письмо в год — такие тогда были правила. Но Зоя Алексеевна выдержала и это. А в январе 1955 года Центральная комиссия по пересмотру дел вышла с предложением: “Решение Особого совещания от 8 сентября 1947 года изменить. Меру наказания снизить до фактически отбытого срока и из-под стражи Федорову Зою Алексеевну освободить. Конфискованное имущество возвратить”. Такое же предложение было высказано и в отношении всех ее “подельцев”. Вот только сестра Мария этого решения не дождалась: она умерла в заключении.

В феврале 1955 года Зоя Алексеевна вышла на свободу. А в августе Центральная комиссия все постановления Особого совещания вообще отменила и дело прекратила. За этими скупыми строками огромный смысл и, не боюсь этого слова, гигантская работа. Эта работа была связана и со своеобразным экзаменом, который с честью выдержали друзья и коллеги Зои Федоровой.

Их попросили, казалось бы, о малом: написать характеристику артистке Федоровой. На дворе, конечно, оттепель, нет уже ни Сталина, ни Берия, но черт его знает, как себя вести: характеристику-то просит не ЖЭК, а Лубянка. И вот что замечательно: характеристик нужно было не более трех, а пришло двенадцать.

Вот что написала, например, Людмила Целиковская:

"Зою Алексеевну Федорову я знаю с 1940 года по совместной работе в кино. В дни Великой Отечественной войны мы часто с ней встречались на шефской работе по обслуживанию госпиталей Москвы и Московской области.

Актриса большого таланта, чуткий и отзывчивый товарищ, она по праву завоевала любовь советского зрителя. Думаю, что и в будущем она создаст еще много ролей в наших кинофильмах и оправдает все надежды, которые налагает на нее звание лауреата Сталинской премии, звание одной из любимейших актрис нашего народа".

А Сергей Михалков отправил характеристику не на Лубянку, а прямо в Президиум Верховного Совета СССР.

"Я знаю артистку Зою Федорову с 1940 года, когда она снималась в главной роли в фильме "Фронтовые подруги" по моему сценарию. Мне не раз приходилось разговаривать с тов. Федоровой на самые различные темы и я могу сказать, что одаренная актриса, происходящая из рабочей семьи, всегда производила на меня хорошее впечатление, как талантливый и по-настоящему советский человек.

Арест Зои Федоровой органами МГБ в 1946 году был для меня полной неожиданностью. Дважды лауреат Сталинской премии, актриса Зоя Федорова представлялась мне всегда человеком, любящим Родину, Советское правительство, благодаря которому она стала широко известным в стране человеком."

Знаменательно, что к этому делу подключились и те актеры, с которыми она снималась в кино, значит, с их стороны не было ни-



какой ревности, а тем более зависти, что весьма характерно для актерской среды. Фаина Раневская, с которой Зоя Федорова снималась в широко известной "Свадьбе", называет ее "дисциплинированной и творчески изобретательной актрисой". Эраст Гарин заявляет, что его в Федоровой "всегда изумляла настоящая простота — качество, довольно редкое среди работников искусства". Борис Бабочкин, с которым она снималась в "Подругах", называет ее "хорошей, прямой и талантливой девушкой, горячо любящей нашу советскую жизнь и наше советское искусство".

К ним присоединились Иван Пырьев, Михаил Астангов, Борис Барнет, Андрей Абрикосов, Сергей Юткевич и многие другие.

Вдогонку за жизнью...

Да, жизнь надо было догонять. Девять лет за колючей проволокой — это не шуточки. Потеряно здоровье, утрачена форма, забыл зритель и, самое главное, родная дочь считает ее тетей.

Все эти годы Вика жила в Казахстане. И вот однажды ее посадили в поезд и отправили в Москву, где ее должна была встретить "тетя Зоя". Вот как рассказывала об этой встрече сама Виктория много лет спустя.

"Поезд остановился, и все заторопились к выходу. Я подождала, пока почти все вышли на перрон, а потом взяла свой картонный чемоданчик и тоже вышла из вагона...

Мимо двигалась толпа людей. Я искала глазами кого-нибудь, кто бы напоминал мне тетю, но никого подходящего не увидела. Толпа понемногу редела, и тут я увидела бе-

гущую по платформе женщину, которая заглядывала в лица прохожим. Вдруг она увидела меня и остановилась. Потом кинулась ко мне. Когда она подбежала ближе, я увидела, что она плачет.

— Виктория? — спросила она.

Я кивнула. Мне понравился ее голос.

— Тетя Зоя?

И вдруг ее укутанные в меха руки обняли меня, и я испугалась, что она меня раздавит. Я почувствовала, как мне на лицо капают ее слезы, и даже сквозь шубку ощутила, что она вся дрожит.

Она опустила передо мной на колени, заглядывая мне в лицо и стряхивая с ресниц слезы, чтобы лучше видеть.

— Да, — сказала она. — Да."

Не сразу, далеко не сразу "тетя Зоя" призналась, что она на самом деле, но когда это произошло, в их доме поселилось истинное счастье.

Новой семье надо было на что-то жить — и Зоя Алексеевна взялась за себя так, как могла только она. Уже в 1955-м она снялась в фильме "Своими руками". В 1956-м было уже два фильма, в 1957-м — пять, а дальше, как говорится, пошло-поехало. За двадцать два года Зоя Алексеевна снялась более чем в тридцати фильмах. Роли были и главные, и эпизодические, но самое важное, они были. Потрясающая работоспособность Зои Алексеевны дала свои результаты: в 1965 году она стала Заслуженной артисткой РСФСР.

Последний раз он снялась в фильме "Живите в радости". Это было на "Мосфильме" в 1977 году. После этого она сказала: "Все, хватит. Ухожу на пенсию. Пора и отдохнуть". Но отдыха не получилась. Дом у нее был хлебосольный,

друзей и знакомых — тьма, так что хлопот было предостаточно.

Надо сказать, что к этому времени удалось разыскать Джексона Тейта, и Виктория уехала в Штаты. Там она вышла замуж, обрела свой дом и даже принимала в нем однажды мать. Конечно же, она уговаривала ее остаться в Америке, но Зоя Алексеевна вернулась в Москву. Вернулась — и затосковала. Ее так неудержимо потянуло к Вике, что она всерьез стала подумывать о переезде в США. Зоя Алексеевна открыто делилась этой мечтой: кто-то ее отговаривал, кто-то одобрял. Не забывайте, что на дворе был 1981 год, а тогда на желающих эмигрировать в Штаты смотрели косо.

Так продолжалось до трагического вечера 11 декабря 1981 года.

— Так что же тогда произошло? Кому помешала Зоя Алексеевна? И почему это преступление до сих пор не раскрыто? — спросил я у начальника следственного отдела управления Московской прокуратуры Валерия Конины.

— Как вы знаете, племянник обнаружил убитую вечером, но само убийство произошло днем. На месте преступления мы обнаружили пулю и гильзу от патрона "Зауер". Следы борьбы отсутствовали. Замки на дверях целые. Из квартиры, судя по всему, ничего не похищено. Ни отпечатков пальцев, ни каких-либо других следов преступника или преступников не обнаружено.

— Значит, работали профессионалы?

— Безусловно. Причем, хорошо знакомые Зое Алексеевне. Судя по всему, она сама открыла кому-то дверь, спокойно уселась в кресло, а тот подошел сзади и выстрелил ей в затылок.

— Это все, что вы знаете?

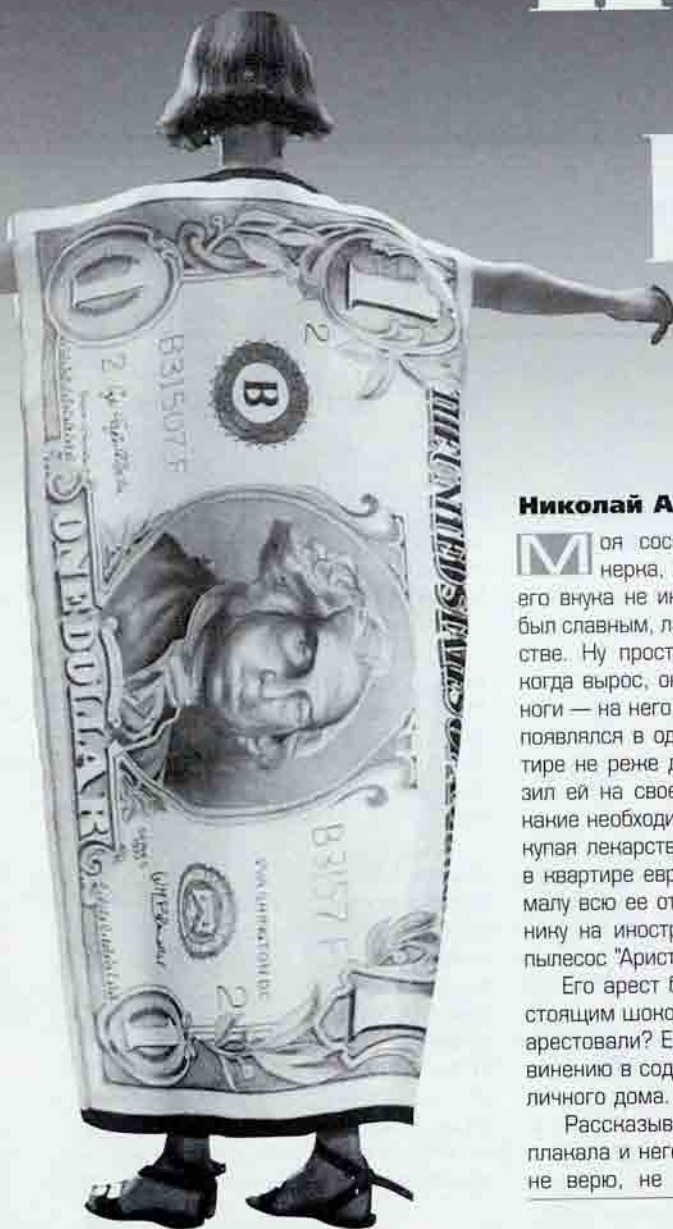
— Конечно, нет. Знаю я гораздо больше. Но так как преступление не раскрыто, говорить о большем в интересах следствия я просто не имею права. А тогда... Я хорошо помню, что на ноги был поднят вся милиция и прокуратура Москвы. Были отработаны многочисленные связи, знакомства и контакты Зои Алексеевны. На причастность к убийству мы проверили более четырех тысяч человек, в том числе не одну сотню ранее судимых преступников. К рассмотрению принимались самые разные версии — от убийства на бытовом почве до убийства по политическим мотивам. Но ни одна из этих версий не дала положительного результата и преступление до сих пор не раскрыто. Следствие по делу приостановлено. Но это не значит, что мы о нем забыли: как только где-то что-то всплывет, как только появится хотя бы один новый факт, мы снова приступим к расследованию.

Как это ни грустно, но ко всему сказанному выше добавить практически нечего. Жил прекрасный человек, на которого начал охоту Ягода, продолжил Берия, а роковой выстрел произвел кто-то другой.

Жизнь у этого прекрасного человека была очень не простой, там были и шипы, и розы, и, к великому сожалению, пули. Но напрасно думает тот, кто пускает в ход последний аргумент, что пули что-то решают, что они могут что-то остановить. Глубочайшее заблуждение! И хотя Зои Алексеевны Федоровой нет, с нами ее filmy, ее незабываемые героини, с нами память о много страдавшей, жизнелюбивой и обаятельной женщине. ■

Нелс

про



Николай АЛЕКСАНДРОВ

Моя соседка, 75-летняя пенсионерка, всю жизнь называла своего внука не иначе, как Котя. Таким он был славным, ласковым мальчиком в детстве. Ну просто чудным подростком. А когда вырос, окончил институт, встал на ноги — на него впрямую стало молиться. Он появлялся в одинокой бабушкиной квартире не реже двух раз в неделю, привозил ей на своей "Тойоте" все продукты, накие необходимо, ездил по аптекам, покупая лекарства. Нанял рабочих, сделал в квартире евроремонт, сменил мало-помалу всю ее отечественную бытовую технику на иностранную: телевизор "Сони", пылесос "Аристон", печь "Мулиненс".

Его арест был для моей соседки настоящим шоком. А главное — за что его арестовали? Ее Котю арестовали по обвинению в содержании подпольного публичного дома.

Рассказывая мне об этом, старушка плакала и негодовала одновременно. "Я не верю, не верю, что он занимался

Требуемая фреска

этим, — говорила она. — Его оклеветали, без всякого сомнения!"

Ни поддержать ее убеждения, ни опровергнуть их я, естественно, не мог. Да и не собирался. Хотя, наблюдая неоднократно Котю подъезжающим на джипе к дому, и его точно таких же, как сам, коротко стриженных дружков и разбитных подружек, вываливающихся из нутра машины, их ухватки и разговоры, воздержался бы спорить с кем-либо насчет Котиной невиновности.

"Что за времена, что за времена! — не найдя во мне особого сочувствия к ее переживаниям, перешла старушка к обвинениям в адрес независимых ни от кого обстоятельств. — В наши годы ни о чем подобном, ни о каких публичных домах не было даже слышно. Ничего подобного не было!"

Я уточнил: "В какие ваши годы, что вы имеете в виду?"

Моя соседка имела в виду, как и следовало ожидать, годы советской власти.

Но тут она тоже основательно заблудалась.

Проституция в ее современном виде возникла — страшно сказать! — две с половиной тысячи лет назад. Ее отцом-основателем и идеологом называют великого древнегреческого реформатора и законодателя Солона. Среди многочисленных законов, которые он дал греческому обществу той поры, был и закон о публичных домах. Так как Солон был кем-то вроде президента — архонтом, другими словами, властью и законодательной, и исполнительной в одном лице, то он же сам свой закон и проводил в жизнь. Учредил по Греции несколько публичных домов (разумеется, прежде всего в Афинах), закупил для них рабынь — и, пожалуйста, древнегреческие граждане, приходите, платите денешки и пользуйтесь.

Публичные дома великий реформатор учредил не от хорошей жизни. Это

пора, когда он правил — начало VI века до н.э., — характеризовалась невиданным упадком нравов в Элладе. Мужья полагали хорошим тоном совращать чужих жен, их собственные жены в результате распутничали напрадую, семьи — "ячейки общества" — рушились, как дома, изъеденные жуком-древоточцем, дети болтались между родителями, никому не нужные. Публичные дома, по замыслу Солона, должны были укрепить семейные узы. Нужно тебе выплеснуть излишнюю сексуальную энергию — отправляйся по известному адресу. А за женой следи и держи в строгости, а буде сосед начнет поглядывать на нее — отправь по известному адресу и его, нечего семью рутьить.

Конечно, проституция существовала в древнем мире и до Солона. Но она была священной, храмовой. Храмовая проститутка часто являлась жрицей и отдавала на соитие как бы не свое тело, а некое первоначальное естество жизни, приобщала познающего ее к первоосновам бытия, делала сопричастным высшей, неразгадываемой тайне существования мира. Другими словами, можно сказать, храмовая проституция была чем-то вроде своеобразной молитвы, приносимой посредством плоти.

Солон низвел проституцию с жертвенного алтаря, сделав ее чисто плотским делом. И не случайно он сформировал корпус проституток из рабынь, указав таким образом на низкий характер этого занятия.

Первые публичные дома в Греции были государственными, и доход от них поступал в государственную казну. Позднее содержание их стали отдавать в частные руки, а владельцы домов уже платили государству определенный налог. Неизменным оставалось одно: проститутки выбирались только из рабынь. Для свободных граждан это дело оставалось непотребным. Назывались античные публичные дома лупанариями. Рас-

копки в Помпеях, античном городе, погребенном под пеплом Везувия в I до н.э., показали, что в лупанариях существовали, выражаясь по-современному, абонементные билеты — на вход к той проститутке или другой. Они делались из терракоты, из кости.

Из Греции публичные дома пришли и в древний Рим. Их организация, принцип функционирования — все было перенято у Греции. Так же, как и в Греции, они рассматривались как система защиты брака, института семьи.

Публичных домов в Риме насчитывались десятки и десятки. Районом их сосредоточения был городской квартал Субура. Однако в районе Субура располагались, в основном, дорогие бордели, а бордели подешевле, для простого люда — солдатни, ремесленников — вынуждены были тесниться у городских стен, даже у самых ворот — там, где земля стоила меньше. Случалось, что ради дешевизны публичные дома вообще выносились за городские ворота и ставились на другом берегу реки, протекавшей под стенами. Надо отметить, что в римских борделях, особенно дешевых, вследствие темноты помещений, отсутствия окон, постоянно горящих внутри масляных фонарей, всегда было очень жарко, душно и стоял ужасный запах... Поэтому с течением времени дорогие публичные дома стали перемещаться в бани (вернее, сливаться с ними). Что было естественным следствием античных способов половой гигиены и контрацепции, требовавших много воды. При каждой бане существовали отдельные кабинеты, состоял свой штат проституток (в том числе и мужского пола), которые, кроме всего прочего, ублажали клиентов и массажем.

Проститутке в богатых публичных домах после принятия каждого клиента полагалось принять ванну. После чего все ее тело и особенно половые органы обильно смазывались ароматическими

маслами и специальными мазями, приготовленными на основе различных лекарственных растений. Мнение, что делалось это с чисто эротическими целями — для возбуждения клиента — ошибочно. То есть, конечно, и так, но, прежде всего в целях контрацепции, гигиены и защиты от кожных и венерических болезней. Правда, античный мир не знал о связи гонореи, мягкого шанкра, кондиломы — существовавших тогда венерических заболеваний — с половыми отношениями, считая их естественными болезненными проявлениями организма — типа, скажем, воспаления уха или насморка. Но способы противостояния этим болезням, предупреждения их и лечения выработал и применял. Все они описаны в сочинениях древних врачей.

Особую "касту" среди римских проституток составляли так называемые гетеры. Синоним этого понятия из более близких к нам времен может быть "нуртизанка". Гетера была проституткой-одиночкой. Но стать гетерой обычная бордельная проститутка не имела никаких шансов. Гетера должна была быть образованной, утонченной, обладать музыкальными и певческими талантами. Собственно, гетеры и произошли из театральной среды. Отношения с ними ввел в моду в конце II века до н.э. полководец, а затем и римский консул Сулла. Он осыпал их дарами, появлялся с ними в обществе, проводил у них дни и ночи.

Удивительно, но к иным гетерам выстраивалась настоящая очередь из молодых римских патрициев. При этом, хотя гетера и отдавалась за деньги, причем немалые, получить доступ к ее телу мог только не каждый. За нею необходимо было ухаживать, добиваться ее — она должна была сообразовывать предоставить для любовных утех свое тело. Известны случаи, когда молодые патриции проматывали на гетерах все свое состояние.

Впрочем, старейшая из известных по имени гетер — гречанка. Ею была Родопис, уроженка Фракии, одно время сорабыня баснописца Эзопа. Сводник — выражаясь по-современному, сутенер — Ксантос обучил красивую, музыкально-талантливую и сексуально одаренную рабыню всем искусствам гетеры и повез ее в Египет. Там она должна была трясти для него кошельки местной знати. Замысел его удался, но не совсем так, как он предполагал. Родопис влюбила в себя Харакса с Лесбоса, брата знаменитой поэтессы Сафо, и он за громадные деньги выкупил ее у Ксантоса, опустив затем на свободу. И Родопис стала вести жизнь свободной гетеры, зарабатывая своим ремеслом не просто себе на жизнь, а на очень роскошную жизнь.

Но все же, как бы много ни зарабатывала гетера, в какой бы роскоши ни жила, полноценным членом общества она не являлась. При том, что по римским представлениям получать деньги за половой акт от мужчины было вполне нормальным делом. Но женщина, которая неограниченно удовлетворяет общему публичному спросу на половые наслаждения, согласно римского права, — это уже проститутка. Независимо от того, делает она это в публичном доме или в одиночку.

Христианство, стремясь в идеале к умерщвлению плоти, не смогло упразднить проституцию. По сути, все средневековые проституция в Европе существовала в своем античном варианте. Известно, например, что в средневековой Германии город в 300-400 жителей уже имел публичный дом. Характерно при этом, что, как и в античные времена, публичные дома выселяли поближе к городской стене, а то и вообще выносили за ворота, на берег реки, на другую сторону рва. Часто их называли "дом у рва", и все прекрасно понимали, что это значит. "Бордель" и "дом у рва" — это были синонимы.

Процветанию средневековой проституции способствовало, с одной стороны, то обстоятельство, что женщин в городах Запада той поры было, как правило, больше, чем мужчин. С другой стороны, имелись целые категории мужчин, которые жили без семьи, одиноко. К ним относились, скажем, подмастерья. По закону право на женитьбу имел лишь тот мужчина, который мог обеспечить семью, а у подмастерьев таких денег не водилось. В подмастерьях же человек мог проходить всю жизнь. А еще студенты. Молодые, полные сил мужчины, которых буквально разрывало вожделением. Женщины легкого поведения искали их общества, зная, что на студенте не только заработаешь, но и весело проведешь с ним время. Известны случаи, когда школа и публичное заведение делили один дом. На верхнем этаже профессор читал студентам лекцию, а на нижнем их соблазняли проститутки. Города, где были университеты, довольно часто пользовались дурной славой из-за обилия проституток в них. Так, самым злачным городом Италии считалась Падуя, чуть более нравственной — Болонья. Париж, Кельн, Лейпциг, Вена, Саламанка — все эти города средневековой Европы обладали тоже не лучшей репутацией.

Прекрасно всем известные своим романтическим названием "таверна" средневековые питейные заведения тоже — вплоть до XIII века — представляли собой не что иное, как замаскированные бордели. Вся прислуга в них по совместительству была проститутками и за специальную плату продолжала обслуживание посетителей в отдельных комнатах наверху.

Колоссальных размеров достигала проституция в Константинополе, этом мегаполисе средневековья. Здесь она сохранила все многоцветье античности. К услугам отцов семейств, свободных молодых мужчин и многочисленных тор-

говых гостей города была проституция театральная, уличная, организованная, одиночная. Работали многочисленные кабачки с отдельными номерами — наподобие таверн, зазывали посетить своих красоток публичные дома — от роскошных, с банями, массажем, изысканным столом, до замызганных, засаленных забегаловок: удовлетворить насоро свое желание и бежать дальше. Средоточием платных любовных утех был и доньше сохраняющий свое название район Галаты. Он и тогда являлся центром торговли, с утра до вечера в нем толпились толпы приезжих, как правило, с набитыми кошельками в карманах, и сервис, как положено в рыночной экономике, шел к ним навстречу. Именно в Константинополе эстетически свободная эллинская жизнь наслаждений просуществовала дольше всего — вплоть до его падения в 1453 году.

Арабо-мусульманский мир, впитывая в себя традиции поверженной им Византии, в отличие от Запада избрал вариант вольной, не бордельной проституции. То есть когда проститутка работает сама по себе, без всякой охранительной "крыши", разве что под прикрытием сутенера. Но публичных домов арабо-мусульманский мир не принял.

Впрочем, средневековый Запад тоже, конечно, знал вольную проституцию. За армиями, перемещавшимися по Европе из одного ее конца в другой, непременно тащился громадный обоз, и в этом обозе таскались за солдатами сотни и сотни никак не организованных жриц любви. Их час настаивал, когда солдатам выплачивалось жалование. Сохраняемое не слишком пухлых солдатских кошельков переключивало в походные ларцы терпеливых дам в течение какой-нибудь недели-полтора.

Церковь, надо отметить, боролась с проституцией всеми доступными ей средствами и методами. Она всячески поощряла вступление в брак с прости-

тутной, мужчине, сделавшему это, таной ант ставился в заслугу перед Богом. Папа Иннокентий III в 1198 году даже объявил всем мужчинам, вступившим в брак с проституткой, полное отпущение грехов.

Конец средневековой проституции с ее античной безоглядностью, отсутствием специальных санитарных мер, а также полицейского надзора пришел в конце XV века — после появления сифилиса, завезенного моряками из Центральной Америки. Эпоха путешествий и великих открытий явила европейской цивилизации свой побочный продукт в виде этой страшной болезни, и теперь связь между нею и половыми отношениями была медициной твердо установлена. Описать панику, воцарившуюся тогда в Европе, не хватит никаких слов.

С тех пор вот уже в течение полутора тысячелетия общество борется против проституции. Начинается так называемая регламентация, когда проститутки ставятся полицией на специальный учет. Вводится для них постоянное медицинское наблюдение — в странах, где проституция разрешается законом. В некоторых странах принимаются законы, запрещающие проституцию (или вообще, или в определенных городах, или в определенных видах), — там начинают процветать скрытые ее формы: подпольные дома свиданий, специальные гостиницы, одиночная проституция с сутенером в качестве обязательного посредника.

В XIX веке в Европе возникает движение абolicionистов — движение за полную ликвидацию проституции. Абolicionисты не просто стремились запретить регламентированную проституцию, а искоренить, как они полагали, ее основу — бедность. Для проститутки открывались специальные работные дома, их обучали различным профессиям, помогали с занозами, с жильем. Результа-

том победы абolicionистических идей в конце XIX-начале XX века стало упразднение публичных домов, затем отмена регистрации и — возникновение громадного числа тайных домов свиданий по всей Европе. Вечером, с наступлением темноты собирались девушки с рунделем на какой-нибудь квартире, в общем зале, усаживались за большой стол. Кто шил, кто вышивал, кто кружева вязал. А к ним приходили их "друзья" — навестить. Что, не имели разве права? А, посидевши с ними в общем зале, не имели разве права уединиться в отдельной комнате? Ну, если так обьяло любовным огнем обих!

Такие картины наблюдались, например, в Мюнхене, в Берлине, где публичные дома были запрещены. Но, скажем, в Гамбурге, Будапеште проституция оставалась регламентированной, и там все шло по-старому.

Как же все эти долгие века обстояло дело с проституцией в России? Документальных свидетельств о совсем уж давних временах нет. Хотя и нет никаких сомнений, что в древнем Киеве, большом европейском городе с громадным торговым оборотом, массой приезного люда, постоянно находившегося в нем, дело это обстояло так же, как и в остальной Европе. Не надо при этом забывать, что древняя Русь во всем брала пример с Византии, так почему же в Киеве было не принятись константинопольским порядкам?

Надо, однако, полагать, что после ордынского нашествия проституция на Руси имела не организованный — бордельный, а вольный, одиночный характер. Во всяком случае, утверждать это заставляет первое доступное нам документальное свидетельство о нем — московский наказ о градском благочинии 1649 года, который предписывает объезжему голове "по улицам и по переулкам в день и в ночь ходить и беречь на-

крепко, чтоб в улицах и в переулках... блядни не было".

Спустя полвека с небольшим, в 1716 году, озабоченный широким распространением проституции в армии, Петр I в Воинских артикулах пишет: "...никакие блудницы при полках терпимы не будут, но ежели оные найдутся, имеют оные без рассмотрения особ через профоса (палача) раздеты и явно выгнаны быть". А вот указ Анны Иоанновны от 1736 года: "...непотребных женон и девон, содержимых у себя вольнодумцами и трактирщиками, оных допроса, буде не беглые онажнутся, тех высечь кошнами и из тех домов выбить вон". Предписывает сыскивать, ловить и приводить в Главную Полицию непотребных жен и девон, как иноземок, так и русских, Елизавета Петровна в указе 1750 года. Дважды обращается в своих указах к проституции Екатерина II — в 1763 и 1782 годах. Устав благочиния 1782 года гласит: "...буде кто непотребством своим или инаго делает ремесло, от онаго имеет пропитание, то за таковое постыдное ремесло отослать его в смиренный дом на полгода".

Из этих документов отчетливо видно, что весь XVIII век Россия упорно и настойчиво боролась с проституцией, запрещала ее — и все впустую. Отрубленная голова "гидры" тут же отрастала вновь. В начале XIX века тайных публичных домов расплодилось столько, что российское общество созрело к официальному разрешению проституции. То есть к введению той самой, европейской, регламентированной проституции, против которой в Европе уже боролись аболиционисты. 10 августа 1843 года министр внутренних дел граф Перовский испросил согласия Николая I на учреждение в Петербурге врачебно-полицейского надзора за женщинами, промышлявшими непотребством. А в 1846 году по его же инициативе под-

надзорные проститутки освобождаются от уголовного наказания за занятие проституцией.

Так сформировалась та самая, известная всем по русской литературе конца XIX-начала XX века система желтых билетов. Система была страшенькая. С одной стороны, желтый билет давал возможность добывать себе на прокорм собственным телом, не опасаясь преследований; с другой стороны, ставил в полную, рабскую зависимость от надзирающих полицейских чинов, владельцев (или владельцев) публичного дома, полностью и чаще всего навсегда отсекал проститутку от иной, "потребной" жизни. На проститутках наживался кто как мог. Всегда не обязательно, используя свое "служебное положение". Вот, скажем, любопытное объявление (реклама по-современному) в "Иллюстрированном путеводителе-справочнике Москвы" за 1897 г., издание Снегирева: "Акушерка Е.Адольфи. Имеет для секретных беременных отдельные комнаты и берет детей на воспитание. Покровка, Лялин пер., д.Пирогова, рядом с аптекой". Основной контингент клиентуры таких "акушерок" составляли проститутки, и уходило у них на воспитание их тайно рожденных детей все, что им удавалось зарабатывать.

При всем при том узаконенная, "терпимая" (отсюда "дома терпимости"), находящаяся под врачебным контролем проституция отнюдь не гарантировала от заражения венерическими болезнями. Так, например, по данным на 1914 год число заболевших "болезнями любви" в Москве от проститутток равнялось почти 57 процентам от всех заболевших этими болезнями.

Не удивительно, что российское общество и в либерально-реформистской, а уж тем более радикально-демократической своих частях, было резко настроено против проституции. И когда

радикал-демократы пришли к власти — другими словами, установилась советская власть, — проституция была запрещена, все публичные дома закрыты. В зависимости от того, насколько крута была новая власть на местах, проститутки объявлялись или эксплуатируемой трудовой массой, или нетрудовым элементом. Первое было предпочтительнее. С началом террора во втором случае могли и расстрелять. Что и происходило.

Едва гражданская война закончилась, и в страну пришел НЭП, проституция тут же ожила. На улицы, под прикрытием сутенеров и без, выходят толпы молодых и не слишком молодых женщин, открываются тайные публичные дома, в ресторанах официанты предлагают посетителям "меню" с фотографиями "дамочек", ожидающих их в кабинетах. Широкое распространение получают "семейные бани", куда в отдельный номер можно прийти с кем угодно. Около этих бань неизменно толчется целая толпа "прелестниц", предлагающих свои услуги "на помывку". Одной из таких "семейных бань" были знаменитые Сандуны. Вот что писала о них в № 7 от 12 января 1923 года "Рабочая Москва": "Войдите во двор этой бани, и вы натолкнетесь на вереницу продавщиц своего тела, нередко подростков, услуги которых охотно принимаются господами нэпманами, посещающими "семейные номера".

Если кто полагает, что с концом НЭПа в СССР пришел и конец проституции, тот ошибается. Советская власть обнаружила, что нундается в проституции. И негласным образом восстановила ее. Правда, в специфических целях и потому в специфическом виде, но суть в том, что восстановила.

Надобность в ней возникла в связи с государственной потребностью в разузнавании всяких тайн и секретов у гранд-дан иностранных государств, враждеб-

ных (или не очень) молодой советской республике. Те приезжали к нам, жили в гостиницах, иногда без семей, и жаждали женского общества и женских ласк. Позволить себе, чтобы они получали эти ласки без пользы для советского общества, власть не могла. Таким образом, первым советским публичным домом стало так называемое БЮРОБИН — Бюро по обслуживанию иностранцев при Наркомате иностранных дел. Конечно, оно занималось обслуживанием иностранцев в самом широком смысле — шоферы там, переводчики, прислуга, — но в том числе приняло на себя обязанности и по такому обслуживанию. Разумеется, в тесном контакте с набирающими силу органами безопасности.

В этом виде гостиничная проституция дожила до самых последних дней советской власти, и в конце 80-х годов внимательный человек, чей маршрут пролегал по задам "40-го" магазина на Малой Лубянке, мог увидеть, как за железную ограду просканивают "сдавать материал" ярко одетые особы никак не со слизывыми ухватками.

С наступлением "оттепели", в 50-е, начале 60-х годов строятся охотничьи домини, разнообразные базы отдыха для узкого круга. Особо доверенными людьми из окружения "первых лиц" формируются команды юных прелестниц. Прелестницы в охотничьих доминах и на базах отдыха способствуют наиболее полноценному и расслабляющему отдыху. Платой им являются различные хлебные, а иногда и командные должности в советских и хозяйственных органах. Впрочем, бизнес на ниве проституции был, конечно же, довольно примитивным — вроде натурального хозяйства. Настоящий же публичный дом в конце 60-х существовал в Москве. Кто, правда, стоял во главе дома, осталось неизвестным. Засветился всего один человек, работавший диспетчером. Дело в том, что

публичный дом нигде, ни по какому адресу не располагался. Он работал по телефонным вызовам. Проститутку доставляли на такси по адресу клиента или, если у него самого никакой "точки" не имелось, на какую-нибудь свободную от постоянных жильцов квартиру, забота о наличии которой также лежала на диспетчере. Диспетчер был окололитературным человеком, закончил филфак МГУ и состоял в литературных секретарях у одного довольно известного тогда писателя, чье творчество относилось к направлению так называемой "лирической прозы". Знал ли писатель о том, чем занимается его секретарь, неизвестно, но, во всяком случае, среди клиентов публичного дома по вызову оказалось довольно много литературных "генералов". В том числе один, весь увешанный лауреатскими регалиями. По слухам, когда его вызвали в ЦК, чтобы сделать внушение, он закричал, указывая на соответствующую часть своего тела: "Ну, настрируйте меня. Настрируйте!".

Как выяснилось на суде, первых проститутку для публичного дома литературный секретарь-диспетчер набирал из своих сокурсниц. Потом те доставляли ему же своих подруг и знакомых. Цену проституткам устанавливала "комиссия", в которую секретарь-диспетчер входил на правах лица с совещательным голосом. Самая высокая плата, которую получали только виртуозки секса, равнялась 12 рублям за сеанс. Низшая равнялась 5 рублям. Секретарь-диспетчер со смехом рассказывал об одной проститутке, которая все время пыталась сдать экзамен на высшую ставку, мотивируя это тем, что у нее не просто высшее образование, а она аспирантка, но так выше 7,5 рублей и не поднялась.

Публичный дом функционировал в течение нескольких лет, пока один из клиентов, расчувствовавшись, не сде-

лал своей пассии по вызову подарок сверх положенной платы — золотые серьжки. Пассия оказалась совсем ребенком, школьницей, дома мать начала ее пытать, откуда серьжки, — и дело раскрутилось.

Сел за него, однако, только литературный секретарь, исполнявший функции диспетчера, — как самый крайний. Писатель, у которого он числился на работе, был выгнан из Союза писателей, но спустя несколько лет восстановлен в нем.

С той поры подобные "передвижные" публичные дома на территории бывшего Советского Союза то в одном городе, то в другом "накрывались" постоянно. Правда, такого высокого уровня клиентов, как в московском, больше, кажется, не случалось.

Моя соседна-старушка недавно пришла ко мне с радостным известием: ее внучка Котю выпустили из следственного изолятора. "Я же говорила, что он не виновен, я же говорила", — не уставала счастливо повторять она.

Спустя неделю около подъезда я встретил и самого Котю. Он выбрался с полиэтиленовыми пакетами, набитыми продуктами для бабушки, из замызанного "Москвича", расплатившись перед этим с водителем. Мы поздоровались, и я спросил: "А где же джил?" — "Да где, непонятно, что ли, — ответил Котя. — Надо же было выкручиваться". — "Продал?" — уточнил я. — "Накой продан! — выругался он. — Подарил. Будут они у меня покупать!" — "Чем сейчас думаешь заниматься?" — поинтересовался я. — "А чем и занимался", — ухмыльнулся он. — "Так ты, правда, публичный дом содержал?" — "Деньгу накопишь — тогда и спрашивай", — ответил он, повернулся и пошел с сумками к подъезду — относить продукты бабушке.

Хороший внучок. ■

ПРИЖЛОЧЕНИЯ ЖАНРА

Павел БАСИНСКИЙ

В "Смену" пришло письмо:

"Сегодня в книжных магазинах областных и районных центров стало почти невозможно достать книгу серьезной современной прозы и поэзии. Зато в изобилии на прилавках боевики, детективы, любовные романы с яркими обложками, которые, впрочем, все на одно лицо, как и содержание этих книг. Конечно, я знаю, что магазины просто продают то, что выпускается. Но неужели в России не осталось серьезных читателей, писателей и издателей? Вымерли они, что ли..."

Е. ПОЛОВИНКИНА, 26 лет,
г. Плавск Тульской области

Мы попросили ответить на вопрос нашей читательницы известного литературного критика, кандидата филологических наук **Павла БАСИНСКОГО**.

Недавно я прочитал об одной престижной зарубежной литературной премии. Попробуйте догадаться, какой? Игры ради заменим название звездочками, заодно выделив некоторые ключевые слова: "*** премия присуждается за серьезную литературу — "нороткий список" 1996 года состоит из книг исключительно серьезных, можно даже сказать — мрачных... Видимо, помимо литературных досто-

инств, при выборе книг сыграли роль и некоторые социальные аспекты. *** премия достаточно авторитетна, чтобы привлечь внимание читателей на ряд весьма важных и болезненных общественных проблем... Выбор лучших книг производится и по эстетическим, и — что не менее важно — по идеологическим критериям. Сочетание эстетических и идеологических требований преграждает путь к *** не только литературе "легких" жанров (приключения, детективы, фантастика и т.д.), но и слишком отвлеченной игровой постмодернистской прозе".

Боже, какая скучища! — наверное, вослнннут многие. А где свобода самовыражения? Где завоеванный литературой принцип: "все жанры кроме скучного"? То ли дело наша премия Русского Букера — ежегодно разыгрываемая веселая журналистская игра, о которой только и пишут в культурных разделах газет, завершаемая не менее веселым банкетом, — парад всевозможных затей, интриг и самолюбий.

Стоп! Я еще раз напоминаю: речь идет об очень авторитетной национальной премии, задача которой, очевидно, не столько дразнить и развлекать писателей и журналистов выбором черного юта в темной комнате, сколько вести

разумную культурную политику: поддерживать серьезную некоммерческую литературу, может, и не слишком привлекательную для эстетов и обывателей, но зато востребованную вдумчивым и не равнодушным к проблемам своей страны и всего мира читателем.

А теперь откроем карты. Речь идет о Букеровской премии. Но не Русском Букере, а Букере английском, настоящем, "оригинальном". Вы заметили разницу?

Тот факт, что русская премия Букера дается за лучший роман года — это идея англичан, которые оплачивают премию. Идея, надо признать, совсем недурная. Сегодня именно этот литературный жанр переживает наивысший расцвет. Издательства, ориентирующиеся на массовый спрос, интересуются только романами — любовными, историческими, детективными, фантастическими... Но и замкнувшиеся в своей эстетической гордыне так называемые "толстые" или "традиционные" журналы ("Знамя", "Новый мир", "Дружба народов" и др.) тоже прежде всего заинтересованы в романах. Роман "держит" номер, не позволяет журнальной книжке превратиться в пестрое собрание текстов. Именно на романы обращает особое внимание все еще преданный нашим журналам круг читателей.

Романов сейчас пишется много. Но при этом остается стойкое впечатление, что русского романа вроде как и нет. Что русский роман как бы умер. Что ж, попытаемся разобраться в этом странном впечатлении.

Прежде всего — как и когда в России появились первые романы?

Роман в России едва ли не самый молодой литературный жанр. Ему чуть более 200 лет. В отличие от рассказа и повести, роман на нашей почве — это жанр заимствованный, так сказать, "иностраннный". Русская литература к концу 18-го века уже обладала бо-

гатым наследием в виде "слов" ("Слово о полку Игореве"), повестей ("Повести временных лет"), "житий" ("Житие протопопа Аванкума") и других жанров, а оригинального романа в России еще не было. Между тем, именно роман в Европе эпохи Просвещения становится наиболее популярным чтением. После петровских реформ это не могло не коснуться и России. И вот с середины 18-го века появляется множество переводных романов, а затем и их своеобразных "перделок" на русский лад. И тогда же возникает идея написания первого русского оригинального романа.

Родоначальник русской психологической прозы Н.М. Карамзин несколько раз в своей жизни намеревался написать роман. Но так и не довел это дело до конца. Романы писали Федор Эмин, Михаил Чулков, Матвей Комаров, Александр Измайлов, Василий Нарезный — все литераторы более или менее достойные и талантливые, но, конечно, не сопоставимые с гением Н.М. Карамзина.

Карамзин был человеком все-таки аристократического склада ума, несмотря на то, что происходил из среды провинциальных дворян. Между тем, роман в России был заявлен как, грубо говоря, "плебейский" жанр, рассчитанный на массовый спрос. Карамзин, закладываявший основы серьезной психологической русской прозы ("Бедная Лиза"), поневоле как-то избегал этого жанра. В конце концов, он сосредоточился на создании своей знаменитой "Истории Государства Российского", которой в полном и достойном виде в России еще не было. И это был жест не только и не столько литератора, сколько государственного мужа, гражданина своей страны.

Первым русским романистом стал Федор Александрович Эмин — личность темная и загадочная. Сама его

биография могла бы стать сюжетом авантюрного романа. Где и когда точно он родился — неизвестно. Известно только, что, оставив Киевскую духовную академию, где он учился, Эмин бежал в Турцию, принял там магометанство и некоторое время служил янычаром. Затем много скитался по Азии, Европе и Африке. Наконец, в Лондоне явился к русскому посланнику, вновь принял православие и в 1761 г. вернулся в Россию, чтобы стать едва ли не первым литературным предпринимателем. За восемь лет он выпустил 25 книг, в том числе семь романов. Он был единственным автором издаваемого им журнала "Адская почта" и гораздо раньше Карамзина написал несколько томов "Российской истории" — впрочем, совершенно недостоверной. Эмин точно уловил интерес массового читателя к жанрам любовного и авантюрного романа и сначала переводил такие романы, а затем создал и свои собственные — в том же вкусе: "Непостоянная фортуна, или Похождения Мирамонда" (1763) и "Письма Эрнеста и Доравры" (1766).

Любопытно, что большинство первых русских романистов были людьми, как говорили тогда, "простого звания". Из социальных низов происходил и Михаил Дмитриевич Чулков. Прежде чем стать писателем, он работал антером, причем на самых второстепенных ролях, а затем "дослужился" до места придворного лакея. Впрочем, он и сам подчеркнуто противопоставлял себя писателям-дворянам, называясь "мелкотравчатым сочинителем". Тем не менее, его любовно-эротический роман "Пригожая повариха, или Похождения развратной женщины" (1770) имел немалый успех, да и сегодня читается гораздо лучше прозы какого-нибудь "Плейбоя". В этой эротике не было натужности, механицизма, которые отличают нынешние литературные сочине-

ния подобного рода. Чулков был простодушен, как и его главная героиня Мартона, зарабатывавшая себе на жизнь своим крепким и привлекательным телом, сводившим с ума богатых старичков и молодых людей.

Матвей Комаров, "житель царствующего града Москвы", был и вовсе из крепостных. Зато название его популярного романа и сегодня достойно быть занесенным в Книгу рекордов Гиннесса... благодаря своей длине. Вот оно: "Обстоятельные и верные истории двух мошенников: первого российского славного вора, разбойника и бывшего московского сыщика — Ваньки Каина со всеми его сысками, розысками, сумасбродною свадьбою, забавными разными его песнями, и портретом его. Второго французского мошенника Картуша и его сотоварищей". Но самым известным романом Комарова стала обработка переводной повести об английском рыцаре Георге — "Повесть о приключениях английского милорда Георга..." Чтобы дать представление о популярности этой книги, написанной в конце 18-го века, достаточно напомнить: именно ее имел в виду Н.А. Некрасов в середине 19-го века в поэме "Кому на Руси жить хорошо?", когда сетовал, что русские мужики с базара несут не Голая и Белинского, а "милорда глупого". То есть роман этот еще пользовался массовым, истинно народным спросом спустя более чем полвека! Интересно, кто из нынешних "массовых" романистов сможет похвалиться такой популярностью в середине будущего, 21-го столетия? Маринина? Доченко? Что ж, посмотрим.

Отношение к романам русской публики было соответствующим. Это нечто несерьезное. Даже предосудительное, хотя более или менее позволительное. Так московская цензура в 1797 году

запретила роман некоей девицы Демидовой из Калуги. Дело пошло на утверждение в специально учрежденный Цензурный совет, который, подтвердив запрещение, постановил о романе, что "если он подлинно сочинен девицею, то занималась она делами, совсем до нее не касающимися". Ю.М. Лотман писал об отношении к романам в 18-м веке: "В 1770-е годы А.Е. Лабзина (тогда, еще по первому мужу, Карамышева), хотя и очень юная, но уже замужняя женщина, жена европейски известного ученого-геолога и воспитанница писателя Хераскова, еще не знала, что такое роман. Когда заходил литературный разговор о романах в доме Херасковых, ее высылали из комнаты, чтобы молодая женщина не развратилась. "Случилось, раз начали говорить о вышедших вновь книгах и помянули роман, и я уже несколько раз слышала. Наконец, спросила у Елизаветы Васильевны (Херасковой — одной из первых женщин-писательниц в России — Ю.Л.), о каком она все говорит Романе, а его никогда не вижу. Тут мне уж было сказано, что не о человеке говорили, а о книгах, которые так называются: "но тебе их читать рано и не хорошо". Характерно поучение, которое ей сделал Херасков, считавшийся тогда "старостой русской литературы": "Опасайся читать романы: они тебе не принесут пользу, а вред могут сделать" ("Сотворение Карамзина").

Карамзин относился к романам несколько иначе. В заметке "О книжной торговле и любви к чтению в России" ("Вестник Европы", 1802, № 9) он писал об этом: "Любопытный пожелает, может быть, знать, какого роду книги у нас более всего расходятся? Я спрашивал о том у многих книгопродавцов, и все, не задумавшись, отвечали: "Романы!" Немудрено: сей род сочинений, без сомнения, пленителен для большей части публики, занимая сердце и воображение, представляя картину света и по-

добных нам людей в любопытных положениях, изображая сильнейшую и притом самую обыкновенную страсть в ее разнообразных действиях. Не всякий может философствовать или ставить себя на место героев истории; но всякий любит, любил или хотел любить, и находит в романтическом герое самого себя. Читателю кажется, что автор говорит ему языком собственного его сердца; в одном роман питает надежду, в другом — воспоминание... Не знаю, как другие, а я радуюсь, лишь бы только читали! И романы самые посредственные, — даже без всякого таланта писанные, способствуют некоторым образом просвещению..."

Это очень важный момент! Главное отличие "массовой" романистики того времени от так называемой книжной "мануатуры" наших дней заключалось в том, что она парадоксальным образом выполняла просветительскую роль, приохочивая к чтению не только простой народ, но и весьма дремучих в смысле образования степных провинциальных помещиков и мелких столичных чиновников. Это было вполне естественное культурное движение от интереса к похождениям "славных мошенников" и "развратных поварих" к чтению "Истории" Карамзина и другой серьезной литературы. Сегодня, к сожалению, происходит процесс противоположный.

В начале 1798 года Карамзин общал И.И. Дмитриеву: "Месяца через два пошлю извлечение из нового Русского Романа (так! — П.Б.), который может быть никогда не выйдет (так! — П.Б.) на русском языке... хочешь знать титул? Картина жизни; но эта картина известна только самому живописцу или маляру; и не глазам его, а воображению". "Замысел этот, — считал Ю. Лотман, — не был реализован. Гибель архива Карамзина (в историческом пожаре Москвы 1812 года —

П.Б.) не позволяет судить даже о том, дошло ли дело до каких-либо набросков текста. Между тем указание на то, что роман не сможет появиться по-русски, интригует..."

Но меня гораздо более интригует тот возможный фант, что рукопись Русского Романа сгорела во время пожара Москвы 1812 года...

Во-первых, это означало бы, что история Русского Романа как бы изначально связана с темой огня сгоревшей рукописи. Ау, Гоголь и Булгарин! То есть истинно великий, гениальный Русский Роман словно обречен на сожжение — а как же еще!

Любопытно, что задолго до Гоголя Карамзин собственноручно сжег начало какого-то другого своего романа, о чем сообщил публике в "Письмах русского путешественника" гораздо ранее приведенного письма к Дмитриеву. Если верить словам "русского путешественника", то в начале июня 1789 года он остановился на ночлег в некой курляндской корчме и был внезапно поражен сходству ее обстановки и каких-то своих ранних литературных замыслов. "Некогда начал было я писать роман и хотел в воображении объездить точно те земли, в которые теперь еду. В мысленном путешествии, выехав из России, остановился я ночевать в корчме: и в действительном то же случилось. Но в романе писал я, что вечер был самый ненастный, что дождь не оставил на мне сухой нитки и что в корчме надлежало мне сушиться перед камином; а на деле вечер выдался самый тихий и ясный. Сей первый ночлег был несчастлив для романа; боясь, чтобы ненастное время не продолжилось и не обеспокоило меня в моем путешествии, сжег я его в печи, в благословенном моем жилище на Чистых прудах..."

Во-вторых, возможная гибель Русского Романа в историческом пожаре Москвы намекает на то, что сама Исто-

рия словно не желала появления первого Русского Романа. Почему? Неужели неясно? Да потому, что она сама желала стать этим Романом, что и было исполнено Карамзиным со всем блеском художественной гениальности! Первым Русским Романом парадоксальным образом стала "История Государства Российского".

Затем явился Фаддей Венедиктович Булгарин, пленивший русского читателя своим более или менее русским "Иваном Ивановичем Выжигиным", заинтриговавший его более или менее историческими романами — "Мазепа" и "Самозванец". Но недаром все же С.Т. Аксаков, которого сложно заподозрить в излишнем высокомерии и аристократизме, считал, что место романа Ф. Булгарина — "в передней". Мысль о том, что "Выжигин" адресован непрофессиональной аудитории, разделяли и Иван Киреевский, и Александр Грибоедов, сообщавший автору о том, что часто застает слугу своего Александра за чтением "Выжигина". Говорили, будто бы и император Николай I называл Булгарина "королем Гостиного двора".

Действительно, как писал исследователь прозы Булгарина В.А. Понровский, "основная масса читателей "Ивана Выжигина" состояла из помещиков и чиновников, провинциальных по преимуществу. У столичного дворянства интерес к романам Булгарина шел на понижение". Но сам-то Булгарин не только не стеснялся своей популярности в слоях среднего класса, но даже откровенно гордился этим. В "Выжигине" встречаемся с настоящим пафосом в защиту "среднего класса": "Исполнять свой долг по совести есть обыкновенное среднее сословия, которое в большом свете называют дурным обществом..."

Булгарин был демократом не по убеждениям, а по судьбе. То, что избранным давалось даром, благодаря се-

мейным связям, положению при дворе и прочее. — он добыл тяжким журналистским трудом. Настоящее имя Фаддея Булгарина — Thaddeus Bulgharin. Он был поляк. Свое имя получил в честь Тадеуша Костюши, лидера польского сопротивления. Отец, Бенедикт Булгарин — польский революционер-республиканец, за что и был сослан в Сибирь. Тем не менее, благодаря симпатиям великого князя, цесаревича Константина Павловича к полякам, Фаддей Булгарин закончил Сухопутный кадетский корпус, был зачислен в гвардию и участвовал в походах 1805, 1806 и 1807 гг. Правда, как заметил прекрасно знавший Булгарина Николай Иванович Греч, "храбрость не была в числе его добродетелей: частенько, когда наклеивалось сражение, он старался быть дежурным по конюшне..."

Так или иначе, Булгарин воевал, однажды был тяжело ранен и за бой под Фридландом награжден орденом Анны 3-й степени. И он, вероятно, дослужился бы до высокого офицерского чина, если бы в жизни не случилось событие, навсегда покрывшее его позором в глазах русских офицеров. В 1811 году Булгарин вдруг перебрался в Париж и вступил в армию Наполеона. В 1812-м в чине французского капитана был участником похода в Россию, отступал вместе с французской армией и затем вернулся в Россию уже в жалком качестве военнопленного.

Отчего такое произошло? Николай Иванович Греч объяснял этот факт весьма своеобразно: "... он был поляк, и в этом заключается все его оправдание. У поляков своя логика, своя математика... Наносить всевозможный вред врагу, пользоваться всеми возможными случайностями, чтобы надоесть ему, оскорблять его правдой и неправдой. И утешаться мыслию, что цель оправдывает средство..."

Не случайно, что отношение Булгарина к русской литературе, которой он в конце концов посвятил всю свою жизнь, разительно отличалось от отношения к ней, скажем, Пушкина и Карамзина. Русская литература никогда не воспринималась Булгариным как "долг" или "служение". Да и странно было бы требовать этого от человека, который, как заметил все тот же Н.И. Греч, бунвально накануне своего выступления на литературное поприще, оканчиваясь, "не доверял еще своему искусству владеть русским языком в литературном отношении. Писал деловые бумаги при помощи подъячих, и очень искусно, что видно из выигранного им процесса своего дяди..."

Выходит, автор первого серьезного русского романа стал писателем такой же волей случая, как русским гвардейцем или капитаном наполеоновской армии. Просто его мелкие статьи и очерки нравов в российских газетах, что называется, отлично "пошли". Они имели неожиданный успех благодаря бойкости пера и живости авторского взгляда, в чем действительно нельзя отказать создателю "Выжигина". Между прочим, в этих очерках он проповедовал откровенно "рыночный" взгляд на жизнь. В частности, именно он написал своеобразный апофеоз Гостиного двора или, иными словами, российского рынка. Больше того, это был настоящий апофеоз рыночного жульничества. "Тутто, на рынке, — вздохнул Булгарин, — процветает, во всей силе, великое и древнее Русское искусство: продать товар лицом! Какой неутомимой деятельности и какого сильного характера надобно рыночному торговцу, чтобы прочистить, просушить, переделать, даже перекрасить все эти товары... обточить наново головы сахару, приклеить новые заглавия к книгам, составить нечто целое из разроз-

ненных листов — и все это превратить, наконец, в наличные деньги, в банковые билеты, в деньги!" (Фаддей Булгарин. Очерки русских нравов или лицевая сторона и изнанка рода человеческого. Спб., 1845).

Но не будем преуменьшать значение "Выжигина". Именно Булгарин вместе с Нарезным открыли (вернее, позаимствовали от мировой литературы, прежде всего от Лесажа с его "Жиль Блазом") основной романский принцип, который затем использовал Гоголь в "Мертвых душах". Через похождения главного героя, занимательные сюжетные перипетии читающая Россия могла увидеть в романе Булгарина самое себя — от Москвы до Петербурга, от киргизских степей до белорусских поместий.

Иными словами, роман в России возник как своеобразный "связник" между самыми отдаленными частями огромной страны. Он выполнил, говоря научным языком, коммуникативную роль. И, конечно, недаром роман Булгарина пользовался такой популярностью именно в среде провинциальных читателей. Впрочем, популярность эта, на наш сегодняшний взгляд, выглядит смехотворной: за два года разошлось около семи тысяч экземпляров романа. Но по тогдашним понятиям это был неслыханный успех! Это был первый рецидив массового, "рыночного" успеха серьезной литературы. Ведь авантюрный роман Булгарина был не столько занимательный, сколько нравоучительный. Даже слишком нравоучительный на строгий художественный вкус. Хороший помещик в романе звался Россиянинов, а плохой помещик, пьяница — Глаздурином. Хороший дворянин, приятель Выжигина, носил фамилию Миловидин, а плохой, распутный, был, разумеется, Вороватин. Злодей-убийца назывался не иначе как — Ножов.

И вообще, единственная беда романа в том, что он был прекрасно задуман, но, к сожалению, плохо написан. Образы Булгарина не имеют лиц. Это ходульные персонажи, с ходульными страстями, вроде героев нынешних массовых романистов. Но главное: автор постарался своим романом соответствовать всему: рыночным требованиям и нравственности. Занимательности и нравоучительности. Читательности и просвещения... как он это понимал. Вернее, знал, как это должно понимать с точки зрения государственной идеологии. Первый серьезный роман был фактом откровенной конъюнктуры.

Достаточно положить рядом булгаринского "Выжигина" и любой из великих русских романов 19-го века (Пушкина, Гоголя, Тургенева, Гончарова, Толстого, Лескова, Достоевского), чтобы оценить, какой великий скачок сделала русская литература за считанные десятилетия. И чтобы с грустью понять: то, что происходит с романами сегодня — это страшный откат в допушкинскую, дотургеневскую, додостоевскую эру. Во времена, когда писать занимательно, но чудовищно скверным литературным языком еще было можно. Потому что еще не было "Капитанской дочки", "Отцов и детей", "Войны и мира", "Братьев Карамазовых"... Было ровное поле, на котором и посеял свои культурные семена весьма талантливый литературный авантюрист, прекрасно знавший людские нравы и законы рынка, но, увы, плохо владевший русским литературным языком, чего от него, впрочем, особо и не требовалось...

Когда-то Александр Твардовский заметил, что история развивается не линейно, но волнами. Если это так, то сегодня мы находимся в мертвой зоне отлива.

Настанет ли прилив? ■



Наследство пополам не делится

? "Через некоторое время после свадьбы муж нашей дочери получил в наследство от своих родителей дом. А мы подарили молодым лотерейный билет, по которому им повезло выиграть автомашину. Но семейная жизнь, к сожалению, не сложилась, и по обоюдному согласию дочь с мужем решили развестись. Дочь согласилась оставить дом бывшему супругу, если ей достанется машина."

Но, насколько мы знаем, имущество, приобретенное супругами во время брака, делится поровну. Может ли дочь, если подаст в суд заявление о разделе имущества, претендовать на половину дома?"

Н. и М. СУРЖИКОВЫ, Воронежская обл.

Должен вас (и, видимо, вашу дочь) огорчить: имущество, принадлежавшее каждому из супругов до вступления в брак, а также полученное во время брака в дар, в порядке наследования и по другим безвозмездным сделкам, принадлежит только ему и при разводе не де-

лится (Семейный кодекс РФ, ст.36 п.1). Иными словами, ваша дочь не может ни полностью, ни частично претендовать на унаследованный зятем дом.

А вот с машиной дело обстоит как раз наоборот: лотерейный билет, на который пал выигрыш, был подарен (по вашему же словам) и дочери, и ее мужу — т.е. является совместной собственностью, приобретенной в браке. Поэтому ваш зять имеет право при разделе имущества потребовать себе "половину" машины — речь идет, конечно, о ее денежном эквиваленте.

Таков порядок

? "По семейным обстоятельствам мне потребовалось уехать в другой город. Попросила оформить мне 5 дней в счет очередного отпуска. Однако начальник отдела кадров оформил отпуск на 6 дней — сказал, что так положено по КЗоТу. Неужели это правда?"

В. ЧВАНОВ, Курск

Формально начальник отдела кадров абсолютно прав: согласно КЗоТу ежегодный отпуск может быть по просьбе работника разделен, но только на равные части, то есть таким образом, чтобы каждая часть была не менее недели.

Другое дело, что начальник отдела кадров мог бы предложить вам написать заявление с просьбой предоставить отпуск без сохранения заработной платы или с обязательством отработать его впоследствии (если производство допускает такую возможность). И если бы администрация удовлетворила вашу просьбу, вы могли бы отсутствовать на работе ровно столько дней, сколько требуется.

Администрация не права

? "Два года нахожусь в отпуске по уходу за ребенком. Хотела бы продлить его, но, во-первых, боюсь поте-

рять стаж, а, во-вторых, начальство требует немедленно выйти на работу, иначе я и вовсе лишусь места".

В. ПЕРФИЛЬЕВА, Старополюжский край

Требование вашего начальства незаконно. Согласно ст. 167 КЗоТа, за женщиной, находящейся в отпуске по уходу за ребенком (до 1,5 лет — с частичной оплатой и до 3 лет — без сохранения заработной платы), сохраняется должность (место работы).

Нет у вас оснований опасаться и потери стажа. Даже в случае ухода с работы сейчас, непрерывный трудовой стаж сохранится за вами, сколько бы ни длился перерыв, если вы вновь поступите на работу до достижения ребенком возраста 14 лет. Это положение утверждено постановлением Совмина СССР еще в 1973 году и имеет силу до сих пор, поскольку не отменено и не находится в противоречии с действующим законодательством.

Можно работать и неполный день

■ "Когда сыну исполнился год, вышла из отпуска по уходу за ребенком — свекровь имела возможность присматривать за ним. Теперь такой возможности у нее нет, пришлось отдать сына (ему уже 2,5 года) в детский сад. Но пока он не привык к новой обстановке, приходится забирать его после обеда — вот и попросила администрацию разрешить мне работать неполный день. Однако мне отказали".

З. МАСЛЕННИКОВА, Торжок Тверской обл.

И в вашем случае администрация не права. Ст. 49 КЗоТа обязывает ее предоставить неполный рабочий день или неполную рабочую неделю по просьбе беременной женщины, а также женщины, имеющей ребенка в возрасте до 14 лет (ребенка-инвалида до 16 лет). При этом такая работа не влияет на продолжи-

тельность ежегодного отпуска и исчисление трудового стажа. Единственное, что вы должны иметь в виду: оплата труда в таких случаях производится пропорционально отработанному времени или в зависимости от выработки.

Закон на вашей стороне

■ "Дочь недавно уволили с работы. В приказе написали: в связи с сокращением численности (штата) работников. Однако я точно знаю, что на момент ее увольнения в другом отделе их организации была свободна такая же должность. Дочери ее не предложили, а другого человека вскоре на это место взяли. Нельзя ли на этом основании оспорить увольнение?"

Н. ПРИХОДЬКО, Новосибирск

Можно. Во-первых, администрация обязана одновременно с предупреждением о сокращении численности или штата предложить работнику другую должность по специальности, причем с учетом вакансий, имеющихся во всех структурных подразделениях организации. Во-вторых, и к сожалению, не секрет, что зачастую увольнение по сокращению численности используется администрацией лишь для того, чтобы избавиться от неугодных сотрудников. Однако если после этого на такую же должность принимается новый человек, это дает уволенному право требовать восстановления на работе через суд. ■

Владимир МИХАЙЛОВ,
консультант "Смены"
по юридическим вопросам

Мир неслел без

Андрей Губин так неожиданно стал известным на эстраде, что оставил в недоумении тех, кто подобной известности добивался годами. Особой популярностью Андрей пользуется у юных девушек. Да он и сам еще очень молод, хотя кокетливо скрывает свой возраст. Песни для своего репертуара — их уже около сорока — Андрей пишет сам. Почти все они вошли в два недавно вышедших альбома — "Мальчик бродяга" и "Только ты".

— Андрей, в последнее время довольно часто о каком-нибудь молодом певце говорят — ну вылитый Андрей Губин! Как ты к этому относишься?

— Нормально. Вот, например, на "Славянском базаре" украинскую звезду Юрно Юрченко называли: "Наш Андрей Губин"! Было приятно. Я вдруг почувствовал, что мои песни действительно запали кому-то в душу...

— А какая из них, на твой взгляд, самая удачная?

— "Забытые тобой". К сожалению, она не попала ни в один мой альбом, а вышла на диске "Горячей десятки". Вообще мне часто говорят, что я еще слишком мало написал. Может, и так, но я стараюсь не ставить творчество на поток. Не хочу, чтобы появились проходные песни, ведь это неминуемо приблизит

мой "выход в тиран". Альбом "Только ты" считаю удачей. Там есть и быстрые, динамичные мелодии, и, что, смею надеяться, особенно удалось, нежные, мягкие баллады, например, "Милая моя далеко".

— Ты пишешь песни для определенной аудитории?

— Это только кажется, что моя музыка рассчитана исключительно на молодежь. Среди ровесников моих родителей у меня тоже немало поклонников.

— У тебя что, есть рецепт популярности?

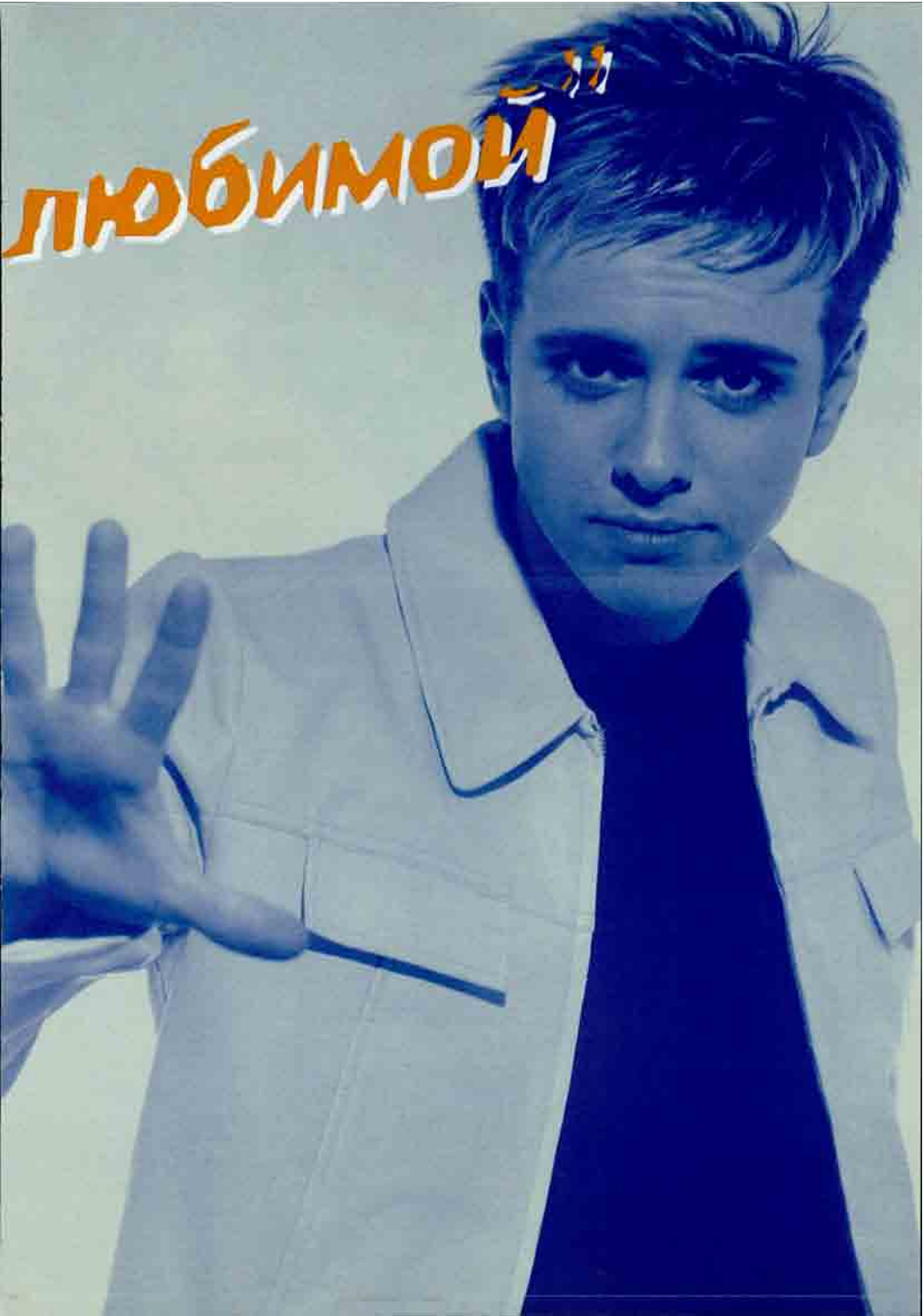
— Да, и он очень прост. Немного любви несчастной, немного любви счастливой, чуть-чуть "дорожной пыли", мечты, сказки... А еще много современного звука, искренности и профессионализма.

— И обаяния?

— Ну как же без этого? Вообще-то я стараюсь строить свои тексты так, чтобы была игра слов, каная-то недосказанность, ведь идеальных отношений между людьми не бывает. А еще в моем музыкальном мире много самоиронии...

— А в обычной жизни как ты к себе относишься, тоже с иронией?

— С большим уважением... Есть артисты, которые слишком трепетно относятся к своему творчеству; собирают афиши со своим изображением, публикации (только хвалебные!), но что смеш-



ЛЮБИМОЙ



но, часто сами же их и организуют. Мне подобная суета удовольствия не доставляет. Я даже не помню, когда написал свою первую песню.

— А *петь когда начал?*

— Еще в детстве. Школа устраивала "шефские" концерты, возили нас, первоклашек, на завод выступать. Тогда же я начал и сочинять. Наверное, это были очень странные песни, грустные. Я тогда мучился от одиночества. Семья постоянно переезжала, приходилось часто менять школы, поэтому мне трудно было найти друзей. Я всегда считался "новеньким". Помню, когда приходил в класс и открывал тетрадь, все собирались вокруг меня и обсуждали почерк. Становилось очень неприятно. Пожалуй, только музыка поддерживала меня. В старших классах на переменах пел свои песни девочкам. Но тогда и в мыслях не было

стать артистом. Всегда писал только для себя. Вообще я самоучка. Не зананчивал музыкальной школы, сам учился играть и на гитаре, и на пианино.

— *Но ты ведь учился в музыкальном училище...*

— Так это уже после школы было. А в училище я поступил на отделение вокала. Но там мне стало неинтересно, и я забросил учебу.

— *У тебя очень грустные песни...*

— Наверное, это оттого, что часто меняется настроение. Сейчас веселый, минут через пять становлюсь совсем другим. В одной из моих песен есть строчка: "Пусть мир так нелеп..." Но он бывает нелеп только тогда, как мне кажется, когда рядом нет любимого человека... Правда, всегда остается надежда, что твоя половина, твоя судьба где-то ждет тебя, единственного, и тоже ищет...

— *Андрей, ты уверяешь, что не нашел своей половины, и в то же время с тобой постоянно находится девушка по имени Лиза...*

— Лиза очень хороший человек... Скажу одно: я не женат. Выносить свои отношения на всеобщее обозрение не хочу. Однажды я разоткровенничался, а в итоге газета написала такое... вспоминать тошно.



— А какие девушки тебе нравятся?

— Умные, добрые и ласковые. И, конечно, загадочные.

— А внешние данные имеют значение?

— В принципе, да. Но все же люблю умных женщин. У меня много знакомых девушек, но той единственной, с которой хотелось бы связать свою судьбу, пока нет.

— Безнадежная преданность поклонниц тебя не корбит, не мешает жить?

— Раньше меня это расстраивало. Несчастливая любовь — чувство прекрасное, но порой жалко человека, ведь правда? Я сам испытывал это состояние, переживал, мучился, даже лез на стенку. А с другой стороны, не могу же я любить все женское население...

— Твой отец — удачливый и влиятельный бизнесмен, но поговаривают, с некоторых пор он отказал тебе в финансовой поддержке. В чем причина?

— Не туда, дескать, пошел, песни запел не те, нарциссизмом страдать

начал. Короче, обвинил, что заболел "звездной болезнью". Полная ерунда. Я и не думал погружаться в самолюбование. И то, что меня называют звездой, вовсе ничего не значит. Потому что это понятие относительное. Пока тебя узнают — ты популярен, чуть-чуть расслабишься или выпадешь из обоймы — ты уже никто.

— Когда к тебе пришел первый успех? С чего все началось?

— С передачи "Споемте, друзья". Мне тогда было лет шестнадцать. Я отправил кассету со своей песней на конкурс, да и забыл о ней. А через не-



которое время мне позвонили и пригласили выступить в этой программе. Потом была "Песня года". Тогда ко мне подошел очень важный дядя с сотовым телефоном и предложил работать в студии APC. Этим дядей оказался Игорь Крутой.

— О чем ты мечтаешь?

— Любить и быть любимым. Считаю, что только любовь может давать энергию. Когда рядом любимый человек, мир меняется. Ты всех любишь, всему рад, не обращаешь внимания на неприятности. Любовь может сделать все... ■

Светлана ОКУНЕВА

Remune!





Павел ДАВИДОВ

В роли почтальона

Трудно найти птицу более символическую. Воплощением каких только человеческих понятий, характеристик и идеалистических образов не служил голубиный образ!

Он присутствовал в сакральных изображениях древних религий. Был одной из древнейших эмблем у язычников и почитался в священных культах Астарты, Исиды, Афродиты, Юноны, Венеры. Голубьями называли оракулов и пророков. Эта птица (Ионах) была священной у евреев. В античных таинствах голубь представлял третье лицо Творящей Триады. В культе Венеры голубь изображался распятым на четырех спицах Великого колеса, предвосхищая таинство распятия Христа. Позднее, в христианстве он стал эмблемой Святого духа. В масонстве голубь считался символом чистоты и невинности. В этом же значении голубь почитался и у славян. Из-за его кроткого нрава и преданности потомству люди видели в этой птице воплощение материнства. В XX веке белый голубь стал символом мира.

Человек использует голубей с незапамятных времен. Особо ценным оказалось их природное свойство из любой

ФОТО **Игоря Яковлева и Владимира Чейшвили**

дали возвращаться домой, к своему гнезду. В Древней Греции и Риме голубей брали в военные походы, чтобы отправлять с ними вести на родину. Для этого греки и римляне выводили специальных голубей. В средние века почтовых голубей активно использовали рыцари в походах и монахи для связи между монастырями.

В Древней Руси голубь был домашней птицей. Каждая крестьянская семья ежегодно, среди прочей дани, поставляла на княжеский двор по два голубя: голуби в больших количествах использовались для соколиной (голубиной) охоты — тогдашней княжеской забавы.

При Алексее Михайловиче голубеводство было поставлено на широкую ногу и у его сокольников содержалось сто тысяч голубей. С него берет начало отечественное декоративное голубеводство.

А вот использование голубей в качестве почтовых в России началось на рубеже XVIII-XIX веков. В 1820-30-х годах от завезенных из Европы голубей выводится собственная почтовая порода, а в 1854 году граф Голицын открывает первый в России маршрут почтовой связи между своими московским и подмосковным имениями. В 1890 году на Ходынском поле император Александр III открыл первую почтовую голубиную станцию для обслуживания маршрута между Москвой и Петербургом — так в стране родилось спортивное голубеводство.

В Советской России почтовый голубь был отнесен к военно-оперативным средствам связи. При оборонном обществе Осоавиахим действовал военно-почтовый клуб, создавались многочисленные военно-почтовые станции. Во время Отечественной войны «голубеграммы» активно использовались в ходе военных действий. Некоторые птицы вылетали с оперативными сообще-

ниями сотни раз. В Европе тоже использовали голубей для военной связи. В Англии почтовому голубю, принесшему сообщение с терпящей бедствие подводной лодки, поставлен памятник. Фашисты, оккупировав нашу территорию, с истинно немецкой расчетливостью отправляли в Германию среди прочих ценностей и брошенных при отступлении советских войск голубей: птицы эти были породистыми, многие особи — селекционными, ведущими родословную еще от голицынских.

Дворовые голуби — сизари — имеют мало общего с почтовыми (после войны их стали называть спортивными) и декоративными. Тем не менее, сизари получили «официальный» статус отличной достопримечательности в середине пятидесятых, когда Москва готовилась к проведению Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Наши голубеводы решили выпустить на церемонии торжественного открытия форума тридцать тысяч особей — по клюву на каждого из участников. План перевыполнили на пять тысяч. Но среди выпущенных в московское небо голубей оказалось много декоративных, предназначенных для вольерного содержания — вроде домашних собачек, для красоты. Были случаи, когда эти непригодные для полета птицы падали на головы гостям и хозяевам фестиваля.

Суперстайеры

Спортивный голубь — птица хотя и не высокого (обычно 100-300 метров) полета, но гордо несущая свое призвание через тысячелетия и тысячи километров. Предел дальности полета спортивного голубя на сегодняшний день не установлен. Дистанции перелетов впечатляют и не зависят от направления пути. Официально зафиксирован перелет голубя с севера Северной Америки

до юга Южной. В нашей стране спортивный голубь пролетел из Магадана до Львова.

Возвращаясь домой, голубь не всегда летит по прямой. Например, он облетает гроззовые тучи, иногда делая большой крюк. За световой день в хорошую погоду некоторые спортивные голуби пролетают тысячу (!) километров. Рекордная скорость полета при попутном ветре — до ста километров в час. Лишь однажды зафиксирована феноменальная скорость 175 км/час (голубь летел из Алжира во Францию и, скорее всего, попал в скоростной атмосферный поток).

Каким образом голубь возвращается домой за тысячи километров, до сих пор не выяснено. Есть несколько гипотез ориентирования голубей в полете, но все они не до конца убедительны. Голубь не сбивается с пути в пасмурную погоду, с привязанным к лапам магнитом. Это значит, что он ориентируется не по солнцу и не по магнитному полю. Тогда как? Голубеводы говорят, что птицу ведет некое шестое чувство, давно утраченное человеком. Причем, у сизаря и декоративного голубя этого чувства нет, да и у спортивных голубей оно развито по-разному — многие из них сбиваются с пути и теряются.

Председатель Федерации спортивного голубеводства Москвы и президент Союза любителей спортивных голубей РФ Александр Карелин рассказал такую историю. Два московских голубевода, питомники которых расположены на расстоянии двух остановок метро, «обменялись кровью» для селекции. Один из них попросил алиментных птенцов. В тот год в обоих питомниках совпала кладка яиц, и второй голубевод вместо птенцов предложил ему подложить своим голубкам «чужие» яйца. Так и сделали. Скоро птенцы вывелись и хозяин стал их «обганивать» — приучать к себе. И вдруг один исчез. Хозяин посчитал, что

птенец потерялся или его забила ворона — такое, к сожалению, случается. Однако через две недели «без вести пропавший» отыскан: птенец вернулся в гнездо к своим родителям. И таких случаев известно несколько.

Спортивные голуби делятся на универсальных (летают любые дистанции), спринтеров (до 500 км), стайеров (от 500 км) и суперстайеров (свыше 1000 км). В отличие от остального животного мира, у спортивных голубей по мировой классификации вместо пород существуют расы и линии (могут стать расами в перспективе, когда устоятся). Расы определяются исключительно по крови, «платье» — экстерьер птиц — роли не играет. Каждая раса берет начало от одного родоначальника. Чтобы получить расу, голуби данной крови должны зарекомендовать себя как хорошо летящие, то есть побеждающие в соревнованиях, на протяжении двадцати лет. В Бельгии, Англии и Германии расой называют голубей той крови, особи которой хорошо летят на протяжении пятидесяти лет. Главных рас в мире восемь. В России два года назад тоже была введена эта классификация. На сегодняшний день у нас в стране всего десять линий и пока ни одной расы. Настоящей расой были голицыньские голуби. Вот вам и послевоенный бум — голубятня на каждой крыше и 35000 голубей к фестивалю. А результат тот же, что и везде от лошадей до канареек — беспородность.

Птичка по цене «роллс-ройса»

Еще обидней обстоит дело с отечественными декоративными голубями. Когда-то в России насчитывалось около 400 пород, но большинство из них утрачено. Декоративный голубь оценивается по стандарту: по «платье»,



Без беспородных кормилов не обойтись любому голубеводу — они выкармливают птенцов короткоклювых голубей.

Московский монах.



Немецкий выставочный.

стилю лета, способностью заманить чужого голубя в свой питомник (специальные «гонные» породы). Есть голуби, которые кружатся только по часовой стрелке, или, наоборот, против, кувырнутся при наборе высоты или, наоборот, падая. Очень популярны го-



Английский крестовый монах.

луби высоколетных пород, они поднимаются ввысь и подолгу кружатся едва уповимые глазом. Высоколетные голуби могут держаться в воздухе почти сутки (мировой рекорд — 22 часа 40 минут).

Голубеводы-денораторы стараются восстановить породы, бывшие гордостью России, но государство — как всегда — в лучшем случае остается в стороне, а то и просто сводит все усилия голубеводов на нет. Один из энтузиастов-голубеводов всю жизнь безвозмездно восстанавливал породу и передавал (еще в советское время) своих птиц на ВДНХ. А государство вместо разведения породы продавало селекционных голубей на Запад, примитивно наживаясь на том. Нажива была не такой уж маленькой — десятки тысяч долларов за птицу.

Спортивные голуби на мировых аукционах по цене соизмеримы с породис-

тыми лошадьми или автомобилями супер-класса. Чемпион Барселоны 1996 года, например, был продан на аукционе в 1997 году за 300 тысяч долларов. Посредственный спортивный голубь в Европе и Америке стоит от одной тысячи долларов и выше. Цена спортивного голубя на внутреннем рынке составляет сотни долларов. Но большинство голубеводов-спортсменов, в силу неразвитости и непрестижности у нас этого вида спорта, занимаются своим любимым делом, не рассчитывая на вознаграждение.

Сколько стоят "идейные соображения"?

Голубеводы — люди совершенно особые, они выделяются даже среди любителей животных. Свою привязанность голубь, в отличие от кошки или собаки, проявляет не столь трогатель-



Польская чайка.

Русский короткоклювый турман.



но — часто лишь просто тем, что узнает хозяина. Внимания же к себе требуют не меньше.

Содержание голубиногo питомника — это ежедневный труд: уборка, поддержание в порядке гнезд, нормушек, раздача корма. В отличие от голубеводов-декораторов, голубеводы-спортсмены могут оценить результаты селекционной вязки лишь через три года, когда птенцы подрастут и покажут серию результатов на дистанции. Как говорят спортсмены, «все решает корзина» — то есть, отправка в корзину своего питомца на старт за сотни километров от дома. Многие голуби погибают на дистанции, и это всегда большая потеря для их хозяев. Чуть проще с декоративными голубями, у которых соответствие стандарту и стиль лета проявляются уже на первом году.

Когда питомник поставлен (голубеводы никогда не говорят "голубятня" и не любят, когда их называют голубятниками), начинаются заботы о птицах. Чтобы голубь вырос сильным, красивым, хорошо летал, его надо хорошо кормить. Особого ухода требуют птенцы. Зерно, витамины, соки — все это необходимо для получения крепкого голубиногo потомства. Хорошее питание и уход делают голубя из питомника излюбленной добычей хищных птиц — врагов голубя и в полете, и дома. Самый первый враг — ворона. Хищница в питомнике — катастрофа для его хозяина и обитателей. Подобно волку, ворона забивает весь молодняк — гораздо больше, чем сможет склевать.

В 1960-е годы, после сноса баранов и ветхих строений в Москве поубавилось крыс и тарананов, но зато прибавилось воронья, кормящегося по помойкам. Для борьбы с ними в 1974 году было завезено несколько тысяч кубинских соколов, которых выпустили в Сокольническом парке. Почему выбор пал на соколов с острова Свободы,

сказать трудно. Возможно, по идейным соображениям. Через некоторое время выяснилось, что мелкий кубинский сокол ничего не может сделать с откормленной русской вороной, а вместо нее забивает голубей, чижей, синиц и воровьев. Причем, голубей предпочитает из питомника — чистых и откормленных. Так у московского голубя появился еще один враг.

Независимый Бутузик

Вместе со спортивным голубеводом Борисом Ванцовым мы наблюдали прилет голубей с 250-километровой дистанции. Птицы приходили с небольшим интервалом. Борис снимал контрольные кольца и, записав их номера, опускал в специальные опломбированные часы для регистрации времени прилета. Увидя чужих, голуби не сразу заходили в питомник. Уставшие, они отпились водой с ананасовым соком, клевали зерно, рассаживались на жердочки или отправлялись в гнезда. Оказывается, у каждого голубя свой характер. Есть пугливые, а есть и такие, что «шнурки развязывают» хозяину.

Для минимальной тренировки слабых беспородных птиц их подбрасывают, гоняют, свистят на них. Спортивным голубям этого не требуется. Им надо только регулярно летать дистанции. Но в полете голубя подстерегает много опасностей: ураган, хищные птицы, радары, сбивающие ориентировку, провода. Когда идет стая, первый голубь выбирает дорогу, а другие держатся за ним и могут вовремя не увидеть опасности. Возвращение птицы с дистанции невредимой — радость для голубевода. Но возвращаются не все.

С каждым годом птиц пропадает все больше и больше: вероятно, что-то происходит в природе. У каждого голубевода есть свой любимец, и если он

пропадает, хозяин переживает это, как потерю близкого друга. А порой чья-то потеря становится для кого-то приобретением. Например, как-то Нарелину друг подарил голубя, который сел на советскую подводную лодку, когда она всплыла в нейтральных водах. Видимо, где-то недалеко проходила дистанция, и ослабевший голубь сел на субмарину передохнуть, там его и подобрали подводники.

Или такая история. Был у Нарелина голубь, который с любой дистанции — сто километров или тысяча — прилетал через неделю: сачковал в пути. Все голуби прилетали худые, а этот — толстым, как и был. Нарелин за то прозвал его Бутузином. Корзину Бутузин ненавидел. И вот однажды он пропал. Через год Александр обнаружил его на крыше дома напротив; Бутузин строил гнездо с сизарной. Самое интересное, что, избавившись от ненавистных соревнований, Бутузин целый год тайком прилетал кормиться в родной питомник. На том однажды и был пойман и посажен с самкой в отсел для спаривания. После этого Бутузин улетел окончательно, цена свободу выше сытого желудка и семейного уюта.

Спорт для богатых?

Во всех странах основу голубеводства составляют клубы. Сегодня в Польше 38000 голубеводов, в Румынии — 43000, в Германии — 48000, в Бельгии (на родине спортивного голубеводства) — 200 тысяч. В России — около трех тысяч.

Спортивным голубеводством у нас занимаются преданные делу, но небогатые люди. Да и "декоративники" живут не намного лучше. Наше же государство смотрит на них, как на коммерсантов с оригинальной блажью, и старается выжать из голубеводов в казну

побольше налоговых и прочих отчислений. Чтобы поставить питомник, требуется масса разрешений городских служб. А разрешения теперь не бывают бесплатными. Для того, чтобы получить клочок земли полтора на два метра, придется раскошелиться тысяч на шесть.

Период горбачевской перестройки стал низшей точкой спада голубеводства в России со времен Рюриковичей. Но в последние годы начался медленный рост рядов голубеводов за счет обеспеченных людей. Один из «новых русских», ставший членом Московского клуба, объяснял свое увлечение так: «У меня все есть. Теперь я хочу, чтобы по бордюру вдоль моего коттеджа ходили голуби». Своих первых голубей он приобрел на выставке в Техасе. Покупал тех, что нравились, — по одной-три тысячи долларов за особь. А вольер (шестнадцатиметровый!) он заказывал всемирно известной голландской фирме по изготовлению питомников. Конечно, обошлось это нашему любителю в кругленькую сумму, но хотя случай этот и исключителен, радует уже хотя бы то, что богатый человек потратил больше деньги не в Монте-Карло, а на голубей, поддержав тем самым отечественное голубеводство.

Среди голубеводов есть известные люди. Декоративных голубей держит у себя на даче Людмила Зыкина, очень любит голубей эстрадный певец Евгений Осин. Говорят, бывший премьер-министр Виктор Черномырдин тоже увлекается голубями. Декоративных высоколетных голубей (тучерезов) любил Брежнев. Спортивных голубей держал маршал Штеменко. Но самое главное все же то, что голубями вновь стали интересоваться российские мальчишки. Пока их единицы. Но это уже хороший признак. Значит, прощания с голубями не будет.

?

**Наш «Практикум» снова
приветствует вас, читатель. Вы узнаете,
что делать с испорченной обувью, как получить
богатый урожай груш, избавиться от любимой мозоли,
приготовить обед, который не нанесет урона фигурам милых дам.**

Башманы со скрипом

Обувь будет служить дольше, если за ней правильно ухаживать.

Осенью и зимой обувь надо ежедневно смазывать кремом, это делает кожу эластичной, а обувь — непромокаемой.

Не рекомендуется надевать новую обувь в первый раз в дождливую погоду. Надо сначала поносить ее при сухой погоде — поры подметок заполнятся песком и туфли будут меньше промокать.

Если на цветной обуви появились пятна, нужно попробовать потереть их ватой, смоченной в мыльном растворе или же разрезанной луковичей, либо тряпочкой, смоченной в бензине или лимонном соке.

Жирные пятна на кожаной обуви можно удалить раствором нашатырного спирта (1 чайная ложка на 1/2 стакана воды). Затем обувь вытереть мягкой сухой тряпочкой. Места, где кожа затвердела, смазать свежим молоком.

Если обувь промокла, нужно набить ее газетами и поставить сушить подальше от отопительных приборов, чтобы не потрескалась кожа.

Чтобы кожа на обуви стала мягкой, нужно натереть ее вазелином, а спустя несколько часов почистить, как обычно. Если на коже образовались белые пятна — затени, нужно потереть их столовым уксусом.

Научноковая подошва на обуви желтела, сделав туфли неприглядными? — Попробуйте вымыть ее пемзой с мылом.

Плесень с обуви снимается смоченной в бензине или глицерине тряпочкой.

Если натереть цедрой апельсина поношенную кожаную обувь, вид ее значительно улучшится.

Когда обувь скрипит, надо растереть на подошве несколько капель растительного или расторового масла.

Тесную кожаную обувь надо завернуть на несколько минут в полотенце, смоченное в кипятке и хорошо отжатое. Затем слегка смазать растительным маслом и поставить на сутки.



Вернем грушу в сад

Когда речь заходит о груше, сразу же вспоминаешь о сочной, ароматной южанке по имени Бере или Дюшес. Сейчас эти плоды на прилавках во многих городах России круглый год. Правда, не всем они доступны по цене. А у садоводов-любителей хорошие груши редко встретишь — не выращивают. А зря. Груша ежегодно может давать высокие урожаи, не страдает, как яблоня, периодичностью плодоношения, плодоносить начинает на 5-7-м году. К 15 годам нарядное дерево в благоприятных условиях и при хорошем уходе способно дать до 100 кг вкусных плодов. Калорийность их, правда, небольшая. Чтобы получить суточную норму килокалорий, нужно съесть по крайней мере ведро груш. Это, однако, не уменьшает число их любителей.

Неопытные садоводы часто сажают грушу там, где растет яблоня. Между тем груша более требовательна к плодородию почвы: лучше растет на легких супесчаных, хуже — на дерново-подзолистых, глинистых, кислых почвах. Болезненно реагирует как на избыток, так и на недостаток влаги. В засушливое лето ослабевают рост побегов и закладна плодовых почек. А недостаток влаги весной, и прежде всего в период цветения, приводит к массовому опадению завязей и потере урожая.

Следует избегать открытых мест, где постоянно дуют ветры: они иссушают кору, обезвоживают ткани, снижают урожайность. Особенно вредны зимние сухие ветры при избытке влаги. Чувствительна груша и к недостатку света, поэтому ее нужно сажать с большими междурядьями (не менее 6—8 м), размещая ряды с севера на юг.

Поскольку некоторые сорта груши долго не плодоносят, в междурядьях можно выращивать картофель, овощи, землянику и другие уплотнители, кроме позднеспелой капусты, задерживающей осенний уход за почвой.

При выборе места для посадки груши предпочтение следует отдавать западным и юго-западным склонам. Низины рядом с бывшими болотами для нее не подходят: корни деревьев, лишенные доступа воздуха, быстро отмирают и не восстанавливаются.

Нельзя сажать рядом с грушей черемуху и боярышник — у них общие болезни и вредители.

Важно правильно подобрать сорта для своего сада. Многие дачники отдают предпочтение тем, которые созревают к концу августа, чтобы снять плоды перед отъездом с дачи. В отличие от яблок груши, даже летних сортов, снимают за 5-7 дней до наступления потребительской спелости. И они отлично доходят в снятом виде, но хранить их следует при пониженной температуре. Для средней зоны наиболее популярны новые зимостойкие летние сорта: Лада, Нафедральная, Северянка, а самые вкусные плоды у Скоропелки из Мичуринска, Ляды, Нафедральная, Чиневская, Московская ранняя, Румяная.

Первая декада октября (а на юге России — ноябрь) — лучшее время для посадки груши. Двухлетние деревца сажают в ямы округлой формы, глубиной до 1 м, на песчаной почве, объем ямы — до 2 м³. Слаборослыми подвоями для груши являются на юге айва, а в средней зоне — рябина. Она менее требовательна к почве, корневая система у нее поверхностная, поэтому яму делают диаметром до 1,5 м, а глубину ограничивают до 0,6-0,8 м. Кол, к которому подвязывают посаженное дерево, размещают с юга, чтобы защитить кору от солнечных ожогов. Обвязку на зиму еловыми ветками проводят после первых морозов.

И — забудьте про любимую мозоль!

Конечно, чаще эти маленькие неприятности в виде мозолей, пяточных шпор и вросшего в кожу ногтя случаются у тех,

кому за тридцать. Маленькие-то маленькие, но неудобства и мучения доставляют человеку огромные! Хорошо, что наши бабушки сохранили для нас старинные народные рецепты, как можно избавиться от подобных напастей.

Есть несколько способов борьбы с мозолями на ногах.

Вымочить луговую шелуху в укусе в течение двух недель. Наложить на мозоль слой шелухи толщиной в 2 мм и завязать на всю ночь. Повторить процедуру несколько раз — до исчезновения мозолей.

Перед сном распарить ноги в горячей воде, затем досуха вытереть и привязать к мозолям корку лимона с небольшим количеством оставшейся на ней мякоти. Через 4-5 повторов этой процедуры ороговевшая кожа должна полностью сойти.

Избавиться от мозолей можно также с помощью чеснока: смочить ватный тампон чесночным соком и перед сном прикладывать к мозоли, предварительно распаренной в содовом растворе.

А вот против отложения солей на пятках (так называемые пяточные шпоры) народная медицина рекомендует применять ножные ванны из травяного отвара медуницы, вереска и пустырника (по десертной ложке на стакан воды). Помогают и ванны из раствора смешанных в равных долях соли и пищевой соды. Хороший эффект получается, если смазывать пораженные места ног сырым куриным яйцом, смешанным с десертной ложкой скипидара.

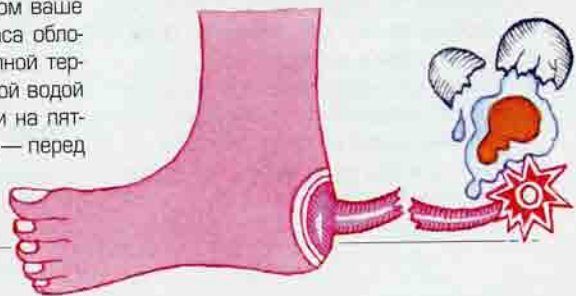
Дамы, собирающиеся на отдых или на пикник! Не отчаивайтесь, если ваши пятки загрубели и портят своим видом ваше отпускное настроение. На 2-3 часа обложите их сырым натертым на крупной терке луком, затем сполосните теплой водой и смажьте жирным кремом. Если на пятках появились трещинки и ранки — перед сном в течение 10-15 минут делайте теплую ванну для ног с настойкой календулы (1 столо-

вая ложка на 1 литр воды). Такую ванну можно приготовить и из крапивы, подорожника (2 столовые ложки измельченной травы на 1 литр воды).

Много мучений доставляет ноготь, вросший в кожу. Это случается, если его неправильно подстригают или на ноготь давит неудачно подобранная обувь. Попробуйте провести острым ножом бороздку посередине ногтя, а под его растущие уголки подложить ватку. Не забывайте каждый раз после мытья ног густо смазывать болезненные места жирным (можно детским) кремом — это приостанавливает сам процесс врастания ногтя в кожу. При болях хорошо помогает горячая ванночка со слабым розовым раствором марганцовки и противогрибковая аптечная мазь.

При растяжении связок и сухожилий русские народные лекари пользовались горячими молочными компрессами: смоченное в горячем молоке и слегка отжатое полотенце прикладывали на больные места. Остывавший компресс несколько раз сменяли новым.

Ломоту в коленях наши бабушки успешно лечили с помощью лопуха и капусты. К больным коленкам привязывали на ночь листья свежей белокачанной капусты или лопуха (его "изнаночной", пушистой серой стороной). Обычно капусту и лопух чередуют: неделю одно средство, неделю — другое. Результат — через полгода вы забудете о неприятных болезненных ощущениях.



Будьте самой обаятельной и привлекательной!

Завершая цикл наших бесед о правильном питании женщин, принадлежащих к четырем разным типам телосложения, расскажем сегодня о четвертом типе женской фигуры — тиреоидном.

Не пугайтесь такого научного термина: определение взято от названия гормона, который щедро вырабатывает щитовидная железа у дам этого типа. Обычно им свойственны тонкокостное сложение и длинная гибкая шея. В отличие от других, этот тип не склонен к накоплению лишнего веса даже при высококалорийном питании. У таких женщин часто повышенная нервозность в поведении, они легко возбудимы, им трудно бывает расслабиться. При этом они обладают большой общительностью характера, подвижностью. Однако им не свойственна выносливость, и для поддержания своей энергии они часто нуждаются в дополнительных стимуляторах — чае, кофе, острой пище, конфетах, шоколаде и т.п. Это "подстегивает" их на несколько часов, по истечении которых они снова нуждаются в подзарядке. Такие стимуляторы провоцируют щитовидную железу и надпочечники вырабатывать повышенное количество гормонов кортизола и адреналина, которые, в свою очередь, резко повышают уровень сахара в крови, обеспечивая тем самым организм энергией. В конце концов может наступить истощение производительной функции щитовидной железы и надпочечников, грозящее ожирением или хронической усталостью. Ход обменных процессов замедляется, и начинается образование жировой прослойки. жировые отложения скапливаются в основном в области живота и бедер, тогда как руки и ноги остаются стройными.

Женщины этого типа, в силу своей повышенной возбудимости и неорганизованности в питании, более других подвержены риску заболевания пищевыми расстройствами — анорексией и булимией.

При анорексии женщина доводит себя до крайнего физического истощения практически полным отказом от пищи, утверждая, что она "очень толстая". Хотя при этом вес ее либо нормален, либо даже ниже нормы. Результаты могут быть очень плачевны: вплоть до летального исхода.

Булимия — болезнь, при которой утрачивается самоконтроль над аппетитом, когда за один прием женщина может съесть чудовищное количество совершенно несовместимых продуктов, что вслед за этим вызывает приступ тошноты. В запущенных случаях болезни такие приступы могут повторяться по нескольку раз день, доводя до отчаяния и депрессии.

Корни этих пищевых расстройств — в нарушениях психического развития и в психологических проблемах. Относиться к замеченным отклонениям нужно крайне серьезно, не откладывая визит к врачу — психотерапевту или диетологу — "на потом". Может, кого-то утешит, что леди Диана, принцесса Уэльская, тоже была склонна к беспорядочному питанию и страдала от приступов булимии.

Если вы не подвержены этим патологиям, но, принадлежняя к тиреоидному типу, имеете избыточный вес, вам необходимо следовать диете, при которой дневные калории поровну распределены между завтраком, обедом и ужином. Никогда не пропусайте завтрака и не пейте кофе по утрам, иначе в течение дня будете постоянно чувствовать потребность в стимуляторах. Вам очень полезны молочные продукты в сочетании со свежими фруктами. Наиболее тяжелый период для вас — послеобеденное время, когда энергетический уровень резко падает. Старайтесь подавить в себе же-

вание съесть что-нибудь сладкое, избегайте печенья, шоколада и конфет.

Предлагаем несколько вариантов дневного меню для женщин тиреосидного типа:

ЗАВТРАК.

Полстанана обезжиренного творога, 2 ломтика подсушенного пшеничного хлеба, 2 кусочка ананаса;

30 г сыра, 2 тоста из пшеничного хлеба, стакан апельсинового сока;

омлет из двух яиц с 2 столовыми ложками молока, 3 мелко нарезанных помидора, один ломтик подсушенного хлеба, один небольшой фрукт или сок.

ОБЕД.

1 стакан минестронского супа, 1 пшеничная булочка, зеленый овощной салат с заправкой без масла, небольшая кисть винограда;

100 г белой рыбы, запеченной в гриле, с лимонным соком и укропом, зеленый овощной салат с заправкой без масла, 1 порция салата "слиммерс", 2 ломтика ананаса;

1 небольшая печеная картофелина с 1 порцией соуса песто, 1 порция салата с горохом и грибами, полстакана фруктового салата;

1 порция маринованного эскалопа, 3/4 стакана отварного риса, 1 стакан мелко нарезанных ломтиков арбуза;

1 порция салата по-гречески, 2 подсушенных ломтика ржаного хлеба, половинка грейпфрута.

УЖИН.

Половинка запеченой грудки цыпленка, 1 порция томатной салсы, 1 порция салата "слиммерс", 1 стакан отварной стручковой фасоли, 10 ягод клубники;

1 стакан нарезанной свеклы с лимонным соком, 1 тертая морковь, листья салата, 2 столовые ложки горчичного винегрета, 1 свежий фрукт;

1 порция салата из цыпленка с фруктами, 1 стакан отварного риса;

100 г постного стейка, запеченного в гриле, 1 небольшая картофелина, 2 ломтика ананаса;

1 стакан отварных спагетти с соусом "слиммерс", зеленый салат с лимонным соком, 1 нентарин.

Рецепты, которые вам потребуются:

Минестронский суп (6-8 порций).

1 нарезанная луковица, 2 нарезанные дольками картофелины, 3 зубчика чеснока, 450 г свежих или консервированных мелко нарезанных помидоров, 1 ст. ложка нарезанной зелени петрушки, 2 мелко нарезанных морковки, 1 стебель сельдерея, нарезанный кружочками, полтора стакана тертой свеклы, 2 стакана воды, 350 г консервированной фасоли.

Положите все, кроме фасоли, в кастрюлю, доведите до кипения, убавьте огонь и варите 30 минут. Положите фасоль и доваривайте еще 15 минут.

Салат "слиммерс" (6 порций).

3 больших отварных картофелины, нарезанные ломтиками, 1 мелко нарезанная луковичка, 4 вареных яйца, нарезанных ломтиками, 1 ст. ложка нарезанной зелени петрушки, 1 ст. ложка нарезанной зелени мяты, 1 стакан обезжиренного йогурта, несколько колец зеленого перца для гарнира.

Смешайте все ингредиенты в большом салатнике и слегка встряхните. Украсьте кольцами зеленого перца.

Греческий салат (2 порции).

2 стакана нарезанного зеленого салата, 1 помидор, нарезанный тонкими ломтиками, 1 небольшой огурец, нарезанный тонко, половинка нарезанного зеленого перца, 1 мелко нарезанная луковичка, 120 г твердого нежирного сыра, нарезанного небольшими кубиками, 8 маслин, полстанана заправки без масла.

Выложите сервировочное блюдо листьями салата, сверху положите сло-

ями помидоры, огурцы, перец, лук, сыр и маслины. Полейте заправкой и посыпьте нарезанной петрушкой и базиликом.

Салат из цыпленка с фруктами.

2 грудки цыпленка, запеченных в гриле и нарезанных мелкими кубиками, 2 ст. ложки мелко нарезанного миндаля, 1 стакан зеленого винограда без косточек, 2 мелко нарезанных жгучих красных перца, 3 нарезанные луновидцы, 1 ст. ложка нарезанной мяты или кинзы, полстакана имбирной заправки.

Смешайте все в салатнике, залейте имбирной заправкой и слегка встряхните. При желании можно подавать с отварным рисом.

Имбирная заправка: Треть стакана лимонного сока, 1 ст. ложка рыбного соуса, 1 чайная ложка корицевого сахара, 1 чайная ложка имбиря.

Горчичный винегрет.

2 чайные ложки светлого растительного масла, сок одного лимона, 1 чайная ложка горчицы, 1 измельченный зубчик чеснока. Все смешать.

Приятного аппетита, дорогие женщины! И будьте всегда в отличной форме, к какому бы типу сложения ни относилась ваша фигура.

Поскользнулся, упал, очнулся — ...

Судя по телерекламе, самые страшные хвори — это карлес и перхоть. Если б это было так...

Человек, увы, — существо хрупкое. В любое время, при любых обстоятельствах может он получить травму... И первые минуты после ранения могут быть решающими. Очень важно, чтобы те, кто оказался рядом, смогли помочь пострадавшему. Ведь даже порез может быть опасен для жизни.

Поэтому правило первое — в каждом доме обязательно должны быть антисептические средства и перевязочные мате-

риалы: стерильные бинты и салфетки, перекись водорода, йод.

При поверхностном неглубоком ранении кровь легко остановить — достаточно обработать рану перекисью водорода и наложить повязку. Что делать, если рана более серьезна и задеты вены? Кровь тогда вытекает из раны непрерывно, она — темно-красного цвета. Человек, оказывающий помощь, должен как можно быстрее наложить на рану давящую повязку, предварительно обработав кожу вокруг раны йодом. Стерильные салфетки (а если их нет под рукой — стерильный бинт), сложенный в комоч, накладывают на рану и туго фиксируют повязкой. Сверху повязки желателен холодный компресс: лед из морозильника или снег с балкона заверните в полиэтиленовый пакет, подержите 20-30 минут. Раненую конечность или часть тела поднимите выше. Как правило, этого бывает достаточно для остановки кровотечения.

Самое опасное кровотечение — артериальное. Ярко-алая кровь вытекает из раны неравномерно, пульсирующей струей. Такое кровотечение опасно для жизни из-за большой потери крови, поэтому важно как можно скорее его остановить. Надо пальцами сильно прижать поврежденную артерию к близко расположенной кости выше раны. Естественно, долго зажимать артерию пальцами невозможно, это временная, сиюминутная мера. Надежнее наложить жгут. Накладывают его выше раны, по возможности ближе к ней. Если под рукой нет резинового жгута, воспользуйтесь любыми подручными средствами. Это может быть толстая веревка, ремень или платок. В этот момент главное — как можно быстрее остановить кровотечение, ведь пострадавший за считанные минуты может истечь кровью. Жгут не накладывают на голое тело — только на одежду или на бинт. Затягивайте жгут до тех пор, пока не остановится кровь, но не изо всех сил — вы можете поранить

мышцы и нервные окончания. Нгут накладывается на 1,5-2 часа, не более. За это время надо успеть доставить пострадавшего в больницу.

После того, как вы сумели остановить кровотечение, обработайте рану: кожу вокруг раны смажьте йодом и наложите давящую повязку. Если у вас нет стерильных салфеток или перевязочного пакета, используйте любую чистую ткань, способную впитывать влагу. Если нет бинта, можно закрепить ткань полосками лейкопластыря.

К счастью, подобные серьезные ранения случаются достаточно редко. Чаще падения и удары оканчиваются шишками и синяками — так в просторечии называют гематомы. Чтобы снять боль и уменьшить гематому, наложите на место ушиба холодную примочку и перевяжите ушибленное место. Чтобы гематома рассосалась быстрее, сделайте компресс — хлопчатобумажную ткань намочите прохладной кипяченой водой, слегка отожмите, наложите на больное место; прикройте компрессной бумагой или, если у вас ее нет, куском чистого полиэтиленового пакета; на него наложите толстый слой ваты; зафиксируйте все это нетугой повязкой. Повторяйте процедуру 3-5 раз подряд. За это время гематома, даже очень обширная, рассосется.

Иногда при неудачном падении можно сильно вывихнуть конечности, а то и получить перелом. Как правильно помочь пострадавшему в этом случае?

При вывихе ни в коем случае не пытайтесь сами вправить поврежденный сустав: вы вместо помощи своими неумелыми действиями можете оказать медвежью услугу — повредить кость, мышцы или сухожилия (или все вместе!), единственное, что надо сделать в этом случае — зафиксировать поврежденный сустав и как можно быстрее доставить пострадавшего к врачу, так как вывихи легче всего вправить в первые часы после травмы.

Сложнее с переломами. Для того, чтобы помочь пострадавшему, необходимо обеспечить полную неподвижность места перелома. Для этого на сломанную конечность надо наложить шину. В качестве шины можно использовать кусок доски или фанеры, обломок лыжи, ветку или кору дерева. Шину накладывать таким образом, чтобы обеспечить неподвижность хотя бы двух суставов — выше и ниже места перелома. Прежде чем накладывать шину, обложите ее нажимными мягким материалом: тканью, ватой; затем оберните бинтом. После оказания первой помощи так можно быстрее доставить пострадавшего в больницу.

Если травмы и ранения подстерегают повсюду: и на работе, и на улице, то ожоги чаще всего случаются дома. При небольших ожогах, когда кожа слегка краснеет, чаще всего мы пользуемся бабушкиными советами: мажем обожженное место постным маслом, а кое-кто даже мочой. Делать этого нельзя ни в коем случае — вы можете занести инфекцию. Лучше наложите на обожженное место стерильную повязку, или хотя бы — чистую ткань, смоченную крепким раствором марганцовки или оденолоном.

При более серьезных ожогах, если на теле появились пузыри или обуглилась кожа, осторожно протрите стерильным бинтом пораненный участок кожи, ни в коем случае не трогая пузырей. Если к коже прилипла ткань от одежды, отдирать ее нельзя. Обрежьте ее по границе раны и наложите стерильную повязку. Как правило, даже незначительные ожоги всегда болезненны, заживают очень долго. Чтобы избежать болевого шока, дайте пострадавшему любое обезболивающее лекарство, налейте горячим чаем и, конечно, немедленно отправляйтесь в травмпункт. ■

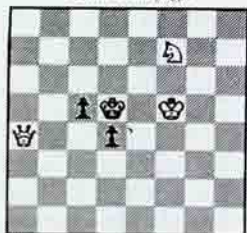
Практикум веди: Елена Евдокимова,
Александр Куленкамп,
Ирина Лопотухина,
Евгений Промыхов, Марина Аристова.

Шахматная эпиграмма



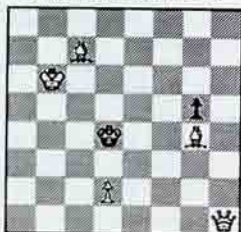
Под редакцией международного гроссмейстера **Виктора ЧЕПИЖНОГО**
VII международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр

124. Ю. СУШНОВ
 Санкт-Петербург



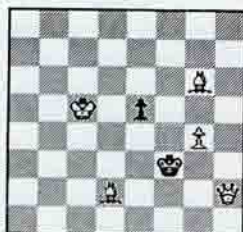
2

125. Е. ФОМИЧЕВ
 г. Шаги Нижегородской обл.



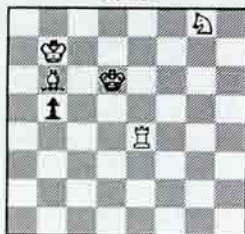
2

126. А. СЛЕСАРЕНКО
 г. Дубка



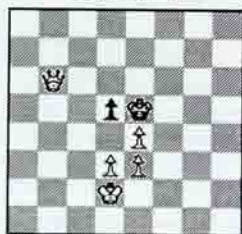
2

127. В. НОВАЛЕВ
 Барнаул



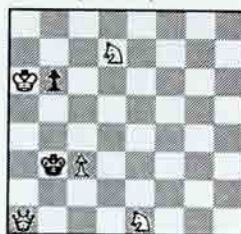
3

128. В. НОЗЫРЕВ
 в. Нила, Эстония



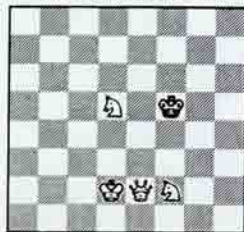
3

129. Д. ГИННО
 Чернигов, Украина



3

130. В. ГРЕБЕШНОВ
 в. Середка Псковской обл.



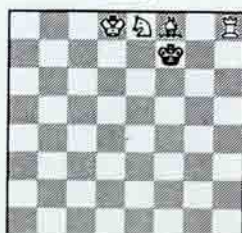
4

131. В. СИМОНОВ
 Самара



4

132. В. НЕГЛОВ
 Москва



5

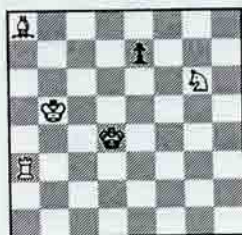
Многоходовка-97

1-11 приз
М. МАРАНДЮК



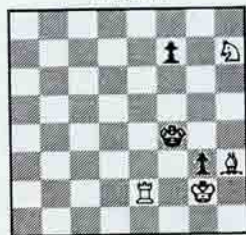
#5

1-11 приз
Е. СУШНОВ



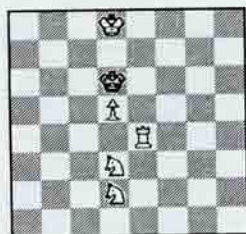
#6

III приз
М. ХОФМАН



#8

Специальный приз
Н. ЗИНОВЬЕВ



#4

6) Kd3-b1 6) Le4-e4 4) Kd3-g3

В конкурсе многоходовок 1997 года участвовало 130 задач 44-х авторов (47 опубликовано). Из конкурса исключены: № 15 — предшествующий, № 22 — ранее опубликована, № 24 — побочное решение, № 71 — дуаль.

Раздел многоходовок, как и год назад, оказался самым сильным. Все призовые задачи — высокого класса!

II приз. М. МАРАНДЮК (Украина)

1. Фb4! (2.Фe7) Kpd7
2.Фb7 Кре6 3. Фe7 Kpf5 4.
Фe4 Kpg5 5. Фg4x, 2... Kpd8
3. Ca3 f5 4. f4 Kpe8 5. Фe7x,
1... Kpf7 2. Фe7 Kpg6 3.
Фg7 Kpf5 4. Фg4 Кре5 5.
Фe4x, 1... f5 2. Фd6 Kpf7 3.
Фe7 Kpg6 4. Фg7 Kph5 5.
Фh6x

Пятиходовая миниатюра с четырьмя правильными матами (два — эхо!) и великодушным первым ходом, отражающим черному королю еще 3 свободных поля! Два лонных следа с вариантами, повторяющимися в действительной игре, украшают задачу. 1. Фc5? Kpd7!, 1. Фc7? Kpf5!

II приз. Ю. СУШНОВ (Санкт-Петербург)

1. Cf3! e6 2. Cg4! Kpd5
3. Jld3 Кре4 4. Кре4 e5 5.
Jld2 Кре3 6. Le2x, 2... e5 3.
Cf5 e4 4. Ce6 e3 5. Cf5 e2 6.
Jld3x,

1... e5 2. Ke7 e4 3. Kc6
Kpd5 4. Cg4 e3 5. Jld3 Кре4
6. Jld4x

Три правильных мата (два — эхо!) в шестиходовой (!) миниатюре — уникальная композиция! И игра не такая форсированная, как в первой задаче.

III приз. М. ХОФМАН (Швейцария)

1. Le7! f6 2. Cd7 f5 3.
Ca4 Kpg4 4. Cd1 Kpf4 5.
Le2! Kpg4 6. Le4x,
1... f5 2. Cf5 Kpf5 3.
Kpg3 Kpg6 4. Kpf4 Kph5 5.
Kf8 Kph6 6. Jh7x

Отличная миниатюра стратегического стиля с красивым обходным маневром слона и возвратом ладьи белых!

Специальный приз. Н. ЗИНОВЬЕВ (Казахстан)

а) 1. Kb1 Kpd5 2. Kc3
Kpd6 3. Kpe8 Кре6 4. Le6x,
2... Кре6 3. Jb4 Kpd6 4.
Jb6x

б) 1. Ka3 Kpe5 2. Kpe7
Kpd5 3. Kc2 Kpe5 4. Le6x,
1... Kpd5 2. Kpe7 Kpe5 3.
Kf3 Kpd5 4. Le6x

в) 1. Kf1 Kpd5 2. Ke3
Kpd6 3. Kpe8 Кре6 4. Le6x,
2... Кре6 3. Jf5 Kpd6 4.
Jf6x

г) 1. Le4 Кре5 2. Кре7
Kpd5 3. Ke2 Кре5 4. Le5x,
1... Kpd5 2. Кре7 Кре5 3.
Kb3 Kpd5 4. Le5x

В четырех близнецах реализованы идеальные эхо-хмельеонные маты (сдвиг по вертикали и горизонтали).

1-й почетный отзыв. Н. РЕЗВОВ (Украина)

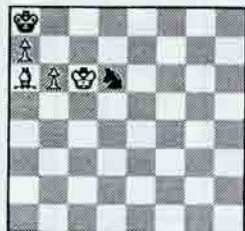
1. Ce2? Kb5 2. Kpb5
Kpb7 3. Cg4 Кра8 4. Cf3x,
1... K — 2. b7 Кра7 3. Кре7,
1... Kc4!

1. Cd3? Kc4 2. Ce4 Rd2
3. Cd5, 1... Ke8! 2. Ce4 Kf6!

1. Ce8! Ke8 2. b7 Кра7
3. bcJ! Кра6 4. La8x

Сильные лонные следы красиво опровергаются. Решает жертва слона с последующими вишней и слабым преобразованием!

1-й почетный отзыв
Н. РЕЗВОВ



#4

2-й почетный отзыв. М. МАРАНДЮК (Украина)

1...Кре7 2. g5 Кре8 3. Крс7 Кре7 4. Кг6 Кре8 5. Кг7x

1. g5! Кре7 2. Кг6 Кре8 3. Ch7 Крf7 4. Крд6 Кре8 5. Ке7 Крf7 6. Сg6x

Блон с переменной правильных матов. Жаль, что иллюзорная игра короче действительной.

3-й почетный отзыв. Ю. СУШНОВ (Санкт-Петербург)

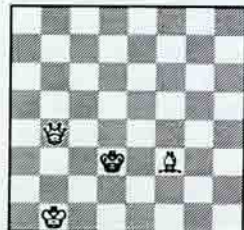
1. Фg2! Крс4 2. Фд5 Крb4 3. Крс6 Кра4 4. Фb5x, 1...Крд3 2. Крд5 Кре3 3. Кре5 Крд3 4. Фе4x

Еще одна миниатюра с великолепным вступлением!

Похвальный отзыв. В. ВИНУКUROV и В. ЖЕЛТОНОЖКО (Россия)

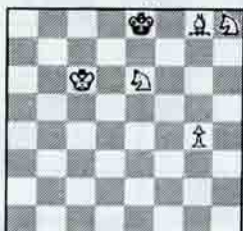
а) 1. Фе5 Крд2 2. Фе1 Крд3 3. Крb2 Крд4 4. Фе3x, 1. Фb3? Крд2 2. Сg4 Крс1 3. Фе3 Крf1 4. Ch3x, 1...Крд4!

В. ВИНУКUROV, В. ЖЕЛТОНОЖКО



б) Сf3-d1-d1 а)-б) Крb1-g6 #4

2-й почетный отзыв
М. МАРАНДЮК



#6

б) 1. Фf4 Крс3 2. Фе4 Крд2 3. Фf3 Крс1 4. Фе2x, 1. Сс2? Крс2 2. Фf4 Крс1 3. Сd3 Крд1 4. Фе1x, 1...Крс3!

в) 1. Крf5 Кре3 2. Фf4 Крд3 3. Кре5 Крс3 4. Фd4x

Перемена игры с правильными матами.

Похвальный отзыв. В. ЮЖАКИН (Магадан)

а) 1. Сg1 Кре5 2. Кb7 Кре6 3. Кd8 Кре5 2. Ch2x

б) 1. Кре5 Кре5 2. Ке4 Кре6 2. Кг5 Кре5 4. f4x

в) 1. Крb5 Крд5 2. Ке4 Кре6 3. Кг5 Крд5 4. Jd7x

г) 1. Jg7 Крf5 2. Ке3 Кре6 3. Кс2 Крf5 4. Кd4x

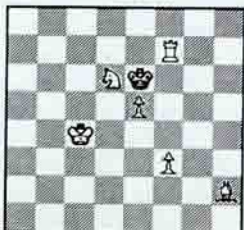
Близнецы с переменной игрой.

Похвальный отзыв. В. МЕЛЬНИЧЕНКО (Украина)

1. Сb8? С — 2. Jd5 Се5 3. Ле5, 1...Сf6 2. Jlg8 Сg7 3. Сf4, но 2... Се5!

1. Jd7 Сg7 2. Сg3 Ch6 3. Jd2

В. ЮЖАКИН



б) Ch2 а) п. с6-f2 г) Кd6-g4 #4

3-й почетный отзыв
Ю. СУШНОВ



#4

Красивые антиритические ходы в ланном следе и решении.

Специальный почетный отзыв. В. АНТИПОВ (г. Боровичи Новгородской обл.)

Крс6, Са6, d8 — Кра8, пп. g2. h2. #9

1. Сb7 Кра7 2. Сb6 Крb8 3. Сс7 Кра7 4. Ch2 g1Ф 5. Сg1 Крb8 6. Са6 Кра8 7. Крb6 Крb8 8. Ch2 Кра8 9. Сb7x

Специальный почетный отзыв. В. МОРОЗОВ (Москва)

Крд5, Са1, d3 — Крb3, пп. a2, a3, a4. #11

1. Крд6 Крb4 2. Крс6 Крb3 3. Крд5 Крb4 4. Сс4 Кра5 5. Крс6 Крb4 6. Са2 Кра5 7. Сс3 8. Сс4 Кра7 9. Крс7 — 10. Сd4

Обе миниатюры с длинной "спановей" игрой.

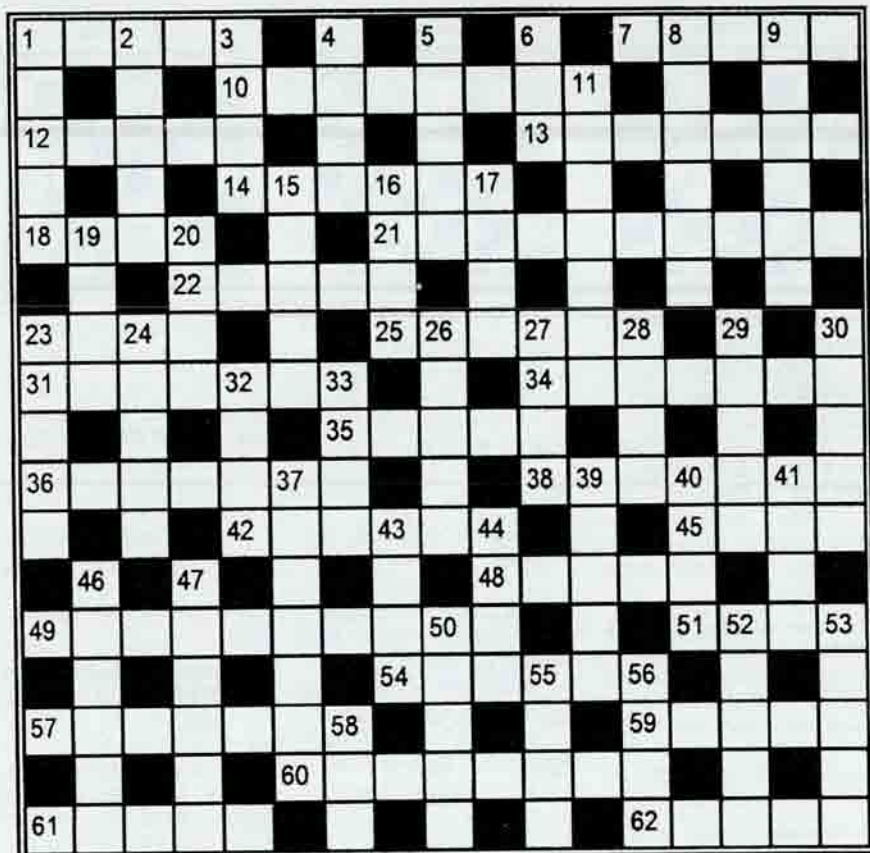
В. ЧЕПИЖНЫЙ,
международный арбитр

похвальные отзывы на равных

В. МЕЛЬНИЧЕНКО



#4



ЭРУДИТ

По горизонтали. 1. Обычная спутница вороны. 7. Каменное оружие с ременной подачей. 10. Анмеист, в чьем сборнике "Дняная порфира" Г. Чулков увидел "державинскую торжественность и бодлеровский пафос". 12. Древняя страна в среднем течении Нила со здоровым тогда климатом. 13. Немеетрический акцент в музыке. 14. Каждая из спутниц Диониса, в экстазе терзавших животных и пивших их кровь. 18. Анекдотическое убежище любовника. 21. Лишение прав в старом французском законодательстве. 22. Картина столь близкая душе, что на нее молятся. 23. Еще не обработанный кусок минерала для коллекции. 25. Крупнейший из фараонов-завоевателей. 31. Старинный оборонительный частокол из бревен с заостренным верхом. 34. Философский подступ к сущности объекта, предмета. 35. Фактор, приближающий смерть и организма, и вещи. 36. Жуткая организация, обхитренная Штирлицем. 38. Болотная бабочка, чьи личинки "минируют" кувшинки. 42. У туристов знает всяк, что такое анорак. 45. Голландский

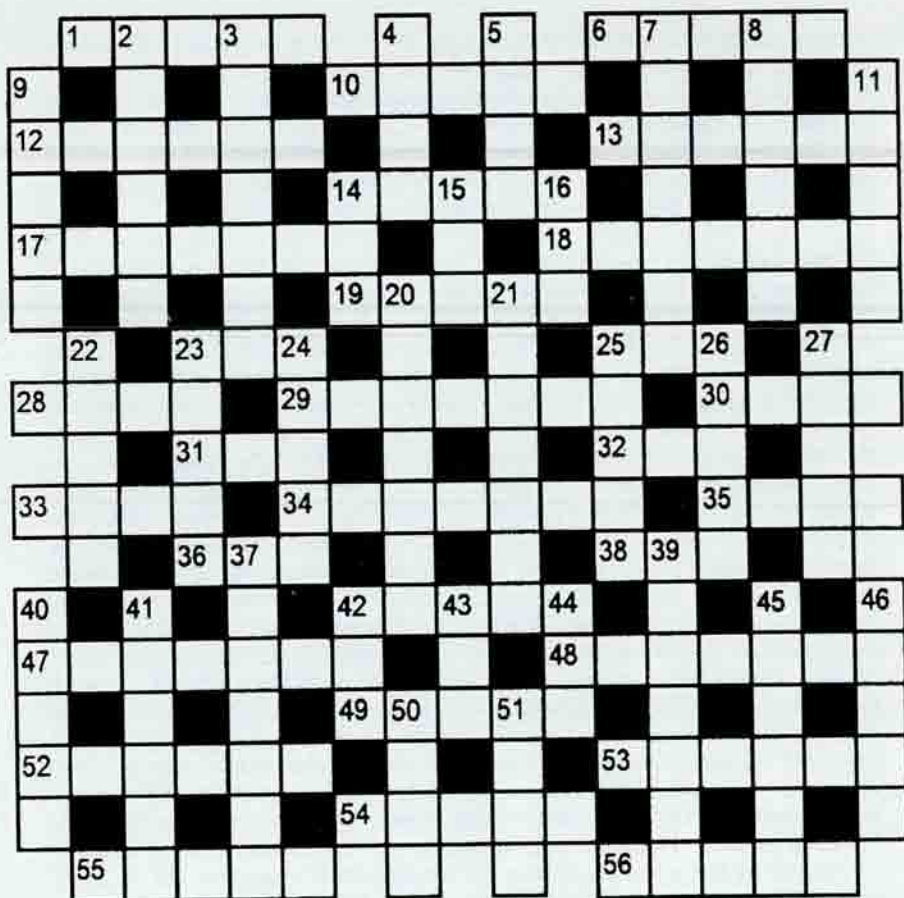
нивописец, работавший "быстрой нистью". 48. Аркан из вестернов. 49. Знаменитый ученый античности, уверявший, что у волка лишь один шейный позвонок. 51. Французский экономист, "рекламировавший" роль золота в международной торговле. 54. Придворный служитель, приносивший напитки к царскому столу. 57. Тан сейчас называют каждого из тех, кого называли чуждью. 59. Реминисценция Э. По на балладу Г. Бюргера. 60. Старинный способ охоты на волков. 61. "Численница". 62. Главный противник протопопа Авакума.

По вертикали. 1. Польский лингвист, доказавший, что литовцы и славяне в древности были единым целым. 2. Денежная единица Перу до введения соля. 3. Старинный крестьянский долгополый кафтан. 4. Русский писатель, близкий к А. Бестужеву и А. Радищеву. 5. Генерал, составивший в 1698 году первый русский "Воинский устав". 6. Герой в сказке Энкюпери, сказавший, что мы в ответе за того, кого приручили. 8. "Нурдюн" туриста. 9. Русский актер, считавший, что "искусство настолько высоко, насколько близко к природе". 11. Русский адмирал, проморгавший пленение Наполеона. 15. Живая юла. 16. Бытовое дополнение к шариату у мусульман. 17. Уральский перелив по сути. 19. Рунная рыба, идущая на ююлу. 20. Кулик, в движениях "подражающий" трясогузке. 23. Основное оружие дуэлей во Франции. 24. Роман, называемый критиками энциклопедией модернизма. 26. Положение Монте-Кристо в замке Иф. 27. О промахе охотница говорят: перья остались, а ... улетело. 28. Животное, сильно возбуждаемое музыкой, что знал уже Страбон. 29. Источник дымка, любимого М. Лермонтовым. 30. Пернатый объект охоты А. Ансанова. 32. Злободневно звучащие слова А. Писемского о молодежи: "Что ж, наконец, составляет для них ... в жизни? Деньги и разврат!" 33. Один из самых "модных" парижан. 37. Свитер без воротника. 39. Сказочные самогуды. 40. Монгольский хоровод по случаю удачной охоты. 41. Французский художник, которого Клеман Маро назвал равным Микеланджело. 43. Берестяная кувышка. 44. Любимец Юрия Башмета. 46. Королева детектива. 47. Первое действие следственной группы на месте преступления. 50. След двойной, а шел один. 52. Суп из гусиной или свиной крови со свекольным рассолом и солеными огурцами. 53. Изобретатель одеколona. 55. В "Белобом" А. Чехова волчица положила ее на снег. 56. И родовой, и мафиозный. 58. Красочный тибетский праздник, на котором ламы выступают в масках.

ОТВЕТЫ НА "ЭРУДИТ", НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали. 3. Юдифь. 9. Соерс. 10. Вудворд. 11. Орленок. 12. "Пантера". 13. Англы. 15. Добро. 16. Ханжество. 19. Ублиетта. 23. Водла. 24. Милляр. 25. Геннон. 26. Цинга. 27. Лепортея. 31. Незабудка. 33. Осмий. 34. Гамбс. 36. Чигорин. 37. ...кадуцей. 38. Браслет. 39. Топаз. 40. Надир.

По вертикали. 1. Токаман. 2. Протеже. 4. Дыра. 5. ...флер... 6. Жун. 7. Звено. 8. Ярило. 10. Воронба. 11. Орест. 13. Архимед. 14. Евдония. 17. Итана. 18. Тайна. 19. Улугбен. 20. Эмаль. 21. Шляпа. 22. Лякросс. 26. Целибат. 28. Радий. 29. Мухомор. 30. Скрипач. 32. Гарри. 33. Обыск. 35. Щуна. 36. Чехи. 37. Нет.



КРОССВОРД

По горизонтали. 1. Время, отмеченное творчеством корифея науки или искусства. 6. Летучий дракон как ящерица. 10. "Потрясающее" состояние здоровья. 12. Кислый овощ, изобилующий витаминами. 13. Предмет, который в стогу не найдешь. 14. Обычное движение в бальных танцах. 17. Возвышение для публичного говоруна. 18. Крупная домашняя птица у древних египтян. 19. Таня маленькая, а люди в ней тонут. 23. Цветок, чьи семена в Сибири сыплют в башманы новобрачных, чтобы они не были бездетными. 25. Шумеро-аккадский бог неба. 28. Лермонтовская героиня, отравленная мороженым. 29. Полный невежа. 30. Награда за подвиг в убранстве американского индейца. 31. Французский певец XIX века, написавший много песен и романсов. 32. Бык, часто упоминаемый в "Слове о полку Игореве". 33. Французский композитор и дирижер, знаток старинной музыки. 34. Красивые брюны гусар и улан. 35. Егоза, непоседа. 36. Остров, "давший" название мотоциклам и сигаретам. 38. Березовый напиток. 42. Золо-

тая мера веса. 47. Выскочка, нагих в России сейчас много. 48. Героиня восьмой книги в "Западно-восточном диване" И. Гете. 49. Колено в соловьином пении. 52. Господин в Италии. 53. Порция сала для украинца. 54. Горы, первыми ставшие спортивными. 55. ...перед предметом (вина плохого учителя) — главная причина плохой учебы. 56. Название двух рек в Белоруссии и на севере России.

По вертикали. 2. Птица, чье изображение в Китае носил чиновник третьего класса. 3. Работа, сделанная кое-как. 4. Объект стихотворения С. Есенина, который "челюстью порога жует пахучий мякиш тишины". 5. Хозяин предприятия, фирмы. 7. Первый космонавт. 8. Цветок, о который любит тереться кошка. 9. Ничтожность или даже бесполезность. 11. Русское судно, чье красивое название происходит от старинного названия корыта. 14. Идеальная круглота. 15. Самая крупная хищная рыба наших рек и озер. 16. Трава, Вопреки названию, вовсе не колючая. 20. "Модный" русский модельер. 21. Самый первый из сохранившихся японских памятников литературы. 22. Плодовое дерево, чьими садами славится Эльзас. 23. Преступность, часто организованная лучше борющихся с ней. 24. Вывернутый из земли пень. 25. Песенное состязание ақынов. 26. Умор. 27. Певец, способный опустошить ягодные кустарники. 37. Градоначальник в Древней Руси. 39. Литературный символ русской лени. 40. Кичливость до неприличия. 41. Плод, наной надо съесть турчанке, чтобы ребенок был умным и красивым. 42. Тепло домашнего очага. 43. Последний правитель династии Ся, олицетворение безнравственности в Китае. 44. Рыба, охотно клюющая на майского жука. 45. Разбойник и предатель в романе Ж. Верна "Дети капитана Гранта". 46. Мебель для беготни семерых. 50. Чужой человек в работе антера. 51. Дерево Лады.

Составил **В. Матвеев, Новгород**

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали. 3. Умна. 6. Клей. 10. Струг. 11. Рюс. 13. Унция. 14. Востриков. 15. Барич. 17. Галоп. 18. Набор. 19. Боливар. 23. Железобетон. 24. Сдвиг. 28. Ирга. 29. Монах. 31. Холоноста. 33. Лот. 35. Трагедия. 36. Дукат. 37. Чили. 40. Пикап. 41. Молотильщик. 44. Обалдуй. 45. Палаш. 48. Театр. 50. Ребро. 51. ...энцефалит. 53. Индра. 54. Нут. 55. Пламя. 56. ...Брут. 57. Амми.

По вертикали. 1. Отказ. 2. Шукин. 4. Многоголосие. 5. Арто. 6. Ксилофон. 7. Еловик. 8. "Антар". 9. Лимон. 12. Юр. 16. Чапек. 17. Гандбол. 20. География. 21. Непал. 22. Бирофилия. 25. Питти. 26. Тоталитаризм. 27. Штрих. 30. Ход. 32. Делабр. 34. Турок. 38. Документ. 39. Дьюар. 42. Пленэр. 43. Зерно. 44. Отара. 46. ...Шелли... 47. Бремя. 49. Цата. 52. Фу.

Знаете ли вы историю?

Из трех вариантов ответов — А, Б и В —
выберите один правильный.

И не принимайте результаты теста близко к сердцу —
вы не на экзамене.

- 1. "За великие на царский дом хулы Аввакума и его товарищей..."**
А ...четвертовать.
Б ...сгноить заново.
В ...сжечь.
- 2. В 1650 году мятежников в Пскове...**
А ...назнили.
Б ...помиловали.
В ...выселили в доепарям.
- 3. По преданию, Лжедмитрий II был тайным...**
А ...католиком.
Б ...протестантом.
В ...иудеем.
- 4. "Сам Разин приезжал в город и угощался досьяна" в...**
А ...Астрехани.
Б ...Царицыне.
В ...Стамбуле.
- 5. Блокада твердыни старой веры — Соловецкого монастыря — продолжалась...**
А ...пятьсот дней.
Б ...восемь лет.
В ...пятьдесят три года.
- 6. В XVI-XVII веках хорошим священником считался тот, кто...**
А ...был любезен прихожанам.
Б ...умел найти в Писании нужную главу.
В ...быстрее всех читал молитвы.
- 7. Патриарха Тихона обозвал "мужиком и невежей"...**
А ...воевода Толстой.
Б ...царь Алексей Михайлович.
В ...боярин Нальчев.
- 8. Петр I организовал так называемые кумпанства для...**
А ...заморской торговли.
Б ...строительства военного корабля.
В ...совместной обработки земли.
- 9. "Служба кабану" XVII века — это...**
А ...указ о питейных домах.
Б ...введение государственной монополии на водку.
В ...пародия на церковную службу.
- 10. Слова "Нет, ты не будешь забвенно, столетье безумно и мудро" о XVIII веке принадлежат...**
А ...Державину.
Б ...Баркову.
В ...Радищеву.
- 11. Войсками Ивана Болотникова в 1607 году руководил...**
А ...сам Болотников.
Б ...пленцаревич Петр-Ильика.
В ...князь Телятьевский.

Ответы на тест: 1 — В, 2 — Б, 3 — В,
4 — Б, 5 — Б, 6 — В, 7 — Б, 8 — Б,
9 — В, 10 — В, 11 — В.

Подготовила **Елена ЕВДОКИМОВА.**

ИНДЕНСЫ ЖУРНАЛА:

- 70820** — для индивидуальных подписчиков. Полугодовая подписка — **93 рубля** (по каталогу "Роспечати") без стоимости доставки.
- 72516** — подписка для всех библиотек и ветеранов войны и труда. Полугодовая подписка — **87 рублей** (без стоимости доставки).
- 88998** — адресная подписка с доставкой на дом (зеленый каталог) на полгода — **120 рублей**.

Подписка принимается без ограничений всеми отделениями связи России и стран СНГ с любого месяца.

Ф. СП-1

Министерство связи РФ

АБОНЕМЕНТ на _____ журнал

(индекс издания)

«СМЕНА»

Количество комплектов

на 1999 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому _____

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ _____ место _____ литер _____ на _____ журнал

(индекс издания)

«СМЕНА»

Стоимость	подписки	руб.	Количество комплектов
	пере-адресовки	руб.	

на 1999 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому _____

(фамилия, инициалы)

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонемента должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонемента проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемента выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах «Роспечати».

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ — МЕСТО» производится работниками предприятий связи и «Роспечати».

Илья Даньшин



Ландшафт в сентябре.



Когда-то Илья увлекся мозаикой, настенной росписью, пробовал себя даже в дизайне. Но в последние годы главное увлечение московского художника — пейзаж. Илья стремится показать не замечаемую нами красоту повседневного, будничного. Он пишет то, что ему близко и дорого. А это — наша родная, неброская, а порой и суровая природа. Художник ищет гармонию мира человека и мира природы, подчеркивая при этом ее хрупкость.

Илья родился и вырос в Москве. Вначале занимался в детской изостудии при Музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, затем в сокольническом Доме творчества в мастерской В.И. Козлова. Еще во время учебы Илья начал писать в разной технике — маслом, пастелью. Тогда же увлекся живописью Норо, с ее тонкими градациями цвета и света, валерами. Но это не значит, что в своих работах он копировал или подражал великому французу. Просто искал свое лицо, индивидуальность, свой почерк. Выставляться Илья начал еще студентом. Теперь же на его счету участие в более чем тридцати выставках, российских и зарубежных. Его реалистические пейзажи не могли не понравиться, его быстро заметили, стали приглашать к сотрудничеству с галереями "Угерби" в Дании, "Ла Отт" и "Мадам Фер" в Швейцарии, "Марблэнд" в Америке. Илья сотрудничает и с московскими галереями — "Крымский вал", "Новый ковчег", "Асти". Недавно стал членом Международной федерации художников при ЮНЕСКО.

Пейзажи Ильи Данышина необычайно разнообразны. Одни, написанные маслом, экспрессивны, энергичны... Их краски ярки, сочны, звучны. Особенно это относится к деревенским видам. И совсем другое настроение в пастельных работах. Пейзаж окутывается некой романтичностью; природа словно бы растворяется в невесомой дымке рассвета, или слабо гаснет в последних лучах заходящего солнца, или прячется за прозрачной вуалью дождя... Все настолько проникнуто элегическим настроением, легкой меланхолией, что образы природы приобретают в картинах Ильи значение мистических символов.

"Я не эпатажный художник, — говорит Илья. — Просто очень любопытен. Все мои живописные циклы связаны с разными моими эмоциями. Задача, которую я ставлю перед собой, — сделать свой мир гармоничным, а для этого нужно познать природу. Я не боюсь метаморфоз, но самая большая удача для художника — оставаться самим собой". ■

Людмила КАНДАЛОВА



Бася.



Весенний натюрморт.

ФЛЕГРЕАН ТУРИСТ СЕРВИС



*Отдых в Греции,
Италии (остров Искья),
на Кипре*

Москва, Б. Саввинский пер., 8а
Тел.: (095) 246-71-26, 246-71-32, 246-89-80